СЛЕПОЕ ОЗЕРО

Роберт Чарльз Уилсон

«Сильная, захватывающая, незабываемая история».

Kirkus

fanzon.neo
ФАНТАСТИКА

Слепое Озеро
Роберт Чарльз Уилсон

Аннотация
Роберт Чарльз Уилсон. Слепое Озеро
Часть первая. Новая Астрономия
  Один
Часть вторая. Зеркала из жидкой ртути
  Десять
Часть третья. Восхождение невидимки
  Семнадцать
Часть четвертая. Осознаваемость
  Тридцать восемь

Аннотация

В середине XXI века с помощью сверхмощных квантовых компьютеров группа ученых в закрытой обсерватории исследует экзопланеты. Здесь, на переднем крае науки, переписываются устаревшие учебники, заново определяется место человека во Вселенной.

А в десятках световых лет от Земли, на далекой планете живет некто, кого некорректно назвать человеком. Впереди – важнейшие открытия, эра Новой Астрономии, зарождение сверхразума. Чем закончится первое в истории наблюдение за таинственной одиссеей Субъекта?

Роберт Чарльз Уилсон
Слепое Озеро

Robert Charles Wilson
BLIND LAKE
Copyright © 2003 by Robert Charles Wilson

Часть первая
Новая Астрономия

Один

Телескопы небывалой мощности показали ей на зеркалах из жидкой ртути неведомые космические глубины. Умершие планеты Сириуса, не до конца сформировавшиеся планеты Арктура, изобильные, но лишенные жизни планеты, что обращались вокруг гигантских Антареса и Бетельгейзе, – она изучила их все, но ничего не нашла.

Полтон Кросс. На крыльях через космос. 1937

«Все может кончиться в любую минуту».

Крис Кармоди повернулся на другой бок и обнаружил в незнакомой постели теплый участок: вмятину среди простыней, где еще недавно кто-то был. *Кто-то* — имя пока что от него ускользало, скрывалось за дымкой сновидений. Однако сейчас он наслаждался теплом недавнего присутствия и уже тосковал о той, кто оставила здесь это тепло. Перед мысленным взором появилось лицо — милая улыбка, чуть косящий взгляд. Куда она пропала?

«Все может кончиться в любую минуту». Что это, отзвук отлетевшего сновидения? Да нет же. Он сам записал эти слова в блокнот три недели назад, а произнес их аспирант, с которым он познакомился в столовой Кроссбэнка, за полконтинента отсюда. «Мы тут в некотором роде чудеса творим, однако приходится поторапливаться, ведь все может кончиться в любую минуту…»

Без особой охоты Крис наконец открыл глаза. В противоположном углу маленькой спальни натягивала колготки женщина, с которой он провел ночь. Поймав его взгляд, она робко улыбнулась:

— Детка, только не подумай, что я тебя выгоняю, но ты сам что-то там говорил — мол, нельзя опаздывать?

Вспомнил, ее зовут Лэйси; о фамилии речь как-то не зашла. Официантка в местной сетевой закусочной. Длинные рыжие волосы по нынешней моде, лет на десять младше. Читала его книгу. Во всяком случае, утверждает. Ну, по меньшей мере о ней слышала. Один глаз лишен подвижности, и оттого постоянно казалось, что ее мысли витают где-то далеко. Пока Крис пытался проморгаться, она продела веснушчатые руки в платье без рукавов.

Хозяйкой Лэйси была так себе. На залитом

солнцем подоконнике Крис разглядел целую россыпь дохлых мух. На столике рядом с кроватью — небольшое зеркальце, на котором она вчера выравнивала дорожки кокаина. На полу рядом — банкнота в пятьдесят долларов, свернутая так туго, что напоминала нераспустившийся пальмовый лист или необычного вида насекомого-палочника. С одного края банкноту пятнала засохшая кровь.

В Констансе, штат Миннесота, осень только начиналась. Полупрозрачные шторы шевелил мягкий ветерок. Крис наслаждался чувством, что находится сейчас в месте, где никогда раньше не был и куда вряд ли когда-нибудь вернется.

— Так ты правда едешь сегодня в Озеро?

Он взял с тумбочки часы — они лежали там поверх целой стопки журналов. До отъезда оставался час.

— Правда еду.

Интересно, что еще я ей вчера успел рассказать?

— Завтракать будешь?

— Боюсь, не успею.

Показалось — или она вздохнула с облегчением?

— Ну, как хочешь. Все равно классно, что я с

тобой познакомилась! Я знаю кучу народа с Озера, но это всякие там лаборанты да официанты. А таких, кто занят серьезными делами, раньше никогда не встречала.

— Я не занят ничем серьезным, просто журналист.

— Вот только прибедняться не надо, ты классный!

— Мне тоже было с тобой хорошо.

— Ты моя лапочка!.. В душ пойдешь? Я там все уже закончила.

Напор воды был слабенький, а в мыльнице обнаружился дохлый таракан, однако Крис наконец сумел привести себя в порядок. Так сказать, собрать воедино остатки профессиональной гордости. Позаимствовав розовую одноразовую бритву для ног, он соскреб щетину с бледной физиономии в зеркале напротив и, уже одетый, пошел к выходу. Лэйси усаживалась завтракать — яичница и стакан сока — в небольшой кухоньке. Работала она по вечерам, так что в первой половине дня могла отдохнуть. Видеопанель на кухонном столе показывала бесконечную мыльную оперу, однако звук был приглушен.

Лэйси вскочила, чтобы его обнять. Она была ниже на целую голову. Мягкие объятья как бы

подтверждали — они друг другу никто, просто вчера вечером вдруг почувствовали притяжение; так почему нет?

— Расскажешь, как оно там, когда снова окажешься в наших краях, ладно?

Конечно, он пообещал рассказать. Хотя снова в эти края не собирался.

Забрав вещи в «Марриотте» — «Восточное обозрение» заботливо сняло ему там номер, вот только он не понадобился, — Крис спустился в вестибюль, где его уже поджидали Элейн Костер и Себастьян Фогель.

— Опять опоздал, — сообщила ему Элейн.

— Совсем чуть-чуть.

— Можно подумать, одно-единственное проявление пунктуальности тебя убьет.

— Пунктуальность — вор времени, Элейн.

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Оскар Уайльд.

— Ты, похоже, решил кончить так же, как и он?

Элейн было сорок девять. Безукоризненный костюм в стиле сафари, к нагрудному карману прицеплен цифровой видеорегистратор, микрофон ноутбука свисает с левой дужки украшенных стразами темных очков, словно непокорный ло-

кон. Вид у нее был крайне недовольный. Элейн, лет на двадцать старше Криса, была признанным корифеем научной журналистики, а вот на него самого в этой области в последнее время смотрели довольно косо. Крису нравились великолепные работы Элейн, так что он закрывал глаза на ее тон — так учительница начальных классов отчитывает ученика, подложившего кнопку ей на стул.

Себастьян Фогель, третий член отряженной «Восточным обозрением» экспедиции, скромно стоял в сторонке. Журналистом он по большому счету не был — просто отставной профессор теологии в Уэслианском университете, которому довелось написать одну из тех книг, что время от времени необъяснимым образом становятся бестселлерами. Книга называлась «Господь & квантовый вакуум»; Крис подозревал, что именно модный значок амперсанда на месте «и» в первую очередь и отвечал за ее успех. Журнал решил, что в дополнение к твердому научному подходу Элейн и, условно говоря, «человеческому фактору» Криса было бы неплохо взглянуть на Новую Астрономию с высокодуховной стороны. К сожалению, Себастьян, гений он там или нет, отличался безнадежно тихим голосом. Рот его

скрывала борода, и в этом, решил Крис, имеется определенный символизм: те немногие слова, что все-таки находили дорогу наружу сквозь густую поросль, было трудно расслышать и еще трудней понять.

— Автобус, — продолжала Элейн, — уже десять минут как ждет!

Она имела в виду микроавтобус из Слепого Озера, за рулем которого сидел со скучающим выражением на лице молодой функционер министерства энергетики. Крис кивнул, забросил вещи в багажник и занял свое место позади Элейн и Себастьяна.

Был всего час дня, но он почувствовал, как волной накатывает утомление. Глаза устали от солнца: оно тут в сентябре слишком яркое. Или дело во вчерашних излишествах. (Платить за кокаин пришлось ему, однако идея принадлежала Лэйси. Он втянул пару дорожек просто за компанию, но в результате прокуролесил чуть ли не до рассвета.) Ненадолго опустив веки, засыпать себе Крис не разрешил — хотелось все-таки взглянуть на Констанс при свете дня. Вчера они прилетели довольно поздно, и повидал он лишь закусочную, потом небольшой бар, где местная группа исполняла популярные хиты на заказ, да

еще квартирку Лэйси.

Надо признать, городок лез вон из кожи, чтобы понравиться туристам. Слепое Озеро стало знаменитым, однако случайным визитерам вход туда был заказан. Любопытные довольствовались Констансом. Некогда это был скромный поселок, элеватор да железнодорожная станция, теперь же он стал базой для гражданского персонала, выезжающего в Слепое Озеро на дневную смену, а новый «Марриотт» и совсем уже с иголочки «Хилтон» время от времени принимали международные конференции или брифинги для прессы.

Соответственно, главную улицу городка оформили в тематике Слепого Озера, проявив при этом больше усердия, чем вкуса и такта. Обрамляющие ее двухэтажные здания были, вероятно, построены еще в середине прошлого века, желтый кирпич, скорее всего, тоже был из местной речной глины, так что все могло бы смотреться неплохо — если бы не безудержная коммерциализация. Взгляд неизбежно натыкался на вездесущих лангустов. Плюшевые лангусты, голографические лангусты в витринах магазинов, плакаты с лангустами, лангусты на салфетках, керамические фигурки садовых лангустов…

Элейн проследила его взгляд и все поняла пра-

вильно.

— Это ты еще в «Марриотте» вчера не ужинал. Трюфельный, вашу мать, суп с лангустами!..

— Просто люди пытаются подзаработать, — пожал плечами Крис. — У всех семьи, их надо кормить.

— Заработать на чужом невежестве, ага. Только я вообще не могу взять в толк всю эту чушь насчет лангустов. Они даже близко на лангустов не похожи. У них нет никакого панциря… господи, да пусть бы они хотя бы в океане плавали!

— Как-то же их нужно называть.

— Называть как-то нужно, но это еще не повод, чтобы лепить дурацкие картинки на каждый галстук!

Происходящее в Слепом Озере действительно было вульгаризовано до предела, спорить не приходилось. Однако Крис подозревал, что беспокоится Элейн совсем о другом. О том, что у какой-нибудь соседней звезды им за все это сейчас воздается. Что там под лучами чужого солнца в витринах колышутся пластмассовые шаржи на людей. Что, быть может, ее собственное лицо смотрит сейчас с сувенирной кружки, из которой потягивает неведомую жидкость невообразимое существо.

Пыльный голубой электроавтобус был приписан непосредственно к Слепому Озеру. Водитель на вопросы отвечал скупо, тем не менее к разговорам в салоне прислушивался: пиарщики Слепого Озера не отказались бы исподтишка выведать что-нибудь об их настроениях. Так что беседа не слишком клеилась. В молчании выехали из городка по шоссе, затем свернули на двухполосную дорогу. Сейчас они уже были в закрытой зоне, пусть об этом и не свидетельствовало ничего, кроме знаков «Только для спецтранспорта» и «Собственность министерства энергетики США». Любое неизвестное транспортное средство остановили бы на первом же (замаскированном) блокпосту через полкилометра. За дорогой постоянно наблюдали люди и приборы. Крис вспомнил слова Лэйси: в Озере каждый кролик носит с собой пропуск. Он отвернулся к окну и стал разглядывать проносящийся мимо ландшафт. Стоящая под паром пашня постепенно уступила место пастбищам, а потом — настоящим лугам, усыпанным цветами. Местность была засушливая, но отнюдь не пустыня. Прошлой ночью над городком бушевала гроза — Крис укрылся от нее в квартирке у Лэйси. Гроза отмыла улицы от грязи, забила канавы мокрыми газетами и палой

листвой, а также расцветила прерию поздними осенними красками.

Пару лет назад молнией зажгло кустарник, и степной пожар подступил довольно близко к Слепому Озеру. Тушить его прибыли пожарные из Монтаны, Айдахо, даже из Альберты. В новостях все выглядело очень фотогенично и подчеркивало хрупкость едва оперившейся Новой Астрономии, хотя по большому счету обсерватории мало что угрожало. Ну вот, ворчали тогда ученые в Кроссбэнке, опять все заголовки достались Слепому Озеру. Которое по существу было младшим, но более гламурным родственником Кроссбэнка. От того пожара не осталось и следа — его скрыли прошедшие с тех пор две зимы и два лета. Трава, заросли крапивы, голубые цветочки, названия которых Крис не знал… Завидная способность природы все забывать.

Начали с Кроссбэнка — предполагалось, что там будет проще.

Обсерватория Кроссбэнка была нацелена на биологически активную планету, обращающуюся вокруг звезды HR8832 — вторую от звезды по счету (если не принимать во внимание кольцо мелких планетоидов примерно в половине астрономической единицы от светила). Каменистая

планета с железным ядром имела массу примерно в полторы земной и атмосферу, богатую кислородом и азотом. Оба полюса представляли собой сплошные шапки из водяного льда, а иногда температура там падала так низко, что замерзал и CO_2, однако вдоль экватора тянулись мелкие теплые моря над континентальным шельфом, и они изобиловали жизнью.

Вот только ничего особо увлекательного в этой жизни не наблюдалось. Организмы были многоклеточными, но жили исключительно за счет фотосинтеза — эволюция на HR8832/B не удосужилась изобрести митохондрии, необходимые животному царству. Это не означало, что там нет зрелищных пейзажей: речь шла в первую очередь о подобных земным строматолитам колониях бактерий, вздымавшихся иной раз от расстелившихся на морской глади зеленых матов на высоту трехэтажного дома, или о так называемых коралловых звездах, симметричных пятилучевых организмах, плавающих в полупогруженном состоянии, заякорившись за дно.

Новый мир был изумительно прекрасен и в те времена, когда Кроссбэнк был единственной обсерваторией подобного рода, пользовался заслуженным вниманием публики. В среднем

каждые 47 земных часов над экваториальным морем разгорался поразительной красоты закат, нередко — среди слоисто-кучевых облаков, что поднимались значительно выше своих земных собратьев, больше напоминая картинки из викторианской рекламы велосипедов. Записи видов с экватора, сжатые до двадцатичетырехчасового цикла для использования в искусственных окнах, держались в моде не один год.

Прекрасный мир, подаривший людям огромное количество знаний по планетарной и биологической эволюции. Оттуда продолжали поступать драгоценные данные. Но мир этот был статичным. На второй планете HR8832 мало что двигалось. Только ветер, океан и дождь.

Кончилось тем, что к нему прилипло название «планеты, где ничего не происходит». Фраза принадлежала колумнисту «Чикаго трибьюн», который считал Новую Астрономию очередной статьей федеральных расходов из тех, что производят на свет эффектные, но никому не нужные знания. Так что у Кроссбэнка были причины остерегаться журналистов. «Восточное обозрение» ухлопало уйму времени на то, чтобы организовать для Криса, Элейн и Себастьяна недельную экскурсию. При этом сотрудничества им никто

не гарантировал, и, вероятно, только безупречная репутация Элейн как серьезного научного журналиста помогла наконец растопить сердца тамошних пиарщиков. (Или же дело было в репутации Криса, из-за которой они поначалу замкнулись.)

В конечном итоге визит в Кроссбэнк прошел успешно. Как Элейн, так и Себастьян объявили, что им удалось с пользой поработать.

У Криса все оказалось не так гладко. Глава департамента наблюдения и интерпретации вообще отказался с ним разговаривать. Лучшую за все время фразу он записал в беседе с аспирантом в столовой: «Все может кончиться в любую минуту». Но и тот вдруг потом наклонился поближе, чтобы рассмотреть имя у него на бейджике, и недоверчиво спросил: «Так это была ваша книга?»

Крис сознался, что да, книга его.

Парнишка понимающе кивнул, встал и, не говоря больше ни слова, отнес поднос с недоеденным обедом к мусорному баку.

За следующие десять минут у них над головой прошли два наблюдательных дрона, и электронный пропуск на передней панели автобуса каждый раз принимался исступленно мигать.

Можно только догадываться, сколько они успели миновать блокпостов до того момента, когда автобус остановился перед забором из колючей проволоки, уходившим, извиваясь змеей, в прерию. Из железобетонного КПП навстречу вышел охранник в униформе и жестом приказал остановиться.

Он изучил документы водителя, затем Элейн, Себастьяна, потом Криса, что-то коротко произнес в микрофон, выдал трем журналистам именные бейджики. Наконец махнул рукой, предлагая следовать дальше.

И они попали на территорию объекта. Вот так, просто — если, конечно, забыть про целый месяц переговоров между журналом и министерством энергетики.

Вокруг была все та же колыхающаяся под ветром трава, они всего лишь миновали забор из цепей и колючей проволоки. Но пересечение границы не было пустой формальностью — для Криса, во всяком случае, в этом был истинно церемониальный смысл. Он попал в Слепое Озеро.

По сути дела, на другую планету.

Когда автобус вновь стал набирать скорость, Крис оглянулся и увидел захлопывающиеся ворота у них за спиной. Как он вспоминал гораздо

позднее, ему уже в тот момент показалось, что это навсегда.

Два

Сегодня Тесса Хаузер узнала, что в Слепом Озере и правда есть озеро. Эта мысль не оставляла Тесс, пока она шла домой из школы, следуя за собственной длинной тенью по ярко-белому тротуару.

Слепое озеро — с маленькой буквы, потому что озеро, а не город, — представляло собой грязноватый водоем в низине между двух холмов. Оно все заросло камышом, там водились лягушки и кусачие черепахи, цапли и казарки, а еще там было много зеленой стоячей воды. Так рассказал им в классе мистер Флейшер: хоть оно и зовется озером, на самом деле это болото, вода, давным-давно оставшаяся во впадине в каменистой почве.

Так что Слепое озеро, которое озеро, а не город, озером-то и не было. Тесс подумала, что это по-честному, потому что Слепое Озеро, которое город, тоже было не совсем городом, а обсерваторией, построенной здесь министерством энергетики, словно декорация к фильму. Поэтому домов, магазинов и офисов тут было очень мало, и все они были совсем новые, а прямо за ними

начиналась огромная пустошь.

Тесс шла домой одна. Ей было одиннадцать лет, и она еще ни с кем не успела подружиться в школе, пусть даже Эди Герундт (которую другие дети дразнили Эди-Ерунда) иногда с ней и разговаривала. Но Эди было домой в другую сторону, туда, где магазины и административные здания, а для Тесс ориентиром служили высокие башни Ока далеко на западе. Когда Тесс жила с папой — каждую четвертую неделю, — ей было нужно в один из пастельных домиков, выстроившихся в ряд, словно шеренга солдат. Мама жила еще дальше к западу, но домик у нее почти совсем такой же.

Сегодня Тесс задержалась в школе на двадцать минут — помогала мистеру Флейшеру вытереть доски. Лысый и седобородый мистер Флейшер успел задать ей кучу вопросов: что она будет делать, когда придет домой, слушается ли она родителей, как ей в новой школе. Тесс отвечала вежливо, но без особого энтузиазма, так что в конце концов мистер Флейшер нахмурился и замолчал. И хорошо.

Как ей в новой школе? Да откуда она знает, школа-то только началась. Еще даже не очень холодно, хотя ветерок, который подметал тротуар

и дергал за юбку, был уже вполне осенний. До Хеллоуина, думала Тесс, никогда не поймешь, хорошо тебе в школе или нет, а Хеллоуин только через месяц. Зато потом ты уже точно знаешь, что к чему и как оно будет дальше.

Она пока даже не поняла, нравится ли ей в Слепом Озере, в городе, который не город, у озера, которое не озеро. Пожалуй, в Кроссбэнке было лучше. Больше деревьев. Ярче осенние краски. А зимой холмы укрывал снег. Мама сказала, что здесь тоже будет снег, причем более чем достаточно. Может, на этот раз у нее будут друзья, чтобы кататься с ними на санках. Правда, холмы тут на вид какие-то низкие, с них особо не покатаешься. И деревьев мало, в основном саженцы рядом с научными зданиями и у площади, где магазины. Будто их кто-то наколдовал, подумала Тесс, только желание не очень-то сбылось. Деревья были и на лужайках у домиков, мимо которых она шла; их посадили так недавно, что они не успели толком пустить корни, их пока подвязали к палкам, чтобы хоть как-то держались.

Дойдя до папиного домика, Тесс обнаружила, что машины перед ним нет. Папа еще не вернулся. Такое хоть и редко, но случалось. Тесс открыла дверь собственным ключом. Внутри было чи-

сто, словно в больнице, пахло новой мебелью — приятно, но как-то незнакомо. Она прошла в узенькую, сверкающую чистотой кухню и налила себе стакан апельсинового сока из холодильника. Немного сока при этом расплескалось. Сразу вспомнив про папу, Тесс быстро оторвала бумажное полотенце и как следует протерла кафельную стойку. Потом скомкала улику и отправила в мусорный бак под раковиной.

Она отнесла стакан и чистую салфетку в гостиную, улеглась на диван и пробормотала «Мультики!» в сторону видеопанели. Однако по всем мультипликационным каналам обнаружился лишь статический шум. Умный дом записал вчера для нее несколько программ, но все они оказались скучными, «Король-коала» да «Невероятные Бакстеры», на такие у нее сейчас не было настроения. Наверное, что-то со спутником, решила Тесс, поскольку смотреть оказалось совершенно нечего… ну, если не считать видеопотока по внутренней сети. В Лангуста-Сити сейчас была ночь, Субъект под ярким электрическим светом не двигался и, вероятнее всего, просто спал.

Где-то внутри школьной сумки, которую она бросила под ноги, зазвонил телефон, и Тесс вско-

чила. Последний глоток апельсинового сока пошел при этом не в то горло.

— Алло!

— Тесс, это ты?

Папа.

Она кивнула, потом сообразила, что этого недостаточно.

— Да.

— У тебя все в порядке?

Тесс заверила его, что с ней все хорошо. Папе всегда нужно убедиться, что она в порядке. Иногда он задавал этот вопрос по нескольку раз в день. Тесс слышался за этим совсем другой вопрос: «Что с тобой такое? Опять что-то не так?» Но на этот вопрос у нее ответа не было.

— Я задерживаюсь на работе и не смогу отвезти тебя к маме. Позвони ей и скажи, чтобы она тебя забрала.

Как раз сегодня она должна была переезжать от папы к маме. У Тесс была своя комната в обоих домиках. В папином — маленькая и аккуратная. В мамином — побольше и побезалабернее. Нужно собрать учебники и все остальное.

— Сам ей позвони.

— Давай лучше ты, солнышко.

Она опять кивнула.

— Ладно.
— Я люблю тебя.
— И я.
— Выше нос!
— Зачем?
— Я буду каждый день звонить, Тесс, обещаю.
— Угу.
— Не забудь позвонить маме.
— Я помню.

Тесс попрощалась, как полагается, потому что пустая видеопанель ее не отвлекала, и прошептала в телефон: «Мама!» В телефоне какое-то время шуршало, словно там ползали насекомые, потом мама взяла трубку.

— Папа сказал, что тебе нужно за мной заехать.

— Вот как? Постой… ты все еще у него?

Тесс любила звук маминого голоса. Папин был похож на отдаленные раскаты грома, а мамин — на летний дождик, и он звучал ласково, даже если мама была чему-то не рада.

— Он задерживается, — объяснила Тесс.

— По соглашению это его обязанность тебя отвезти. Вообще-то я тоже еще не закончила работу.

— Ладно, я пешком дойду, — согласилась Тесс,

не пытаясь скрыть разочарования. До маминого домика целых полчаса, да еще придется идти мимо кафе, где кучкуются старшеклассники. А они взяли моду обзывать ее «припадочной», потому что она отдергивала голову, чтобы не встречаться с ними взглядом.

— Нет, — возразила мама, — слишком поздно… Давай-ка пока собирай вещи, а я подъеду — ну, минут через двадцать или вроде того. Годится?

— Годится.

— Может, тогда купим по дороге готовой еды?

— Ой, здорово!

Сунув телефон обратно в сумку, Тесс все собрала — в первую очередь, конечно, учебники и тетрадки, а также любимые кофточки, плюшевую мартышку, внешнюю библиотеку и лампу для чтения. Много времени не понадобилось. Больше заняться было нечем, поэтому она отнесла вещи в прихожую и вышла во двор — смотреть на закат.

Что у папы в домике было замечательно, так это вид со двора. Казалось бы, ни гор, ни долин и вообще ничего такого выдающегося, но со двора открывался вид на огромную травянистую равнину, постепенно уходящую вниз, туда, где дорога на Констанс. Небеса отсюда выглядели огромными и совершенно безграничными, если

не считать окружающей Слепое Озеро ограды. В высокой траве, которая начиналась сразу же за выстриженным газоном, жили птицы, и порой они взмывали в бескрайнее чистое небо целыми стаями. Тесс не знала, что это за птицы, поэтому никак их не называла. Просто множество птиц, маленьких и коричневых — когда они складывали крылья, то могли лететь быстрее стрелы.

Единственными следами человеческого присутствия, которые Тесс видела с папиного двора (если, конечно, не оборачиваться к выстроившимся в ряд домикам), были ограда, извивающаяся между холмами дорога на Констанс и КПП у ворот. Сейчас она смотрела на выезжающий из Слепого Озера автобус — один из тех, в которых сменные работники, нужные здесь лишь днем, возвращаются в свои дома. В сгущающихся сумерках окна автобуса приветливо светились желтым.

Тесс молча рассматривала автобус. Будь папа дома, он бы уже велел ей идти внутрь. Тесс знала, что иногда смотрит на разные вещи слишком долго. На холмы, или на облака, или — когда она в школе — на футбольное поле за идеально чистым оконным стеклом, где тени на траве от белых ворот отсчитывают один час за другим. И так до тех

пор, пока от нее не потребуют внимания. «Тесса, проснись! Не отвлекайся!» Можно подумать, что она спит. Или что отвлекается.

В такие моменты, когда ветер шевелит траву и обнимает Тесс огромными прохладными ладонями, ей казалось, что мир вокруг такой же, как и она сама, еще одно живое существо, что у ветра и у травы есть голоса и она способна услышать их разговоры.

Автобус с желтыми окнами остановился у КПП. За ним подъехал еще один. Сейчас охранник их пропустит. Сменных работников в Слепом Озере было чуть ли не тысяча человек — клерки, обслуживающий персонал, продавцы в магазинах, — и охранник каждый день выпускал наружу автобус за автобусом.

Только сегодня остановившиеся у ворот автобусы почему-то дальше не ехали.

«Тесс!» — окликнул ее ветер. И она сразу вспомнила про Зеркальную Девочку и про все то, что из-за нее случилось в Кроссбэнке…

— Тесс!

Она подскочила на месте от неожиданности. Голос был настоящий. Мамин.

— Прости, я тебя напугала…

— Ничего-ничего!

Тесс повернулась и с радостью увидела, что это и в самом деле мама — идет к ней по широкому, аккуратно подстриженному газону. Мама у Тесс высокая, длинные каштановые волосы спадают на лицо чуть наискосок, ветер игриво треплет юбку. В лучах заходящего солнца все выглядит чуть красноватым: небо, домики, мамино лицо.

— Ты собралась?

— Вещи в прихожей.

Мамин взгляд тоже скользнул в сторону дороги. Подошел еще один автобус, теперь все три неподвижно стояли у КПП.

— Ворота сломались? — спросила Тесс у мамы.

— Не знаю. Вряд ли что-то серьезное. — Однако мама нахмурилась и не сразу отвела глаза от дороги. Потом взяла Тесс за руку. — Ну что, домой?

Тесс кивнула: ей вдруг очень-очень захотелось оказаться в тепле маминого домика, где пахнет свежей стиркой и едой из кафетерия. Где гораздо уютнее, чем на открытом пространстве.

Три

Комплекс зданий Национальной обсерватории «Слепое Озеро»: жилые домики, научные и административные здания, склады и торговые точки — возвели на склоне ледниковой морены,

таком древнем, что перепад высот был практически незаметен. С воздуха комплекс ничем не отличался от недавно застроенного пригорода, необычным была лишь его уединенность: сюда вела одна-единственная дорога в две полосы. В самом центре, по соседству с наполовину крытой улочкой, где были магазины — ее называли пассажем, — расположилось кольцо из десятиэтажных бетонных зданий с зеленой лужайкой в центре, «Хаббл-Плаза». Здесь занимались интерпретацией результатов наблюдений. За узкими, похожими на бойницы окнами «Плазы» находился мозговой центр всего комплекса. А сердце его билось в миле к востоку от городка, в подземном сооружении, над которым в морозный осенний воздух вздымались две огромные охладительные градирни.

Официально это место именовалось Вычислительным Центром «Слепое Озеро», однако все называли его Глазной Впадиной, а совсем уже запросто — Оком.

Чарли Гроган занимал пост главного инженера Ока с того самого момента, как его ввели в строй пять лет назад. Сегодня он опять задержался на работе — если это слово вообще применимо к тому, у кого вошло в привычку болтаться в здании,

когда дневная смена давно уже отправилась по домам. Разумеется, на ее место заступала ночная смена, у которой был собственный старший инженер (Энн Костиган, способности которой он давно научился уважать). Однако в этом и заключалось удовольствие от вечерних бдений — постоянный контроль за происходящим от него в это время не требовался. Можно поработать с документами, не опасаясь, что тебя вот-вот оторвут. Хотя существовал и вариант получше: спуститься в аппаратные или в галерею к БЭК-кольцам и там в неофициальной обстановке потрепаться с лаборантами. Чарли любил проводить время рядом со своей техникой.

Сегодня он закончил наконец заполнять закупочную ведомость и отдал серверу команду отправить ее по назначению завтра утром. Как раз без десяти девять, у ребят должен быть перерыв. Только разок все обойду, пообещал себе Чарли, а потом домой — кормить своего престарелого пса Бумера и, может быть, посмотреть на сон грядущий что-нибудь из недавно загруженного. Замкнутый круг.

Он вышел из кабинета и спустился на лифте еще на два этажа под землю. Ночью в Оке было тихо. На нижних этажах ему вообще никто не

встретился. Единственными звуками были его собственные шаги и позвякивание передатчика в бейджике, когда он проходил сквозь зоны ограниченного доступа. Зеркальные двери словно задались целью каждый раз напоминать Чарли про возраст: в январе ему исполнилось сорок восемь. Про увеличивающуюся сутулость, про свисающее над ремнем брюшко. На фоне темной кожи отчетливо выделялись седеющие волосы. Отец Чарли, светлокожий англичанин, умер от рака двадцать лет назад. Мать, иммигрантка из Судана и исследователь суфизма, пережила его лишь на год.

Чарли выбрал дорогу в обход, через галерею БЭК-колец — хотя «дорога в обход» в данном случае имела не больший смысл, чем «задержался на работе». Обычно он каждый вечер именно так и ходил.

Галерея больше всего напоминала анатомический театр, в котором забыли поставить сиденья для студентов — кольцеобразный кафельный коридор, внутренний периметр которого состоял из герметично закрытых окон. За окнами открывался вид на зал, уходивший на десяток метров вглубь. На самом дне зала находились три огромных тора БЭК-колец, окруженных устройствами

для подачи переохлажденного газа, пучками световодов и контрольной аппаратурой. Внутри каждого кольца находились массивы микроскопически тонких пластин из арсенида галлия, погруженные в жидкий гелий при температуре минус 268 градусов.

Чарли был инженером, а не физиком. Он поддерживал работу оборудования, которое в свою очередь поддерживало процессы в кольцах, однако его понимание этих процессов было, мягко выражаясь, не совсем полным. «Бозе-эйнштейновский конденсат» представлял собой высокоупорядоченное состояние материи, в БЭК-кольцах из связанных между собой электронов создавались квазичастицы под названием «экситоны», и частицы эти служили квантовыми транзисторными затворами для безумно быстрого и безумно сложного компьютера. Во всем, что находилось за пределами этого краткого научно-популярного курса, Чарли предоставлял разбираться молодым теоретикам и аспирантам — эти задумчивые, но не слишком-то общительные специалисты прибывали и убывали с завидной регулярностью, словно Глазная Впадина была модным курортом. Перед Чарли стояли более приземленные задачи: оборудование должно работать, холодильные

установки — поддерживать нужную температуру, устройства ввода-вывода — обеспечивать требуемую ширину канала, а мелкие проблемы со всем этим — решаться, пока они не успели превратиться в большие.

Сегодня внизу в стерильных костюмах среди трубок возились четверо — вероятнее всего, Стич и Чавес вместе с двумя стажерами из Беркли. Больше, чем обычно… Наверное, Энн Костиган потребовалось выполнить что-то внеплановое.

Чарли обошел по кругу всю галерею и прошел через другой коридор, мимо лабораторий физики твердого тела, в центр управления данными. И уже на пороге понял — что-то не так.

На перерыв никто не ушел. Все пять ночных инженеров были на местах и лихорадочно просматривали системные отчеты. Голову навстречу Чарли поднял только Чип Маккаллох, да и тот ограничился мрачным кивком и вернулся к работе. А ведь не прошло и нескольких часов с начала смены.

Энн Костиган тоже была здесь. Оторвав взгляд от экрана планшета, она увидела в дверях Чарли, и, показав один палец стоящему рядом с ней младшему администратору — *всего секундочку!* — шагнула навстречу. Чарли всегда нравилось, как

Энн умеет экономить движения, ни один жест не пропадает даром.

— Господи, Чарли! — сказала Энн. — Ты вообще спишь хоть когда-нибудь?

— Я как раз шел домой.

— Через все этажи?

— Вообще-то я рассчитывал на чашечку кофе. Но вы тут, похоже, слегка заняты.

— Час назад в системе ввода-вывода был значительный скачок.

— Напряжение скакнуло?

– *Активность*. Контрольная панель засияла, что твоя елка. Можно подумать, кто-то вколол дозу амфетамина прямо в Око.

— Бывает, — пожал плечами Чарли. — Помнишь, прошлой зимой…

— В этот раз все как-то не совсем обычно. Вроде бы уже успокоилось, но мы решили проверить системы.

— И сбор данных пока не закончен?

— Да вроде бы ничего ужасного, просто короткий сбой, но… ты и сам понимаешь.

Чарли понимал. Око вместе со всеми поддерживающими его системами постоянно находилось на грани сползания в хаос. Подобно дикому животному, которое поймали и пытаются при-

ручить, за ним требовалось не столько даже ухаживать, сколько гладить его и успокаивать. Сложностью и непредсказуемостью оно мало чем отличалось от живого существа. И те, кто это понимал — а Энн, безусловно, к ним относилась, — привыкли обращать внимание на любую мелочь.

— Хочешь остаться и помочь?

Чарли хотел, однако Энн в нем не нуждалась; он только будет путаться у нее под ногами.

— Мне нужно покормить собаку.

— Передавай Бумеру привет.

Было очевидно, что Энн не терпится вернуться к работе.

— Обязательно. Может, тебе что-то нужно?

— Разве что у тебя вдруг найдется лишний телефон. Эйб снова уехал. — Эйбом звали мужа Энн, финансового консультанта, в Слепом Озере он проводил хорошо если месяц из трех. Похоже, брак дал трещину. — С местными звонками все в порядке, а в Лос-Анджелес я что-то никак не дозвонюсь.

— Оставить тебе мой?

— Да не нужно. Я уже просила у Томми Гупты, у него тоже не соединяет. Похоже, что-то со спутником.

Странно, подумал Чарли. Сегодня вечером както сразу все не слава богу.

Сью Сэмпел уже в пятый раз за последний час сказала своему начальнику, что в министерство энергетики дозвониться никак не получается. Каждый раз Рэй корчил такую рожу, словно виновата она сама.

Похоже, в «Хаббл-Плазе» многие задержались на работе. Происходило что-то необычное, только Сью не могла понять, что именно. Пусть она и была личным секретарем Рэя Скаттера, тот (как и всегда) ничем с ней не делился. Все, что она знала: Рэй хочет говорить с Вашингтоном, однако телефонная компания не идет ему навстречу.

Понятно, что вины Сью тут не было никакой — можно подумать, она разучилась набирать номер, — тем не менее Рэй каждый раз мерил ее злобным взглядом. А взгляд у Рэя Скаттера был каким впору убивать. Большие глаза с крошечными зрачками, густые брови, бородка с проседью… Поначалу ей показалось, что он был бы симпатичным, если бы не маленький подбородок и слегка одутловатые щеки. Подобные мысли давно уже ее не посещали. Как там говорится? Истинная красота в поступках? В таком случае Рэй крайне малосимпатичен.

Рэй отошел от ее стола в приемной и скрылся в личном кабинете.

— Естественно, — бросил он на ходу через плечо, — потом окажется, что это я виноват — не дозвонился.

«“Да” в кубе», — устало подумала Сью. За то время, что она работала с Рэем Скаттером, это превратилось у нее в своеобразную мантру. Да, да, да. Да, Рэя окружают одни бездарности. Да, научные работники его в грош не ставят. Да, ему перечат все, кому не лень. Да, да, да.

На всякий случай она еще раз попробовала Вашингтон. На телефоне высветилось сообщение: «СЕРВЕР НЕДОСТУПЕН». Такие сообщения появлялись при любой попытке установить телефонное, видео или сетевое соединение с кем-то за пределами локальной сети Слепого Озера. Единственный раз, когда куда-то удалось дозвониться, был звонок Рэю домой, здесь, в городке — он сообщил дочке, что задерживается. Остальные звонки были входящими — секьюрити, отдел кадров, представитель военных.

Будь она не такой уставшей, Сью могла бы забеспокоиться. Хотя, скорее всего, ничего такого. Сейчас же ей хотелось лишь вернуться домой и скинуть туфли. Подогреть ужин в микроволнов-

ке. Выкурить косячок.

Коммутатор снова зазвонил — согласно надписи на экране это был Ари Вейнгарт из отдела по связям с общественностью. Она взяла трубку.

— Да, Ари. Что ты хотел?

— Босс на месте?

— Лучше его не беспокоить. Что-то срочное?

— Ну, вроде того. У меня тут трое журналистов, которых некуда деть.

— В мотель отправь.

— Очень остроумно. У них пропуск на три недели.

— И ты забыл записать про их визит в ежедневнике?

— Хватит уже, Сью. Естественно, их предполагалось разместить в номерах нашей внутренней гостиницы, но отдел кадров все забрал для сменных работников.

— Для сменных?

— Угу. Поскольку автобусы не могут выехать в Констанс.

— Автобусы *не могут выехать*?

— Ты последнюю пару часов что, в сейфе просидела? КПП закрыт. Никто не едет ни сюда, ни отсюда. Мы под карантином.

— И давно?

— Примерно с заката.

— А почему?

— Да кто ж его знает? Или какая-то более-менее реальная угроза, или очередная учебная тревога. Все думают, что к утру должно кончиться. А мне тем временем куда-то нужно пристроить журналистов.

Рэй Скаттер от таких новостей только будет еще больше кипятиться.

— Может, стоит позвонить в хозяйственный отдел, пусть они откроют спортзал в клубе и поставят раскладушки?

— Прямо-таки гениально! — откликнулся Ари. — Как мне самому в голову не пришло?

— Если спросят, кто распорядился, ссылайся на меня.

— Ты просто сокровище, Сью. Жаль, что не получится увести тебя у Рэя.

Жаль, подумала Сью.

Она встала и потянулась. Потом подошла к окну и раздвинула вертикальные жалюзи. За крышами домиков и чернотой незастроенного луга еще можно было различить дорогу на Констанс. У южных ворот тревожно пульсировали огни автомобилей секьюрити.

Маргерит Хаузер была донельзя благодарна

той неведомой доброй душе или просто удаче, которая поселила ее в домике (пусть даже относительно небольшом, из старой серии) в северо-восточной части комплекса, как можно дальше от Рэя, ее бывшего мужа. Десять минут, которые ушли, чтобы довезти Тесс до дома, вернули ей чувство безопасности, словно за спиной поднялся мост надо рвом и захлопнулись ворота замка.

Тесс, как обычно, промолчала всю дорогу — пожалуй, она была даже тише обычного.

— Видео работает? — спросила дочь чуть слышно, когда они приехали домой.

— А почему бы ему не работать?

— У папы не работало.

— Ну вот сама и проверишь. Я пока все разложу по тарелкам.

Для Тесс ужин перед видеопанелью все еще оставался необычным развлечением. Рэй подобных привычек не поощрял. Он требовал, чтобы все ужинали за столом, «проводили время с семьей», иными словами, выслушивали бесконечный поток его жалоб. По правде сказать, подумала Маргерит, лучше уж видео, чем подобная компания. Особенно старые фильмы. Тесс больше всего нравились черно-белые; ее

привлекали старинные автомобили и необычная одежда. *Растет ксенофилкой*, думала Маргерит. *Вся в меня.*

Однако проку от видеопанели в доме Маргерит оказалось не больше, чем у Рэя; пришлось ограничиться тем, что сохранилось у дома в памяти. Они остановились на столетней давности комедии «Моя любимая брюнетка» с Бобом Хоупом. В обычное время у Тесс была бы уйма вопросов о двадцатом столетии и почему там все *такое*, однако сегодня она молча ковырялась в еде, почти не отводя глаз от экрана.

Маргерит попробовала рукой ее лоб.

— С тобой все в порядке, моя маленькая?

— Я здорова.

— Просто нет аппетита?

— Вроде того. — Тесс скользнула поближе, и Маргерит обняла ее одной рукой.

После ужина Маргерит убрала со стола, постелила свежее белье, помогла дочке разобрать сумку с учебниками. Тесс в приступе не совсем уместного оптимизма попереключала пустые каналы, потом еще раз посмотрела «Брюнетку» и наконец объявила, что хочет спать. Убедившись, что Тесс почистила зубы перед сном, Маргерит уложила и укрыла ее. Ей нравилась

комната дочери — небольшое окно, выходящее на запад, розовое с оборками покрывало на кровати, шеренга плюшевых зверушек, стоящих на страже на полке под зеркалом. Все было похоже на ее собственную комнатку в Огайо много лет назад, не хватало лишь благопристойных томиков «Библейских рассказов для детей» — отец расставил их по полкам в тщетной надежде хоть как-то пробудить в дочери столь откровенно отсутствующую благочестивость. Тесс свои книги выбирала сама — в основном модную фэнтези и научно-популярную литературу для детей.

— Хочешь что-нибудь почитать перед сном?

— Не-а.

— К утру у тебя все пройдет.

— Я здорова. Правда.

Положив руку на выключатель у двери, Маргерит обернулась. Тесс уже успела закрыть глаза. Ей было одиннадцать, хотя выглядела она чуть помладше. Щеки и подбородок по-детски округлые. Волосы уже начали темнеть, но все еще оставались блондинистыми, только приобрели чуть грязноватый оттенок. Из ребячьего кокона постепенно появляется девушка, подумала Маргерит, вот только черты пока не разобрать.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

Тесс под покрывалом свернулась в клубочек и поудобнее устроила голову на подушке.

Маргерит закрыла дверь и прошла через зал к своему кабинету — в него она превратила третью спальню. До полуночи еще оставалось время, чтобы поработать. Главы департаментов ее комитета пометили отдельные фрагменты видео из последних двадцати четырех часов жизни Субъекта, чтобы она их просмотрела. Маргерит выкрутила свет до минимума и вывела отчеты на стенной экран.

Департамент физиологии и сигнальных систем был последнее время одержим легочными щелями Субъекта. Подзаголовок отчета гласил: «Возможность жестикуляции посредством щелей при социальном взаимодействии». К нему был прикреплен видеоклип Субъекта на конклаве в обеденном колодце. Стоя в тусклом зеленом свете колодца, Субъект явно общался с другим индивидом. Фронтальные легочные щели — бледные прорези по обе стороны торса — трепетали в такт дыханию. Это было совершенно нормально, и Маргерит не особенно понимала, что именно хотят показать ей сотрудники «Физиологии», пока не перешла к следующей странице отчета. *Пульсация ресничек во время социального*

взаимодействия отчетливо демонстрирует вертикальный ритм определенной степени сложности. Да, вот и увеличенные кадры. Легочные реснички представляли собой крошечные, едва заметные розовые волоски, однако они действительно двигались волнами, словно пшеничное поле на ветру. Для сравнения приводилась еще одна видеовставка, на которой Субъект просто дышал в одиночестве. Реснички загибались внутрь при каждом вдохе, однако вертикальное движение отсутствовало.

Потенциально может оказаться очень важным, подумала Маргерит. Она присвоила отчету метку повышенного приоритета — это означало, что «Физиология и сигнальные системы» могут отправить его интеграторам для дальнейшего анализа. Добавив кое-какие соображения и запросы от себя лично («Повторяемость? Другие обстоятельства?»), она отправила отчет обратно в «Хаббл-Плазу».

Департамент культуры и технологии прислал снимки последних изображений, которые Субъект нанес на стену своего бункера. На снимках был сам Субъект, вытянувшийся в полный рост — опорные ноги выпрямлены. Используя хватательную конечность, в которой было зажато

что-то вроде мелка, он украшал стену бункера очередным символом, добавляя его к длинной цепочке. Этот был частью строки из шестнадцати постепенно увеличивающихся завитков, напоминающих раковину улитки, однако, в отличие от остальных, заканчивался эффектным росчерком. Маргерит невольно вспомнила каракули, которые непоседливый ребенок оставляет на полях тетрадки. Естественным было предположить, что Субъект что-то пишет; впрочем, давно уже установили, что комбинации черточек, кружочков, крестиков, точек и т. д. никогда не повторяются. Если это иероглифы, Субъект ни разу ни повторил ни единого слова, если буквы, его алфавит должен быть поистине безграничен. Означает ли это, что перед ними искусство? Не исключено. Декорирование жилища? Возможно. Однако «Культура и технология» склонялись к мнению, что как минимум последняя строка несет в себе некий лингвистический смысл. Маргерит в этом усомнилась и присвоила отчету не столь высокий приоритет — теперь он отправился в очередь из примерно десятка документов, по которым требовалось мнение кого-нибудь из коллег.

Кроме этого, в почтовом ящике обнаружились копии рабочих докладов нескольких других ко-

митетов и парочка коротких клипов, которые, по мнению картографов, могли бы ее заинтересовать: вид с балкона, внизу перед Субъектом в пастельном вечереющем свете разворачивается панорама города. Один ярус красного гранита за другим, словно целая империя ржавых свадебных тортов. Она сохранила изображения, чтобы изучить их попозже.

К полуночи Маргерит как раз управилась.

Погасила стену и вышла из кабинета, выключая лампочку за лампочкой по пути к спальне, пока весь дом не погрузился в мягкую тьму. Завтра суббота. В школу Тесс не нужно. Маргерит надеялась, что к утру спутниковую связь починят. Не хотелось бы, чтобы Тесс в первый же день дома стала умирать от скуки.

Ночь была безоблачной. Осень в этом году пролетела почти незаметно. Маргерит легла в кровать, не задернув шторы. Въехав сюда прошлым летом, она первым делом передвинула огромную и совершенно в этом отношении бесполезную двуспальную кровать под самое окно. Ей нравилось засыпать, глядя на звезды, однако Рэй всегда требовал, чтобы жалюзи были опущены. Теперь же ей никто не мешал наслаждаться зрелищем. Она закрыла глаза и почувствовала,

что плывет в невесомости. Глубоко вздохнула — и уснула.

Четыре

В руках у Ари Вейнгарта, главного пиарщика Слепого Озера, был большой канцелярский планшет, и Крис Кармоди нахмурился. С носителями канцелярских планшетов, пусть даже и цифровых, ему редко удавалось найти общий язык.

Очевидно, дела у Вейнгарта шли не лучшим образом. Встретив Фогеля, Элейн и Криса у входа в «Хаббл-Плазу», он провел их в небольшой кабинет окнами на центральную лужайку. Примерно посередине расписания на первую неделю, которое Вейнгарт для них составил, у него зазвонил телефон. Криса и остальных попросили перейти в пустой конференц-зал, где они и просидели до самого заката.

Когда Вейнгарт наконец вернулся, чертов планшет все еще был у него в руках.

— Возникли осложнения, — сообщил он.

Элейн Костер, которая все это время медленно закипала, укрывшись за печатной копией «Хроники событий» месячной давности, отложила журнал и смерила его тяжелым взглядом.

— Если с расписанием что-то не так, это можно

будет обсудить завтра. А сейчас нам нужно место, где можно поставить чемоданы и прилечь. И еще надежный сервер. Я весь вечер не могу связаться с Нью-Йорком.

— В этом и заключаются осложнения. Мы в карантине. У нас девятьсот человек сменных работников, которые живут за пределами Слепого Озера, но выехать они не могут. Боюсь, что гостиница перегружена. Есть, впрочем, и хорошие новости…

— Погодите-ка, — перебила его Элейн. — В каком еще карантине? О чем вообще речь?

— В Кроссбэнке вы с таким не сталкивались, но вообще-то это наша стандартная процедура безопасности. Если комплекс под угрозой, до самого отбоя тревоги нельзя ни въехать, ни выехать наружу.

— А комплекс под угрозой?

— По-видимому, да. Подробностей мне не докладывают. Уверен, что ничего серьезного не случилось.

Скорее всего, он прав, подумал Крис. Кроссбэнк и Слепое Озеро — национальные лаборатории, протоколы безопасности для подобных комплексов установлены еще во времена Террористических Войн. Даже совершенно пустые угрозы здесь

воспринимали очень серьезно. А одним из недостатков медийной популярности Слепого Озера было то, что оно привлекало внимание широкого спектра различных психов и радикалов.

— Хотя бы природу угрозы вы нам можете описать?

— Честное слово, я сам ничего не знаю. Такое случалось и раньше. Если полагаться на прошлый опыт, к утру все должно закончиться.

Себастьян Фогель пошевелился в кресле — весь последний час он неподвижно просидел в нем, подобно сфинксу.

— И где же мы будем спать, пока не наступит утро?

— Ну, мы уже готовим для вас, э-э… раскладушки…

— Раскладушки?

— В спортзале у нас в клубе. Да-да, понимаю и заранее прошу прощения. Все произошло так внезапно, что больше ничего уже не сделать.

Вейнгарт хмуро уставился в планшет, словно ожидая, что оттуда вот-вот придет неожиданное спасение. Было ясно, что Элейн сейчас взорвется, но Крис ее опередил:

— Мы ведь журналисты. Разумеется, нам время от времени приходится спать в походных услови-

ях. — *Хотя насчет Фогеля я не уверен.* — Правда, Элейн?

Вейнгарт тоже с надеждой посмотрел в ее сторону. В последний момент прикусив язык, Элейн сказала явно не то, что собиралась:

— Мне случалось заночевать в палатке в пустыне Гоби. Подумаешь, какой-то сраный спортзал.

В спортзале рядами выстроились раскладушки, некоторые уже были заняты сменными работниками: в гостинице поместились не все. Крис, Элейн и Фогель застолбили за собой три койки прямо под баскетбольным кольцом, расположив вокруг багаж, чтобы никто их не занял. Подушки на койках напоминали сдувшиеся воздушные пастилки, а одеяла были больничного вида.

— В пустыне Гоби? — спросил Фогель у Элейн.

— Я писала биографию Роя Чепмена Эндрюса «По следу времени: палеобиология вчера и сегодня». Надо признаться, тогда мне было всего двадцать пять. А вы, Себастьян, когда-нибудь ночевали в палатке?

Фогелю исполнилось шестьдесят. Он был бледен, если не считать отдельных пятен на щеках, и носил бесформенные свитера, чтобы скрыть животик. Элейн он не нравился — выскочка,

прошептала она как-то Крису на ушко, проходимец, занимается каким-то столоверчением, — а Фогель безукоризненной вежливостью только усугублял список своих прегрешений.

— В парке Алгонкин в Канаде, — ответил он. — Ходил там в поход. Разумеется, давным-давно.

— Рассчитывали найти Бога?

— Это была студенческая компания. Насколько я помню, основной расчет был на то, что удастся разделить спальник с кем-то из сокурсниц.

— Вы разве не теологию изучали?

— Да, но обета безбрачия от нас не требовалось.

— А разве Бог такое поведение одобряет?

— Какое именно? Секс? Насколько я могу судить, он вовсе не против. Вам стоило бы почитать мою книгу.

— Так я уже читала. — Элейн повернулась к Крису. — А ты?

— Пока не успел.

— Наш Себастьян — старомодный мистик. Он видит Бога во всем вокруг.

— В чем-то — больше, в чем-то — меньше, — уточнил Себастьян.

Крис удивился — прозвучало загадочно и в то же время по-себастьяновски.

— Все это, безусловно, увлекательно, — сказал он, — однако я бы не отказался от ужина. Пиарщик говорил, где-то на площади есть круглосуточное заведение.

— Я — за! — объявила Элейн. — При условии, что ты не станешь ухлестывать за официантками.

— Я не голоден, — сказал Фогель. — Идите без меня, я присмотрю за багажом.

— У святого Франциска пост, — хмыкнула Элейн, натягивая куртку.

Биография Роя Чепмена Эндрюса за авторством Элейн Крису была знакома. Он читал ее на первом курсе. Элейн на тот момент была многообещающим научным журналистом, уже попавшим в шорт-лист одной из престижнейших премий, и Крис надеялся в свое время последовать ее примеру.

Единственная на сегодняшний день книга Криса тоже была своего рода биографией. Он был признателен Элейн уже за то, что она до сих пор ни словом не упомянула скандал, которым сопровождался ее выход, и, судя по всему, не имела возражений против того, чтобы работать с Крисом. Удивительно, подумал он, как мало все-таки нужно от других человеку с его опытом.

Рекомендованный Ари Вейнгартом ресторанчик обнаружился между компьютерным салоном и магазином канцтоваров в открытой части пассажа. Большая часть торговых точек закрылась на ночь, так что улочка, продуваемая холодным осенним ветерком, выглядела заброшенной. Однако в самом ресторане, принадлежащем к сети «Сойер», деятельность прямо-таки кипела. Внутри было шумно и многолюдно. Им достался столик рядом с большим окном на улицу. В дизайне помещения преобладали пастельные тона, хром и множество растений в горшках — стиль конца двадцатого века, подделка под поддельную же старину.

К вящему блаженству Криса, здесь его никто не знал.

Меню оказались в форме стейка на косточке.

— О господи, — простонала Элейн. — Тут у них что, совсем деревня?

— Что ты будешь заказывать?

— Сейчас посмотрим… Может, «Завтрак целый день»? Или «Мясной пирог как у мамочки»?

Официант подошел к столику как раз вовремя, чтобы услышать, с какой иронией в голосе Элейн объявляет названия блюд.

— Могу порекомендовать атлантического лосо-

ся, — сказал он.

— Порекомендовать — с какой целью? А, не обращайте внимания. Лосось сгодится.

Крис, почти сгорая от стыда, пробормотал «то же самое». Пожав плечами, официант удалился.

— Каким же снобом, Элейн, ты иногда бываешь!

— Сам подумай, где мы с тобой находимся. На переднем крае науки! Можно сказать, стоим на плечах Галилея с Коперником. А где мы должны питаться? В придорожной закусочной?

Крис не мог взять в толк, каким образом в Элейн сочетаются повышенное внимание к еде и свойственная ее возрасту необходимость бороться с полнотой. Вознаграждает себя качеством пищи, решил он. В ущерб количеству. Вроде как уравновешивает одно другим. Талия требует мастерства, как у канатоходца.

— И вообще, где ты, собственно, увидел снобизм? — продолжала Элейн. — Мне пятьдесят, я прекрасно знаю, что я люблю, а что нет, при необходимости могу съесть гамбургер или разогреть замороженный обед. Это ведь не значит, что, когда мне подают яблочную шарлотку, я обязана делать вид, будто это сливочный торт? В молодости я довольствовалась кислым кофе из

бумажных стаканчиков. Увы, я выросла из того возраста. И ты вырастешь, — добави- ла она.

— Спасибо, что ты в меня веришь.

— Признавайся — в Кроссбэнке ты только зря время потерял.

— Да нет, собрал кое-что полезное.

Как минимум одну ключевую цитату: «Все может кончиться в любую минуту». Благочестивость баптистского толка.

— У меня на твой счет есть теория, — заявила Элейн.

— Может, нам лучше просто поужинать?

— Э, нет, от настырной старой кошелки ты так просто не отвертишься!

— Я вовсе не имел в виду…

— Просто помолчи. Пожуй пока булочку. Я сказала, что читала книгу Себастьяна. Твою я тоже прочла.

— Понимаю, что это звучит по-детски, но давай лучше не будем о ней говорить.

— Все, что я хочу сказать — что это хорошая книга. Ты, Крис Кармоди, написал отличную книгу. Провел большую работу и сделал из нее совершенно верные выводы. А теперь ругаешь себя за то, что на них решился?

— Элейн…

— И собираешься смыть свою карьеру в унитаз, делая вид, что работаешь? Срываешь один срок за другим, трахаешь официанток с большими сиськами, напиваешься, чтобы уснуть? Да на здоровье. Думаешь, ты один такой на свете? Слегка не угадал. Жалость к себе — увлекательное хобби!

— Человек умер, Элейн.

— Ты его не убивал.

— Спорное утверждение.

— Нет, Крис, абсолютно бесспорное. Галлиано либо слетел с обрыва случайно, либо это был осознанный акт самоуничтожения. Может быть, он раскаялся в грехах, может быть, нет — но это были *его* грехи, не твои.

— Я выставил его на всеобщее обозрение.

— Ты выставил на обозрение определенную деятельность — а она была эгоистичной, до крайности неразборчивой в средствах и представляла угрозу для невинных людей. Так получилось, что это была деятельность Галлиано, и так получилось, что Галлиано улетел на мотоцикле в реку Мононгахилу, — но оба этих выбора сделал он, а не ты. Ты написал хорошую книгу…

— Господи, Элейн, по-твоему, чего миру не хватало, так это еще одной *хорошей книги*?..

— ...*Правдивую* книгу, а то, что ты был при этом оскорблен в лучших чувствах, тебе только в плюс!

— Я рад все это слышать, однако...

— Однако дело в том, что ты очевидным образом зря потратил время в Кроссбэнке, и меня беспокоит, что ты и здесь не найдешь ничего полезного, решишь, что сам во всем виноват, и не сдашь рукопись в срок — что позволит существенно продвинуть вперед проект по саморазрушению, за который ты с таким энтузиазмом взялся. А это, черт побери, крайне непрофессионально. Каким бы болваном ни был тот же Фогель, он-то свой текст на- пишет.

Крис уже собирался просто встать и покинуть ресторан. Можно вернуться в спортзал, взять интервью у сменных работников, которым все равно некуда податься. По крайней мере, поговорить они не откажутся. Монолог Элейн лишь усиливал его чувство вины.

Прибыл лосось, покрытый затвердевающей корочкой масла.

— Что от тебя требуется... — Элейн осеклась. Над столом навис официант с огромной деревянной перечной мельницей в руках. — Уберите это отсюда, будьте любезны.

Официант поспешно ретировался.

— Прекрати вести себя так, будто ты совершил нечто постыдное. Ты написал книгу. Кто-то проявляет к тебе враждебность из-за нее — встречай их с открытым забралом. Кто-то боится тебя из-за нее — используй их страх. Пусть даже тебя бойкотируют — напиши о том, как тебя бойкотировали и что это такое — быть парией в Слепом Озере. Главное — не упускай возможность. — Она наклонилась вперед, чуть не оказавшись рукавами в масляном соусе. — Понимаешь ли, Крис, это все-таки Слепое Озеро. Неотесанная публика может очень слабо представлять, что здесь происходит, но мы-то с тобой знаем, ведь так? Здесь и сейчас переписываются все учебники. Здесь человечество определяет свое место во Вселенной. Это опорная точка — того, что мы есть, и того, чем мы будем.

— Ты говоришь как по писаному.

Она чуть отстранилась.

— Думаешь, я слишком стара и цинична, чтобы распознать по-настоящему великие вещи?

— Я имел в виду…

— Чтоб ты знал — я сейчас с тобой совершенно откровенна.

— Элейн, я просто не в том настроении, чтобы

слушать лекцию.

— Ладно, Крис. Поступай, как знаешь. — Она махнула рукой в сторону тарелки. — Если хочется, принимайся за эту несчастную рыбу.

— Палатка, — напомнил ей Крис. — В пустыне Гоби.

— Ну, в известном смысле — да, палатка. Надувное сооружение, доставленное самолетом из Пекина. Аккумуляторы, обогрев, спутниковое телевидение.

— Прямо как Рой Чепмен Эндрюс.

— Слушай, — сказала она, — я в конце концов журналист, а не мученик науки.

Пять

Видеотрансляция за выходные так и не заработала — Маргерит это обеспокоило, а Тесс повергло в крайнее уныние. Аналогичным образом за пределы огороженного периметра Слепого Озера нельзя было ни дозвониться, ни достучаться по сети.

Маргерит могла лишь предполагать, что и без того сложный протокол безопасности Слепого Озера обогатился какими-то новыми запретами. За время ее работы в Кроссбэнке комплекс закрывали подобным образом не один раз. Как

правило, это длилось не более нескольких часов, хотя в одном случае (неавторизованный полет над территорией — как потом оказалось, у пилота небольшого частного самолета одновременно вышли из строя навигационное оборудование и передатчики) периметр был закрыт целую неделю, что вызвало небольшой скандал.

Не сказать чтобы карантин в Слепом Озере причинил Маргерит существенные неудобства, во всяком случае, поначалу. Она все равно никуда не собиралась, и снаружи не было никого, с кем бы ей не терпелось поговорить. Отец, живший в Огайо, обычно звонил ей каждую субботу, однако он с уважением относился к вопросам безопасности и не стал бы беспокоиться понапрасну из-за какого-то отсутствия связи. Другое дело — Тесс.

В сущности, она не относилась к тому типу детей, которые способны сутками не отрываться от видеопанели. Ей нравилось играть снаружи — преимущественно в одиночестве, — а Слепое Озеро было одним из немногих мест на Земле, где ребенка можно отпустить на улицу без сопровождения, не опасаясь рисков, связанных с наркотиками и преступностью. Чистое небо прохладного субботнего утра к полудню затянули асфальтового цвета тучи, периодически ярост-

ными шквалами налетал дождь. Температура упала ниже десяти по Цельсию, и хотя Тесс даже решилась однажды выбраться наружу — до гаража, покопаться в коробке с куклами, так и не разобранной с переезда, — она очень быстро вернулась, продрогнув насквозь, несмотря на фланелевую куртку.

В воскресенье погода не изменилась, порывы ветра свистели в водосточных желобах и даже задували в дом сквозь вентиляционную решетку в ванной. Маргерит спросила у Тесс, не хочет ли она поиграть с кем-нибудь из школьных подружек. Тесс это предложение озадачило, но в конце концов она назвала девочку по имени Эди Герундт. Как правильно пишется «Герундт», она точно не знала; по счастью, в телефонной книге Слепого Озера на каждую букву было не так уж много фамилий.

Мать Эди, Конни Герундт, как оказалась, работала аналитиком в Видео и без колебаний согласилась привезти Эди к ним поиграть. (Даже не спрашивая у дочки — надо полагать, та изнывала от скуки не меньше Тесс.) Они приехали меньше чем через час. Мама и дочка походили друг на друга, словно две русские матрешки из одного комплекта, отличаясь лишь размерами.

Обе были глазастые, растрепанные и чем-то напоминали мышек — правда, во взрослом лице Конни это было не так заметно.

У Эди Герундт было с собой несколько недавно загруженных видеопрограмм, так что обе девочки немедленно расположились перед панелью. Конни задержалась минут на десять, чтобы с явной нервозностью пожаловаться, как затянулся карантин и насколько это неудобно, ведь она как раз собиралась съездить в Констанс, потому что закупаться перед Рождеством лучше заранее. Потом сказала, что ей нужно идти и что она вернется за Эди в пять.

Маргерит понаблюдала за девочками, усевшимися перед видеопанелью. Программа «Приключения девочки-панды» была, по меркам Тесс, немножко детской, но Эди принесла комплекты синхроочков, хотя, как считалось, носить их подолгу вредно для глаз. Иной раз девочки одновременно пытались от чего-то увернуться — надо полагать, из экрана в этот момент на них выпрыгивали трехмерные монст- рики.

Больше, казалось, их ничто не связывало. Они сидели на противоположных концах дивана, откинувшись на мягкие подушки под разными углами. Маргерит сразу же почувствовала неяс-

ную жалость к Эди — одну из девочек, самой природой предназначенной, чтобы с ними не водиться. Руки и ноги неуклюжие, точно протезы, замедленная реакция, сбивчивая речь, на лице застыло выражение постоянного стыда.

Какая все-таки Тесс молодец, что решила подружиться с такой девочкой, как Эди Герундт.

Разве что…

Разве что это Эди решила с ней подружиться.

После кино девочки уселись играть в куклы, которых Тесс вызволила из гаража. Куклы были разношерстными, большую часть Тесс собрала на блошиных рынках в те времена, когда Рэй предпочитал на выходных выезжать из Кроссбэнка, чтобы прокатиться через деревушки Нью-Гэмпшира. Некоторые выцвели на солнце, их суставы были странно вывернуты, а юбки не подходили к блузкам, попадались фигурки героев из давно забытых фильмов, с раскинутыми руками и ногами. Тесс попыталась увлечь Эди сценарием («вот мама, вот папа, их ребеночек проголодался, но маме и папе нужно на работу, они позвали сиделку»), однако той быстро надоело, и она ограничилась тем, что промаршировала каждой куклой вдоль кофейного столика под бессмысленный монолог («я девочка, у меня собачка, я красивая, а ты

дура»). Тесс, словно ее отстранили, вернулась на диван и, наблюдая за ней, начала ритмично постукивать затылком о подушку. Примерно раз в секунду — пока Маргерит не подошла к ней и не остановила, мягко коснувшись волос.

Это вот постукивание головой, а также то, как поздно Тесс начала говорить, и стали для Маргерит первыми сигналами, что дочка у нее не совсем обычная. Не то чтобы с ней что-то *нехорошо* — с таким суждением Маргерит никогда бы не согласилась. И все-таки Тесс была не совсем обычной, у нее имелись кое-какие проблемы. Хотя ни один из благонамеренных психологов, с которыми Маргерит консультировалась, так и не смог ей объяснить, в чем именно эти проблемы заключаются. В основном они заводили речь об идиосинкразическом пороговом аутизме или синдроме Аспергера. В переводе это означало: ярлычок для симптомов вашей дочери у нас найдется, но помочь мы ничем не можем.

Маргерит водила Тесс на физиотерапию, чтобы улучшить координацию движений и «проприоцепцию», пробовала курсы лекарств, которые должны были изменить ее уровень серотонина, или допамина, или кью-фактора, однако никаких заметных перемен в состоянии Тесс добиться не

удалось. Вероятно, это означало, что Тесс просто не такая, как все, что необычная отстраненность и связанная с этим социальная изоляция так и останутся проблемами, с которыми ей придется жить — или же придется преодолеть их собственным сознательным усилием. Не следует манипулировать ее нейрохимией, решила наконец Маргерит. Тесс еще ребенок, ее личность не вполне сформирована, а лекарства или давление приведут лишь к тому, что эта личность окажется вылепленной согласно чьему-то чужому вкусу.

Обычно можно было распечатать для себя полосы из «Нью-Йорк таймс» (или любой другой крупной газеты), но и этот тоненький канал связи оказался перерезан. Раз уж газет не хватало даже Маргерит, что должны были сейчас чувствовать те, кто давно подсел на новости? Изнывать в неведении относительно судьбы Бельгийских соглашений или последнего назначения в Континентальный суд? Молчание видеопанели и периодический звук дождевых капель заполнили послеобеденный период томностью и зевотой. Единственное, на что была способна Маргерит — сидеть в кухне и перелистывать старые выпуски «Астробиологии и экзозоологии», ее внимание порхало поверх плотного текста, почти его не

касаясь, пока наконец Конни Герундт не вернулась за Эди.

Маргерит отправилась за девочками в комнату Тесс. Эди развалилась на кровати, упершись ногами в стену, и лениво ковырялась в обувной коробке, где Тесс держала свои «ювелирные» украшения, разноцветные расчески и черепаховые заколки для волос. Сама Тесс сидела перед зеркалом.

— Эди, твоя мама пришла, — сказала Маргерит.

Эди моргнула огромными лягушачьими глазами, потом ринулась вниз — искать, где она оставила туфли. Тесс осталась перед зеркалом, наматывая правый локон на указательный палец.

— Тесс?

Завиток волос соскользнул от ногтя к костяшке пальца, потом лениво упал вниз.

— Тесс? Вы хорошо поиграли с Эди?

— Ну да.

— Ты ей об этом сказала?

Тесс пожала плечами.

— Может, все-таки скажешь? Она внизу, мама сейчас ее заберет.

К тому моменту, как Тесс наконец неторопливо добрела до входной двери, Эди и ее мама ушли.

К понедельнику то, что поначалу казалось затянувшимся неудобством, стало больше напоминать полноценный кризис.

Маргерит завезла Тесс в школу по дороге в «Хаббл-Плазу». На парковке было полно родителей — включая Конни Герундт, помахавшую ей рукой из окна машины, — которых буквально распирало от слухов. Внутри явно не произошло ничего такого, что могло вызвать карантин, следовательно, что-то случилось снаружи, что-то весьма существенное, только вот что? И почему никому ничего не го- ворят?

Маргерит отказалась принимать участие в общих домыслах. Связи с окружающим миром не было, однако оттуда продолжало поступать электричество, и там, надо думать, ожидали, что Слепое Озеро продолжит заниматься тем, для чего создано. Поцеловав дочь на прощание, Маргерит смотрела, как та вяло движется через школьный дворик.

Дождь прекратился, однако октябрь прочно вступил в свои права, небо было темно-синим, дул пронизывающий ветер. Маргерит похвалила себя, что заставила дочь надеть свитер. Сама она выбрала виниловую ветровку, и для прогулки от парковки до вестибюля восточного крыла

«Хаббл-Плазы» этого оказалось явно недостаточно. Скоро пойдет снег, думала Маргерит, а дальше маячит День благодарения и уже недолго до Рождества. Перемена погоды сделала мысли о карантине неприятней, словно с холодным канадским воздухом в городок пришли одиночество и беспокойство.

Стоя в ожидании лифта, Маргерит заметила своего бывшего мужа Рэя, который как раз в этот момент заскочил в небольшой магазинчик в углу вестибюля, надо полагать, за утренней дозой шоколадных пирожных «Динь-Дон». Рэй всегда отличался исступленным рвением в исполнении ритуалов, и одним из них были «Динь-Доны» к завтраку. Рэй проявлял чудеса изворотливости, чтобы они имелись под рукой даже в отпуске или командировке. В его ручной клади всегда был пластиковый контейнер с «Динь-Донами». Без любимых пирожных на завтрак в нем просыпались самые худшие черты: непрерывная раздражительность, припадки гнева при малейших затруднениях. Пока лифт полз вниз с десятого этажа, Маргерит не спускала глаз с входа в магазинчик. Рэй появился оттуда с бумажным пакетом в руках, как только мелодичный звон возвестил о прибытии лифта. «Динь-Доны», ра-

зумеется. И жрать он их будет, закрывшись в кабинете: Рэй предпочитал поглощать сладости без свидетелей. Маргерит без труда вообразила, как он, зажав в каждой руке по «Динь-Дону», вгрызается в них, словно сумасшедшая белка, а крошки сыплются на крахмальную рубашку и галстук, более уместный на похоронах. Вместе с ней в лифт вошли еще три человека, и Маргерит поспешно нажала свой этаж — лишь бы Рэй не успел добежать до двери.

Работа, которой занималась Маргерит — а она ее любила и потратила уйму сил, чтобы ее получить, — иногда заставляла чувствовать себя вуайеристкой. Пусть бесстрастной, пусть получающей за это зарплату — но все же вуайеристкой.

В Кроссбэнке она себя так не чувствовала; однако работа в Кроссбэнке была пустой тратой времени: целых пять лет она процеживала архивные ботанические данные, с чем прекрасно справился бы какой-нибудь усидчивый аспирант. Она и сейчас легко перечислит латинские названия для всех восемнадцати разновидностей бактериальных матов. Где-то через год Маргерит настолько привыкла смотреть на океан планеты HR8832/B, что ей стало казаться, будто она ощущает его запах, запах убийственных концентраций

хлора и озона, зафиксированных фотохроматическими датчиками, резкий и чуть маслянистый. В Кроссбэнк она попала только потому, что туда ее привез Рэй — он занимал там административную должность, — и она несколько раз отклоняла предложения о переводе в Слепое Озеро.

Потом она все же набралась храбрости и подала на развод, а вслед за этим приняла предложенную должность в департаменте Наблюдения. И тут же обнаружилось, что Рэй тоже добился временного перевода в Слепое Озеро. Мало того, он переехал на запад на месяц *раньше* Маргерит, которой еще нужно было передать дела, успел за это время стать в Озере своим и, судя по всему, активно занимался все это время подрывом репутации Маргерит перед лицом руководства.

И тем не менее у нее сейчас была работа, ради которой она училась, о которой мечтала — ничего более близкого к полевой астрозоологии в мире просто не существо- вало.

Маргерит пробралась сквозь лабиринт рабочих мест, здороваясь с программистами и секретаршами. Заглянув в служебную кухню, наполнила свою сувенирную кружку с изображением лангуста кофе со сливками, потом прошла в кабинет и закрыла за собой дверь.

Стол был завален бумагами, рабочий стол компьютера — тоже, только виртуальными. Нескончаемые документы требовали проверки и классификации. Дело важное, но очень нудное и трудоемкое. Впрочем, этим можно будет заняться и дома. Сегодня ей хотелось провести некоторое время наедине с Субъектом. Реальное время, а не просмотр обработанных записей.

Маргерит опустила жалюзи, приглушила крохотные желтые потолочные лампы и включила монитор, целиком занимающий западную стену кабинета.

И как раз вовремя. На UMa47/E начинался семнадцатичасовой день.

Утро. Субъект зашевелился на своем матраце, лежащем на каменном полу лабиринта.

Как всегда, врассыпную от его тела бросились десятки созданий помельче — паразиты, симбионты или, возможно, потомство. Пока Субъект спал, они питались кровью из его сосков. Мелкие зверюшки, размером не больше мыши, многоногие и движущиеся, словно змейки, быстро исчезли в щелях между полом и гранитными стенами. Субъект сел, потом выпрямился во весь рост.

Согласно оценкам рост этот был чуть больше

двух метров. Очень представительный мужчина. («Мужчиной» Маргерит называла его про себя. В официальных документах она бы никогда не осмелилась на гендерные термины. Никто понятия не имел, есть ли у инопланетян пол и каким образом они размножаются.) У Субъекта было две ноги и симметричное тело, так что на большом расстоянии силуэт его в принципе можно было принять за человеческий. Этим сходство и заканчивалось.

Кожа Субъекта — вовсе не панцирь, как можно было заподозрить, исходя из дурацкой клички «лангуст», — представляла собой тугую, шершавую красновато-коричневую оболочку. Плотная, хорошо сохраняющая влагу кожа, легочные щели вдоль груди и некоторые прочие подробности — многосуставчатые руки и ноги, а также крошечные конечности для манипулирования пищей по краям челюстей — заставили некоторых ученых умозаключить, что Субъект и его раса эволюционировали из насекомоподобной формы жизни. Согласно одному из сценариев ветвь беспозвоночных смогла сравняться с млекопитающими в размерах и подвижности, поскольку развила хитиновый хребет, в котором спряталась хорда, а внешним панцирем пожертвовала в пользу бо-

лее легкой и гибкой кожи. Другое дело — что для этой, что для других гипотез доказательств было кот наплакал. Уже экзозоология была крайне нелегким делом, а об экзопалеонтологии ученым приходилось пока лишь мечтать.

Субъекта было прекрасно видно в свете ламп накаливания, гирляндами свисавших с потолка. Маленькие лампочки действительно больше напоминали елочные фонарики, чем привычные лампы, но в остальном выглядели очень знакомо. Нити ламп, как показала спектроскопия, состояли из обычного вольфрама — примитивная и очень надежная технология. Время от времени здесь появлялись другие аборигены, которые заменяли сгоревшие лампочки и проверяли изоляцию на медных проводах. В городе имелась хорошо налаженная инфраструктура коммунальных служб.

По утрам Субъект не одевался и не ел; вообще никто никогда не видел, чтобы он ел у себя в спальном помещении. Однако он задержался, чтобы избавиться от жидких отходов — для этой цели в полу имелся специальный слив. Густая зеленоватая жижа изливалась из отверстия в самом низу живота. Разумеется, картинка шла без звука, однако воображение Маргерит услужливо дорисовало урчание и бульканье.

Она напомнила себе — все это произошло около полувека назад. Так было легче справляться с ощущением того, что она подглядывает. С этим существом ей не удастся ни поговорить, ни как-то еще обменяться информацией. Как именно сюда попадает картинка, оставалось загадкой, однако не было оснований полагать, что она передается быстрее скорости света. А солнце этой планеты, 47-я Большой Медведицы, Ursa Majoris, находилось в пятидесяти одном световом годе от Земли.

(Аналогичным образом если сейчас где-то в глубинах Галактики кто-то наблюдает *за ней*, к тому моменту, как они попытаются разобраться, что именно Маргерит делает в туалете, она давно уже будет в могиле.)

Субъект покинул лабиринт, не задерживаясь. Хотя походка его, пусть и на двух ногах, с человеческой точки зрения, выглядела странно, двигался он достаточно быстро. В это время суток вполне могло приключиться что-нибудь интересное. Фактически каждое утро Субъект делал одно и то же — отправлялся на фабрику, где собирал узлы каких-то механизмов, — однако маршрут его почти никогда не повторялся. Накопилось достаточно свидетельств того, что это было культурным или биологическим императи-

вом (иными словами, так же поступали и другие аборигены), возможно, ими руководил атавистический инстинкт, некогда помогавший избегать хищников. А жаль — Маргерит было бы приятнее думать, что это личная привычка Субъекта, его собственная идиосинкразия, осознанный выбор.

Несмотря на все это, программа наблюдения отслеживала перемещения Субъекта со стабильной и внушающей уважение точностью. Когда Субъект двигался, взгляд наблюдателя (или «виртуальная камера», если пользоваться терминологией отдела Видеозаписи) следовал за ним на одном и том же расстоянии. В центре кадра всегда был сам Субъект, но, по мере того как он перемещается, можно было изучать и окружающий его мир. Сейчас он шагал бок о бок с сородичами по освещенным лампочками коридорам своего лабиринта. Все шли в одну сторону, словно коридор был дорогой с односторонним движением, вот только направление этого движения в разные дни было разным. Маргерит уже научилась узнавать Субъекта в толпе не только по центральному положению (время от времени его ненадолго заслоняли другие), но и по яркому желто-оранжевому гребню, тянущемуся через голову и вдоль спины, и по округлости плеч.

Иногда она видела дневной свет — Субъект миновал балконы и ротонды, открывающиеся наружу. Небо сегодня было бледно-голубым. Большая часть осадков выпадала в Лангуста-Сити во время местной мягкой зимы, сейчас же был разгар лета, самая середина того периода, когда солнце на этой южной широте почти не покидает небосвода. Наклон оси планеты был незначительным, а вот орбита вокруг звезды — сильно вытянутой; лето в городе, где живет Субъект, продлится еще два земных года.

Небо чаще затягивали облака пыли, чем дождевые тучи. Атмосфера UMa47/E была суше, чем на Земле; как и на Марсе, здесь случались гигантские пыльные бури, сопровождающиеся электрическими разрядами. В воздухе постоянно висела мелкая пыль. Впрочем, сегодня выдался довольно ясный день, умозаключила Маргерит. И теплый, судя по тому, как Субъект распустил реснички, служившие для теплоотвода. Голубое небо, словно раскрашенное цветным мелком, выглядело совсем по-земному. На секунду закрыв глаза, Маргерит представила себе прижавшиеся к скалам индейские деревушки где-нибудь в Аризоне или Нью-Мексико.

Субъект тем временем наконец достиг одного

из широких внешних пандусов, которые по спирали спускались к подножию города.

Первоначальное обследование планеты, проведенное с большой высоты, выявило не менее сорока разбросанных по поверхности UMa47/E крупных каменных городов, в одном из которых и жил Субъект, и примерно вдвое больше — не столь крупных. На столе у Маргерит стоял глобус мира Субъекта, города на нем были подписаны только широтой и долготой. (Никто не рисковал давать им имена собственные из опасения быть обвиненным в антропоцентризме и неуместном нахальстве. «Лангуста-Сити» было лишь прозвищем, причем таким, которое не следовало употреблять в присутствии высокого начальства или прессы.)

В городе было не менее тысячи гранитных зиккуратов, и каждый — огромного размера. Пока Субъект спускался по пандусу — его спальное помещение располагалось в данном здании довольно высоко, — перед Маргерит разворачивалась городская панорама. Башни были похожи друг на дружку — высокие спиралевидные раковины, стоящие на выложенных красными плитами мостовых; промышленные сооружения выделялись лишь трубами на самой вершине, из которых

в неподвижный воздух выползал светлый или темный дым. Пандусы и открытые пространства по всему городу были сейчас заполнены недавно пробудившимися жителями. Быстро поднимающееся солнце посылало желтые лучи вдоль восточных каньонов. За пределами города Маргерит могла разглядеть орошаемые сельскохозяйственные земли, а еще дальше — поросшие кустарником равнины и отдаленный горизонт, изрезанный горными вершинами. (Закрыв глаза, она продолжала видеть под веками негативное изображение, словно попавшее туда напрямую, минуя невообразимо сложное технологическое оборудование стоимостью в миллиарды долларов, словно она сама была сейчас там, дышала разреженным воздухом и тонкая пыль забивала ей ноздри.)

Субъект достиг поверхности и направился к промышленному зданию, где проводил каждый день.

Маргерит смотрела, забыв про требующие внимания документы. Наблюдателем как таковым она не была, кроме того, маловероятно, что она заметит нечто важное и при этом ускользнувшее от внимания пяти профильных комитетов. Ей надлежало сводить вместе результаты чужих

наблюдений, а не наблюдать самой. Однако это может подождать как минимум до обеда. Карантин означал, что ее отчеты все равно не выйдут за пределы комплекса. Так что можно и посмотреть.

И помечтать, если захочется.

Пообедала она в кафетерии в западном крыле «Плазы», заметив там секретаршу Рэя, Сью Сэмпел, которая расплачивалась за кофе. Маргерит разговаривала со Сью всего раз или два, но ей уже сейчас было ее жаль. Как Рэй обращается со своими сотрудниками, она знала прекрасно. Даже в Кроссбэнке под его руководством мало кто задерживался надолго. Сью наверняка подала заявление на перевод куда-нибудь еще, а если нет, то скоро подаст. Маргерит помахала ей рукой, та рассеянно кивнула в ответ.

После обеда Маргерит наконец-то взялась за документы. В частности, проверила довольно интересный отчет начальника группы физиологии, который прогнал тысячу часов видео через графический процессор, отметив подвижные части тела Субъекта и проведя корреляцию их поведения со временем суток и ситуацией. Подобный подход позволил получить на удивление большое количество важных данных; теперь их

следует отправить другим департаментам в форме срочного информационного бюллетеня. Его придется написать самой, а к работе привлечь Боба Корсо и Фелицию Каваками из департамента физиологии, когда те вернутся с конференции в Канкуне.

Видео Субъекта оставалось на стенной панели, и, поднимая голову от собственной работы, Маргерит могла видеть, как Субъект выполняет свою. Место, где Субъект работал, почти наверняка было фабрикой. Он стоял у пьедестала внутри огромного зала без окон, освещенный направленным с потолка прожектором. Вокруг были сотни других таких же аборигенов, и на них падали такие же лучи, подобно фосфоресцирующим столбам в мрачной пещере. Субъект брал какие-то модули (цилиндрические объекты неизвестного пока назначения) из ведерка на самом краю светового столба и вставлял их в диски, где для этой цели уже были проделаны отверстия. Диски поднимались откуда-то из пьедестала на платформе и вновь опускались обратно, когда сборка завершалась. Цикл повторялся примерно каждые десять минут. Назвать подобную работу монотонной, подумала Маргерит, все равно что вообще ничего не сказать.

И тем не менее что-то привлекло ее внимание.

Поскольку Субъект был сейчас более или менее неподвижен, камера развернулась, чтобы показать его спереди. Сейчас она видела лицо Субъекта, резко очерченное падающим сверху светом. Если лицо — правильное слово. Некоторые называли его «жутким»; первоначальный шок был вызван тем, что люди узнавали определенные его части (скажем, глаза, сидящие в костяных глазницах, пусть даже совершенно белые), а другие (например, челюсти) напоминали о насекомых. Однако с этим первым впечатлением от черт лица можно было со временем научиться справляться; куда сложнее было то, что ничего другого, кроме черт, увидеть не удавалось. *Не было выражения.* Самой природой люди предназначены для того, чтобы читать в лицах человеческие эмоции; опытный исследователь способен читать выражение на мордах обезьян или волков. На лице Субъекта было ничего не прочесть.

А вот в руках…

Это действительно были *руки*, и они пугающе напоминали человеческие. Длинные гибкие пальцы числом три, «большой» же палец представлял собой неподвижный костяной выступ,

торчащий из запястья. Однако ничего непонятного в руках не было. Можно было без малейшего труда вообразить, как эти руки что-то держат. То, как они быстро двигаются, тоже выглядело совершенно естественным.

Маргерит не сводила глаз с занятых работой рук.

Они что, дрожат?

Маргерит казалось, что у Субъекта дрожат руки.

Она набросала короткое сообщение для Физиологии:

«Дрожь в руках у Субъекта? По-моему, да (3:30 сегодня днем, прямая трансляция). Что думаете? М.».

Потом вернулась к собственной работе. Почему-то стучать по клавишам было приятнее, когда над головой висит изображение Субъекта. Словно они работают вдвоем. Словно она не одна. Словно у нее появился друг.

По дороге домой она забрала Тесс из школы.

После физкультуры Тесс всегда возвращалась домой либо с неправильно застегнутыми пуговицами, либо в расшнурованной обуви. Вот и сегодня. Однако Тесс была необычно тихой — сжалась на сиденье в комочек, чтобы укрыться

от осеннего холода, — и Маргерит не стала отчитывать ее за одежду.

— У тебя все в порядке?

— Угу, — пробормотала Тесс.

— Я слышала, видеоканал так и не восстановился. Видео сегодня опять не будет.

— Мы же по понедельникам смотрим «Солнечный город»!

— Не сегодня, радость моя.

— Ну, у меня книжка есть, — обнадежила ее Тесс.

— Вот и хорошо. А что за книжка?

— Про астрономию.

Дома, пока Тесс играла в комнате, Маргерит приготовила ужин: купленные в местном супермаркете замороженные кусочки курицы. Не слишком изысканно, зато питательно, а главное — не требует чрезмерного напряжения кулинарных талантов. Блюдо с курицей вращалось в микроволновке, когда зазвонил телефон.

Маргерит нашарила трубку в кармане блузки.

— Алло.

— Доктор Хаузер?

— Да.

— Прошу прощения за поздний звонок. Это Берни Флейшер — классный руководитель Тессы.

— Точно. — Маргерит попыталась отогнать внезапное беспокойство. — Мы с вами познакомились в сентябре.

— Я только хотел спросить, не найдется ли у вас на этой неделе времени, чтобы заглянуть в школу для беседы.

— У Тесс какие-то проблемы?

— Я бы не назвал это проблемами. Просто хотелось обсудить с вами пару вопросов. Подробности лучше отложить до встречи.

Маргерит договорилась с ним насчет даты и сунула телефон обратно в карман.

Ради бога, думала она, ради бога, только бы не опять.

Шесть

В среду уроки закончились рано.

Последний звонок прозвенел в час тридцать, после этого учителя отправились на какое-то там собрание. Все утро с ними был классный руководитель. Мистер Флейшер говорил про болота, про разных птиц и животных, которые там живут. Тесс, пусть даже большую часть времени она смотрела в окно, слушала очень внимательно. Слепое озеро (само озеро, не город) оказалось очень увлекательной темой, во всяком случае

в изложении мистера Флейшера. Он рассказал про ледник, покрывавший эту часть континента много тысяч лет назад. Уже одно это звучало увлекательно. Конечно, Тесс и раньше слышала про ледниковый период, но ей как-то не приходило в голову, что все происходило прямо *здесь*. Что земля, на которой стоит школа, была некогда скрыта под чудовищного веса ледяным панцирем. Что продвигаясь вперед, ледник толкал перед собой камни и почву, подобно огромному плугу, а когда отступил, борозды и впадины заполнились талой водой.

Было облачно и прохладно, но не так чтобы совсем противно и без дождя. Тесс, у которой впереди был целый день, подобный неоткрытому еще подарку, решила сходить на болота, на само Слепое озеро. Встретив на игровой площадке Эди Герундт, Тесс спросила, не хочет ли та с ней. Эди, занятая игрой в мяч на веревочке, нахмурилась и что-то пробормотала. Тесс пожала плечами и пошла одна.

Лед, сказал мистер Флейшер, был здесь десять тысяч лет назад. Лето за летом, десять тысяч раз, и одно холоднее другого, если представить, что время потекло в обратную сторону, к ледниковому периоду. И еще десять тысяч зим, которые

в конце концов превратятся в одну сплошную зиму. Любопытно, как оно все выглядело, когда сделалось теплее, и ледник наконец стал отступать, открывая под собой землю («ледниковую морену», сказал мистер Флейшер, или «стиральную доску», хотя это вообще непонятно что). Принесенная издалека почва забивала собой каменные долины, окрашивала грязью вновь появившиеся реки, ложилась в основание болот. Наверное, тогда все вокруг пахло весной, подумала Тесс. Сплошная весна много лет подряд, запахи грязи, гнили и новой жизни.

Выходит, задолго до ледникового периода была глобальная осень? Как сейчас, отметила Тесс, по утрам иней, а когда идешь в школу, видно собственное дыхание.

Она знала, что дорога к болоту лежит там, где кончаются тротуары, не меньше километра к востоку, мимо башен Глазной Впадины, а потом через невысокий холм. Эди Герундт говорила, что зимой там катаются на санках, вот только ребята постарше все время норовят в тебя врезаться, поэтому ходить кататься лучше с кем-то из взрослых.

Сначала Тесс шла вдоль дороги без тротуаров, которая вела от домиков города на восток в

сторону зданий Глазной Впадины, а потом сворачивала в сторону. В Глазной Впадине Тесс не была никогда, хотя в Кроссбэнке их класс водили в аналогичное здание на экскурсию. Сказать по правде, Ока она побаивалась. Мама сказала, там все как в Кроссбэнке — точная копия, — а Тесс там ничего не понравилось. Ни коридоры без окон, ни огромные стойки с БЭК-кольцами, ни шумные «кривонасосы», которые их охлаждают. Тем более миссис Флевеллинг, ее тогдашняя учительница, не уставала повторять: «Мы пока не очень понимаем, как все рабо- тает».

Главное, что изображения океанской планеты — в Кроссбэнке, и Лангуста-Сити — здесь, в Слепом Озере, именно тут и получались. В Глазной Впадине, или в Зрачке — так это место называлось в Кроссбэнке. Потому эти конструкции и были окружены тайной. Самими-то изображениями Тесс не слишком восхищалась, видео были скучными — что размеренная жизнь Субъекта, что еще менее подвижные океанские пейзажи. Но иногда, если было настроение, она могла часами смотреть на них, словно в окно на уроке, чувствуя, как это странно и необычно — наблюдать чужую планету.

От башен Ока в воздух поднимались тонкие

струйки пара. Облака вверху суетились, словно овцы в стаде. Тесс обошла комплекс стороной, не приближаясь к забору периметра, и свернула к западу, воспользовавшись протоптанной через высокую траву тропинкой — одной из многочисленных тропинок, оставленных в прерии детворой Слепого Озера. Потом застегнула воротник куртки, чтобы укрыться от налетевшего ветра.

Когда она достигла вершины холма, откуда катаются на санках, ноги уже болели, и Тесс была готова повернуть обратно, но вид открывшегося болота ее заворожил.

За поросшим травой подножием холма простиралось Слепое озеро, или, как сказал мистер Флейшер, «заболоченный эстуарий»: целый километр водянистого луга и неглубоких трясин. Здесь все заросло пучками травы и высокими палками камыша, а на участках открытой воды отдыхали канадские гуси — в точности такие же, как те, что всю осень шли крикливыми треугольниками над головой.

Дальше был еще один забор — вернее, тот же самый забор, который окружал всю Национальную обсерваторию «Слепое Озеро», а вместе с ней и болото. Дикая природа оказалась внутри

«охраняемого периметра». Если бы Тесс забрела в болото, террористы и шпионы ей бы там не угрожали. В отличие, надо полагать, от кусачих черепах и мускусных крыс. (Тесс не знала, как выглядит мускусная крыса, но мистер Флейшер сказал, что они живут на болоте, а название Тесс не очень понравилось.)

Она спускалась с холма, пока ее не окружили камыши, словно рослые гвардейцы в медвежьих шапках. В лужице стоячей воды по левую руку Тесс разглядела собственное изображение.

Если только это не Зеркальная Девочка.

Очень неприятная мысль, пусть даже ее мысли никто подслушать не может. Слишком уж она натерпелась в Кроссбэнке. Психологи, психиатры, бесконечные вопросы, от одной вежливости которых можно было с ума сойти. То, как на нее все смотрели, даже мама с папой, будто она, сама того не зная, сделала что-то очень стыдное. Нет, только бы не опять.

Ведь Зеркальная Девочка была просто игрой.

Хотя уж слишком эта игра походила на правду.

Не на *настоящую* правду, не настолько настоящую, как камень или дерево, которые можно потрогать. И все же более настоящую, чем сон. Более настоящую, чем хотелось бы. Зеркальная

Девочка жила не только в зеркалах (где она впервые появилась); она жила и просто в воздухе. И шептала вопросы, которые Тесс никогда бы не пришли в голову. Психолог сказал, что Тесс сама себе выдумала Зеркальную Девочку, но разве могла бы она выдумать личность столь настырную, а порой и надоедливую, как Зеркальная Девочка?

Она позволила себе бросить еще один взгляд на поверхность воды у самых ног. Воды, полной неба с облаками. Воды, откуда под косым углом глянуло ее собственное лицо — и приветливо улыбнулось.

«Тесс», — прошептал ветер, и лицо исчезло в волнах ряби.

Ей вспомнилась книжка про астрономию. Про глубины пространства и времени, в которых целый ледниковый период был всего лишь мгновением.

«Тесс», — шуршали листья и метелки камыша.

— Иди отсюда, — сказала Тесс. — Я и так уже натерпелась.

Ветер дунул сильней — и стих. И лишь чувство, что рядом кто-то есть, никуда не делось.

Тесс отвернулась от болота — теперь оно выглядело враждебным. Обернувшись к западу, девочка обнаружила, что просвечивающее сквозь

облачный слой солнце опустилось на самую макушку холма. Она взглянула на часы. Четыре. Висящий на цепочке вокруг шеи ключ от домика вдруг показался ей пропуском в рай. Оставаться в одиночестве на болоте больше совсем не хотелось. А хотелось сбросить с плеч тяжеленный рюкзак, свернуться в калачик на диване и чтобы на видеопанели было что-нибудь интересное или хотя бы книжка в руках. Тесс вдруг почувствовала себя виноватой, словно она нарушила что-то, придя сюда, хотя это и не запрещалось (правда, мистер Флейшер вскользь упомянул, что болото не такое уж и мелкое и что там можно заблудиться).

Большая голубая цапля взмыла в воздух из камышей, громко хлопая крыльями. В тисках ее клюва трепыхалось что-то зеленое.

Тесс отпрянула и побежала к вершине холма, откуда уже можно будет увидеть Слепое Озеро (которое город). В ушах свистел ветер, а шорох трущихся друг о дружку брючин звучал как беседа на повышенных тонах.

Башни Ока, мимо которых она проскочила, немного помогли ей успокоиться. Гладкий черный асфальт дороги, ведущей к домикам, помог еще больше. И окончательно успокоила близость

высоких зданий «Хаббл-Плазы».

А вот звук полицейских сирен у южных ворот снова встревожил. Сирены всегда напоминали Тесс рыдающих младенцев, одиноких и голодных. Они означали — случилось что-то нехорошее. Тесс вздрогнула и остаток дороги домой пробежала, уже не останавливаясь.

Семь

В среду утром к Крису, устроившемуся за крошечным складным столиком в клубном кафетерии, подсел Себастьян Фогель.

Завтрак, состоявший из круассанов, водянистого омлета, апельсинового сока и кофе, вынужденным поселенцам предоставлялся бесплатно. Крис начал с кофе. Для того чтобы хотя бы подумать о местном горячем, уже требовалась определенная нейрохимическая стимуляция.

Непринужденно приблизившись, Себастьян положил на столик экземпляр «Господа & квантового вакуума».

— Элейн говорит, что вы интересовались. Я подписал ее для вас.

Крис постарался изобразить на лице благодарность. В конце концов, книга была в подарочном издании, настоящая бумага, твердый переплет.

Прочная, как кирпич, да и по тяжести вряд ли отличается. Он живо представил себе картину: Элейн, пряча улыбку, рассказывает Себастьяну, как Крису «не терпится» познакомиться с его трудом… Похоже, тот привез с собой в Слепое Озеро полный чемодан этих книг.

— Благодарю, — сказал Крис. — Я вам теперь должен свою собственную.

— Ни к чему. Я загрузил электронную копию «Взвешенных ответов» еще до того, как обрубили связь. Элейн мне ее очень рекомендовала.

Однако я в долгу перед Элейн, подумал Крис. Чем же отплатить? Подсыпать ей в мюсли стрихнину?

— Она полагает, — продолжал между тем Себастьян, — что вся эта история с карантином может пойти нам на пользу.

Крис перелистывал книгу Фогеля, отмечая про себя заголовки разделов. «Бог в кредит». «Почему гены определяют сознание & каким именно образом». Чертовы амперсанды.

— На пользу? Каким образом?

— Мы оценим весь комплекс в кризисной ситуации. Особенно если карантин серьезно затянется. Она говорит, что тогда мы сможем отвязаться от пиарщиков Ари Вейнгарта и запросто поговорить

с людьми. И увидим Слепое Озеро с той стороны, которую никогда не показывают прессе.

Разумеется, Элейн была права, только Крису эта мысль пришла в голову еще раньше. Он уже второй день брал интервью у отрезанных от дома сменных работников, спрашивая, что они думают о карантине.

В попытке Элейн его взбодрить не было ни малейшей необходимости. Он и сам знал, что это, по всей видимости, его последний шанс спасти свою карьеру журналиста. Не знал он только, нужен ли ему этот шанс. Как справедливо заметила Элейн, существовали иные варианты. Например, хронический алкоголизм или наркотики — и то и другое он успел попробовать на вкус и хорошо представлял себе их привлекательность. Или можно было найти себе какую-нибудь неприметную работу — копирайтера там или автора технических руководств — и спокойно, без треволнений дотянуть до заслуженной пенсии. Не ему первому приходится снижать планку, и особого сочувствия это вроде бы не заслуживает.

Командировка в Кроссбэнк и Слепое Озеро стала для него воплотившейся в явь детской мечтой. К сожалению, ждать пришлось так долго, что мечта слегка подувяла. Он с детства был влюблен в кос-

мос и не мог оторваться от первых изображений, поступивших с оптических интерферометров НАСА и «Евростар» — грубые расплывчатые картинки, на которых были видны два газовых гиганта в системе UMa47 (каждый — со сложной системой огромных колец), и до мучительности неясное пятнышко, соответствовавшее твердой планете в обитаемой зоне звезды.

Родители его энтузиазм не разделяли. Слушать его рассказы была готова лишь Порша, младшая сестренка, — она под них засыпала вместо сказок. Для Порши любая история была сказкой. Ей нравилось, как он рассказывает про далекие, только что обнаруженные миры, однако она не позволяла ему ограничиваться твердо установленными фактами. А люди на этих планетах есть? А как они вы- глядят?

— Мы пока не знаем, — отвечал он, — людей еще не открыли.

Порша делала разочарованную гримаску — «ну, сочинил бы что-нибудь!» — но у Криса уже тогда обнаружилось качество, которое он впоследствии стал считать журналистским уважением к истине. Если ты понимаешь, в чем заключаются факты, украшательство уже ни к чему: все чудеса перед тобой, а самое чудесное — что это правда

от начала до конца.

Затем сигналы интерферометра НАСА стали ослабевать, и для того, чтобы извлечь из статического шума последние крохи полезной информации, привлекли новейшую разработку — БЭК-кольца, квантовые компьютеры, соединенные в нейросеть открытой органической архитектуры. Причем удалось добиться большего, чем ожидалось. Каким-то образом посредством все более и более глубоко вложенного рекурсивного Фурье-анализа компьютеры смогли производить изображение *даже после того, как интерферометры замолчали*. Аналитический инструмент, предназначенный быть вспомогательным устройством для телескопов, полностью их заменил.

Крис уже планировал съезжать из родительского дома, когда были опубликованы первые кадры с HR8832/B. Семья не обратила на них особого внимания. Порша, тинейджер-отличница, тогда как раз заинтересовалась политикой и страшно на всех сердилась, что ей не разрешили поехать в Чикаго — протестовать на инаугурации Континентального Содружества. Родители отдалились друг от друга и жили каждый в своем мирке — отцовский состоял из столярничания

и пресвитерианской церкви, мать запоздало окунулась в богему — собрания интеллектуалов и индийские платья, спиритические сеансы и афганские шали.

Конечно, они восхищались изображениями с HR8832/B, однако ничего толком не поняли. Как и большинство окружающих, они не представляли себе, как далеко от них находится планета, что означает «она обращается вокруг другой звезды», какую еще ценность, помимо чисто абстрактной, представляют собой морские виды и почему все вообще так носятся с этим местом, куда и отправиться-то нельзя.

Крис изо всех сил пытался им объяснить — в нем пробудилось еще одно журналистское качество. Как красота, так и значение получаемых изображений были попросту безмерны. Тысячелетия, которые потратило человечество на борьбу с невежеством, именно в них достигли кульминации. Они искупили суд инквизиторов над Галилеем и костер Джордано Бруно. Они подобны драгоценной жемчужине, обнаруженной на руинах рабства и войн.

Увы, сенсация оказалась совсем недолгой. Затем медийный пузырь лопнул, а торговцы сувенирами, собрав свою прибыль, переключились

на другие темы. С тех пор прошло десять лет. БЭК-эффект так и не удалось толком объяснить или воспроизвести, Порши уже не было, а первая попытка Криса написать книгу закончилась катастрофически. Правду никто не хотел покупать. Даже в Кроссбэнке, хуже того, даже в Слепом Озере постоянная внутренняя грызня относительно изображений и их интерпретации почти заслонила собой науку.

И тем не менее он здесь. Лишенный иллюзий, утративший ориентацию, затрахавшийся и оттраханный — но у него есть еще один шанс найти жемчужину и показать ее людям. Поделиться с ними той красотой и тем значением, которые в свое время буквально доводили его до слез.

Крис поднял взгляд на Себастьяна Фогеля.

— Что для вас означает это место?

— Я попал сюда так же, как и вы, — с улыбкой пожал плечами Себастьян. — Мне позвонили из «Восточного обозрения», я поговорил со своим агентом и подписал конт- ракт.

— Это понятно. Неужели вы видите лишь шанс опубликоваться?

— Не сказал бы. Быть может, я не столь сентиментален по этому поводу, как Элейн, однако значение того, что здесь происходит, я осознаю.

Со времен Коперника любое существенное астрономическое открытие влияет на то, как человечество воспринимает себя и свое место во Все- ленной.

— Дело ведь не только в результате, но и в самом процессе. Галилей, будь у него достаточно терпения, мог бы объяснить устройство телескопа практически кому угодно. Однако даже те, кто непосредственно работает с БЭК-кольцами, не в состоянии ответить, как именно они добиваются результата.

— Вы задаетесь вопросом, что на самом деле важнее — то, *что* мы видим, или то, *как* мы видим, — кивнул Себастьян. — Любопытная точка зрения. Не стоит ли вам поговорить с инженерами Ока? Они могут оказаться более словоохотливыми, чем теоретики.

Потому что им плевать на то, что я открыл миру правду о Галлиано, подумал Крис. Потому что для них я — не Иуда.

И тем не менее идея была стоящей. После завтрака Крис позвонил Ари Вейнгарту и попросил свести его с кем-нибудь из Ока.

— Главного инженера зовут Чарли Гроган. Если хотите, я с ним свяжусь.

— Буду признателен, — сказал Крис. — Есть

новости про карантин?

— Увы, никаких.

— Все еще без объяснений?

— Понимаю, что это не совсем обычно — но именно так. Я и сам прекрасно знаю, в каком состоянии все вокруг. У жены одного сотрудника в отделе кадров начались схватки в тот самый момент, когда в пятницу закрылись ворота. Можете себе представить, что бедолага сейчас чувст- вует.

Вчера Крис проинтервьюировал в спортзале трех сменных работников, и единственное, о чем они могли говорить, — это карантин. Покинутые семьи, некормленые собаки, пропущенные приемы у врача. «Могли бы хотя бы аудиосвязь организовать! — кипятился один электрик. — Что им стоит-то? Боятся, что нам фугас *по телефону* подкинут? Самые разные слухи идут, и неудивительно, раз информации никакой. Может, там уже война вовсю!»

Крис был целиком с ним согласен. Временный карантин из соображений безопасности — одно дело, но почти неделя без какой-либо информации снаружи или наружу уже граничила с безумием. Скоро все неминуемо придут к выводу, что в мире действительно произошло нечто

крайне серь- езное.

Быть может, так оно и было. Но это ничего не объясняло. Пусть даже война, какую угрозу представляет при этом интернет или видеотелефония? Почему под карантином находится не только население Слепого Озера, но и линии связи?

Кто и что скрывает? И от кого?

Следовало хотя бы час потратить перед ужином, чтобы привести записи в порядок. Он уже начал представлять себе, как могла бы выглядеть законченная статья — пусть не на все двадцать тысяч слов, как в договоре с «ВО», но и вряд ли намного меньше. Даже сформулировал основную мысль: под человеческой способностью к безразличию могут скрываться любые чудеса. В сонной культуре UMa47/E мысль эта отразится, словно в далеком зеркале.

Такая работа пойдет ему на пользу и, быть может, восстановит пошатнувшуюся веру в себя.

Или же завтра он проснется в привычном тумане отвращения к себе самому, осознавая, что десяток наскоро записанных интервью, сдобренных неоправданными амбициями, никого не обманут. Возможно и такое. Скорее всего, вполне вероятно…

Подняв взгляд от экрана персонального сервера, он обнаружил над собой Элейн.

— Крис!

— Я занят.

— У южных ворот что-то происходит.

— Что именно?

— Откуда я знаю? По дороге медленно приближается что-то большое. Похоже на беспилотное транспортное средство. Его видно с холма за «Плазой». На эту твою штуку можно писать видео?

— Да, но…

— Тогда и ее захвати. Пойдем!

Происходящее было, очевидно, довольно необычным, и на холме уже собралась кучка зрителей. Крис видел и прильнувшие к стеклам лица в окнах южной башни «Хаббл-Плазы».

— А Себастьяну ты сказала?

Элейн наморщила нос.

— Понятия не имею, где он. Да и вряд ли он заинтересовался бы. Разве что там, на дороге, сам Мессия.

Дорога в Слепое Озеро вилась вдали под плотным покровом низких туч. Действительно, что-то приближалось по ней к запертым воротам. Крис подумал, что Элейн, похоже, не ошиблась: больше всего оно напоминало тяжелый девятиосный

беспилотный грузовик, таких роботов армия использовала во время турецкого кризиса пять лет назад. Грузовик был выкрашен в черный цвет и лишен опознавательных знаков; во всяком случае, на расстоянии Крис не мог их разобрать. С прежней скоростью — примерно двадцать километров в час — до ворот ему оставалось минут десять, не меньше.

Крис снял короткое видео.

— Ты в хорошей форме? — спросила его Элейн. — Я собираюсь пробежаться отсюда до ворот, посмотреть, что будет, когда он подъедет.

— А не опасно? — возразил Крис. И холодно тоже. За последний час температура упала на несколько градусов, а он был без куртки.

— Пора уже отрастить яйца, — поддела его Элейн. — Не похоже, что грузовик вооружен.

— Пусть не вооружен, зато бронирован. Кто-то подготовился к неприятностям.

— Тем более надо там быть. Эй, что это?..

Взвыли сирены. Мимо с огромной скоростью пронеслись к югу две машины секьюрити Слепого Озера.

Для своего возраста Элейн оказалась очень подвижной. Крис едва за ней угнался.

Восемь

В среду Маргерит рано закончила работу и отправилась в школу, чтобы встретиться с мистером Флейшером, классным руководителем Тессы.

Здание единственной в Слепом Озере школы было двухэтажным, длинным и находилось неподалеку от «Плазы». Его окружали игровые и спортивные площадки, а также огромная парковка. Подобно всем остальным зданиям Слепого Озера, школа была спроектирована очень грамотно, но без каких-либо отличительных черт — подобная школа могла бы обнаружиться где угодно. Она была очень похожа на школу в Кроссбэнке и встретила Маргерит, шагнувшую сквозь широкие двери, тем же самым запахом, которым пахли все известные ей школы: йогурта, деревянной стружки, дезинфицирующего средства, подросткового мускуса и работающих электроприборов.

Тесс в этом году пошла в восьмой класс, на шаг дальше от игры в классики и кукол Барби, и застыла теперь на самом пороге юности. Старшие классы для самой Маргерит были не слишком радостными, и ряды бледно-розовых шкафчиков

вызвали в ней привычное чувство ожидания опасности, хотя школа пустовала — учеников распустили пораньше, чтобы учителя могли встретиться с родителями. Тесс, наверное, уже дома, читает или просто слушает, как гудят обогреватели. *В родных стенах*, подумала она не без зависти.

Маргерит постучала в полуоткрытую дверь комнаты 130 — класса мистера Флейшера. Тот жестом пригласил войти и встал, чтобы пожать ей руку.

Она не сомневалась, что мистер Флейшер — отличный учитель. Слепое Озеро было образцовым институтом федерального значения, и ключевым элементом заключаемых с сотрудниками контрактов являлся доступ к первоклассной школьной системе. Маргерит была уверена: у мистера Флейшера безупречный послужной список. Даже внешне он производил впечатление прекрасного учителя, во всяком случае, такого, которому без опасений можно доверять: высокий, с ласковым взглядом, одет безукоризненно, но при этом демократично, аккуратно подстриженная бородка и широкая улыбка. Рукопожатие его оказалось твердым, но не жестким.

— Добро пожаловать. — Столы и стулья в классе

были детские, однако он принес откуда-то пару стульев для родителей. — Присаживайтесь.

Забавно, подумала Маргерит, почему от всего этого ей так неловко.

Флейшер бросил взгляд на свой листок.

— Приятно познакомиться. Вернее сказать, мы уже знакомы — нас представляли друг другу в первый день занятий. Вы ведь работаете в департаменте наблюдения и интерпретации?

— Сказать по правде, я его возглавляю.

Флейшер чуть приподнял брови.

— Вы ведь здесь с августа?

— Да, мы с Тесс приехали в августе.

— А ее отец — чуть раньше, не так ли?

— Верно.

— Вы живете отдельно?

— Мы в разводе, — отрезала Маргерит. Интересно, это паранойя или Рэй успел все обсудить и с Флейшером? Он всегда настаивал, что они «живут отдельно», будто это какое-то временное недоразумение. Вполне в духе Рэя — упомянуть, что Маргерит «работает в департаменте интерпретации», не признавая, что она им руководит. — У нас договор о совместном воспитании, но большую часть времени за Тесс отвечаю я.

— Понимаю.

Возможно, Рэй и об этом забыл упомянуть. В разговоре возникла пауза — Флейшер что-то добавил к своим за- писям.

— Извините, если создается впечатление, что я лезу не в свое дело. Просто мне нужно понять, как у Тесс обстоят дела дома. В школе у нее пока дела идут не лучшим образом — уверен, что вы в курсе. Ничего особо серьезного, однако отметки ниже, чем хотелось бы, и потом, кажется, она немного… не знаю, как лучше сказать… слегка *невнимательна* в классе.

— Переезд… — начала Маргерит.

— Безусловно, важный фактор. Тут у нас вроде военной базы. Семьи приезжают и опять уезжа- ют, а дети это переносят не так легко. Кроме того, бывает, новичков недолюбливают. Я с таким сталкивался, увы, не раз. Но это не единственное, что беспокоит меня в случае Тесс. Я просмотрел ее личное дело из Кроссбэнка.

Вот оно, подумала Маргерит. *Разворошили ста- рые угли.*

— Весной у Тесс были проблемы. Однако они уже позади.

— Это было во время бракоразводного про- цесса?

— Да.

— Она посещала психиатра, так?

— Да, доктора Лейнстера в Кроссбэнке.

— А сейчас врачи за ней наблюдают?

— В Слепом Озере? Нет! — решительно мотнула головой Маргерит.

— А вы не рассматривали такую возможность? Здесь есть специалисты, способные оказать первоклассную помощь.

— Я не сомневаюсь. Но не чувствую необходимости в такой помощи.

Флейшер сделал паузу. Постучал карандашом по столу.

— В Кроссбэнке у Тесс случались галлюцинации, верно?

— Нет, мистер Флейшер, неверно! Тесс чувствовала себя одинокой и стала разговаривать сама с собой. Она придумала себе подружку, Зеркальную Девочку, и иной раз ей самой становилось нелегко отличить воображаемое от реального. Это проблема, да, но не *галлюцинация*. Тесс проверяли на височную эпилепсию и на добрый десяток других неврологических заболеваний. Все тесты дали отрицательный результат.

— Согласно личному делу ей поставили диагноз…

— Синдрома Аспергера, совершенно верно;

ничего из ряда вон выходящего. У нее случается нервный тик, она поздно начала говорить и с трудом находит себе друзей. Да, она одинока; думаю, что проблемы в Кроссбэнке были отчасти вызваны именно одиночеством.

— По-моему, она одинока и здесь.

— Не спорю. Одинока и не знает, что делать. А что бы вы чувствовали на ее месте? Родители в разводе, недавний переезд плюс все обычные невзгоды, выпадающие на долю ребенка ее возраста. Я все это и без вас прекрасно вижу. Каждый день. В ее жестах, в глазах.

— Вам не кажется, что терапия могла бы здесь помочь?

— Поймите меня правильно, я не то чтобы против. Тесс сажали на риталин и кучу других лекарств, и ни одно не помогло. Совсем наоборот. Все это тоже должно быть в личном деле.

— Терапия не обязательно подразумевает лекарства. Иногда помогает просто беседа с врачом.

— Тесс беседы не помогли. Она лишь стала себя чувствовать еще более не такой, как все.

— Это она вам сказала?

— Я сама все прекрасно видела! — Маргерит почувствовала, что у нее вспотели ладони. Голос

тоже повысился от напряжения. *Опять заскулила*, говорил в подобных случаях Рэй. — Мистер Флейшер, к чему вы клоните?

— Еще раз прошу прощения, если вам кажется, что я лезу не в свое дело. Я предпочитаю знать, что происходит с моими учениками дома, особенно если в школе у них не все в порядке. В моем понимании именно это и означает быть хорошим учителем. Я также отдаю себе отчет, что иной раз становлюсь похож на следователя.

— Я знаю, что Тесс не всегда справляется с письменными заданиями, но…

— Она приходит в класс, однако в иные дни она… не знаю, как это лучше описать… эмоционально где-то еще. Смотрит в окно. Не отвечает, когда я к ней обращаюсь. Что-то шепчет. Это не означает, что она отличается от других в худшую сторону или что с ней что-то серьезно не так, вот только чему-то ее научить в такой ситуации очень тяжело. Я просто хочу сказать, что мы могли бы попытаться как-то помочь…

— Здесь был Рэй? Так?

Мистер Флейшер изумленно моргнул.

— Я беседовал с вашим мужем… бывшим мужем… раз или два.

— И что он вам сказал? Что я за ней не слежу?

Что она жалуется — ей со мной одиноко?

Флейшера выдали глаза. В точку! Ну и говнюк же ты, Рэй!

— Послушайте, — сказала Маргерит, — я понимаю ваше беспокойство и сама его разделяю, но вам также следует знать, что Рэй недоволен решением судьи относительно Тесс и уже не первый раз пытается меня подставить, изобразить все так, будто я плохая мать. Давайте я попробую догадаться, как все было: он пришел сюда и сказал, что, хотя ему *совсем не хотелось бы* затрагивать подобную тему, он беспокоится о Тесс, особенно после того, что случилось в Кроссбэнке, и не может ли быть, что она не получает той доли родительской заботы, которую заслуживает, тем более что она ему кое-что сказала по этому поводу… Я правильно передаю суть?

Флейшер вскинул вверх руки, обороняясь.

— Я не имею права продолжать разговор в подобном ключе. Могу лишь заверить — отцу Тесс я сказал ровно то же самое, что и вам.

— Рэй ведет собственную игру, мистер Флейшер.

— Меня во всем этом волнует только Тесс.

— А я вас уверяю… — Маргерит с трудом сдержалась, чтобы не прикусить собственную губу.

Флейшер смотрел на нее с терпеливой заботой, почти *отеческой,* но он все-таки учитель восьмого класса. Не может ли быть, что этот его чуть нахмуренный взгляд — всего лишь защитный рефлекс, маска, которую он автоматически надевает, столкнувшись с истеричной ученицей? Или родительницей. — Само собой, я готова сделать все возможное, чтобы помочь Тесс с уроками и всем остальным…

— По существу, тут мы с вами целиком сходимся, — ответил Флейшер. — Тесс пропустила много занятий в Кроссбэнке, не хотелось бы, чтобы это повторилось и здесь.

— Конечно! Конечно, не хотелось бы. Я совсем-совсем уверена, что и не повторится!.. Я могла бы с ней поговорить, объяснить ей, как важно быть прилежной, если вы думаете, что это поможет, — поспешно добавила Маргерит, надеясь, что отчаяния в голосе не будет слышно.

— Может помочь, — кивнул Флейшер, затем, поколебавшись, добавил: — Я одно хочу сказать: нам обоим нужно внимательнейшим образом смотреть за Тесс. Чтобы успеть вмешаться, пока что-то не случилось.

— Я и так смотрю во все глаза!

— Хорошо. Это и есть самое важное. Если нам

снова понадобится поговорить, вы не против, если я опять по- звоню?

— В любое время, — заверила его Маргерит, до нелепого обрадовавшись, что встреча подошла к концу.

Флейшер встал.

— Спасибо, что пришли. Надеюсь, я вас не слишком растревожил.

— Нисколько.

Наглая ложь.

— Если вас тоже что-то будет беспокоить, моя дверь всегда для вас открыта.

— Спасибо, я очень благодарна.

Маргерит спешила по коридору к дверям школы, словно ей не терпелось покинуть место преступления. Упоминать имя Рэя было ошибкой, думала она, хотя отпечатки его пальцев были буквально по всей классной комнате, а как ловко он ее подставил! И вообще, удивительно в духе Рэя использовать проблемы Тесс как оружие.

Впрочем, подумала Маргерит, может быть, я просто пытаюсь обмануть сама себя. Проблемы Тесс вовсе не легкое нервное расстройство, и весь случившийся в Кроссбэнке балаган вот-вот повторится… Она была готова на все, лишь бы помочь Тесс преодолеть этот нелегкий период,

хотя и не представляла, *как именно* ей помочь, ведь сквозь упорное безразличие Тесс пробиться почти невозможно… а тут еще Рэй, который постоянно во все лезет, пытается ими манипулировать, пытается выгадать себе преимущество в гипотетической судебной битве за опеку.

Рэй, для которого каждый конфликт — это война, и он рвется в бой, поскольку панически боится проиграть.

Маргерит распахнула двери и вырвалась на воздух. К вечеру заметно похолодало, а тучи опустились еще ниже. Морозный ветерок после удушающей жары классной комнаты казался чуть ли не приятным.

Садясь в машину, Маргерит услышала вой сирен. Она осторожно подкатила к выезду с парковки, поэтому успела затормозить, когда мимо на полной скорости пронесся автомобиль секьюрити Слепого Озера. Направлялся он, похоже, к южным воротам.

Девять

Секретарша Рэя Скаттера, Сью Сэмпел, легонько постучала в дверь и напомнила, что через двадцать минут у того встреча с Ари Вейнгартом. Рэй оторвал взгляд от пачки распечатанных на

принтере листков и поморщился.

— Спасибо, я и сам в курсе.

— А в четыре придет начальник секьюрити.

— Я вполне умею читать собственный календарь.

— Хорошо, — кивнула Сью. *Да и пошел ты в задницу.* В эту среду Рэй был заметно не в настроении, притом что он и раньше-то не отличался особой приветливостью. Сью решила, что на него давит карантин — как и на всех остальных. Она понимала, что меры безопасности иной раз необходимы, и могла представить себе, что бывают ситуации (хотя, черт возьми, *какие*?), когда приходится запрещать даже телефонные звонки за пределы периметра. Но если так будет продолжаться и дальше, людей это начнет бесить по-настоящему. Некоторых уже бесит. Разумеется, в первую очередь сменных работников, жизнь которых (а также супруги и дети) осталась за пределами Слепого Озера. Однако к постоянным жителям это тоже относилось. Взять саму Сью. Хотя жила она в Озере, свидания себе она организовывала вне комплекса и сейчас очень переживала относительно второго звонка от мужчины, с которым познакомилась на «встрече одиноких атеистов» в Констансе. Примерно ее

возраста, за сорок, ветеринар с начавшей редеть прической и добрыми глазами. Она будто наяву видела, как он печально смотрит на телефон у себя в руке, на все эти сообщения «НЕТ СВЯЗИ» или «СЕРВЕР НЕДОСТУПЕН», и как в конце концов капитулирует. Еще один упущенный шанс. Ну, по крайней мере, на этот раз виновата не она.

Ари Вейнгарт появился в приемной точно по расписанию. Умница Ари: вежливый, забавный, да еще и пунктуальный. Просто святой!

— Босс на месте? — поинтересовался Ари.

— Повезло тебе. Пойду доложу.

Окно кабинета Рэя Скаттера на шестом этаже «Хаббл-Плазы» выходило на юг, и вид оттуда частенько его отвлекал. Обычно из городка и в городок непрерывно шел какой-нибудь транспорт. В последние дни движение прекратилось, из-за карантина вид из окна сделался статичным, а пейзаж за оградой периметра — пустым, словно мятая оберточная бумага. Ничего не двигалось, если не считать скользящих теней от облаков или случайной стайки птиц. Если долго смотреть из окна, пейзаж начинал казаться столь же нечеловеческим, как виды UMa47/E. Очередное импортированное неизвестно откуда изображение. Совершенно *плоское*, ведь так? Двумерная

кар- тинка.

Карантин создал уйму малоприятных проблем. Не самой последней из которых оказалось то, что он теперь вроде как был в комплексе за главного.

Его должность в администрации была не такой уж и высокой. Однако в прошлые выходные в Канкуне состоялась ежегодная конференция Космического общества по астробиологии и экзокультурным исследованиям. Крупная делегация из ученых и административного руководства, побросав плавки и купальники в чемоданы, покинула Слепое Озеро за день до карантина. Если вычеркнуть имена уехавших из диаграммы управления комплексом, над головами начальников департаментов оставался теперь единственный кружок с именем «Рэй Скаттер» — словно сорвавшийся с веревочки воздушный шарик.

Это означало, что теперь к нему постоянно шли люди, проблемы которых он не был уполномочен решать. И требовали того, что он не мог им дать — например, внятного объяснения причин карантина или возможности в виде исключения этому карантину не подчиняться. Он был вынужден отвечать, что и сам ничего не знает. И

может только выполнять стандартные инструкции до тех пор, пока снаружи не поступят другие распоряжения. Иными словами, дожидаться, пока все это дерьмо само собой рассосется. Но все продолжалось уже так долго, что не могло не раздражать.

Когда Ари Вейнгарт постучал в дверь и вошел, от окна пришлось отвернуться.

Рэю не нравился жизнерадостный оптимизм Вейнгарта. Он подозревал, что за ним скрывается недостаток уважения, что Вейнгарт притворяется своим в доску, чтобы незаметно что-то выгадать, как и любой другой начальник департамента. Но Вейнгарт по крайней мере понимал, каково сейчас Рэю, так что хотя бы не жало- вался.

Если бы только не эта его улыбка! Она резала Рэю глаза, словно дуговой прожектор. Белые ровные зубы сверкали, подобно кафельной плитке.

— Садись, — предложил Рэй.

Вейнгарт пододвинул стул поближе к столу и тут же вытащил из кармана компьютер. Сразу к делу. Вот это Рэю было по душе.

— Вы просили составить список проблем, которые нам придется решать, если блокада затянется. Я тут кое-что набросал.

— Блокада? — переспросил Рэй. — Люди так это

называют?

— Чтобы отличить от стандартного шестичасового карантина.

— Но почему блокада? Мы же не в осаде.

— Спросите у Димы. — Дмитрий Шульгин, глава местного гражданского секьюрити, должен был явиться сюда к четырем. — Такой карантин, похоже, прописан где-то в инструкции для военных. Дима говорит, это называется «информационная блокада», просто никому и в голову не приходило, что такое может случиться у нас.

— Мне он ничего подобного не говорил. Вот ведь молчун славянский! И с какой же целью могут ввести такую блокаду?

— Инструкцию написали, еще когда Кроссбэнк получил первые кадры. На основании одного из параноидальных сценариев, которые рассматривались на слушаниях в Конгрессе. Идея была, что Кроссбэнк или Слепое Озеро могут загрузить что-нибудь опасное, то есть не в физическом смысле, а что-то вроде вируса или трояна… Вы знаете, что такое стеганография?

— Данные, закодированные внутри файлов с изображениями. — Рэй не стал напоминать Вейнгарту, что его лично вызывали на те самые слушания. Кибератаки в то время были модной

темой. Луддитское лобби опасалось, что Слепое Озеро загрузит какую-нибудь зловредную инопланетную саморазмножающуюся программу или — о господи! — деструктивный мем, который затем распространится по земным коммуникационным сетям, причинив ущерб, масштабы которого не поддаются оценке.

Рэй отдавал себе отчет, что Слепое Озеро имеет дело с доселе неизведанным, однако идея относительно вируса была явным абсурдом. Аборигены UMa47/E вряд ли подозревали, что за ними следят. А даже и подозревай они… Считалось, что изображения, получаемые Слепым Озером, передаются со скоростью света, пусть даже и непонятно, как именно. Для того чтобы хоть как-то навредить, аборигены должны быть крайне чувствительны и до безумия одержимы идеей мщения. И тем не менее на слушаниях Рэй был вынужден признать, что возможность опасной стеганографии, пусть даже чисто теоретическая, все же существовала. Так что на этот случай в и без того чудовищную прорву планов по обеспечению безопасности Слепого Озера были внесены соответствующие дополнения. Хотя, с точки зрения Рэя, подобного бреда астрономия не знала со времен Джироламо Фракасторо с его теорией, что сифилис вызван

противостоянием Сатурна, Юпитера и Марса.

Неужели эти идиотские планы и правда приведены в действие?

— С этой теорией есть одна проблема, — сообщил он Вейнгарту. — Для блокады нет причины. Мы не загружали ничего подозрительного.

— Пока не загружали, — кивнул Вейнгарт.

— Тебе что-то известно?

— Да нет, разумеется. Но допустим, что-то случилось в Кроссбэнке…

— Да ладно! Кроссбэнк видит только океан и бактерии.

— Да, но…

— И в любом случае у нас совершенно разные объекты наблюдения. Происходящее у них на нас никак не сказывается.

— Если предположить, что проблема в *процессе* наблюдения…

— Ты хочешь сказать, она связана с самим Оком?

— Если в Кроссбэнке что-то неладно с БЭК-кольцами, министерство энергетики или военные могут устроить нам блокаду в качестве меры предосторожности.

— Не предупредив нас?

— Информационная блокада — двусторонняя.

Ни отсюда, ни сюда. Можно предположить, что они отключили все вплоть до несущей частоты.

— Но предупредить все равно можно было.

— Допустим, они торопились.

— Все это совершенно вилами по воде писано, и я надеюсь, что вы с Шульгиным не слишком много треплетесь на такие темы. Слухи могут вызвать панику.

Похоже, Вейнгарт хотел что-то сказать, но передумал.

— И в любом случае, — заключил Рэй, — от нас тут ничего не зависит. Существенным вопросом остается, как нам позаботиться о себе до тех пор, пока снаружи не решат, что можно открыть ворота.

Вейнгарт кивнул и начал зачитывать свой список:

— Припасы. Питьевую воду нам подают по трубам, и подача не прекращалась, однако без новых поставок некоторые категории продуктов закончатся уже на этой неделе, а к концу ноября нас ожидает масштабный продовольственный кризис вплоть до голода. Я бы рассчитывал, что нам организуют доставку продуктов; тем не менее представляется разумным создать неприкосновенный запас и, возможно, даже выставить

у него охрану.

— Представить не могу, что эта… *осада* продлится до Дня благодарения!

— Мы ведь решили обсуждать самые разные сценарии…

— Хорошо, хорошо. Что еще?

— Та же самая история с медикаментами. Причем местная клиника не предназначена для лечения серьезных болезней или травм и с эпидемией тоже вряд ли справится. Скажем, если случится пожар, пострадавших надо будет отправлять в ожоговые центры, иначе возможны летальные исходы там, где их вполне можно избежать. Тут мы тоже мало что в состоянии предпринять, разве что предупредить медиков, чтобы были готовы к чрезвычайным ситуациям. Кроме того, если блокада затянется, людям потребуется психологическая помощь. Уже есть жалобы на срочные проблемы с оставшимися снаружи семьями.

— Перебьются.

— Жилищный вопрос. В спортзале сейчас живут человек двести сменных работников, не считая журналистов и других временных посетителей. Наилучшим долговременным решением — *если* блокада затянется — было бы отправить

их всех на постой. У многих жителей комплекса есть свободные спальни или гостевые комнаты; найти добровольцев особого труда не составит. При определенной удаче нам удастся переселить всех с раскладушек на кровати, в крайнем случае — на диваны. И дать им возможность пользоваться нормальными удобствами, а не сражаться за душевые и не толпиться в очереди в уборную.

— Займись этим, — распорядился Рэй. Потом на секунду задумался и добавил: — Подготовь список возможных добровольцев, но прежде, чем с ними говорить, покажи его мне. Одновременно надо будет переписать всех сменных работников и прочих посетителей.

Вейнгарт продолжил свое перечисление — всякие мелочи, которые в основном будет несложно перепоручить, да и понадобятся они только в том случае, если карантин затянется, во что Рэй не верил. Еще месяц? *Три* месяца? Представить невозможно! Правда, его уверенность несколько подрывал тот неумолимый факт, что карантин *уже* затянулся дольше, чем можно было вообразить.

Вейнгарт подводил итоги, когда в дверь постучала Сью Сэмпел.

— Мы не закончили! — крикнул Рэй.

Сью приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

— Я знаю, только…

— Если пришел Шульгин, пусть подождет несколько минут.

— Он не придет — позвонил, чтобы отменить встречу. Едет к южным воротам.

— К южным воротам? И что же там такого важного?

— Он сказал, что, если вы посмотрите в окно, сами поймете, — ухмыльнулась Сью.

Огромный девятиосный тягач — черный, бронированный — полз к Слепому Озеру, словно огромная мокрица, робеющая, несмотря на многоуровневую защиту. Там, где следовало быть водительской кабине, имелся лишь тупой конус, оборудованный сенсорами. Тягач двигался по дороге, определяя свое местоположение при помощи GPS и скрытых на местности передатчиков. Водителя не было.

Когда Крис и Элейн достигли южных ворот, там уже собралась целая толпа из сменных работников, чья смена закончилась, клерков и старшеклассников. Подкатили два автобуса секьюрити, оттуда выскочило с десяток сотрудников в серой униформе; они стали уговаривать толпу отойти от ворот на казавшееся им безопас-

ным расстояние.

Забор, окружавший внутренний периметр Слепого Озера, представлял собой, как объяснила Крису Элейн, «охранное оборудование» высшего класса. Столбы были из высокопрочного сплава и глубоко утоплены в землю, секции из карбонового композита, более прочного, чем сталь, их покрытие — гладкое, как тефлон, и утыкано сенсорами. Поверху шла двойная спираль из колючей проволоки. На забор можно было подать электричество убойного напряжения.

Перекрывающие дорогу ворота открывались по команде с КПП или по сигналу закодированного передатчика. Сам КПП представлял собой бетонный бункер с окнами-бойницами, прочный, как скала. Сейчас там, однако, никого не было: охранника отозвали с началом карантина.

Крис протолкался вперед сквозь толпу, Элейн следовала за ним, положив руки ему на плечи. В конце концов они вышли к барьерам, которые сейчас растаскивали вдоль дороги люди в сером. Элейн ткнула пальцем в сторону подъехавшей машины.

— Смотри, Ари Вейнгарт! А с ним, если не ошибаюсь, Рэй Скаттер.

Крис постарался запомнить его лицо. История

Рэя Скаттера представляла определенный интерес. Пятнадцать лет назад он был виднейшим критиком астробиологии, «науки желаемого, а не действительного», как он тогда выражался. Разочарование, вызванное марсианской программой, привлекло на его сторону многих, во всяком случае до тех пор, пока проект «Поиск землеподобных планет» не начал приносить многообещающие плоды. После прорыва, совершенного в Кроссбэнке и Слепом Озере, его пессимизм стал восприниматься уже как близорукость и зависть, однако Рэй Скаттер вовремя дал задний ход и с энтузиазмом новообращенного взялся за дело. Без всякого преувеличения серьезнейший вклад, который он внес в первичные атмосферные и геологические изыскания, не только спас его карьеру, но и позволил подняться в иерархии до значительных административных постов сперва в Кроссбэнке, а теперь и в Слепом Озере. Рэй Скаттер мог бы стать интереснейшим объектом для журналистского расследования, однако считалось, что интервью он не дает, а публичные заявления Рэя были настолько банальными, что журналисты давно списали его со счетов.

Сейчас он с раздраженным видом о чем-то

препирался с шефом секьюрити. Разговора Крис слышать не мог, однако взял карманной камерой крупный план и записал несколько секунд видео. Всего несколько секунд, не больше. Основную часть памяти следовало оставить для очевидно неизбежного столкновения самоуправляемого грузовика с воротами.

Тягач был уже в сотне метров от КПП — настолько массивный, что остановить его вряд ли удастся.

Элейн прикрыла глаза рукой и стала внимательно всматриваться куда-то вдоль забора. Заходящее солнце, проглянув сквозь слой облаков, залило прерию косыми лучами света. Наклонившись к Крису, Элейн сказала ему прямо в ухо:

— Мне кажется или это в самом деле мини-дроны?

Крис вздрогнул от неожиданности — и попытался проследить ее взгляд.

Боб Крафт, прибывший в Слепое Озеро в составе инженерной группы, чтобы разметить стройплощадку к востоку от Ока — там планировалось возвести еще один микрорайон, — заметил тягач вскоре после полудня, когда он только появился на горизонте пятнышком размером с горо- шину.

Ему довелось участвовать в турецких войнах, так что он сумел опознать беспилотный грузовик — вообще-то обычно такие используются для снабжения войск в горячих точках. Однако зрелище его не встревожило. Даже напротив. Уместен он тут или нет, грузовик явно направлялся в Слепое Озеро. Что означало — южные ворота откроют, чтобы его пропустить. И это был шанс. Он сразу же понял, что следует делать.

Боб нашел свою жену Кортни в спортзале Слепого Озера, где они провалялись без дела на раскладушках большую часть недели. И сказал ей: никуда не уходи, но будь готова к отъезду. Кортни бросила на мужа обеспокоенный взгляд — беспокоилась она всегда и по любому поводу, — однако возражать не стала, а лишь коротко кив- нула.

Боб прошел два квартала (быстро, но не настолько быстро, чтобы привлечь к себе внимание) до своей машины на гостевой парковке в подвальном этаже «Хаббл-Плазы». Усевшись в машину, он тщательно проверил уровень заряда, потом включил мотор и предельно аккуратно проехал обратно к клубу. Хотя пульс заметно ускорился, ладони оставались сухими. Кортни, которая как раз показалась в широких дверях

клуба, несмотря на то что он велел ей оставаться на месте, заметила, как он подъехал, и забралась на пассажирское сиденье.

— И куды ж мы собрались? — спросила она.

Что он всегда в ней терпеть не мог, так это словечек, которых она набралась у себя в трейлерном парке в Миссури. В иные дни он был от нее просто без ума, но порой не мог не изумляться: каким надо быть идиотом, чтобы жениться на бабе, у которой культуры не больше, чем у енота, залезшего в мусорный бак.

— Надо ехать, Корт, других вариантов нет.

— Вообще не пойму, что вдруг за спешка!

Если повезет, то и не поймешь никогда. Бобу принадлежала одна четверть в успешном и уважаемом бизнесе по землеустройству и строительству фундаментов в Констансе. В четверг утром — то есть завтра — ему надо встретиться с Эллой Рэйбурн, девятнадцатилеткой, которая в свое время бросила школу, чтобы устроиться секретарем в их контору, и отвезти ее в клинику абортов в Биксби. Пусть это и не вина Боба, что бестолковая Элла не озаботилась ни обычной, ни даже экстренной контрацепцией — если, конечно, не считать виной его свойство увлекаться круглыми дурами, — он все-таки отвечал теперь

за положение, в котором она оказалась. Так что в четверг он отвозит ее в Биксби, снимает ей там мотель на несколько дней, чтобы могла восстановиться, выписывает чек на пять тысяч долларов — и больше они друг друга не знают.

Если же он откажется или если та хрень, которую правительство устроило сейчас в Слепом Озере, задержит его еще хотя бы на день, Элла Рэйбурн отправит жене Боба Кортни по почте некое видео. Он не думал, что Кортни подаст на развод — если судить здраво, с браком ей очень даже повезло, — однако наверняка всю оставшуюся жизнь будет ему припоминать, как была шокирована зрелищем собственного мужа, зарывшегося физиономией между роскошными юными ляжками Эллы. Записать видео было его собственной дурацкой идеей. Он и не подумал, что Элла Рэйбурн догадается сделать копию.

Впрочем, это, к слову, были бы еще цветочки. Если Боб не сумеет организовать аборт, Элле придется во всем признаться отцу. Тоби Рэйбурн торговал стройматериалами, прислуживал в лютеранской церкви, а в свободное время тренировал баскетбольную команду. Прозвище у него было Клык, поскольку в свое время он выбил левый зуб несостоявшемуся угонщику собственной

машины, оправил его в стеклопластик и с тех пор носил на цепочке в качестве амулета. Тоби Рэйбурн по прозвищу Клык, возможно, проявил бы христианское всепрощение по отношению к собственной дочери, но уж никак не к инженеру средних лет, подсадившему ее (как наверняка расскажет Элла) на барбитураты, поскольку под ними она не лома- лась.

На Эллу Рэйбурн он особого зла не держал. И ему было не жалко заплатить за аборт. Пусть девчонка тупа, как пробка, зато за себя постоять сумеет. Что вызывало определенное уважение.

Кортни тоже была такой, пока он на ней не женился. Однако с тех пор ее постоянная готовность к отпору выцвела до мрачного беспокойства по любому поводу и без повода.

— А что, осаду уже сняли? — спросила Кортни.

— Не то чтобы совсем. — Боб уже ехал к южным воротам, стараясь держать такую скорость, чтобы не вызвать ни у кого ни малейших подозрений. Тем более черный транспортник тоже никуда не торопился. Судя по тому, что он увидел с пригорка за «Плазой», за все это время тягач прополз от силы полкилометра.

— Ну а чего тогда? Выехать-то нельзя.

— Технически нельзя, только…

– *Технически*?

— Дай мне уже договорить, а? В таких местах, как здесь, проезд закрывают из соображений безопасности, Корт. Чтобы террористы сюда не пробрались. Всем остальным не разрешают въезжать и выезжать, потому что террористы могут этим воспользоваться. Но до *нас*-то никакого дела никому нет. Мы просто хотим домой, только и всего. В конце концов, что они нам сделают — отру- гают?

Скорее всего, конечно, оштрафуют, причем на кругленькую сумму, вот только объяснить Кортни, зачем нужно идти на подобный риск, у него вряд ли получится.

— До нас никому нет дела, — повторил он.

— Ворота-то *заперты*, дурачок.

— Скоро откроются.

— Кто тебе сказал?

— Я сам тебе говорю.

— А ты откуда знаешь?

— А я телепат. Прочитал чужие мысли.

Перед воротами уже собралась толпа. Боб съехал на подстриженный газон у обочины и припарковался справа от ворот. Выключил мотор и вдруг услышал, как ветер свистит сквозь щели между панелями корпуса. Ветер становился

все холоднее, по-зимнему морозным, и Кортни демонстративно содрогнулась. Она не взяла с собой в Слепое Озеро никакой теплой одежды. Боб взял и был сейчас наказан за свою предусмотрительность — куртку пришлось отдать Кортни, чтобы не ныла, а самому остаться в рубашке с коротким рукавом. Солнце ушло за гряду вихрящихся туч, залив прерию мертвенным светом. Через пару месяцев снегу здесь будет по самые яйца. Мрачная погодка. В такую погоду он всегда ощущал печаль и даже своего рода скорбь, будто пронизывающий ветер уносил прочь что-то по-настоящему для него до- рогое.

— Мы чего, так и будем тут сидеть?

— Пока не откроются ворота, — ответил Боб.

— Почему ты решил, что нас выпустят?

— Увидишь.

— Что увижу?

— Все увидишь.

— Ну, конечно, — хмыкнула Кортни.

Потом она задремала — согрелась, решил Боб, завернулась в его кожаную куртку и еще лицо воротником прикрыла, а огромный черный грузовик тем временем замедлил свое неуклонное движение в каком-то десятке метров перед воротами. Солнце уже зашло, грузовик вращал

фарами, словно подметая перед собой дорогу дугами яркого света.

Толпа заметно разрослась. Незадолго до того, как Кортни заснула, из городка, завывая сиренами, подкатили две машины секьюрити. Теперь парни в униформах, как у охранников, отгоняли толпу от ворот. Кортни не двигалась, Боб тоже вжался в сиденье, так что в полумраке и суматохе машина должна была выглядеть пустой, словно кто-то запарковался и вышел. Довольно скоро, с удовлетворением отметил Боб, толпу уже отодвинули за машину.

Ворота начали открываться. По команде с грузовика, решил Боб. Но какое великолепное зрелище! Прочный барьер в три метра высотой пополз наружу на хорошо смазанных петлях плавно, словно в кино. *Победа*, подумал Боб.

— Пристегнись, — сказал он Кортни.

— Что? — моргнула она спросонья.

Боб прикинул, достаточно ли открылись ворота.

— Ничего, — ответил он. Включил двигатель и втопил педаль в пол.

Мини-дроны, как рассказала Элейн, это самонаводящиеся летающие боевые машины размером с крупный апельсин. Она видела их в деле во

время турецкого кризиса — они патрулировали запретные зоны и спорные территории. Но никогда не слыхала, чтобы их использовали за пределами театра военных действий.

— Эти дроны просты и не особо избирательны, — объяснила она Крису, — зато дешевые, их можно запустить сразу много, и в отличие от мин они не остаются навеки в земле, чтобы калечить детишек уже после войны.

— А что они делают-то?

— Большей частью просто лежат, чтобы не расходовать энергию. Но способны реагировать на движение и снабжены несложной логикой, чтобы распознавать вероятные цели. Если ты зайдешь в запретную зону, они взлетают, словно стая саранчи, прицеливаются и плюются небольшими зарядами взрывчатки, вполне, впрочем, убой- ными.

Крис посмотрел в ту сторону, куда указывала Элейн, однако не смог рассмотреть в сгущающихся сумерках ничего подозрительного. Здесь нужен острый глаз, объяснила Элейн. Они хорошо закамуфлированы, а если взлетят, но цели не обнаружат — допустим, их потревожила вибрация почвы под весом вот этого огромного беспилотного грузовика, — то очень быстро снова

опустятся и спря- чутся.

Крис поразмышлял над этим, пока грузовик приближался, а все более и более нервничающие секьюрити отгоняли зевак подальше от ворот. Чушь какая-то, решил он наконец. Внутреннее ограждение Слепого Озера — всего лишь одна из множества окружающих городок систем безопасности. Что же это должна быть за угроза, если без боевых роботов ее не остановить?

Разве что остановить на периметре следовало не внешнюю угрозу, а *обитателей городка*?

Еще большая чушь.

Когда опустилась темнота, а грузовик приблизился к воротам и ненадолго приостановился, толпа притихла. Кое-кто начал от нее отделяться, очевидно, решив, что здесь слишком холодно или слишком опасно, чтобы любопытствовать. Но многие остались и навалились сейчас на веревочные ограждения, которые растянули секьюрити. Похоже, люди не обращали внимания ни на усилившийся пронизывающий ветер, ни на ранние не по сезону снежинки, закружившиеся в свете фар грузовика. Однако когда ворота вдруг начали беззвучно отворяться, толпа вздохнула и подалась назад.

Крис обернулся к Элейн, краем глаза заметив,

как сквозь снежную дымку светятся огни Слепого Озера — концентрические громады «Хаббл-Плазы», мерцающие навигационные фонари на градирнях Глазной Впадины, теплые огоньки выстроенных в аккуратные линейки жилых до- миков.

За спиной у него вдруг взревел электромотор — гораздо ближе, чем рокочущий грузовик, — и он опять резко развернулся.

— Видео! — рявкнула Элейн. — *Крис*!

Он попытался нажать кнопку. Пальцы закоченели от холода, а кнопки были размером с булавочную головку. И вообще он эту штуку в основном использовал в качестве диктофона. В конце концов Крис все-таки нащупал кнопку «Запись видео» и направил устройство в сторону ворот.

Откуда-то из-за КПП на дорогу выпрыгнула машина. С выключенными фарами, кто внутри — непонятно. Однако намерения водителя были очевидны. Он собирался проскочить в полуоткрытые ворота.

— У кого-то дома собачка некормленая, — заметила Элейн, потом выпучила глаза. — Черт, они ж не знают!

Про дроны, подумал Крис.

Казалось, что шансов прорваться сквозь ворота у водителя мало, но он, похоже, все очень хорошо рассчитал. Машина — «Форд» или «Тесла» одной из последних моделей, решил Крис — проскочила в открывшийся проем на какой-то миллиметр шире ее самой и тут же резко свернула влево, чтобы не врезаться в массивный бампер грузовика. Зажглись фары, машина снова резко свернула, чтобы не вылететь на обочину, и стала разгоняться.

— Ты пишешь? — требовательно спросила Элейн.

— Да, — ответил он. По крайней мере он надеялся. Проверять все равно было уже поздно. Отворачиваться тоже.

— Считай, мы дома! — заорал Боб Крафт, чуть не задев задним бампером черную громаду грузовика. Хотя это, конечно, вряд ли. Скорее всего, их остановит военный патруль, всю ночь напролет на них будут орать и пытаться предъявить обвинения на основе какого-нибудь параграфа с последней страницы устава. Да и пошли они на хрен, он не на военной службе и никому не давал подписку оставаться в Слепом Озере до конца дней. Пустая дорога в свете фар в любом случае радовала глаз. — Домой! — закричал Боб опять, в

основном для того, чтобы заглушить повизгивающую от ужаса Кортни.

Та наконец набрала в грудь достаточно воздуха, чтобы обозвать его козлом.

— Я тебе говорил, что мы уедем? — воскликнул он.

— Блин, ну да, говорил, только разве…

Она повернулась к боковому стеклу — что-то ее отвлекло. Боб тоже заметил: что-то небольшое выскочило из высокой травы. Птица, подумал он, однако машина внезапно наполнилась холодным воздухом и мелкой жесткой снежной крупой, уши болезненно заложило, все вокруг было в стеклянной крошке, а у Кортни, кажется, из носа пошла кровь — кровь была на приборной доске, на его новой кожаной куртке…

— Корт? — Собственный голос прозвучал необычно, словно под водой.

Он вдавил тормоз, но на скользкой дороге «Теслу» занесло, несмотря на все усилия отчаянно гудящих сервомоторов. Потом двигатель почему-то взорвался фонтаном голубого пламени. Машину подбросило. Боба вдавило в сиденье. Вокруг него вращались асфальт, высокая трава и темное небо; на какую-то секунду он подумал: «Блин, да мы ж летим!» Потом машина призем-

лилась на правое переднее крыло, и его бросило на Кортни. Вернее, на то, что осталось от Кортни: потому что она была вся липкая и красная, и ее лизало пламя.

— Какого хера? — потребовал Рэй, увидев взрыв. Шеф секьюрити Дмитрий Шульгин только и смог что-то пробормотать насчет боеприпасов. Каких боеприпасов? Что, собственно, произошло? Машина попыталась прорваться наружу, загорелась и перевернулась. Теперь она лежала на крыше. Больше ничего не двигалось. Даже толпа у ворот застыла в немой неподвижности. Как на фотографии. Застывшее изображение. Время остановилось. Рэй моргнул. Заряд снежной крупы ужалил его в лицо.

— Дроны, — объявил Шульгин. И как будто разорвал завесу молчания. В толпе заголосили.

Дроны. Вот эти штуки, порхающие над горящим автомобилем? Мячики с крылышками?

— Что значит «дроны»? — спросил Рэй.

Зеваки начали разбегаться к автомобилям. Фары вспыхивали, их лучи прорезали темную прерию. Всем вдруг страшно захотелось домой.

— Ничего хорошего, — ответил Шульгин, хотя Рэй к тому моменту уже забыл про свой вопрос. Шеф секьюрити отступил на обочину, словно

желая броситься прочь. — *Смотрите*!

Во враждебной пустоте за воротами со скрежетом открылась водительская дверь пылающего автомобиля.

Когда машина наконец остановилась, Боб мало что соображал помимо того, что надо из нее выбраться. Подальше от пламени и от окровавленного, обугленного объекта, в который почему-то превратилась Кортни. Где-то в глубине сознания вертелась мысль, что *нужно ей помочь*, но ровно там же гнездилась еще одна мысль, совсем неприятная — Корт уже не поможешь. Он любил Кортни, во всяком случае ему нравилось так думать, и он часто испытывал к ней совершенно неподдельную страсть, однако больше всего на свете ему хотелось сейчас оказаться как можно дальше от ее изуродованного тела и от пылающей машины.

Боб пополз прочь от Кортни к водительской двери. Помятая дверь не желала открываться, ручка попросту осталась у него в руке. Растопырившись между рулем и спинкой сиденья, он стал лупить в дверь ногами. Ступни пронзила адская боль, однако дверь со скрипом и стоном чуть провернулась на погнутых петлях. Боб сумел надавить на нее, открыть пошире — и вывалился

наружу, глотая холодный воздух. Поднялся на колени, затем, пошатываясь, — на ноги.

На этот раз он хорошо рассмотрел устройство, взмывшее вверх из высокой травы. Так получилось, что он как раз смотрел в нужную сторону и разглядел его очень четко — небольшой объект, совершенно здесь неуместный и, вероятно, вообще последнее, что ему предстояло увидеть в жизни. Круглый, окрашенный в защитный бурый цвет; в воздухе его держали жужжащие пропеллеры. Объект завис над землей примерно на уровне головы Боба. Боб смотрел ему прямо в глаза — если исходить из того, что вот эти небольшие впадины были эквивалентом глаз. Он сразу понял, что это боевое устройство, хотя ни разу не видел ничего подобного ни в армии, ни на сборах. Бежать ему и в голову не пришло. От такого не убежишь. Он просто застыл на месте и стал закрывать глаза, но так и не успел закрыть полностью. Успел лишь почувствовать, как кожу лица жалит снег. Потом — короткую, жгучую тяжесть в области сердца, и больше уже ничего не было.

Для толпы этого последнего действия пограничной драмы оказалось более чем достаточно. В полном молчании люди смотрели, как убитый

— если это слово применимо к окровавленному кулю, из которого торчат человеческие внутренности, — валится наземь. Затем раздались панические вопли, потом — рыдания. Хлопали двери машин, школьники разворачивали мопеды, чтобы в панике устремиться сквозь снежный полумрак назад, к огням Слепого Озера.

Когда зрители разбежались, Шульгину стало легче добиться подчинения и от своих секьюрити. Их тоже ни к чему подобному не готовили. В массе своей это были просто дружинники, нанятые, чтобы не позволять пьяным или безбашенной молодежи лезть куда не следует. Были среди них и ветераны, однако большинство никогда не служило в армии. Сказать по правде, думал Рэй, от них ничего особого сейчас и не требовалось, просто организовать мобильное оцепление вокруг продолжавшего ползти грузовика и не дать отдельным оставшимся гражданским попасть под колеса. Справились они с задачей на удивление не- плохо.

Через пятнадцать минут после того, что произошло за воротами, черный транспортник остановился внутри периметра Слепого Озера.

— Эти машины служат для доставки, — пояснила Крису Элейн. — Они просто сбрасывают груз

и отправляются обратно. Вон, смотри, грузовой отсек начинает откры- ваться.

Крис смотрел, но почти ничего не видел. Перед глазами стояло зрелище атаки на пытающийся вырваться автомобиль. Там, в темноте, огонь уже почти погас, остались только дымящие угли в мокром снегу. Там умерли люди, один или даже несколько человек, и смерть их, решил Крис, одновременно служила предупреждением населению Слепого Озера. Прохода нет. Ваш городок превратился в клетку.

Транспорт начал двигаться в обратную сторону, словно выползая вместе со всей броней из-под обычного морского алюминиевого контейнера, который обнаружился внутри. Освободив контейнер, транспорт ускорился, прошел через открытые ворота и направился к Констансу. Дымящиеся останки автомобиля он отбросил с дороги на обочину, словно ничего не значащий мусор.

Ворота начали закрываться.

Все как по маслу, подумал Крис. Если забыть о погибших.

Контейнер остался внутри. Утомленные секьюрити поспешно оцепили его… только приближаться никто из них не спешил.

Крис и Элейн слегка отступили назад, чтобы лучше видеть. Задняя стенка контейнера, похоже, удерживалась в своем положении единственным рычагом. Последовал диалог между Рэем Скаттером и другим мужчиной, в котором Элейн опознала начальника секьюрити Слепого Озера. Последний наконец шагнул сквозь оцепление и решительно потянул за рычаг. Стенка распахнулась.

Человек пять его подчиненных включили фонарики и направили их внутрь. Контейнер был забит картонными коробками. Надписи на некоторых Крис сумел разо- брать.

Кукурузные хлопья. Овощи. И еще овощи.

— Продукты! — воскликнула Элейн.

Мы здесь надолго, подумал Крис.

Часть вторая
Зеркала из жидкой ртути

Десять

Интеллект декаподов неизмеримо превосходил человеческий, и у них даже не возникало мысли, что люди тоже разумны. По-видимому, для декаподов люди выглядели кем-то наподобие зверушек, а города и промышленность производили на них не больше впечатления, чем на обычного человека производит муравейник – если не считать того забавного чувства, с которым он сравнивает муравьиную общину со своей собственной.

Лесли Фрэнсис Стоун. Люди в марсианском зверинце. 1936

— Крис Кармоди? Вы сюда что, пешком тащились, что ли? Сбивайте-ка снег и заходите. Я — Чарли Гроган.

Главный инженер Глазной Впадины Чарли Гроган оказался крупным мужчиной, однако объем ему обеспечивала скорее мышечная масса, чем жир. Он протянул Крису массивную ладонь. Волосы еще не начали редеть, хотя на висках уже белые. Спокоен, уверен в себе.

— Сказать по правде, — сообщил ему Крис, — я действительно пришел пешком.

— Вы здесь без машины?

Без машины, и зимнюю одежду в Слепое Озеро он тоже не взял. Даже его куртка без подкладки и то была чужая и не того размера. За воротник все время забивался снег.

— Когда работаешь в здании без окон, — сказал Гроган, — приобретаешь способность догадываться о погоде по всяким мелочам. Метель еще не кончилась?

— В самом разгаре.

— Угу-угу. Сами понимаете, в декабре у нас тут без снега редко когда обходится. Повезло еще, что к Дню благодарения выпало совсем чуть-чуть. Куртку свою вешайте здесь. Обувь тоже снимайте, мы тут ходим в резиновых бахилах, возьмите себе с полки. Вот эта штука у вас на груди — диктофон?

— Да.

— То есть интервью уже началось?

— Если, конечно, вы не попросите остановить запись.

— Да нет, мы ведь тут как раз для этого. Я побаивался, что вы хотите расспросить меня о блокаде — а я про нее знаю ничуть не больше остальных.

Но Ари Вейнгарт сказал, что вы работаете над книгой.

— Над большой статьей для журнала. Хотя, может статься, и над книгой. Как выйдет.

— В зависимости от того, выпустят ли нас когда-нибудь наружу?

— От этого и еще от того, найдутся ли снаружи потенциальные читатели.

— Это что-то вроде детской игры, да? Давайте играть в то, что мир не сошел с ума? И в то, что наша работа еще имеет какой-то смысл?

— Лучше будем считать это чувством долга, — ответил Крис.

— В общем, я собирался — считайте это моим чувством долга — провести вас по Оку и немного рассказать о его истории. Вы именно этого хотели?

— Именно это мне нужно, мистер Гроган.

— Можете звать меня Чарли. Вы ведь одну книгу уже написали, правильно?

— Да.

— Угу, я о ней слышал. Про того биолога, Теда Галлиано. Слышал и о том, что ее называют клеветой.

— А саму книгу не читали?

— Не читал и не собираюсь — только не оби-

жайтесь, пожалуйста. Я Галлиано знал, мы познакомились на конференции по биоквантовым вычислениям. Может, в области антивирусных препаратов он оказался и гений, но говнюком он тоже был еще тем. Некоторых известность слишком уж возбуждает. Галлиано с тобой и двух минут не мог провести, если ты не репортер или не крупный инвестор.

— Думаю, ему было необходимо чувствовать себя героем — заслуживал он того или нет. Но я здесь не для того, чтобы говорить о Галлиано.

— Просто хотел внести ясность. За книгу я вас винить не намерен. Съехать на мотоцикле с обрыва решил сам Галлиано, вашей вины здесь нет.

— Спасибо. Так вы обещали провести меня по Оку…

Глазная Впадина представляла собой точную копию комплекса в Кроссбэнке, где Крис уже побывал. Во всяком случае, на архитектурном уровне. Подробности слегка отличались: имена на дверных табличках, цвет стен. И еще здесь все без особого энтузиазма попытались украсить к предстоящим праздникам: у входа в кафетерий висели красные и зеленые ленты, в библиотеке поставили бумажный венок и менору.

На Чарли Грогане были очки, и в них он мог

видеть то, что не видел Крис — в том числе внутреннюю информацию о том, кто сейчас в каком офисе находится. Когда они проходили мимо двери с надписью: «ЭНДОСТАТИКА», Чарли через гарнитуру побеседовал с теми, кто внутри:

— Привет, Элли… ладно, не стану отвлекать… Да нет, с Бумером все в порядке, спасибо.

— Кто такой Бумер?

— Пес мой, — объяснил Чарли. — Старый уже совсем.

Они спустились на лифте на несколько этажей, к «чистой зоне» в самом сердце Ока.

— Сейчас наденете костюмчик — и к кольцам, — пообещал Чарли. Однако обнаружилось, что над широкой дверью с надписью: «ВХОД ТОЛЬКО В СТЕРИЛЬНОЙ ОДЕЖДЕ» — мигает красная лампочка.

— Внеплановые работы, — развел руками Чарли. — Посетителям пока хода нет. Готовы обождать с часок?

— Если тем временем получится побеседовать, то да.

Главный инженер сопроводил его обратно в кафетерий; Чарли сказал, что все равно не успел пообедать. Еда на сервировочных столиках была точно такая же, как и в клубе — те же самые

курица с рисом быстрого приготовления и готовые сэндвичи, которые раз в неделю доставлял транспорт. Инженер взял себе ржаной сэндвич с ветчиной. Крис, который по дороге сюда успел промерзнуть, предпочел горячее. Воздух в кафетерии был приятно теплым, аппетитные запахи из кухни действовали успокаи- вающе.

— Я всем этим занимаюсь уже достаточно давно, — начал рассказывать Чарли. — Собственно, новичков в Слепом Озере практически нет, если не считать аспирантов, которые приезжают на стажировку. Ари не говорил, что мне довелось работать с доктором Гуптой еще в Беркли?

Томми Гупта был родоначальником исследований в области саморазвивающихся нейронных сетей и квантовых интерфейсов.

— Вы тогда сами, наверное, были студентом?

— Угу. Это вы верно подметили — не так уж я и стар. Мы только начали использовать для логических элементов переключатели Бутова. Интересное было время — хотя никто толком не представлял, насколько все окажется интересным.

— Астрономическими приложениями вы тоже тогда занимались? — уточнил Крис.

— Немного. Разумеется, никто не ожидал, как

все обернется.

По большому счету еще одно повторение всей истории Крису не требовалась. Она была прекрасно известна, и любому приличному журналисту в области астрономии или популяризатору науки довелось за последние годы ее пересказывать в той или иной форме. По большому счету, подумал он, это всего лишь последняя глава в давнем стремлении человечества увидеть невидимое; технологии двадцать первого века в ней лишь виньетки. Все началось, когда первое поколение космических обсерваторий НАСА, работавших в рамках так называемого проекта «Поиск землеподобных планет», определило три обращающиеся вокруг не слишком удаленных солнцеподобных звезд планеты, предположительно похожие на Землю. ПЗП породил проект «Интерферометры высокого разрешения», а ИВР породил величайший проект в области оптической интерферометрии, комплекс «Галилей» — шесть небольших, но чрезвычайно сложных автоматических станций, обращающихся вокруг Солнца за орбитой Юпитера и связанных между собой в единый виртуальный телескоп невиданного прежде разрешения. Как тогда было принято хвастаться, комплекс «Галилей» мог распознать

форму континентов на планетах в сотнях световых лет от Солнца.

И все это действительно работало. Какое-то время. Пока телеметрия с «Галилея» не стала ослабевать.

Месяц за месяцем, медленно, но неуклонно сигнал становился все менее и менее разборчивым. В результате интенсивного расследования НАСА пришло к выводу, что источником проблемы являются несколько строчек кода, к несчастью, прошитого в архитектуре комплекса столь глубоко, что перезаписать его невозможно. Подобные риски были изначально заложены в проект. «Галилей» был чрезвычайно сложен и столь же чрезвычайно недоступен. Отремонтировать комплекс не представлялось возможным. Еще немного, и триумф человеческой технологии превратился бы в набор бессмысленных, хотя и чрезвычайно дорогих побрякушек.

— Тогда у НАСА не было своих БЭК-колец, — заметил Чарли, — но «Дженкорп» предложил поделиться вычислительными мощностями.

— Вы работали в «Дженкорпе»?

— Да, мне довелось понянчиться с их оборудованием. «Дженкорп» добился неплохих результатов в области синтеза белков. Естественно, примерно

то же самое можно было делать и на обычных квантовых компьютерах. Среди инженеров считалось, что БЭК-кольца слишком уж сложны и непредсказуемы, что это костыль какой-то, а не нормальное решение — черт-те что и сбоку бантик. Но с результатом-то не поспоришь. А результаты дженкорповские БЭК-кольца выдавали быстрее, чем стандартные БЭК-компьютеры в Массачусетском технологическом. Другое дело, что выглядело это слегка страшно- вато.

— Страшновато?

— Слишком уж они были неожиданными. Контринтуитивными. Любой специалист в саморазвивающемся адаптивном программировании вам скажет, что БЭК-кольца в этом плане сильно отличаются от обычных БЭК-массивов, которые и сами по себе достаточно странно себя ведут. Мне не следует этого говорить, поскольку подразумевается, что я рассудительный и опирающийся исключительно на факты инженер, однако БЭК-кольца попросту *мыслят* странно. Причем такое объяснение ничем не хуже других, все равно никто не понимает, почему БЭК-процессор с открытой органической архитектурой работает быстрее, чем просто БЭК-процессор. Можно подумать, в него какой-то сраный дух вселяет-

ся, извините за выражение. И мы в машинном зале не просто поставляем требуемые вольты и амперы — штука, за которой мы ухаживаем, она почти живая. Иногда у нее хорошее настроение, иногда же…

Чарли умолк, словно осознав, что давно вышел за рамки инженерных рассуждений. Вряд ли он захочет, чтобы я это публиковал, понял Крис.

— Так, значит, вы предложили НАСА доступ к БЭК-кольцам…

— В конце концов НАСА просто купила у «Дженкорпа» несколько штук. И меня вместе с ними. Понимаете, по существу, задача сводилась вот к чему — по мере того, как сигнал с комплекса «Галилей» ослабевал, его становилось все сложнее и сложнее отделять от шума. Соответственно, нам предстояло обнаружить этот сигнал и извлечь его, отделив от всевозможных случайных радиопомех, которые от всей Вселенной так и лезут. Меня часто спрашивают: «Как же вы это делали?» И мне приходится отвечать, что мы этого *не делали* и никто не делал, мы просто поставили перед БЭК-кольцами задачу, они дали варианты ответов, варианты стали скрещиваться и размножаться, пока из всего этого что-то не вышло. Сотни тысяч поколений в секунду, гигантская

невидимая эволюционная гонка в духе Дарвина, выживает сильнейший… под «сильнейшим» в данном случае понимается «способный извлечь сигнал из-под груды шума». Код, пишущий код. Больше поколений кода, чем поколений живших на Земле людей, как бы даже не больше, чем поколений всех живых существ. Числа, усложняющие сами себя, как ДНК. В непредсказуемости и есть основная красота, понимаете?

— Кажется, да, — согласился Крис. Красноречие Чарли было ему по душе. Ему всегда нравилось, когда в голосе интервьюируемого звучит истинная страсть.

— Я хочу сказать, что мы сделали нечто красивое и загадочное. Чрезвычайно красивое. И чрезвычайно зага- дочное.

— И оно сработало, — кивнул Крис. — Отделило сигнал от шума.

— Как всем известно, сработало. Сказать по правде, пока наконец не получилось, мы сомневались. Имели место несколько, как мы это называем, пороговых ситуаций. Когда все чуть было не пошло прахом. Сначала у вас прекрасное, чистое изображение, потом оно начинает распадаться, буквально пиксель за пикселем. Потеря осознаваемого сигнала. Однако всякий

раз БЭК-кольца снова его вытягивали. Вообще без нашего участия, понимаете? Наши математики с ума сходили — очевидно, начиная с какого-то уровня осмысленный сигнал получить нельзя в принципе, слишком много потерь, однако машины продолжали его извлекать, словно кролика из шляпы. Пока наконец…

— Да-да.

— Пока наконец в один прекрасный день к нам в лабораторию не заявился мужик в дорогом костюме и не объявил: «Так, ребята, только что сообщили с самого верха: комплекс полностью прекратил передачу и отключился, можете тоже выключать свою технику и расходиться по домам». А моя начальница — я тогда работал с Келли Флетчер, она сейчас в Кроссбэнке — подняла голову от монитора и говорит: «Комплекс, может, и отключился, а данные продолжают идти».

Чарли дожевал сэндвич, вытер рот салфеткой и отодвинул стул.

— Наверное, в аппаратную уже можно.

В Кроссбэнке Крису довелось видеть БЭК-кольца с галереи. В саму аппаратную его тогда не пригласили.

Стерильный костюм оказался удобным, на-

сколько это вообще возможно — воздух внутрь шел прохладный, стекло шлема было широким и прозрачным, — и тем не менее Крис испытывал в нем легкую клаустрофобию. Чарли провел гостя через дверь для персонала, и они попали в сюрреалистическую тишину аппаратного зала. Кольца представляли собой эмалированные цилиндры, каждое размером с грузовик. Они были установлены на изолирующих платформах, способных поглощать любую сейсмическую вибрацию, за исключением серьезных землетрясений. Странные и очень нежные устройства.

— Все может кончиться в любую минуту, — пробормотал Крис.

— Вы о чем?

— Слова одного инженера из Кроссбэнка. Он сказал мне, что ему нравится такая спешка, нравится обслуживать процесс, который может прерваться в любой момент.

— Такое чувство тоже есть, точно. Это технологии совершенно нового уровня сложности. — Чарли переступил через пучок проводов в тефлоновой изоляции. — Машины показывают нам чужие планеты, но за те десять лет, которые они работают на НАСА, мы так и не поняли, как именно они это делают.

И *делают ли* вообще, подумал Крис. Горстка твердолобых скептиков продолжала настаивать, что изображения не имеют под собой никакой реальной основы: что все это в некотором роде БЭК-кольцам лишь… снится.

— Таким образом, — сказал Чарли, — у нас здесь, по существу, сразу два исследовательских проекта: ученые в «Плазе» сортируют и интерпретируют данные, а те, кто работает здесь, пытаются понять, *каким образом* эти данные получены. Только наблюдать нам приходится как бы со стороны. БЭК-кольца нельзя ни разобрать, ни просветить рентгеном, ни еще чего-нибудь в этом роде. Измеряя квантовую систему, меняешь ее состояние. Слепое Озеро — не просто копия Кроссбэнка; нашим машинам пришлось пройти через такой же процесс самообучения, только мы использовали данные со старых интерферометров, а не с «Галилео», специально приглушая уровень сигнала, пока машины тоже не смогли решить задачу, в чем бы это решение ни заключалось. В мире лишь два таких комплекса, и любые попытки построить третий на данный момент ни к чему не привели. Мы словно балансируем на тоненькой ниточке. Примерно это и хотел сказать тот парень из Кроссбэнка. Здесь происходит

нечто необычное, на грани чуда; мы не понимаем, что именно. Остается лишь ухаживать за этим чудом и надеяться, что оно не устанет и не выключится. Все может кончиться в любую минуту, это точно. И от любой при- чины.

Инженер подвел Криса к последнему из БЭК-колец, затем они через серию шлюзов прошли в помещение, где уже можно было снять стерильный костюм.

— Не следует забывать, — сказал Чарли, — что машины вовсе не разрабатывались под эту конкретную задачу. Никакого линейного процесса — сначала первая стадия, потом вторая и третья. Все, что мы сделали — запустили их. Поставили задачу, запустили машины, а то, что случилось потом, было волей Провидения. — Он аккуратно сложил стерильный костюм и оставил на полке, откуда его заберут в чистку.

Потом Чарли провел гостя через самый многолюдный сектор Ока — два огромных зала, стены увешаны видеопанелями, а внутри — множество мужчин и женщин с гарнитурами на головах, внимательно вглядывающихся в собственные экраны. Крису вспомнился старый комплекс НАСА в Хьюстоне.

— Похоже на центр управления полетом.

— И неспроста, — кивнул Чарли. — НАСА управляло комплексом «Галилей» через примерно такой же интерфейс. Когда все окончательно вышло из строя, они переключили систему на БЭК-кольца. Отсюда им отдаются команды, связанные с направлением, глубиной резкости, увеличением и тому подобными настройками.

До мельчайших деталей. Одна из панелей на противоположной стене передавала необработанное видео. Лангуста-Сити. Только Элейн, конечно, права: название никуда не годится. Аборигены даже отдаленно не походили на лангустов, разве что своей грубой кожей. На самом деле Крису чудилось в них что-то бычье — вероятно, из-за индифферентной медлительности и огромных, лишенных выражения глаз, напоминающих бильярдные шары.

Субъект был в конклаве, глубоко на дне неясно освещенного обеденного колодца. Среди мшистой поросли валялись шкурки овощей, между влажными отбросами ползали какие-то личинки. Лучший способ отбить себе аппетит, подумал Крис, — это понаблюдать за питанием аборигенов. Он повернулся от экрана к Чарли Грогану.

— Да уж, — кивнул тот, — все может кончиться в любую минуту… Ари сказал, вы живете в

спортзале.

— Пока что да.

— Подвезти вас домой? Я на сегодня более или менее закончил.

Крис посмотрел на часы. Уже почти пять.

— Лучше, чем опять идти пешком.

— При условии, что дорогу успели расчистить.

Пока Крис был внутри, снега успело насыпать сантиметров пять, а ветер лишь усилился. Криса бросило в дрожь, стоило ему выйти наружу. Он родился и вырос в Южной Калифорнии, и пусть даже успел пожить на Восточном побережье, к зимнему холоду так и не привык. Это ведь не просто плохая погода, а такая, что легко может тебя убить. Если сбиться с дороги, гипотермия покончит с тобой еще до рассвета.

— В этом году зима довольно суровая, — согласился Чарли. — Наверное, потому, что тают льды и холодная вода попадает в Тихий океан. К нам сюда задувает по прерии прямо из Канады. Через какое-то время привыкаешь.

Не исключено, подумал Крис. Жить в осаде тоже ведь привыкаешь.

Машина Чарли Грогана была включена в розетку на крытой парковке. Крис блаженно вытянулся на пассажирском сиденье. Машина

явно принадлежала холостяку — сзади все было завалено старыми журналами и собачьими причиндалами. Стоило Чарли выехать с парковки, как шины заскользили по укатанному снегу, машину повело, и она не сразу поймала сцепление с асфальтом. Проезд, ведущий к главной дороге, обозначали сияющие ярко-желтым светом столбики, напоминавшие укутанных в шубы из снежного вихря ча- совых.

— Все может кончиться в любую минуту, — повторил Крис еще раз. — Как и блокада. Может кончиться, но никак не кончается.

— Вы свой диктофон уже выключили?

— Давно. Вы в том смысле, что я продолжаю интервью? Нет, конечно. Просто разговариваю.

— В устах журналиста…

— Я не для таблоидов пишу. Честное слово, просто хотел потрепаться. Если желаете, можем вернуться к по- годе.

— Не хотел вас обидеть.

— Я и не обиделся.

— Уже обожглись на Галлиано, ведь так?

И кто здесь кого допрашивает? Однако ему казалось, что собеседник заслуживает откровенного ответа.

— Не уверен, что это правильное слово.

— Надо полагать, критикуя национального героя, берешь на себя определенный риск.

— Я вовсе не пытался его опорочить. В основном он все написанное вполне заслужил.

Тед Галлиано попал на экраны национальных телеканалов двадцать лет назад, когда запатентовал семейство новых антивирусных препаратов широкого профиля. И заработал состояние, основав фармацевтическую компанию нового поколения, эксплуатирующую эти патенты. Галлиано послужил прототипом ученого-предпринимателя двадцать первого века — в девятнадцатом такими были Эдисон и Маркони, оба — порождение коммерческого окружения своего времени и при этом гении. Как и Эдисон с Маркони, он стал национальным героем и привлек к себе на работу лучших специалистов по геному и синтезу белков. Ожидаемая продолжительность жизни детей, рождавшихся сейчас в Континентальном Содружестве, превышала сто лет во многом благодаря антивирусным и антигериатрическим препаратам Галлиано.

Однако Крис обнаружил, что как бизнесмен Галлиано был совершенно безжалостен и не всегда чистоплотен — в чем тоже походил на Эдисона. Он лоббировал продление срока своих

патентов в Вашингтоне; выживал с рынка конкурентов или поглощал их, пользуясь при этом довольно сомнительными схемами; хуже того, некоторые из найденных Крисом источников были совершенно уверены, что Галлиано вовлечен в откровенно незаконные махинации на фондовом рынке. Последним его крупным коммерческим проектом была генетическая вакцина против атеросклероза, которую так и не довели до ума, и в результате открывшихся перед инвесторами перспектив, пусть и дутых, курс акций «Галтеха» взлетел на головокружительную высоту. Разумеется, потом пузырь лопнул, но Галлиано с дружками своевременно успели продать акции.

— А доказательства у вас есть?

— В конечном итоге выяснилось, что нет. Да я, собственно, писал биографию вовсе не для того, чтобы смешать Галлиано с дерьмом. Гениальным-то ученым он действительно был. Когда книга вышла, ее встретил довольно теплый прием — надо полагать, отчасти потому, что Галлиано, как и любому богачу, завидовали. Затем с ним произошел несчастный случай или же самоубийство, точки зрения возможны разные, и семья Галлиано решила обвинить во всем книгу. «Желтый писака довел благотворителя до

самоубийства». Заголовки получились что надо.

— Вам пришлось судиться?

— Я давал показания на слушаниях в конгрессе.

— По-моему, я что-то читал…

— Меня чуть не отправили в тюрьму за неуважение к правосудию. Поскольку я отказался раскрыть свои источники. Другое дело, что мне бы это все равно не помогло. Все мои источники были публичными персонами и к моменту слушаний уже успели сделать заявления, в которых встали на сторону семейства Галлиано. В глазах общества к тому моменту Галлиано уже был мертвым святым. Никто не станет звать патологоанатома, чтобы вскрывать мертвого святого.

— Не повезло вам, — кивнул Чарли. — Во всяком случае, момент оказался не самый удачный.

Крис смотрел в боковое стекло — на снег, который сыпался с неба, лип к поверхности машины, собирался в небольшой сугроб за зеркалом.

— Или само решение было неудачным. Я атаковал одну из самых крупных ветряных мельниц на этой планете. Похоже, не до конца понимая, как устроен мир.

— Угу. — Некоторое время Чарли вел машину молча. — На этот-то раз вам повезло. История

блокады Слепого Озера, рассказанная изнутри.

— При условии, что найдется кому ее рассказать.

— Вас лучше высадить у самого клуба?

— Да, спасибо, если не слишком большой крюк.

— Мне спешить некуда. Хотя Бумер, наверное, проголодался. Я думал, что сменных работников из клуба уже всех расселили к местным.

— Меня пока не успели. Встреча с хозяином квартиры завтра.

— И к кому вы попали?

— Доктор Хаузер.

— Маргерит Хаузер? — Чарли как-то странно улыбнулся. — Всех парий — под одну крышу?

— Парий?

— А, забудьте. В политику «Плазы» я лезть не хочу. Знаете, Крис, давайте я вам скажу кое-что интересное насчет моего Бумера.

— Что именно?

— Он ничего не знает про блокаду. Не знает и знать не желает, главное, чтобы его кормили по расписанию.

Счастливчик этот Бумер, подумал Крис.

Одиннадцать

Тесс проснулась в семь, как просыпалась каждое школьное утро, но, еще не успев открыть глаза, поняла: сегодня школы не будет.

Вчера весь день шел снег; когда она ложилась спать, он все еще продолжал идти. А сегодня утром она его попросту слышала, даже не надо было отдергивать кружевные занавески у окна спальни. Снег мягко стучался в окошко, почти беззвучно, словно где-то далеко шуршала мышка, а главное — слышалась окружающая снег тишина. Ни скрипа лопат, расчищающих дорожки, ни звука буксующих в снегу колес — только беззвучная, словно покрывало, белизна. Значит, снега выпало по-настоящему много.

Мама орудовала на кухне внизу, что-то напевая. Это тоже ничего не означало — если Тесс сейчас заснет опять, мама вряд ли придет ее будить. Все равно что выходной. Не нужно вскакивать стремглав, можно неторопливо ждать, пока окружающий мир проявится сам. Тесс медленно, очень медленно, открыла глаза. Проникавший в комнату свет казался тусклым и почти что жидким.

Она села, зевнув, подтянула ночную рубашку.

Ковер под босыми ногами был холодным. Тесс вернулась в кровать, подползла поближе к окну и отдернула занавеску.

На карнизе снаружи навалило целую кучу снега, а внутри комнаты влага образовала морозные узоры. Тесс сразу же вытянула ладошку — не потрогать заледеневшее стекло, а просто поводить рукой над его поверхностью и почувствовать кожей холод. Окно словно дышало морозом в комнату. Тонкие ледяные узоры, двухмерные рисунки, напоминающие снежинки или карту эльфийского города, были внутри, не снаружи. Как будто зима протянула руку прямо сквозь стекло, подумала Тесс.

Она долго смотрела на зимние узоры — письмена, смысл которых невозможно разгадать. На прошлой неделе мистер Флейшер рассказывал о симметрии. О снежинках и зеркалах. Он показал классу, как можно сложить листок бумаги и ножницами сделать в нем вырезы. Если листок развернуть, в случайных на вид разрезах обнаруживалась настоящая красота, они напоминали загадочные маски или бабочек. И то же самое можно делать с красками. Если капнуть на бумагу, а потом сложить листок, пока краска не высохла. Когда листок развернешь, брызги

краски превращаются в глаза, мосты или радужные лучи.

Морозные узоры на стекле все-таки больше напоминали снежинки, словно бумагу свернули не один раз, а два, три или даже четыре… Только стекло ведь никто не сворачивал! Откуда же льдинки знают, какую форму им принять? В них что, зеркальца встроены?

— Тесс!

Это мама за дверью.

— Тесс, уже девять! Школы сегодня не будет, но не пора ли вставать?

Девять? Тесс бросила взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Девять-ноль-восемь. А ведь только что было семь?

Повинуясь какому-то импульсу, она вытянула ладонь и оставила на стекле отпечаток.

— Я встаю!

Ладонь сразу же заледенела.

— Какие тебе хлопья на завтрак?

— Кукурузные! — Она чуть не сказала «*снежные*».

За завтраком мама напомнила Тесс, что сегодня к ним придет жилец, «если, конечно, к полудню успеют расчистить дороги». Тесс ужасно заинтересовалась. Мама Тесс тоже работала сегодня

из дома, и все было бы еще больше похоже на выходной, если бы к ним не пришел сегодня кто-то новый. Мама объяснила, что некоторые сменные работники и посетители до сих пор спят в спортзале, а это очень неудобно, поэтому тех, у кого дома есть свободные комнаты, спросили, не хотят ли они кого-то приютить. Мама убрала из комнатки в подвале рядом с водонагревателем свою беговую дорожку и велотренажер; теперь там стояла кровать. Интересно, каково будет, если в комнатке в подвале появится жилец. И будет выходить оттуда к ужину.

После завтрака мама поднялась наверх, чтобы поработать у себя в кабинете. «Если я тебе понадоблюсь, позови», — сказала она, но, если честно, в последние дни до нее было не дозваться. У нее на работе происходило что-то важное, что-то, связанное с Субъектом. Он странно себя вел. Поговаривали, что Субъект заболел. Эти заботы требовали от мамы полного внимания.

Тесс, так и оставшаяся в ночной рубашке, некоторое время читала в гостиной. Книга называлась «Про звездное небо». Это была детская книжка про звезды — как они образовались, как из старых звезд потом получились новые звезды, как из звездной пыли появились планеты и люди.

Когда глаза устали, Тесс отложила книгу и стала смотреть, как растет сугроб рядом со стеклянной дверью во дворик. Миновал полдень, а небо так и оставалось затянуто темными тучами. Можно было сделать себе сэндвич и пообедать, но Тесс решила, что пока не голодная. Поднявшись наверх, она оделась и постучала в дверь к маме, чтобы сообщить ей, что идет гулять.

— Ты блузку криво застегнула, — сказала мама, вышла к ней в коридор и быстро-быстро все поправила. Потом взъерошила Тесс волосы. — Далеко от дома не уходи.

— Не буду.

— Когда вернешься, отряхни снег с ботинок.

— Обязательно.

— И надень теплые штаны, не только куртку.

Тесс кивнула.

Она была рада, что идет гулять, даже несмотря на то, что ей для этого пришлось натягивать теплые штаны прямо в душном коридорчике. Снег был такой глубокий, и его было так много, что не посмотреть и не потрогать было решительно невозможно. За ночь, подумала Тесс, мир за дверью сделался совсем другим и очень странным.

Она наконец-то зашнуровала ботинки и ступила наружу. Воздух оказался не такой уж и

холодный, как она опасалась. Его можно было вдохнуть полной грудью, а потом выпускать наружу клубами пара. Вот только с неба падал снег, мелкий и твердый, вовсе не ласковый. Крупинки жалили ей кожу.

Влево и вправо простирались ряды одинаковых домиков. У соседнего домика расчищала подъездную дорожку миссис Коланджело. Тесс притворилась, что ее не видит — вдруг миссис Коланджело попросит помочь. Однако та ее не заметила: раскрасневшаяся, с сощуренными глазами, она полностью ушла в свое занятие, сражаясь со снегом, словно с личным врагом. С лезвия лопаты срывались белые облака, ветер уносил их прочь.

Нетронутый снег на лужайке перед домом был Тесс чуть ли не по плечо. *Какая я маленькая*, подумала она. Голова возвышалась над снежными дюнами на каких-то полметра. Вот так собаки видят мир. Тесс с трудом удержалась, чтобы не броситься вперед и не закопаться в белизну с головой. Снег набьется за воротник, понимала она, придется раньше идти домой.

Ступая сквозь глубокий снег размеренно, словно астронавт на поверхности Луны, Тесс вышла на тротуар. Дорогу расчистили, хотя асфальт

с тех пор укрыло покрывало из свежего снега. Отвалы, оставленные уборочной техникой, закрывали вид. Дерево на лужайке так засыпало, что его ветви изогнулись, словно арки собора. Тесс протопталась сквозь снег прямо под дерево и с восторгом обнаружила, что находится внутри снежной пещеры, только не сплошной, а с окнами. Вот здесь бы и спрятаться, если бы не пробравшийся под куртку холод, от которого Тесс вздрог- нула.

В этот момент она увидела, что прямо по дороге — по тротуару все равно было не пройти — к их домику направляется мужчина.

Тесс сразу догадалась: жилец. Одежда на нем была не сказать чтобы очень теплая. У каждого домика он чуть задерживался, пытаясь разглядеть засыпанные снегом, еле различимые таблички с номерами. Наконец он достиг дома Тесс, вынул руки из карманов, перебрался через отвал и стал протаптывать дорогу к двери. Тесс под деревом присела пониже, чтобы он ее не заметил.

Мама открыла дверь, они с мужчиной пожали друг другу руки. Жилец отряхнул снег и вошел. Мама чуть задержалась на пороге, пытаясь разобрать по следам на снегу, где сейчас Тесс. Потом она увидела Тесс под деревом и направила на нее

палец, словно пистолет. «*Попалась, подружка!*» — так мама всегда восклицала в подобных случаях. В этот раз она произнесла фразу одними губами.

Тесс еще какое-то время просидела в своем убежище и оттуда видела, как миссис Коланджело закончила чистить дорожку и как по улице проехало несколько автомобилей, медленно и тщательно выбирая дорогу. Тесс решила, что снежные дни ей нравятся. Все поверхности, даже большое окно домика, выходящее во двор, казались непрозрачными и шершавыми и совершенно ничего не отражали. А отсутствие зеркальных поверхностей означало — можно не бояться, что она увидит Зеркальную Де- вочку.

Зеркальная Девочка часто притворялась отражением Тесс. Стоило Тесс зазеваться, как выяснялось, что Зеркальная Девочка смотрит на нее из зеркала в спальне или в ванной. Ее было не отличить от отражения Тесс, если бы не глаза — внимательные, требовательные, неотвязчивые. Зеркальная Девочка задавала вопросы, которые больше никто не слышал. Иногда совсем дурацкие; иногда взрослые вопросы, ответа на которые Тесс не знала; а иногда такие, что Тесс чувствовала неловкость и беспокойство. Вчера Зеркальная Девочка спросила, почему растения внутри дома

живые и зеленые, а снаружи — мертвые и коричневые. («Потому что *зима*, — сердито ответила Тесс. — Уходи. Я в тебя не верю».) Одни мысли о Зеркальной Девочке и те уже беспокоили Тесс.

Она двинулась обратно к дому. Лужайка попрежнему оставалась белой, снежной и нетронутой. Тесс остановилась, сняла варежки — руки успели замерзнуть, но это было неважно, она ведь шла домой — и вдавила обе ладони в белый как бумага снег. На снегу остались два безупречных отпечатка, зеркальные изображения ладоней. *Симметрия*, подумала Тесс.

Подойдя к двери, она услышала внутри голоса. Громкие голоса. Мамин звучал сердито. Тесс проскользнула внутрь и тихонько притворила за собой дверь. С ботинок на ковровую дорожку посыпались комья льдистого снега. Голова под шерстяной шапкой вдруг ужасно зачесалась. Тесс стянула шапку и бросила на пол.

Мама и жилец были на кухне. Тесс внимательно слушала. Жилец сказал:

— Послушайте, если для вас это проблема…

— Да, может стать проблемой! — Мамин голос звучал сердито, и в то же время будто она извиняется. — Черт бы побрал Рэя…

— Рэя? Прошу прощения, это еще кто?

— Мой бывший.

— А он-то тут при чем?

— Рэй Скаттер — это имя вам что-нибудь говорит?

— Разумеется, но…

— Думаете, вас Ари Вейнгарт сюда послал?

— Ну да, он мне дал ваше имя и адрес.

— Ари неплохой парень, но Рэй им вертит как хочет… Ладно, простите меня. Естественно, вы не понимаете, что тут происходит…

— Вы могли бы объяснить, — сказал жилец.

Тесс поняла, что мама говорит про папу. Обычно она в таких случаях не обращала внимания, все равно они постоянно только ругались; проще всего было не замечать. Но тут ей вдруг стало интересно. Жилец только что приобрел в ее глазах новый таинственный статус, потому что мама на него сердилась.

— Дело не в вас лично, — сказала мама. — Ну, то есть… послушайте, я вас сейчас впервые в жизни вижу, но вот ваше имя я уже слышала, и не раз.

— Может быть, мне лучше уйти?

— Дело в вашей книге. Рэй послал вас сюда из-за нее. В данный момент, мистер Кармоди, у меня в Слепом Озере нет особого авторитета, и Рэй делает все, что в его силах, чтобы лишить

меня той поддержки, что еще осталась. Когда станет известно, что вы поселились здесь, это лишь укрепит ложные представления, которые обо мне сложились.

— Все парии под одной крышей?

— Примерно так. То есть я не это хотела сказать. Поймите, я не на вас сержусь, просто…

Тесс представила себе, как мама всплеснула сейчас руками.

— Доктор Хаузер…

— Зовите меня Маргерит.

— Маргерит, мне нужно лишь место, где можно временно пожить. Я поговорю с Ари Вейнгартом, чтобы он нашел другой вариант.

Снова долгая пауза из тех, которые для Тесс означали, что мама чувствует себя несчастной. Потом она спро- сила:

— Вы до сих пор спите в спортзале?

— Да.

— Так-так… Ладно, присаживайтесь. Хотя бы согреетесь. Я поставлю кофе, вам сделать?

— Если это не слишком вас затруднит, — неуверенно ответил жилец.

Было слышно, как по полу кухни царапают ножки стульев. Тесс тихонько сняла ботинки и повесила одежду в шкафчик.

— Багажа у вас много? — спросила мама.

— Нет, я обычно путешествую налегке.

— Простите, если я вела себя излишне враждебно.

— Мне не привыкать.

— Вашу книгу я не читала. Но всякое от людей слы- шала.

— Чего только люди не говорят. Вы руководите департаментом наблюдения и интерпретации, ведь так?

— Это междисциплинарный комитет.

— А почему Рэй с вами воюет?

— Долгая история.

— Понимаю, не обо всем следует судить по первому взгляду.

— Я вас не сужу, мистер Кармоди. Честное слово.

— А я не собираюсь добавлять вам проблем.

Опять молчание. Звяканье ложек в чашках. Потом мама сказала:

— Обычная подвальная комната, ничего из ряда вон. Хотя и лучше, наверное, чем спортзал. Можете остаться, пока Ари не подберет другой вариант.

— Вы это всерьез или просто из жалости?

Мама Тессы — голос у нее был уже не сердитый

— негромко рассмеялась.

— Из чувства вины, надо полагать. Но всерьез.

Снова молчание.

— Тогда я согласен, — сказал жилец. — Благодарю вас.

Тесс пошла на кухню, чтобы ее тоже представили гостю. В глубине души она была очень даже рада. Жилец! И книгу написал!

Она о таком и не мечтала.

Тесс поздоровалась с жильцом, высоким, с темными вьющимися волосами и чрезвычайно учтивым. Жилец пил кофе и болтал с мамой о том о сем почти до самого заката, а потом отправился за вещами.

— На какое-то время у нас появилась компания, — сказала мама Тесс. — Не думаю, что мистер Кармоди нас сильно побеспокоит. И потом, может статься, он совсем нена- долго.

Тесс сказала ей, что не возражает.

До ужина она играла у себя в комнате. На ужин были спагетти с консервированным томатным соусом. Пищу каждую неделю доставлял черный грузовик, потом ее распределяли по спискам через тот же самый супермаркет, куда люди ходили за покупками до карантина. Это означало, что теперь уже нельзя было выбирать, что

ты покупаешь. Каждый получал один и тот же недельный рацион овощей, фруктов, консервов и замороженных про- дуктов.

Тесс против спагетти не возражала. Тем более что к ним был еще хлеб с маслом и сыром, а на десерт — груша.

После ужина позвонил папа. С начала карантина наружу уже не проходили ни звонки, ни электронные письма, однако внутреннюю связь собственный сервер Слепого Озера продолжал поддерживать. Тесс ответила на звонок по своему собственному телефону, розовому, пластиковому, фирмы «Маттел», без экрана, да и памяти у него почти не было. Папин голос в игрушечном телефоне звучал тонко и совсем издалека. Первым делом он спросил:

— С тобой все в порядке?

— Да.

— Чем ты сегодня занималась?

— Я играла.

— Со снегом?

— Да.

— Ты осторожно себя вела?

— Да, — сказала Тесс, хотя и не была уверена, в чем именно следовало проявлять осторожность.

— Я слышал, у вас сегодня были гости?

— Жилец, — сказала Тесс. Она удивилась, что папа так быстро об этом узнал.

— Все правильно. И как тебе гость?

— Нормально. Я не знаю.

— Мама хорошо за тобой смотрит?

Еще один привычный вопрос.

— Да.

— Ты сама знаешь, если у тебя вдруг будут проблемы, сразу же звони мне. Я приеду и тебя заберу.

— Я знаю.

— В любом случае еще неделя — и ты снова дома, у меня. Потерпишь еще неделю?

— Да, — сказала Тесс.

— А пока веди себя хорошо.

— Ладно.

— Если у тебя будут проблемы с мамой, позвони мне.

— Ладно.

— Я люблю тебя, Тесса.

— Знаю.

Тесс убрала розовый телефон обратно в карман.

Жилец вернулся вечером и принес с собой большую сумку. Он сказал, что уже поужинал, и сразу отправился в подвал — поработать. Тесс

пошла к себе.

За день ледяные узоры на стекле растаяли, но после заката стали формироваться заново — опять симметричные, только уже по-другому; они росли, словно у нее теперь был свой собственный садик. Тесс представила себе хрустальные дороги, дома из хрусталя и хрустальных человечков, которые в них обитают. Ледяные города в ледяных мирах.

Снег снаружи перестал, температура начала падать. Небо сделалось очень чистым. Стерев с окна ледяные узоры, Тесс смогла увидеть поверх согнутых под тяжестью снега веток множество зимних звезд над башнями «Хаббл- Плазы».

Двенадцать

Крис и Элейн встретились, чтобы поужинать, в ресторане Сойера в аркаде. Несмотря на то что пища выдавалась согласно рационам, Ари Вейнгарт пробил для местных ресторанов право продолжать работу, чтобы дать людям возможность встречаться и чтобы общее настроение в городе совсем уж не упало. Горячее подавали исключительно на обед, после трех вечера — лишь сэндвичи, никаких добавок, никакого алкоголя, — но и счета посетителям тоже не выставляли:

зарплату никто в городе не получал, а поддерживать экономическую деятельность одними наличными все равно не удалось бы. Сотрудникам ресторанов пообещали, что причитающаяся им зарплата будет учтена и выплачена целиком по окончании карантина; в свою очередь, посетителям, у которых завалялось в кармане немного наличных, рекомендовали не стесняться оставлять чаевые.

Сегодня вечером в ресторане, кроме Криса и Элейн, никого не было: все предпочли остаться по домам из-за вчерашнего снегопада. Единственная вышедшая на смену официантка, юная Лорен Бранк, большую часть вечера просидела в дальнем углу, читая «Холодный дом» с карманного дисплея и поклевывая чипсы.

— Говорят, тебе нашли квартиру, — сказала Элейн.

Следом за бураном пришел холодный фронт. Воздух был чистым и колючим, а усилившийся ветер переобустраивал последствия вчерашнего снегопада и звенел оконными стеклами.

— Я угодил в какую-то странную ситуацию, которую не совсем понимаю. Ари Вейнгарт нашел мне комнату у женщины по имени Маргерит Хаузер — она вместе с дочкой живет в районе на

западной окраине.

— Знакомое имя. Недавно перевелась из Кроссбэнка, возглавляет департамент наблюдения и интерпретации. — Элейн непрерывно брала интервью у всевозможного руководства Слепого Озера; Крису, с его репутацией, таких интервью добиться было значительно сложнее. — С ней лично я не разговаривала, но не похоже, чтобы у нее здесь было много друзей.

— А врагов?

— Да и врагов. Просто она здесь новичок. Ее пока не держат за свою. Хотя одна проблема у нее имеется, и это…

— Ее бывший муж.

— Именно. Рэй Скаттер. Как я поняла, разошлись они не лучшим образом. Скаттер настроен весьма агрессивно. По его мнению, она не годится на должность главы коми- тета.

— Он прав?

— Откуда я знаю? Послужной список у нее безупречный. Она никогда не поднималась так высоко, как Рэй, и несколько уступает ему по степеням и публикациям, но и столь вопиющих ошибок, как у Рэя, за ней не значится. Ты слышал про спор о взаимной осознаваемости культур?

— Некоторые полагают, что рано или поздно

мы сможем понять лангустов. Некоторые — что никогда не сможем.

— Если бы лангусты смотрели сейчас на нас, много бы они поняли в том, что мы сейчас делаем? Пессимисты говорят: ничего бы не поняли или совсем мало. Быть может, они разобрались бы в нашем экономическом устройстве и в каких-то аспектах биологии и технологии, но каким образом могут они понять Пикассо, или христианство, или англо-бурские войны, или «Братьев Карамазовых», или всего лишь эмоциональное значение человеческой улыбки? Наши сигналы направлены на таких же, как мы, и основаны на всевозможных свойственных человеку идиосинкразиях, начиная от физиологии и заканчивая структурой мозга. Потому-то ученые и используют, говоря о лангустах, столь причудливые поведенческие категории — совместное питание, экономическое взаимодействие, начертание символов. Все равно что европеец девятнадцатого века пытался бы разобраться в племенной организации индейцев-квакиутлов, не зная языка и вообще не имея возможности с ними общаться… и это с поправкой на то, что фундаментальные потребности и мотивации у европейца такие же, как и у индейцев, а с лангустами у нас даже этой

общнос- ти нет.

— Получается, бессмысленно даже пытаться?

— Пессимист скажет — да. Вернее, скажет — давайте собирать информацию, анализировать ее и обобщать, но о полном понимании лучше сразу забыть. И Рэй Скаттер — из их числа. В одной из лекций он сравнил идею экзокультурного взаимопонимания с «викторианской модой на столоверчение и медиумов». Сам он себя считает убежденным материалистом.

— Однако не все в Слепом Озере с ним согласны, — заметил Крис.

— Очевидно, не все. Существует и другая школа мысли. И его бывшая супруга в ней — один из записных членов.

— Оптимисты.

— Логично. Они утверждают: хотя культура лангустов обусловлена присущими им уникальными физиологическими особенностями, эти особенности можно наблюдать и фиксировать. Сама же культура — не более чем поведение, приобретенное в результате обучения, пусть даже оно обусловлено особенностями среды обитания и физиологии. Раз ему можно научиться, значит, его можно и понять. Они полагают, что, если узнать достаточно о повседневной жизни лангу-

стов, за этим неизбежно последует и понимание. Они утверждают, что определенные потребности для всех живых организмов одни и те же: потребность размножаться, потребность питаться и удалять из организма отходы, и так далее — и что этой общности достаточно, чтобы рассматривать лангустов как отдаленных родственников, а не как безнадежно нам чужих.

— Любопытно. А сама ты что думаешь?

— Что *я* думаю? — Похоже, Элейн совершенно не ожидала такого вопроса. — Я агностик. — Она склонила голову набок. — Допустим, на дворе 1944 год. Допустим, некий инопланетянин изучает Землю, и ему случилось выбрать в качестве объекта концлагерь в Польше. Он наблюдает, как нацисты выдирают у мертвых евреев золотые зубы, и сам себя спрашивает: это экономический обмен, или звено в пищевой цепочке, или что? Он будет пытаться понять происходящее, но так никогда и не поймет. Никогда. Потому что некоторые вещи просто не имеют смысла. Ни хрена не имеют ни малейшего смысла.

— Так, значит, между Рэем и Маргерит имеются философские разногласия?

— Нет в них ничего философского, во всяком случае на уровне внутренней политики Слепого

Озера. Здесь делаются карьеры — и рушатся тоже. В отношении UMa47 самым важным оказалось открытие действующей разумной культуры, и на ней сосредоточено все время и все внимание исследователей. Но если культура лангустов статична и в конечном итоге ее все равно невозможно понять, такое распределение ресурсов неоправданно. Здесь есть планетологи, которые предпочли бы изучать геологию и климат; даже среди экзозоологов имеются такие, которые хотели бы поподробнее исследовать других представителей местной фауны. Глядя не отрываясь на этих существ, мы очень многое игнорируем, включая другие пять планет системы. Пусть даже они непригодны для жизни, все равно это кладезь нового знания. Астрономы и космологи требуют диверсификации уже не первый год.

— Иными словами, за Маргерит лишь меньшинство?

— Не совсем. При всем многообразии мнений большинство поддерживает изучение Лангуста-Сити, по крайней мере на сегодняшний день, однако большинство это неуклонно сокращается. И Рэй как раз пытается склонить чашу весов в пользу диверсификации. Он не любит заниматься исключительно чем-то одним, а Маргерит,

напротив, целиком фокусируется на единственном Субъекте.

— Только сейчас-то все это не имеет значения? Я хочу сказать — с тех пор, как мы в осаде.

— Борьба просто приняла другие формы. Кое-кто теперь выступает за то, чтобы вообще отключить Око.

— Если его отключить, нет никакой гарантии, что потом оно снова заработает. Это даже Рэй должен пони- мать.

— Пока что об этом шепчутся в кулуарах. Однако логика ясна: мы в осаде из-за Ока, кто-то боится того, что мы можем там увидеть. Если отключить Око, проблема ис- чезнет.

— Если бы снаружи хотели, чтобы мы отключили Око, они могли бы просто нас обесточить. Проблема решается единственным звонком в диспетчерскую электро- сети.

— Быть может, надо, чтобы работа продолжалась, а они посмотрят, что из этого может выйти. Мы же не знаем их логику. Как говорят сторонники этой точки зрения, мы все здесь подопытные кролики. Следует отключить Око от розетки и посмотреть, не откроется ли клетка.

— Для науки это будет огромной потерей.

— Сменных работников и гражданский персо-

нал наука не особенно волнует. Для них намного важней поскорее увидеть собственных детей, или находящихся при смерти родителей, или женихов-невест. Даже некоторые из ученых понемногу начинают обсуждать «варианты».

— И Рэй среди них?

— Что именно думает Рэй, пока неизвестно. Однако в астробиологическую веру он обратился совсем недавно и привык считать Вселенную стерильной и необитаемой. Он присоединился к большинству в последний момент, чтобы спасти карьеру; подозреваю, что в глубине души ему совсем не хочется заниматься всей этой органикой. Согласно моим источникам он пока не произнес ни слова в поддержку отключения Ока. Только и против он ни разу не высказался. Рэй — политик до мозга костей. Скорее всего, просто выжидает, пытаясь понять, откуда ветер дует.

Как раз в этот момент ветер забарабанил в окно. Элейн улыбнулась.

— С севера, — кивнул Крис. — Резкий и порывистый. Лучше мне поторапливаться.

— Да, кстати. У меня тут для тебя кое-что есть. — Элейн нагнулась к стоящей у ног сумочке. — Утащила из бюро находок в клубе.

Она достала из сумочки коричневый вязаный

шарф. Крис рассыпался в благодарностях.

— Чтобы тебе не дуло за воротник, — уточнила Элейн. — Говорят, ты пешком добрался аж до Глазной Впадины, чтобы поговорить с Чарли Гроганом.

— Было дело.

— Снова взялся за работу?

— В некотором роде.

— Вот и хорошо. Ты слишком талантлив, чтобы так просто махнуть на все рукой.

— Элейн…

— Молчи, молчи, все, что хотела, я уже сказала. Давай, Крис, не мерзни.

Оставив чаевые за обоих, он вышел в ночь.

Маргерит забыла дать ему ключ. Дойдя от Сойера пешком до самого домика, Крис позвонил в дверь. Он успел по достоинству оценить подарок Элейн, и все-таки ветер был по-хирургически острым и пронизывал, казалось, одновременно со всех направлений. В безжалостно ясном ночном небе мигали звезды.

Звонить пришлось дважды, и открыла ему в конце концов не Маргерит, а Тесс. Девочка смотрела на посетителя с важным видом.

— Могу я войти? — наконец спросил он.

— Ну, наверно…

Она придержала для него внутреннюю дверь. Крис поспешно захлопнул ее за собой. Пальцы в тепле сразу же начали гореть. Он содрал с плеч куртку, сбросил обледеневшие туфли. Жаль, что Элейн заодно не утащила для него пару ботинок.

— Мамы нет дома?

— Она наверху, — сказала Тесс. — Работает.

Девочка была очень милая, но явно не слишком общительная. Капельку полноватая и со взглядом, как у совенка. Она чем-то напомнила Крису его сестренку Поршу — с поправкой на то, что у Порши рот не закрывался вообще ни на секунду. Девочка внимательно смотрела, как Крис вешает куртку в шкаф.

— Снаружи холодно, — наконец промолвила она.

— Это точно!

— Вам нужна одежда потеплее.

— Верная мысль. Как, по-твоему, мама не будет возражать, если я сварю себе кофе?

Тесс пожала плечами и прошла за ним следом на кухню. Насыпав в фильтр нужное количество ложек, Крис сел за стол и стал ждать, пока заварится кофе, чувствуя, как в конечности потихоньку просачивается тепло. Тесс уселась на стул напротив.

— Школа сегодня была? — спросил ее Крис.

— Только после обеда. А вы писатель?

— Да, — ответил Крис. Возможно. Не исключено.

— Книги пишете?

Совершенно невинный вопрос.

— В основном я пишу для журналов. Но одну книгу тоже написал.

— А можно посмотреть?

— Я ее с собой не привез.

Похоже, он здорово разочаровал Тесс. Она принялась раскачиваться на стуле, ритмично подергивая головой.

— Может, скажешь маме, что я пришел? — спросил ее Крис.

— Мама не любит, когда я ее отрываю от работы.

— Она всегда работает так поздно?

— Нет.

— Может, я сам пойду поздороваюсь?

— Она не любит, когда ее отрывают, — повторила Тесс.

— Я просто постучу в дверь.

Тесс пожала плечами и осталась в кухне.

Вчера Маргерит провела его по всему дому. Дверь кабинета была открыта, и Крис кашлянул,

чтобы предупредить, что он здесь. Маргерит сидела за заваленным бумагами столом и что-то записывала в блокноте, однако ее внимание было приковано к экрану на противоположной стене.

— Я не слышала, как вы пришли, — сказала она, не поворачивая головы.

— Простите, что отрываю от работы.

— Я не работаю. Во всяком случае, с формальной точки зрения. Просто пытаюсь разобраться, что происходит. Да вы сами взгляните.

На экране так называемый Субъект взбирался вверх по наклонному пандусу в свете нескольких вольфрамовых ламп. Виртуальная камера плавала позади, держа его верхний полуторс в центре кадра. Со спины, решил Крис, Субъект напоминал профессионального борца, на которого надели хиджаб из красной кожи.

— Куда он идет?

— Понятия не имею.

— Я думал, его привычки отличаются завидным постоянством.

— У нас не принято использовать гендерных местоимений, но если между нами — да, у него действительно очень постоянные привычки. В это время он должен был спать — если то, что они делают, неподвижно лежа в темноте, и есть сон.

Крис уже приучился ожидать от персонала Слепого Озера именно таких тщательно взвешенных, хирургически точных выражений.

— Мы наблюдаем за ним больше года, — сказала Маргерит, — и за это время он ни разу не отклонился от расписания более чем на несколько минут. Так было до недавнего времени. Несколько дней назад он провел в обеденном конклаве два часа, а должен был вдвое меньше. У него изменилась диета. Он стал меньше общаться с другими. А сегодня у него, похоже, бессонница. Если вам интересно, мистер Кармоди, присядьте и посмотрите.

— Крис, — сказал он. И убрал со стула подшивку «Астробиологического вестника».

Маргерит шагнула к двери и крикнула:

— Тесс!

Голос снизу:

— Чего?

— Тебе пора в ванну.

По лестнице застучали шаги.

— Может, мне необязательно в ванну?

— По-моему, обязательно. Ты сама помоешься? Я еще не освободилась.

— Наверное.

— Позови меня, когда закончишь.

Через несколько секунд послышался отдаленный шум льющейся воды.

Крис смотрел, как Субъект переходит на другой спиральный подъем. Он был совершенно один, что само по себе уже удивляло. Аборигены почти все делали толпой, только спали поодиночке.

— Режим у них тоже очень стабильный, день-ночь, — сказала Маргерит. — Еще одна аномалия. Насчет же того, куда он сейчас направляется… эй, смотрите!

Субъект дошел до открытой арки и вышел через нее прямо в инопланетную звездную ночь.

— Он никогда еще здесь не был!

— Здесь — это где?

— Балкон где-то на самом верху его башни. Господи, вид-то какой!

Субъект подошел к невысокому заграждению на самом краю балкона. Виртуальная камера следовала за ним, и перед Крисом из-за зернистого торса Субъекта открылся вид на ночной Лангуста-Сити. Вытянутые пирамиды башен были подсвечены — сквозь порталы и балконы пробивалось сияние лампочек во внутренних коридорах. Муравейники и раковины каури, думал Крис, перевитые золотыми нитями. Когда Крис был маленьким, раз или два в год родители

брали его с собой, когда выезжали вечером на Малхолланд-драйв, чтобы посмотреть на раскинувшийся внизу Лос-Анджелес. Примерно таким был и этот вид. Таким же бескрайним. Таким же одиноким.

Маленькая, быстрая луна планеты была сейчас в полной фазе, и он даже мог частично рассмотреть сухие равнины за пределами города, далекие низкие горы на западе и облачную гряду, стремительно уносимую ветром. Над орошаемыми полями двигались вихри из электростатически заряженных частиц пыли, формируясь и тут же распадаясь, словно призраки.

Маргерит, внимательно наблюдающая за экраном, чуть вздрогнула.

Субъект подошел к изъеденной временем ограде балкона и остановился, словно в неуверенности.

— Он не самоубийство задумал? — спросил Крис.

— Надеюсь, что нет, — ответила Маргерит напряженным голосом. — Мы еще ни разу не наблюдали, чтобы они причиняли себе вред, но ведь мы тут совсем недавно! Господи, только не это!

Субъект, впрочем, стоял неподвижно и словно бы всматривался.

— Наслаждается видом, — решил Крис.

— Не исключено.

— А что еще?

— Мы не знаем. Поэтому стараемся не приписывать поступкам своих мотиваций. Я на его месте наслаждалась бы видом, а он, к примеру, наслаждается атмосферным давлением. Или рассчитывает кого-то здесь встретить, или заблудился, или чем-то озадачен. Это сложные разумные создания, и никто не делает вид, что понимает историю их жизни или их биологические императивы. Мы даже не знаем наверняка, насколько хорошее у них зрение — быть может, он видит совсем не то же самое, что мы.

— И тем не менее, — сказал Крис, — если бы мне предложили выбирать, я поставил бы на то, что он наслаждается видом.

Маргерит наградила его короткой улыбкой.

— Думать так мы можем, — согласилась она. — Но говорить не имеем права.

— *Мама!*

Голос из ванной.

— Уже бегу! Ты пока вытирайся! — Она поднялась на ноги. — Мне пора укладывать Тесс.

— Не возражаете, если я еще чуть-чуть посмотрю?

— Отчего бы? Если начнется что-то интересное, позовите меня. Хотя, конечно, все записывается. Только, скорее всего, вообще ничего не произойдет. Они могут так часами стоять.

— Не слишком-то на этой планете весело, — вздохнул Крис.

— Было бы довольно удобно, пока он неподвижен, отправить камеру куда-нибудь еще. Однако то, что мы научили Око следовать за отдельным индивидуумом, само по себе маленькое чудо. Если отвернуться, мы можем его потерять. Просто не ожидайте особой активности.

Она оказалась права: Субъект действительно стоял совершенно неподвижно перед открывшейся ему ночной панорамой. Крис смотрел, как скользят над залитой лунным светом равниной пыльные вихри, огромные и совершенно нереальные. Интересно, издают ли они в относительно разреженной атмосфере планеты какие-либо звуки? Холодный сейчас воздух или теплый и способен ли Субъект ощущать его температуру? Столь аномальное поведение — и ни малейшей возможности проникнуть в мысли внутри этой головы, хорошо видимой и при этом совершенно непроницаемой. Что вообще означает одиночество для существ, которые никогда не

бывают одни — только ночью, когда спят?

До него доносились приятные для уха звуки негромкого разговора между Маргерит и Тесс — Маргерит укладывала дочь в постель. Обе над чем-то смеялись. Наконец Маргерит снова появилась в проеме двери.

— Он двигался?

Луна двигалась. Звезды тоже. Но не Субъект.

— Нет.

— Я сделаю чай, не хотите чашечку?

— Спасибо, с удовольствием, — ответил Крис. — Я…

Его прервал звук бьющегося стекла, а следом — громкий тонкий крик Тессы.

Крис вбежал в спальню девочки следом за Маргерит.

Тесс все еще чуть слышно повизгивала — старалась сдержать всхлипы. Она сидела на краю кровати, прижимая правую руку к фланелевой ночной рубашке у самого пояса. Постель была забрызгана кровью.

Из разбитой оконной рамы торчали острые куски стекла, в комнату порывами лился морозный воздух. Упав на колени перед кроватью, Маргерит подхватила Тесс на руки, подальше от осколков.

— Покажи руку, — потребовала она.

– Нет!

— Все будет хорошо. Покажи!

Тесс отвернулась, изо всех сил зажмурила глаза и выставила перед собой сжатый кулак. Кровь сочилась между пальцами, текла по костяшкам. Ночная рубашка спереди была вся заляпана кровью. Глаза Маргерит расширились, но она тут же решительно принялась отгибать пальцы, чтобы рассмотреть рану.

— Тесс, скажи мне, что случилось?

Тесс глубоко вдохнула и выпалила:

— Я хотела облокотиться на стекло.

— Облокотиться? На стекло?

— Да!

Крису было ясно, что это ложь и что Маргерит сознательно не стала возражать, словно обе прекрасно понимали, что произошло на самом деле. Вот только сам он этого не понимал. Так что он просто скатал одеяло и заткнул им дыру в стекле.

Из раскрытой ладони правой руки Тесс снова выплеснулась кровь, целая лужица. На этот раз Маргерит не смогла сдержать испуганного вздоха.

— В ране есть стекло? — тут же спросил Крис.

— Не знаю… нет, кажется, нет…

— Нужно перебинтовать рану, чтобы остановить кровь. Потом придется наложить швы. — От этой перспективы Тесс снова взвыла.

— Это не страшно, — успокоил ее Крис. — С моей сестренкой такое тоже однажды случилось. Споткнулась, в руке был стакан, она порезалась даже хуже, чем ты. Потом она даже хвасталась — все так перепугались, а *мне* было совсем и не страшно. Доктор все сделал как надо.

— Сколько ей было лет?

— Тринадцать.

— Мне только одиннадцать. — Тесс уже пыталась храбриться, чтобы соответствовать новому стандарту.

— В шкафчике в ванной есть марля, не принесете, Крис? — попросила Маргерит.

Крис нашел марлю и коричневый эластичный бинт. У Маргерит тряслись руки, поэтому Крис приложил свернутую марлю к ладони Тесс и велел ей покрепче сжать кулак. Марля тут же покраснела.

— Нужно отвезти ее в клинику, — сказал Крис. — Давайте ключи, я заведу машину, а вы пока что-нибудь на нее накинете.

— Договорились. Ключи у меня в сумочке, она на кухне. Тесс, ты можешь идти? Осторожно, не

наступи на стекло.

На ковре до самой лестницы остались красные пятна.

Клиника Слепого Озера, небольшой комплекс рядом с «Хаббл-Плазой», вела прием круглосуточно. Дежурная медсестра, быстро глянув на Тесс, поспешно проводила ее и Маргерит в процедурную. Крис остался в приемной и принялся листать журналы шестимесячной давности под льющуюся с потолка негромкую поп-музыку.

Насколько он мог судить, рана Тесс не слишком опасна, а клиника должным образом оборудована для подобных случаев. Лучше не думать о том, что было бы, окажись рана серьезнее. Все же клиника — не полноценная боль- ница.

«Облокотилась на стекло». Просто облокотившись, такое стекло не разбить. Тесс соврала, а Маргерит сразу поняла, что случилось на самом деле. Однако не захотела говорить об этом вслух перед чужаком. С девочкой какая-то проблема, понял Крис. Психоз или депрессия из-за развода? Но когда они разговаривали на кухне, было вовсе не похоже, что она в депрессии. Он вспомнил веселый смех, доносившийся из спальни всего за несколько минут до того, что случилось.

Это не мое дело, твердо сказал себе Крис. Тесс

немного напомнила ему Поршу — вероятно, невинным дружелюбием, — однако из этого не следует, что он теперь за нее отвечает. Он давно уже перестал, следуя старинному журналистскому завету, «успокаивать встревоженных и тревожить спокойных». Все равно ничего хорошего не выходило, все его крестовые походы заканчивались катаст- рофой.

Маргерит вышла из процедурной — бледная, в крови, но уже не столь встревоженная.

— Рану прочистили и наложили швы, — сказала она Крису. — Тесс вела себя очень храбро. Думаю, это из-за истории про вашу сестру.

— Рад, что сумел помочь.

— И вообще, спасибо вам.

— Не стоит благодарности.

— Доктор сказал, что, когда подействует обезболивающее, можно забирать Тесс домой. Правда, несколько дней руку придется держать на перевязи.

— Отцу Тесс вы звонили?

Маргерит резко помрачнела.

— Нет, но, видимо, придется. Надеюсь, он не озвереет. Рэй… — Она осеклась. — Извините, это мои проблемы.

Если честно, то да.

Маргерит отошла с телефоном в дальний угол при- емной.

Даже не желая того, Крис все-таки услышал часть разговора. И то, что он услышал, многое ему сказало. Начала она подчеркнуто спокойно, описала случившееся, однако по мере разговора ее тон становился все более и более защищающимся.

— В клинике. Я… — Пауза. — Нет. Нет. — Пауза. — Ни к чему, Рэй. *Нет!* Ты делаешь из мухи слона. — Долгая пауза. — Неправда. Ты и сам знаешь, что это неправда.

Она дала отбой, не прощаясь, и некоторое время постояла, приходя в себя. Потом направилась к Крису через приемную сквозь ряды стандартных больничных стульев — губы плотно сжаты, прическа растрепана, одежда в пятнах крови. Тем не менее осанка демонстративно гордая, словно в знак того, что сказанное ей Рэем Скаттером она решительно отвергает.

— Простите, — сказала Маргерит, — не могли бы вы пойти и завести машину? Я схожу за Тесс. Думаю, после всего ей лучше быть дома.

Опять вежливая ложь, но ясно, что она просит его поторопиться. Он молча кивнул.

Дорожку от клиники до парковки насквозь

продувал холодный ветер. Дойдя наконец до крошечной машины Маргерит, Крис с удовольствием уселся внутрь и включил мотор. Из вентиляционных отверстий потек теплый воздух. Улица была пустынна. Звезды сияли так же ярко, а у самого горизонта на юге он заметил огни самолета. Где-то еще летали авиалайнеры. Где-то жизнь шла своим че- редом.

Минут через десять из клиники вышли Маргерит с Тесс, но не успели они дойти до машины, как на парковку, ревя мотором, влетел другой автомобиль. Машина Рэя Скаттера. На лице Маргерит, когда ее бывший муж выскочил из машины и широким, агрессивным шагом зашагал к ней, выразилось явное беспокойство.

Крис убедился, что пассажирская дверь не заперта. Лучше бы они успели. Рэй Скаттер был сейчас похож на бешеного быка. Маргерит еще не дошла до машины, а Рэй уже оказался рядом и схватил ее за плечо.

Маргерит не отвела взгляда, но подтолкнула Тесс чуть назад, себе за спину, чтобы защитить. Раненую руку Тесс прятала под курткой. Слов Рэя Крис за повизгиванием работающего мотора разобрать не мог. До него доносились лишь отдельные взрыкивания.

Пора проявить немного смелости. Чего Крис терпеть не мог. Именно эти слова он постоянно слышал про свою книгу, во всяком случае до самоубийства Галлиано. «Как это смело с вашей стороны — написать такое!» Ничего, кроме проблем, смелость ему никогда не приносила.

Крис вылез из машины и открыл для Тесс заднюю дверь. Рэй вытаращил глаза.

— Это еще на хрен кто такой?

— Меня зовут Крис Кармоди.

— Он помог довезти сюда Тесс, — поспешно добавила Маргерит.

— А сейчас ей нужно домой, — сказал Крис. Тесс уже успела юркнуть на заднее сиденье, очень быстро, даже несмотря на то что ей мешала перевязанная рука.

— Совершенно очевидно, — объявил Скаттер, уставившись прямо на Криса прищуренными глазами, — что оставаться дома ей небезопасно.

— Рэй, — вмешалась Маргерит, — в соглашении написано…

— Соглашение было составлено еще до блокады, и связаться с упомянутыми в нем консультантами у меня сейчас нет возможности. — Рэй с удивительной точностью умудрился передать тон разъяренного быка, визгливый и властный

одновременно. — И я никоим образом не могу доверить тебе свою дочь после того, что произошло.

— Это несчастный случай! Так бывает.

— Так бывает, когда дети остаются без присмотра. Чем ты в это время занималась — следила за своим сраным Субъектом?

Маргерит замялась.

— Это случилось, когда Тесс уже легла спать, — ответил за нее Крис. И незаметно показал глазами Маргерит, чтобы та садилась в машину.

— Ты ж тот самый писака?.. Тебе откуда знать?

— Я при этом присутствовал.

Маргерит наконец уловила намек и села в машину. Когда хлопнула дверь, лицо Рэя Скаттера выразило разочарование, которое тут же сменилось удвоенным гневом.

— Я забираю мою дочь с собой!

— Боюсь, что нет, сэр, — возразил ему Крис. — Во всяком случае, не сегодня.

Не отводя глаз от Рэя, он прошел к водительской двери и сел за руль. Тесс на заднем сиденье начала негромко всхлипывать. Рэй, нагнувшись к водительскому стеклу, что-то орал. Крис включил передачу и отъехал, но Скаттер успел отвесить пинка в задний бампер.

Маргерит принялась успокаивать дочь. Крис аккуратно выехал с парковки, стараясь, чтобы на льду не занесло. Рэй мог бы тоже прыгнуть в машину и последовать за ними, однако не стал: Крис видел в зеркало заднего вида, что он попросту застыл на месте в бессильной ярости.

— Он терпеть не может, когда его застают в таком виде, — сказала Маргерит. — Я должна попросить у вас прощения. Вы только что нажили себе врага.

Без всякого сомнения. Крис неплохо понимал эту алхимию: на публике человек просто душка, а за закрытыми дверями превращается в чудовище. Жестокость как высшая степень интимности. Мужчины не слишком-то любят, когда их застают за интимным актом.

— И я снова должна вас поблагодарить, — добавила она. — Простите, что все так вышло.

— Вы не виноваты.

— Если вы отправитесь искать другую квартиру, я не обижусь.

— В подвале все-таки теплее, чем в спортзале. Если вы не возражаете, конечно.

Тесс шмыгнула носом и закашлялась. Маргерит помогла ей высморкаться.

— Не могу избавиться от мысли, — сказала

она, — что было бы, окажись рана серьезнее. Если бы нам понадобилась настоящая хирургия? Я уже так устала от этой блокады.

Крис въехал на дорожку у домика.

— Думаю, мы ее как-нибудь переживем, — сказал он.

Тем более что у Маргерит уже был опыт.

Тесс, совсем обессилевшая, уснула на материнской кровати. В доме было холодно, сквозь разбитое окно в спальне девочки лились потоки холодного воздуха, обогреватель не справлялся. Крис пошарил по подвалу и нашел там заляпанный краской кусок плотного пластика и большую фанерку. Он приклеил пластик изолентой к пустой раме в спальне Тесс, а потом для верности приколотил сверху фанерку.

Когда он спустился, Маргерит была на кухне.

— Чашечку кофе перед сном? — спросила она.

— Не откажусь.

Она налила ему свежесваренный кофе и капнула в чашку бренди. Крис посмотрел на часы. Уже за полночь. Сна ни в одном глазу.

— Я вас, наверное, утомила своими извинениями.

— У меня была младшая сестра, — напомнил ей Крис. — Девочки — они такие. Я привык.

— Ваша сестра… Как вы говорили — Порша?

— Мы звали ее Порри.

— Вы с ней часто видитесь? Я имею в виду — виделись до осады.

— Порри давно умерла.

— Ох, простите.

— Вот теперь вам действительно пора прекратить извиняться.

— Но я… Да.

— Как по-вашему, от Рэя теперь стоит ожидать серьезных неприятностей?

— Не сомневаюсь, — пожала она плечами. — Рэй сделает все, что в его силах.

— Понимаю, что это не мое дело. И все-таки если вы думаете, что завтра он заявится сюда с дробовиком, то лучше бы меня тоже предупредить.

— Да нет, конечно, ничего подобного. Рэй, он просто… ну, как вам объяснить? Он любит во всем быть правым. Терпеть не может, когда с ним не соглашаются. С готовностью кидается в любую схватку, но ненавидит проигрывать — а проигрывает он большую часть жизни. Ему не нравится соглашение о совместной опеке над Тесс — он бы никогда его не подписал, если бы адвокат не убедил его, что лучшего он все равно не добьется, — и он постоянно угрожает,

что будет со мной судиться, чтобы забрать Тесс. Случившееся сегодня он будет считать очередным доказательством, что я как мать никуда не гожусь. Очередным оружием против меня.

— В случившемся сегодня вашей вины нет.

— Рэю неважно, что именно случилось. Он уже убедил себя, что я либо виновата непосредственно, либо как минимум совершила преступный недосмотр.

— Сколько лет вы были замужем?

— Девять.

— И он всегда был склонен к насилию?

— Не к физическому. То есть не в прямом смысле. Он мог замахнуться, но никогда бы не ударил. Это не в его стиле. Зато он постоянно давал понять, что мне не доверяет, и откровенно не одобрял мое поведение. Звонил каждые пятнадцать минут — где я, и что делаю, и когда буду дома, и постарайся не опаздывать. Я его не устраивала, и при этом он хотел, чтобы я все свое внимание уделяла ему одному. Сначала я думала, что это просто такая странность, недостаток характера, что он его пере- растет.

— У вас есть друзья, семья?

— Мои родители очень мягкосердечны. Они мирились с Рэем до тех пор, пока не стало ясно:

ему вовсе не нужно, чтобы они с ним мирились. Он не хотел, чтобы я с ними встречалась, не хотел, чтобы я встречалась с друзьями. Мол, нас только двое, и больше никто к нам лезть не должен.

— Ровно та самая разновидность брака, которую следует окончить как можно раньше, — заметил Крис.

— Не уверена, что Рэй считает наш брак оконченным.

— Такие ситуации иногда бывают довольно опасными — в физическом смысле.

— Знаю, — согласилась Маргерит. — Я всякое слышала. Только Рэй до физического насилия никогда не опус- тится.

Крис мог бы возразить, но не стал.

— Как там Тесс, быстро заснула?

— Она выглядела совсем сонной. Бедняжка, ее все это очень утомило.

— Как по-вашему, почему она разбила стекло?

Маргерит поднесла к губам чашку и сделала длинный глоток, внимательно изучая поверхность стола.

— Честное слово, не знаю. У Тесс и раньше были проблемы. Она не любит отражающие поверхности: зеркала и все такое. Наверное, увидела что-то неприятное.

Настолько, чтобы разбить стекло рукой?.. Впрочем, Маргерит эта тема, очевидно, была не особо приятна, и он не стал настаивать. На ее долю сегодня и так немало вы- пало.

— Интересно, как там Субъект. — Крис решил переменить тему. — Неспящие в Лангуста-Сити.

— Я ведь так ничего и не выключила? — Она встала со стула. — Хотите посмотреть?

Он прошел вслед за хозяйкой в кабинет. Мимо комнаты, где спала Тесс, они прокрались на цыпочках.

В кабинете все было точно так же, как и до ухода: горел свет, сияли экраны интерфейсов, на стене двигалось следующее за Субъектом видео. Увидев изображение, Маргерит громко вздохнула.

На том клочке UMa47/E, где сейчас находился Субъект, наступило утро. С балкона Субъект ушел и уже успел добраться до улицы на уровне земли. Дувший ночью ветер покрыл все поверхности вокруг слоем тонкой белой пыли, ее текстура была отчетливо видна в косых лучах восходящего солнца.

Приблизившись к каменной арке раз в пять выше его ростом, Субъект шагнул сквозь нее навстречу восходу.

— Куда он идет? — спросил Крис.

— Не знаю, — ответила Маргерит. — Похоже, он покидает город.

Тринадцать

— Звонил Чарли Гроган, — сказала Сью Сэмпел. — Потом Дайджит Гил, Джули Соок и еще двое глав департаментов. Ах да, в десять у вас встреча с Ари Вейнгартом, в одиннадцать — с Шульгиным, и еще…

— Отправь расписание мне на компьютер, — перебил ее Рэй. — Срочные сообщения — тоже. Если будут звонки — пока не соединяй.

Он исчез в своем святая святых, плотно закрыв за собой дверь.

Да здравствует тишина, подумала Сью. Это куда лучше, чем голос Рэя Скаттера.

Сью, зная его пунктуальность, оставила на столе чашку с горячим кофе. Это хорошо, подумал Рэй. Вот только день ему предстоял нелегкий. С того момента, как на прошлой неделе Субъект отправился в паломничество, комитеты находились в состоянии, близком к истерике. Даже астрозоологи разделились на два лагеря: одни хотели продолжать исследования в Лангуста-Сити

и выбрать с этой целью нового, более типичного в своих поступках Субъекта; другие (и Маргерит в их числе) были убеждены, что поведение Субъекта представляет существенный интерес и за ним следует наблюдать вплоть до логической развязки. Представители департаментов технологии и артефактов приходили в ужас от одной мысли о том, что придется покинуть город, зато астрогеологи и климатологи могли лишь приветствовать путешествие по пустыням и горам. Отделы перегрызлись между собой, будто свора собак, а разрешить конфликт в отсутствие научного руководства Слепого Озера и связи с Вашингтоном не было ни малейшей возможности.

В конечном итоге все они со своими проблемами придут к Рэю. Однако он не собирался выносить вердикт без всеобъемлющих консультаций, поскольку рано или поздно ему придется обосновывать свое решение перед руководством. И он хотел, чтобы обоснование это было пуленепробиваемым. Чтобы он при необходимости мог сослаться на конкретные имена и документы, и пусть отдельные горячие головы говорят сейчас, дескать, он уклоняется от ответственности — такие слухи до Рэя тоже доходили. Всем было ясно сказано — представить докладные записки

с обоснованием своей позиции.

И все-таки день лучше начинать с положительных эмоций. Рэй расстелил на столе бумажную салфетку и открыл нижний ящик стола ключом, который носил с собой.

С самого начала карантина Рэй хранил запас «Динь-Донов» в запертом ящике стола. Да, он любил сопроводить утренний кофе пирожными, особенно «Динь-Донами», и вполне мог обойтись без остроумных комментариев по этому поводу, всей этой ерунды насчет Е 343 и «плохих калорий». Ему нравилось, как разрывается хрусткая обертка; нравился запах сахара и крахмала; нравилось клейкое тесто и то, как горячий кофе смывает с языка чуть химическое послевкусие.

К сожалению, «Динь-Доны» не входили в ассортимент продуктов, еженедельно доставляемых черным грузовиком. Рэю хватило сообразительности сразу же скупить весь запас в супермаркете и в магазинчике вестибюля «Хаббл-Плазы». У него оказалось две коробки, однако надолго их не хватило. Последние шесть «Динь-Донов» на все осажденное Слепое Озеро, насколько было известно Рэю, находились сейчас в нижнем ящике его письменного стола. Когда они закончатся, все, можно сосать лапу. Естественно, он как-нибудь

переживет. Но как же обидно попасть в такую ситуацию из-за бюрократической херни, из-за бесконечного и бессловесного каран- тина.

Он вынул из ящика «Динь-Дон». Минус один: остается пять, как раз одна рабочая неделя.

Однако в тени ящика виднелось лишь четыре «Динь-Дона».

Четыре. Он пересчитал еще раз. Четыре. Он пошарил по ящику рукой. Четыре.

Должно быть пять. Он что, обсчитался?

Невозможно. Он каждый вечер записывал остаток в дневнике.

Какое-то время Рэй сидел неподвижно, переваривая неприятную информацию, подыскивая на нее достойный и уверенный ответ. Потом нажал кнопку селектора и попросил Сью Сэмпел зайти.

— Сью, — начал он, когда она остановилась на пороге, — у тебя есть ключ от моего стола?

— От вашего стола? — На лице Сью изобразилось неподдельное — или умело подделанное? — удивление. — Конечно нет.

— Когда я занял этот кабинет, техник сказал, что ключ будет только у меня одного.

— Вы его потеряли? У техников должен быть универсальный ключ. Или они могут поменять замок…

— Я ничего *не терял*! — Звук его голоса заставил Сью отшатнуться. — Вот мой ключ! Но у меня кое-что украли.

— Кое-что украли? Что же именно?

— Какая разница, что именно! К счастью, ничего особенно важного. Существенно здесь то, что кто-то копался в моем столе, не поставив меня в известность. Даже ты, казалось бы, могла догадаться!

Взгляд Сью упал на стол. Рэй запоздало осознал, что сегодняшний неоткрытый «Динь-Дон» так и лежит там рядом с чашкой кофе. Она посмотрела на пирожное, потом на Рэя, на лице у нее изобразилось что-то вроде «вы, конечно же, шутите?». Рэй почувствовал, что краснеет.

— Может быть, спросить у уборщиков? — предложила Сью.

Главное, чтобы она сейчас поскорее ушла.

— Ладно, на самом деле, наверное, ничего страшного… Зря я вообще завел этот разговор.

— Или у секьюрити? К вам как раз сегодня Шульгин приходит.

Она что, прячет улыбку? Она над ним *смеется*?

— Спасибо, — выдавил он через силу.

— Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

— Нет. — *Проваливай уже на хрен.* — Закрой дверь, пожалуйста.

Сью аккуратно прикрыла за собой дверь. Рэй прямо-таки видел, как беззвучный смех тянется за ней ярко-алой ленточкой.

Рэй считал себя реалистом. Он отдавал себе отчет в том, что некоторые его поступки могли быть объявлены сексистскими, если бы кому-то потребовалось его очернить (а имя его врагам было легион). Но он вовсе не ненавидел женщин. Как раз наоборот: он всегда давал им шанс продемонстрировать, что ненавидеть их не за что. Проблема не в том, что он ненавидит женщин, а в том, что они его постоянно разочаровывают. Взять хотя бы Маргерит. (Опять Маргерит, все время Маргерит, Марге- рит…)

Ари Вейнгарт явился в десять с целой кипой предложений по поднятию духа находящихся в осаде. Кейти Лейн из его отдела предложила делать выпуски видео с новостями и объявлениями — фактически запустить телевидение Слепого Озера, — и готова сама их вести. «По-моему, мысль неплохая, — сказал Ари. — Кейти умна и фотогенична. А еще я предлагаю организовать коллекцию записей, которые люди успели загрузить на домашние серверы до блокады и начать

их транслировать. Это будет телевидение строго по программе, совсем как в двадцатом веке, но и оно может пойти на пользу. По крайней мере, людям снова будет что обсудить в обеденный пере- рыв».

Хорошо, годится. Дальше Ари предложил начать серию дебатов и публичных лекций в клубе по субботам. И это годится. Ари хочет превратить осадное положение во что-то вроде затянувшегося церковного праздника. Пусть себе, думал Рэй. Пусть развлекает недовольных заключенных цирковыми представлениями. Однако уж очень вся эта борьба за поднятие духа утомительна… Когда Ари наконец покинул кабинет, прихватив с собой свою вечную улыбку, сразу полегчало.

Рэй еще раз пересчитал «Динь-Доны».

Конечно, в стол к нему легко могла залезть та же Сью. Никаких следов взлома на замке не обнаружилось; наверное, он просто забыл запереть ящик, и Сью воспользовалась его невнимательностью. Сью часто оставалась на работе дольше Рэя, особенно когда была его очередь заботиться о Тесс; в отличие от Маргерит он неохотно оставлял дочь одну дома после школы. Сью — основной подозреваемый, решил Рэй, хотя и уборщики тоже не сказать чтобы чисты от подозрений.

С мужчинами вообще легче, чем с женщинами. На мужчину стоит рявкнуть погромче, и он уже весь внимание. Женщины хитрее, думал Рэй, внешне они послушны, но всегда готовы предать. Свою лояльность они обставляют множеством условий, а потом без труда о ней забывают. (Взять хотя бы Маргерит…)

По крайней мере, Тесс вырастет не такой.

Ровно в одиннадцать появился Дима Шульгин, одетый в элегантный серый костюм, и отвлек его от тяжких мыслей, хотя новости он принес довольно мрачные. Шульгин где-то научился совершенно китайской непроницаемости, и, пока он перечислял настроения, которые сейчас преобладали среди служащих и приходящих работников, его бледное лицо ничего не выражало.

— До сих пор они довольно спокойно переносили осаду — в первую очередь благодаря несчастью, которое случилось с мистером Крафтом, когда он попытался прорваться сквозь ворота, — заявил Шульгин. — По большому счету нам тут скорее повезло. Люди подчинились, поскольку были напуганы. Теперь недовольство растет. Всевозможных обслуживающих работников раз в пять, как вам известно, больше, чем научного и административного персонала. Многие требуют

возможности участвовать в принятии решений, и уже неоднократно раздавались предложения отключить Око и посмотреть, что из этого выйдет.

— Пустая болтовня, — отмахнулся Рэй.

— Пока — да, болтовня. Но на длинной дистанции, если карантин затянется…

— Нам нужно продемонстрировать, что мы делаем что-то позитивное.

— Имитировать бурную деятельность не помешает, — кивнул Шульгин, иронию за его акцентом никогда было не расслышать.

— Знаете, — сказал вдруг Рэй, — мой стол взломали.

— Ваш стол? — Брови Шульгина поползли вверх, словно две гусеницы. — Взломали? Хулиганство, воровство?

Рэй махнул рукой в, как ему показалось, великодушном жесте.

— Ничего особенного, больше похоже на офисный розыгрыш, но это навело меня на мысль. Не устроить ли нам расследование?

— Расследование взлома вашего стола?

— Да нет же, ради бога! Расследование причин осады.

— Причин осады? И как их расследовать? Все

улики — по другую сторону забора.

— Необязательно.

— Объясните, будьте добры.

— Существует теория, что мы в карантине, поскольку что-то случилось в Кроссбэнке, что-то опасное, связанное с их БЭК-кольцами; следовательно, оно может повториться здесь.

— Да, именно поэтому сейчас постепенно набирает силу движение, ратующее за отключение наших собственных процессоров, однако…

— Забудьте на минуту про БЭК-кольца. Давайте подумаем о Кроссбэнке. Если там начались проблемы, неужели мы бы о них не узнали?

Шульгин задумался. Потер пальцем кончик носа.

— Возможно, узнали бы, возможно, нет. Когда закрылись ворота, все руководство было в Канкуне. Им бы первым сообщили.

— Верно, — сказал Рэй, пытаясь мягко подтолкнуть собеседника к очевидному выводу, — и эти сообщения оказались бы на их личных серверах еще до того, как начался карантин.

— Все достаточно срочное сразу ушло бы непосредственно к ним…

— Но на серверах в Слепом Озере остались бы копии, разве нет?

— Хм… надо полагать. Разве что кто-нибудь сразу все стер. Однако мы все равно не можем взломать личные серверы руководства.

— Не можем?

Шульгин пожал плечами:

— Я бы сказал, что нет.

— В обычных обстоятельствах мне бы даже мысль такая в голову не пришла. Но обстоятельства у нас далеко не обычные.

— Взломать серверы, прочитать почту… Интересно.

— И если обнаружится что-нибудь важное, об этом можно будет объявить на общем собрании.

– *Если* обнаружится. Помимо голосовых сообщений от жен и любовниц. Мне что теперь, поговорить со своими людьми, выяснить у них, сложно ли взломать сер- веры?

— Да, Дима, — подтвердил Рэй. — Поговорите.

Чем больше он об этом думал, тем больше идея ему нравилась. На обед он ушел почти счастливым.

Впрочем, настроению Рэя было свойственно часто меняться, так что в конце дня он покинул «Плазу» не в лучшем расположении духа. «Динь-Дон». Сью, вероятно, все разболтала подружкам во время обеда. Каждый день какое-нибудь новое

унижение. Да, он любит «Динь-Доны» на завтрак, и что здесь такого смешного, в чем тут странность?.. Какие все-таки уроды вокруг, горько думал Рэй.

Он аккуратно вел машину сквозь налетавший порывами жесткий снег, надеясь, что на главной улице удастся поймать «зеленую волну». Безуспешно.

Вокруг одни уроды, а теоретики в области экзокультур, легковесные слепые оптимисты, такие как Маргерит, совершенно выпускают из виду это обстоятельство. Одного полного уродов мира им недостаточно. Им подавай еще. Целую вселенную всевозможных уродов. Розовый сверкающий органический космос, волшебное зеркало, из которого ухмыляется радостная уродская физио- номия.

Сумерки опустились на машину, словно занавес. Насколько чище был бы мир, думал Рэй, если бы состоял из газа и пыли, ну и отдельных сияющих звезд — холодных и безупречных, подобно снегу, окутавшему высотки Слепого Озера. Истинный урок, который им преподал Лангуста-Сити, заключался в неполиткорректном, никем не произнесенном вслух, но очевидном факте, что (так называемый) разум есть не что иное, как концен-

трированная иррациональность, поведенческий комплекс, созданный ДНК, чтобы производить еще больше ДНК. Пока вся вселенная не окажется пожранной и обращенной в экскре- менты.

Ко мне это тоже относится, думал Рэй. Не стоит закрывать глаза на горькую правду. Все, что он любит (дочь), или думал, что любит (Маргерит), представляло собой всего лишь его собственное место в мироустройстве, осмысленном не больше, чем ночные кровотечения аборигенов UMa47/E. Взять хотя бы Маргерит: не более чем набор неисправных генетических программ, мать, в которой материнского лишь инстинкт обладания; ходячая матка, почему-то требующая равенства перед законом. Как часто он продолжает о ней вспоминать! Любые унижения, достающиеся на долю Рэя, лишь следствия ее нена- висти.

Гаражная дверь начала подниматься, почувствовав сенсорами приближение автомобиля. Рэй остановил машину под ярким светом потолочной лампы.

Он думал о том, что будет, если освободиться от биологических императивов и увидеть мир таким, какой он есть. Нашим глазам он покажется ужасным, бесцветным и безжалостным; только наши глаза тоже лгут, они такие же рабы

ДНК, как и наше сердце, и наш мозг. Быть может, БЭК-кольца именно этим и сделались: нечеловеческими глазами, показывающими правду, которую никто не готов принять.

Рэй крикнул «Привет!», как только вошел в дом. Тесс, вернувшаяся к нему на этой неделе, сидела в гостиной, в кресле рядом с искусственной елкой, согнувшись над домашним заданием, словно трудолюбивый гном. «Здравствуй», — сказала она, не поднимая головы. Рэй застыл, пораженный своей любовью к дочери. Она писала на экране планшета, который переводил ее детские каракули во что-то разборчивое.

Он снял пальто и галоши, задернул шторы — за ними была лишь снежная мгла.

— Ты уже звонила своей биологической матери?

В соглашении, которое он после долгих переговоров с посредниками подписал с Маргерит, значилось, что Тесс каждый день должна звонить отсутствующему в данный момент родителю. Тесс удивленно подняла глаза:

– *Биологической матери*?

Он что, это вслух сказал?

— Своей маме.

— Я уже позвонила.

— Она сказала что-нибудь, что тебя обеспокоило? Сразу обращайся ко мне, если у тебя с мамой возникнут проб- лемы.

Тесс неуверенно пожала плечами.

— А тот человек был с ней, когда ты звонила? Тот, который живет в подвале?

Тесс опять пожала плечами.

— Покажи мне руку.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в проблемах, которые у Тесс возникли в Кроссбэнке, виновата Маргерит, пусть даже бракоразводный судья ни хрена не понял. Маргерит постоянно игнорировала Тесс, и девочка предприняла несколько отчаянных попыток привлечь ее внимание.

Неохотно, пряча глаза от стыда, Тесс протянула ему ладонь. Швы сняли на прошлой неделе. Шрамы тоже со временем исчезнут, сказал доктор, но пока вид был еще тот: розовая новая кожа, а вокруг — сердитые дырочки от иглы. Рэй уже сделал несколько фотографий на случай, если их понадобится предъявить в суде. Он держал маленькую ладошку в своих ладонях и всматривался, нет ли инфекции, не поселилась ли там чужая жизнь, чтобы питаться плотью его дочери.

— Что сегодня на ужин? — спросила Тесс.

— Курица, — ответил Рэй и пошел на кухню, чтобы ей не мешать. Курица в морозильнике. Субъект извлек из низкотемпературного хранилища разделанную плоть нелетающей птицы и стал ее термически обрабатывать в посуде, содержащей отжатое из растений масло. Теперь — чеснок с базиликом, соль и перец. От запаха у него рот наполнился слюной. Тесс, которую тоже привлек аромат, прибрела в кухню и стала смотреть, как он го- товит.

— Тебя не беспокоит, что завтра ты возвращаешься к маме?

К биологической матери. К половине твоей шкатулки с генами. Меньшей половине, подумал Рэй.

— Нет, — сказала Тесс и вдруг спросила чуть ли не с дерзостью: — Почему ты меня всегда об этом спрашиваешь?

— Разве я всегда спрашиваю?

— Да! Часто.

— Часто — это ведь не всегда, правда?

— Да, только…

— Я просто хочу, чтобы с тобой все было в порядке, Тесс.

— Знаю. — Сраженная его правотой, она повернулась, чтобы уйти.

— Тебе же здесь хорошо?

— Здесь нормально.

— Потому что с мамой заранее никогда не знаешь, правда? Если с ней что-нибудь случится, Тесс, ты всегда будешь жить здесь.

Тесс сощурилась.

— А что случится с мамой?

— Заранее никогда не знаешь.

Четырнадцать

До того как Субъект покинул город, его жизнь представляла собой непрерывный цикл из сна, работы и обеденных конклавов. Все это пугающе напоминало Маргерит индуистские идеи: кальпы, священный цикл, вечное возвращение.

Теперь все переменилось.

Цикл тоже превратился в нечто иное: в историю. В *рассказ*, думала Маргерит, у которого есть начало и конец. Именно поэтому было столь важно, чтобы Око оставалось сфокусированным на Субъекте, что бы там ни полагали отдельные циники. «Субъект перестал быть характерным», — говорили они. Так именно поэтому он и был теперь столь интересен. Субъект сделался индивидом, чем-то большим, чем просто сумма его функций в обществе аборигенов. Совершенно

очевидным образом это означало некий кризис в жизни Субъекта, и Маргерит даже допускать не желала, что они не увидят, чем он разрешится.

Пусть даже смертью Субъекта, если до того дойдет. А дойти вполне могло.

С самого начала у нее появилась идея записывать одиссею Субъекта: не с аналитической точки зрения, но как то, во что все превратилось — как историю. Разумеется, не с целью публикации. Она нарушит сразу все протоколы объективности, поскольку все в этой истории будет пропитано как осознанным, так и неосознанным антропоцентризмом. Записывать просто для себя… и еще потому, что Субъект того заслуживает. В конце концов, он жил своей жизнью, а они вторглись в нее непрошеными наблюдателями. В ее записках, которых никто не увидит, к нему вернется утраченное достоинство.

Маргерит начала делать записи в синей школьной тетрадке. Тесс уже спала (она вернулась от отца, с которым провела невеселое Рождество, два дня назад), а Крис был внизу — наводил беспорядок в кухне или копался в ее библиотеке. Ей выпала редкая минута, момент священной тишины. Самое время, чтобы попрактиковать черную магию эмпатии, время самой себе признаться,

что судьба этого существа, такого непонятного и при этом знакомого до мельчайших подробностей, ей небезраз- лична.

Последние дни, которые Субъект провел в городе (записывала Маргерит), были неспокойными.

Хотя он по-прежнему проводил положенное время у станка, его обеденные конклавы стали короче и более поверхностны. Он медленнее спускался по лестнице в обеденный колодец и там в неярком вечернем свете брал себе меньше обычного количества овощей. Зато проводил больше времени, соскабливая плесневую поросль с влажных стен колодца, и потом слизывал ее с когтей на руках. Сократилась и его социальная активность. Колодцы были полны едоков, однако Субъект теперь держался лицом к каменной стене, его сигнальные движения (волнообразное поведение ресничек, жесты головой) также свелись к минимуму.

Нарушился и сон Субъекта, что, в свою очередь, обеспокоило крошечные создания, пившие по ночам кровь из его сосков. Какое место занимают эти живущие в стенах животные в культуре и экологии Субъекта, установить так толком и не удалось. То ли паразиты, то ли, учитывая спокойное к ним отношение, симбионты или

даже стадия репродуктивного цикла. Возможно, питаясь, они стимулировали важные иммунные реакции — во всяком случае, такая теория тоже имелась. Однако незадолго до своего ухода спящий Субъект, похоже, стал им неприятен. Они пробовали его на вкус, отбегали в сторону, потом возвращались, чтобы попробовать еще раз — с тем же результатом. Сам Субъект тем временем тоже сделался неспокоен и несколько раз за ночь поворачивался, что прежде было ему несвойственно.

Последнюю свою ночь в городе он провел в бессонном бдении на высоком наружном балконе общественной башни, в которой жил. Казалось заманчивым усмотреть в этом поведении как одиночество, так и решимость. (*Нельзя, но все равно заманчиво*, подумала Маргерит.) Жизнь Субъекта явно менялась, и необязательно в лучшую сторону.

Затем он покинул город.

Покинул свой бункер, свою жилую башню и вышел через восточные ворота города аборигенов прямо в чистое голубое утро. Под лучами солнца его толстая шкура блестела, словно выделанная кожа. Большая часть тела Субъекта имела темно-красный оттенок, в местах основных сочленений

его тела бордовый тон переходил в черный, а желтый спинной гребень торчал над головой, словно пылающая корона.

Город окружали огромные площади сельскохозяйственных земель. По каналам и акведукам от снежных гор на севере на поля поступала вода. Оросительная система теряла огромное количество жидкости, быстро испарявшейся в сухом разреженном воздухе, но и того немногого, что оставалось, хватало, чтобы питать многокилометровые ряды растений-суккулентов. Растения были толстокожие, оливково-зеленые, и относились к нескольким типам, впрочем, похожим друг на друга. Все они имели прочные стебли и толстые, крупные, размером со сковородку, листья. Растения были выше Субъекта и отбрасывали на него живописные тени, когда он проходил внизу.

Субъект шел по грунтовой дороге — широкому шоссе, по обе стороны от которого тянулись дренажные канавы, а за ними — зеленые поля. Он не демонстрировал никаких признаков социального взаимодействия ни с заляпанными растительным соком работниками на полях, ни с встречными пешеходами. Неподалеку от городских ворот он свернул на обработанный участок

и сорвал там с одного из растений несколько спелых листьев, на что сельхозработники не обратили никакого внимания. Листья эти он завернул в еще один лист — более широкий и плоский, веерообразный — и засунул в кожистый карман внизу живота. Пикник на природе? Или запасы для дальнего путе- шествия?

Большую часть утра ему пришлось идти вдоль самой обочины, уступая дорогу движению. Согласно планетарным картам, составленным до того, как БЭК-кольца сосредоточились на Субъекте, дорога шла на восток почти сотню километров через пустыню, затем отклонялась к северу, проходя через гряду невысоких гор (подножие более высокого хребта), и снова сворачивала на восток, где через несколько сот километров почти лишенного растительности плоскогорья наконец достигала на 33 градусах широты и 42 долготы еще одно городское образование, пока не имеющее названия. 33/42 был меньше размером, чем родной город Субъекта, но между ними имелись прочные торговые связи.

В обоих направлениях шли грузовики — огромные платформы, снабженные несложными моторами. Вместо колес они использовали огромные катки. (Вероятно, еще один пример эффектив-

ности в мире аборигенов: грузовики укатывали грунтовую дорогу, просто двигаясь по ней.) Было также и множество пешеходов — пары, тройки и более крупные группы ковыляющих характерной походкой аборигенов. Других одиночек не попадалось. Означала ли уникальность путешественника, что и цель у него уни- кальная?

К полудню Субъект достиг границы сельскохозяйственных земель. Когда ряды растений-суккулентов остались позади, дорога расширилась. Горизонт слева был абсолютно плоским, к северу возвышались горы. Казалось, вершины гор колеблются в восходящих потоках горячего воздуха. Когда солнце достигло наивысшей точки, Субъект сделал остановку на обед: покинул дорогу и прошел несколько сот метров в сторону манивших тенью базальтовых камней. Там он обильно помочился на песчаную почву, затем взобрался на один из каменных пьедесталов и застыл лицом на север. Воздух между Субъектом и горами был белым от взвешенной в нем пыли, снежные вершины словно плыли над пустыней.

Быть может, он отдыхал, быть может, пробовал воздух или планировал дальнейшее путешествие. Он оставался неподвижным около часа. Потом спустился с камня, вернулся на дорогу

и продолжил путь, ненадолго остановившись, чтобы напиться из канавы.

Весь день Субъект шагал, не сбавляя скорости. К закату он миновал последние приметы цивилизации — старые пожелтевшие поля, занесенные песком почти до невидимости ирригационные каналы, — и вышел в пустынную низину между горами на севере и далеким морем на юге. Движение на дороге подчинялось все той же схеме день-ночь, и он вскоре отстал от последних на сегодня грузовиков. Вечер был необычно ясным. На востоке стремительно взошла маленькая луна, и Субъект стал искать место для ноч- лега.

Несколько минут он выбирал, пока не нашел песчаную ложбинку, укрытую за камнем, и там свернулся почти в позу плода, укрыв живот от холодного ветра. Движения тела замедлились, и он впал в свою обычную ночную кататонию.

Когда луна уже пересекла три четверти неба, из скрытого в песке гнезда появились небольшие насекомоподобные создания. Их немедленно привлек Субъект — возможно, своим запахом или ритмичным дыханием.

Они были меньше размером, чем ночные симбионты из города, с более выпуклой грудью, и имели на две пары ног больше. Однако питались

они кровью из сосков Субъекта совершенно так же и без малейших колебаний.

Они все еще оставались рядом (вероятно, насытившись), когда с первыми лучами солнца Субъект проснулся. Некоторые остались висеть на его теле, когда он встал. Субъект очень осторожно собрал их с себя и отбросил прочь. Создания, пусть и не пострадавшие, лежали неподвижно, пока солнце их не согрело; тогда они снова закопались в песок, последними исчезли розовые хвостики.

Субъект двинулся дальше по дороге.

Перечитав свою первую запись, Маргерит осталась недовольна.

Не потому, что написанное было неверным, хотя оно, разумеется, было возмутительно неверным, прекрасно неверным. Переполненным ошибками атрибуции. Ученые-социологи пришли бы в ужас. Только ее уже тошнило от объективности. Ее собственный проект, тайный проект, заключался в том, чтобы поставить себя на место Субъекта. А как еще люди могут понять друг друга? «Посмотри, как это выглядит с моей точки зрения», — говорят они. Или: «Будь я на твоем месте…». Требуемое от воображения усилие было столь привычным, что его никто не

замечал. Тех же, кто не мог или не хотел его сделать, называли психопатами или социопатами.

Однако когда мы смотрим на аборигенов, думала Маргерит, мы должны изображать безразличие. Монашеское, чуть ли не пуританское бесстрастие. Неужели я посрамлю себя, если признаю, что мне не все равно, будет Субъект жить или умрет?

Большинство ее коллег скажет, что да. Однако Маргерит была склонна еретически полагать, что они не правы.

И все-таки в истории чего-то недоставало. Ей было нелегко решить, что именно рассказывать, а главное — какими словами. Для кого она пишет? Только для себя самой или у нее есть на примете читатель?

С того момента, как Субъект покинул город, а Тесс поранила руку, — прошло две недели. Если она продолжит, ей предстоит написать еще очень многое. Маргерит, склонившаяся над тетрадкой, была одна в своем кабинете, но при мысли о Тесс она сразу подняла голову и стала прислушиваться к ночным звукам внутри домика.

Крис внизу еще не лег. Он как бы выделил для себя отдельное пространство: спал в подвале, на большую часть дня уходил, ужинал у Сойера, а в

кухню или гостиную выбирался в основном уже после того, как Тесс ложилась спать. Присутствие его почти не мешало, скорее даже успокаивало. (Вот как сейчас: звук закрывающейся двери холодильника, негромкий звон посуды.) Работая, Крис всегда выглядел несчастным, словно человек, из последних сил старающийся удержать уже ускользнувшую мысль. И тем не менее подолгу работал без перерыва, иногда до глубокой ночи.

И он очень помогал с Тесс. Даже больше, чем просто помогал. Крис был не из тех взрослых, кто относится к детям снисходительно или пытается произвести на них впечатление. Он уверенно чувствовал себя с Тесс, охотно с ней разговаривал, не обижался, когда та иной раз молчала или дулась. И, казалось, не обращал внимания на ее проб- лемы.

Тесс тоже стала выглядеть чуть более счастливой, когда в доме появился Крис.

И все же случай, когда Тесс поранила руку, сильно беспокоил Маргерит. Поначалу Тесс настаивала, что она просто слишком облокотилась на окно, но Маргерит-то знала: ночью окно в освещенной комнате мало чем отличается от зеркала.

И это было не первое разбитое Тесс зеркало.

В Кроссбэнке она разбила три. Хотя психотерапевт разглагольствовал о «подавленном страхе», Тесс никогда не говорила, что Зеркальная Девочка враждебна или пугает ее. Она объясняла, что бьет зеркала, потому что ей надоело, как Зеркальная Девочка является без приглашения: «Я хочу видеть себя, когда смотрюсь в зеркало!» Зеркальная Девочка была назойливой, часто нежеланной, зачастую надоедливой, но до кошмара все же не дотягивала.

Однако кровь многое изменила.

На следующий день после того, как они вернулись из клиники, из-за обезболивающего Тесс немного клонило в сон; она лежала в постели, время от времени принимаясь за книгу. Маргерит присела рядом с ней на кро- вать.

— Я думала, это уже кончилось. Когда ты все разбиваешь. — Тон не обвинительный, просто удивленный.

— Я облокотилась на стекло, — в очередной раз повторила Тесс. Потом, очевидно, почувствовала скептицизм Маргерит, вздохнула и негромко добавила: — Она застала меня врасплох.

— Зеркальная Девочка?

Кивок.

— Сейчас она часто приходит?

— Нет, — сказала Тесс. — Довольно редко. Потому и застала врасплох.

— Ты помнишь, что сказал доктор Лейнстер в Кросс- бэнке?

— Зеркальная Девочка не настоящая. Вроде как часть меня, которую я не хочу видеть.

— Ты думаешь, он прав?

Тесс пожала плечами:

— Ну а что же ты сама думаешь?

— Я думаю, если я не хочу ее видеть, почему тогда она приходит?

Резонный вопрос, подумала Маргерит.

— Она все еще похожа на тебя?

— Точь-в-точь.

— Тогда откуда ты узнаешь, что это она?

Тесс пожала плечами:

— По глазам.

— А что у нее не так с глазами?

— Слишком большие.

— И что же она хочет, Тесс?

В надежде, что дочь не услышит в ее голосе чуть истерическую нотку. Не почувствует, что у нее комок в горле. *С моей девочкой что-то не так. Маленькая моя.*

— По-моему, она хочет от меня внимания.

— Какого внимания, Тесс? Внимания к ней?

— Нет, не просто к ней. Ко всему. И все время.

— Ты помнишь, чему тебя учил доктор Лейнстер?

— Не беспокоиться. Дождаться, пока она уйдет.

— Помогает?

— Вроде того. Но иногда я забываю.

Доктор Лейнстер сказал Маргерит, что симптомы Тесс не соответствуют той разновидности систематических галлюцинаций, которая может указывать на шизофрению. Нет ни резких перепадов настроения, ни агрессии, девочка хорошо ориентируется во времени и пространстве, в пределах нормы развита эмоционально, в должной степени осознает свою проблему, очевидного нейрохимического дисбаланса не обнаружено. Короче, всякая психиатрическая галиматья, которую в конечном итоге можно свести к последнему вынесенному доктором Лейнстером вердикту: «Пройдет».

Вот только доктору Лейнстеру не довелось стирать окровавленную пижаму.

Маргерит снова перевела взгляд на тетрадь — свидетельство занятий противозаконным сочинительством. Пока отстает от событий: скажем, ни слова о руинах на Восточной дороге… Впрочем, на сегодня хватит.

На кухне еще горел свет. Крис жевал ржаной тост и листал сентябрьский выпуск «Астрогеологического вестника», откинувшись на одном стуле и вытянув ноги на другой.

— Спустилась выпить глоточек перед сном, — сказала ему Маргерит. — Не обращайте внимания.

Апельсиновый сок и немного водки, средство, обычно помогающее, если не спится. Как, например, сейчас. Она взяла себе третий стул и вытянула ноги в шлепанцах на тот же, что и Крис.

— Много сегодня работы?

— Еще раз встретился в Глазной Впадине с Чарли Гроганом, — ответил Крис.

— И как Чарли ко всему относится?

— К осаде? Она его особенно не волнует, хотя он и жалуется, что Бумера теперь приходится кормить фаршем. Собачьего корма с грузовиком не присылают. Больше его беспокоит Око.

— А что с ним не так?

— Пока я там был, у них вновь произошла цепочка технических сбоев.

— В самом деле? В отчетах я ничего не видела.

— Чарли говорит, это просто обычные мелкие глюки, только они стали случаться слишком

часто — напряжение скачет, устройства ввода-вывода поизносились. По-моему, на самом деле его гложет перспектива того, что кто-нибудь решит отключить электричество. Он так давно смотрит за БЭК-кольцами, что они заменили ему детей.

— Разговоры насчет отключения Ока — полная чушь. — Даже самой Маргерит собственный тон показался не слишком убедительным. — Вы не слишком много рассказываете про свою работу.

Она уже успела выпить полстакана и чувствовала, как алкоголь стремительно распространяется по сосудам, принося сонливость, отключая контроль.

— А зачем рассказывать? — ответил Крис. — Я благодарен уже за то, что могу здесь жить. И не хочу загружать вас своими проблемами.

— Зря беспокоитесь. Мы знакомы сколько, больше месяца? Я более или менее уверена, что про вашу книгу отзываются несправедливо. Вы как-то не производите впечатления лживой и злобной личности.

— Лживая и злобная личность? Вот так прямо и го- ворят?

Маргерит бросило в краску. Однако на лице Криса сейчас была улыбка.

— Слышу не первый раз, Маргерит.

— Хотелось бы как-нибудь почитать вашу книгу.

— С тех пор как начался карантин, ее нельзя загрузить. Хоть в этом повезло. — Теперь его улыбка выглядела не столь натурально. — Но вам я могу предложить бумажную версию.

— Буду признательна.

— Я тоже признателен за вашу поддержку. И… знаете, Маргерит?

— Что?

— Не могли бы вы дать мне интервью? Про Слепое Озеро, про осаду, про свое место во всем этом?

— Господи! — Совсем не то, что она ожидала услышать. — Уж точно не сегодня.

— Конечно, не сегодня.

— Последний раз я давала интервью школьной стенгазете. Про свой научный проект.

— И хороший был проект?

— Мне за него стипендию присудили. По митохондриальной ДНК — я тогда хотела стать генетиком. Для дочки священника это было очень круто. — Маргерит зевнула. — Мне определенно пора ложиться.

Импульсивно — или же под действием алкого-

ля? — она положила руку на стол, ладонью вверх. Жест, который он легко мог бы проигнорировать. Ну и ладно тогда.

Крис задержал взгляд на ее ладони — чуть дольше, чем было бы естественным. Потом накрыл ее своей. Радостно? Или неохотно?

Ощущать его ладонь поверх своей было приятно. Она не держалась за руку с взрослыми мужчинами с тех пор, как ушла от Рэя — не то чтобы Рэй регулярно брал ее за руку. Маргерит чуть-чуть растянула удовольствие и, неуверенно улыбнувшись, отдернула руку.

— Мне пора.

— Спокойной ночи, — сказал Крис Кармоди.

— Вам тоже, — откликнулась она, не переставая удивляться: что же я такое делаю?

Прежде чем лечь, она еще раз взглянула на идущую из Ока трансляцию.

Ничего особенного не происходило. Субъект продолжал свою двухнедельную одиссею. Он успел далеко продвинуться по восточному тракту и сейчас тоже размеренно шагал, пока вокруг занималось очередное утро. Кожа его день за днем делалась все более тусклой, скорее всего, просто от пыли. Дождя не выпадало уже несколько месяцев, что для этих широт летом было нормой.

Даже солнце сегодня казалось не столь ярким, как обычно, пока Маргерит не сообразила, что дымка и вправду непривычно густая, особенно на северо-востоке, словно оттуда надвигался шквал. Можно уточнить в департаменте метеорологии, подумала она. Завтра.

Наконец, уже перед самым сном, она заглянула в комнату Тесс.

Девочка крепко спала. Пустую раму над кроватью все еще закрывала импровизированная заплата Криса из пластика и фанеры, так что в комнате было тепло. Тьма снаружи, тьма внутри. Зеркала, по счастью, пусты. Ни звука, только легкое дыхание Тесс.

И в этой тишине Маргерит наконец поняла, для кого пишет свою историю. Не для себя самой. Определенно не для других ученых. И тем более не для публики.

Она пишет ее для Тесс.

Понимание прибавило ей бодрости, о сне теперь не могло быть и речи. Она вернулась в кабинет, включила настольную лампу и снова достала тетрадь. Раскрыла и стала записы- вать.

Пятьдесят лет назад, на планете такой далекой, что никому туда никогда не добраться, был город из базальта и гранита. Такой же большой, как

наши большие города, его башни высоко вздымались в сухой разреженный воздух этого мира. Город стоял на пыльной равнине, а равнину окружали высокие горы, на их вершинах снег не таял даже летом. В этом городе жил некто, кого нельзя назвать человеком, но он тоже был своеобразной личностью, во многом не такой, как мы, а в чем-то — очень похожей. Мы называли его Субъектом…

Пятнадцать

Сью Сэмпел вновь начала с нетерпением ждать выходных, даже несмотря на осаду.

Какое-то время особой разницы не было: в рабочие дни занятий хватало, но все портили гневные припадки и прочие странности ее начальника; суббота и воскресенье тянулись долго и тоскливо, поскольку в машину ведь не прыгнешь, не махнешь в Констанс, чтобы развеяться. Поначалу она просто беспрерывно курила все выходные, однако запасы травки стали иссякать. (В ассортименте черного грузовика она тоже не значилась.) Сью взяла почитать у другой секретарши из «Плазы» романы Тиффани Эрис — пять увесистых книг о медсестре в Пекине времен войны, разрывающейся между любовью к пилоту разведывательного самолета и тайной интрижкой с

крепко пьющим оружейным контрабандистом. Книги Сью скорее понравились, и все же она решила, что для настоящего канадского каннабиса «Зеленая марка» (который регулярно, пусть и незаконно, поставлялся из Северного Протектората) это неважная замена. В жестяной банке от леденцов, которая хранилась на полке с бельем, оставалось всего-то граммов десять.

В этот момент у нее на пороге возник Себастьян Фогель — с ордером на поселение от Ари Вейнгарта и потертым коричневым чемоданом.

Поначалу он Сью не слишком глянулся. По-своему милый, конечно — Фогель напомнил ей рождественского эльфа, — за шестьдесят, слегка полноватый, седой венчик вокруг сияющей лысины, густая рыжая с проседью борода. Очевидно, застенчивый — даже слегка заикался, когда представился, — и, что хуже всего, Сью показалось, что он кто-то вроде священника, возможно, на пенсии. Постоялец пообещал ее «никак не беспокоить», и Сью опасалась, что обещание свое он сдержит.

Назавтра она навела справки у Ари. Тот сказал ей, что Себастьян отставной профессор, вовсе даже не священник и что он один из трех застрявших в Слепом Озере журналистов. Перу

Себастьяна принадлежала книга под названием «Господь & квантовый вакуум», Ари одолжил ей экземпляр. Книга оказалась не такой красочной, как романы Тиффани Эрис, но гораздо содержательнее.

И тем не менее Себастьян Фогель оставался не более чем молчаливым соседом до того самого вечера, когда он застал ее сворачивающей косячок на кухонном столе.

— Ого, — сказал он с порога кухни.

Прятать жестянку или папиросную бумагу было уже поздно. Сью, чувствуя, что попалась, попыталась обратить все в шутку.

— Не желаете присоединиться?

— Что вы, разве я могу…

— Нет-нет, вы меня ничуть не обидите, если не…

— …Разве я могу столь злоупотребить вашим гостеприимством? Однако у меня тоже завалялось в чемодане граммов двадцать, и если вы не откажетесь…

С этого момента жизнь стала налаживаться.

Фогель был на пятнадцать лет старше Сью и родился девятого января. Ко дню рождения они уже делили между собой и постель. Сью он здорово нравился — с ним оказалось куда веселее,

чем она могла представить, — и все-таки она понимала, что это, по всей видимости, не более чем «блокадный роман». Этот термин она услышала во время обеденного перерыва. Блокадные романы цвели сейчас пышным цветом по всему городку. Клаустрофобия в сочетании с неуверенностью в завтрашнем дне оказалась прекрасным афродизиаком.

День рождения Себастьяна выпал на субботу, и Сью готовилась к нему не одну неделю. Она хотела организовать торт, однако кондитерские смеси на складе отсутствовали, а печь торт по рецепту из простых ингредиентов Сью не рискнула. Зато нашла другое решение.

Она внесла тортик, на котором горела единственная свечка, в столовую. И сказала:

— С днем рождения!

Тортик был совсем маленький. Но значение его заключалось не в размере.

Радостную улыбку на тонких губах Себастьяна было видно даже сквозь усы.

— Как мило! Сью, огромное тебе спасибо!

— Ерунда, ничего особенного.

— Конечно же, не ерунда. — Он явно наслаждался видом тортика. — Я уже с месяц не видел деликатесов. Где ты его добыла?

По большому счету, конечно, это был не тортик. Просто «Динь-Дон», в который воткнули свечку.

— Тебе лучше не знать, — сказала Сью.

В субботу Себастьян договорился, что пообедает с коллегами у Сойера. И пригласил Сью присоединиться.

Она согласилась, хотя и не без сомнений. Двадцать лет назад Сью окончила физический факультет, однако венцом ее последующей карьеры стал лишь секретарский пост в Слепом Озере. Она слишком долго оставалась в стороне от технических дискуссий, чтобы получить удовольствие от участия в непринужденной беседе звезд научной журналистики. Впрочем, Себастьян ее успокоил. Его друзья — писатели, а не ученые. «Несколько прямолинейные, но без снобизма».

Она отвезла Себастьяна, у которого не было машины, к Сойеру, и они припарковались под сыплющим с неба легким снежком. Дул свежий ветерок, солнце то выглядывало из облачных ущелий, то снова исчезало. Теплый влажный воздух внутри ресторана навевал дрему.

Себастьян познакомил ее с Элейн Костер, худой женщиной с кислым выражением лица, и Крисом Кармоди, высоким, мрачноватым, довольно симпатичным, хотя и несколько встрепанным.

Элейн после вялого рукопожатия заявила:

— Однако, Себастьян, вот от вас мы не ожидали…

Сью поразила враждебность, чуть ли не прямая издевка в ее голосе, а также и то, что Себастьян не обратил на это ни малейшего внимания.

На обед были суп и сэндвичи, неизбежное осадное меню. Сью издавала разные одобрительные звуки, но в основном прислушивалась к разговору остальных. Они обсуждали политику Слепого Озера, включая определенные домыслы насчет Рэя Скаттера, и вечнозеленую тему блокады. Вспоминали людей, о которых Сью не имела ни малейшего представления, так что она даже начала обижаться, несмотря на то что Себастьян положил под столом руку ей на колено и время от времени ободряюще его погла- живал.

В конце концов среди сплетен всплыла тема, не столь ей чуждая. Выяснилось, что Криса поселили в доме бывшей жены Рэя, а тот устроил по этому поводу мачистскую демонстрацию рядом с клиникой пару недель назад. Подобная херня была очень в духе Рэя Скаттера, Сью так и сказала.

Элейн задержала на ней взгляд.

— Что вы вообще знаете про Рэя Скаттера?

— Я управляю его офисом.

Элейн вытаращила глаза.

— Вы — его секретарша?

— Персональный помощник. Ну да, по существу — секретарша.

— Симпатичная *и* талантливая, — сказала Элейн Себастьяну, который в ответ лишь улыбнулся своей загадочной улыбкой. Потом снова повернулась к Сью, и та чуть ли не сжалась в комочек под лазерным прицелом ее взгляда. — Насколько же хорошо вы знаете Рэя Скаттера?

— О его личной жизни — ничего. О работе — все.

— Он ее с вами обсуждает?

— Господи, нет, конечно. Рэй предпочитает не открывать свои карты — в первую очередь потому, что у него на руках туз некомпетентности. Знаете, как люди, ничего не соображающие в своем деле, стараются быть постоянно чем-нибудь заняты, чтобы создавать хотя бы видимость работы. Рэй — один из них. Он-то мне ничего не говорит, зато я ему добрую половину времени объясняю, что делать.

— Про Рэя ходят всякие слухи… — заметила Элейн.

Может быть, подумала Сью, это как раз *я* сейчас ничего не соображаю.

— Какого рода?

— Что он хочет хакнуть серверы руководства и прочитать их почту.

— Ну…

Раздался звонок. Крис Кармоди вытащил из кармана телефон, отвернулся от них и стал что-то негромко говорить. Элейн одарила его ядовитым взглядом.

Снова повернувшись к столу, Крис сказал:

— Извините, ребята. Маргерит просит, чтобы я присмотрел за ее дочерью.

— Черт побери, — воскликнула Элейн, — вы что, все одновременно решили заняться в этой дыре домашним хозяйством? Ты, Крис, уже в гувернантку превратился?

— Маргерит говорит, это срочно. — Он встал.

— Да иди уже. — Элейн скорчила гримасу, Себастьян дружелюбно кивнул.

— Рад был познакомиться, — сказал Крис Сью.

— Взаимно. — Он показался ей довольно приятным, разве что мысли его витали где-то не здесь. Определенно приятнее, чем Элейн со своим рентгеновским взглядом.

Который она сфокусировала на Сью в ту же секунду, как Крис отошел от столика:

— Так это правда? Рэй решил заняться незакон-

ным взломом корреспонденции?

— Насчет незаконного ничего не знаю. Идея в том, что почта, полученная руководством перед самым карантином, может пролить свет на происходящее.

— Если перед карантином что-то рассылалось, почему же сам Рэй ничего не получил?

— До того как все руководство отправилось в Канкун, он был в лучшем случае на третьих ролях. И вообще, он здесь человек новый. Связи в Кроссбэнке у него есть, но дружескими их не назовешь.

— И это дает ему право взламывать серверы?

— Рэй полагает, что да.

— Какие-нибудь действия он уже предпринял?

Сью серьезно задумалась. Разболтать все журналистам — идеальный способ вылететь с работы. Хотя, разумеется, Элейн пообещает ей полную анонимность. (Или вознаграждение, если об этом попросить. Или луну с неба. Обещания — все равно что чеки без обеспечения, выписать легко. Может, я и не слишком умна, но все же не такая дура, за которую эта женщина меня держит).

А Себастьян? Он тоже хотел бы, чтобы она расска- зала?

Сью бросила на него вопросительный взгляд.

Себастьян откинулся на стуле, сложив руки на животе, на бороде красовался мазок горчицы. Весь загадочный, словно чучело совы. Однако, поймав ее взгляд, он кивнул.

Можно.

Хорошо, ради него она расскажет.

— Вчера Шульгин приходил вместе с компьютерщиком.

— Ломать серверы?

— Мне они не докладывали.

— И чего им удалось добиться?

— Насколько я знаю, ничего. Они еще оставались там, когда я ушла домой в пятницу вечером.

Может, они и сейчас там. Пытаются намыть из кремния хоть немного золота.

— Если они что-нибудь обнаружат, информация попадет к вам на стол?

— Нет, — улыбнулась Сью. — Зато попадет на стол Рэю.

Себастьян вдруг забеспокоился.

— Все это очень интересно, — вмешался он, — только не позволяй Элейн втравить себя во что-нибудь незаконное. — Он снова положил руку ей на колено, очевидно, пытаясь сообщить ей какую-то мысль; к сожалению, Сью не могла

ее расшифровать. — Элейн думает в первую очередь о себе.

— Идите в жопу, Себастьян, — откликнулась Элейн.

Сью это несколько возмутило. Она возмутилась еще больше, увидев, что Себастьян лишь кивнул и снова напустил на лицо непроницаемую улыбку Будды.

— Может быть, я что-нибудь и увижу. А может, и нет.

— Элейн, Элейн, — сказал Себастьян, — не увлекай- тесь.

— Я подумаю, — сказала Сью.

Элейн принялась натягивать куртку. Себастьян сказал:

— Между прочим, меня попросили сделать небольшую презентацию в клубе в одну из этих суббот, которые Ари сейчас организует.

— Будете рекламировать свою книгу, — уточнила Элейн.

— В известном смысле. У Ари не так-то много желающих выступить. Вероятно, он и вас теперь попросит.

То, как дернулась при этом Элейн, доставило Сью толику удовольствия.

— Скажите ему спасибо, но мне и без того есть

чем заняться.

— Почему бы вам самой не сказать?

— Если ему нужно, я готова даже письменный отказ подготовить.

Извинившись, Себастьян отлучился в туалет. После неловкой паузы Сью, в которой еще не утихла обида, сказала:

— Пусть даже вам не нравится то, что пишет Себастьян, вы могли бы вести себя поуважительнее.

— А вы его книгу *читали*?

— Да, читала.

— Вот как? И что же в ней написано?

Сью почувствовала, что краснеет.

— Про квантовый вакуум. Который представляет собой среду для… своего рода *разума*. — А то, что мы называем человеческим сознанием, есть, по существу, наша способность хотя бы краешком подключаться к этому вселенскому разуму. Только она не могла сказать этого Элейн, поскольку и так уже чувствовала себя дура дурой.

— Ничего подобного, — возразила Элейн. — Книга про другое. Про то, как говорить людям приятные трюизмы, подавая их в обертке из псевдонаучной херни. Про то, как профессор, которого чуть было не выгнали с кафедры, добыл

себе кучу денег самым циничным из возможных способов. Про… Ой!

Себастьян неслышно появился у нее из-за спины. Судя по выражению лица, он слышал все до единого слова.

— Право же, Элейн, перебор.

— Вот только не надо делать оскорбленный вид, Себастьян. Вы ведь уже подписали контракт на продолжение? И как оно будет называться? «Квантовый вакуум за двенадцать уроков»? «Вашими финансами управляет квантовый вакуум»?

Себастьян открыл рот, однако не издал ни звука. Не от гнева, подумала Сью. Похоже, от обиды.

— Право же, — наконец повторил он.

Элейн встала и принялась застегивать куртку.

— Не скучайте тут без меня. — Поколебавшись, она развернулась и положила руку Сью на плечо. — Послушайте, я знаю, что иногда веду себя как последняя стерва. Извините. И спасибо, что все это время меня терпели. Я признательна за ваш рассказ о Рэе.

Сью лишь пожала плечами — слов у нее не нашлось.

По дороге домой Себастьян был молчалив. Пожалуй, даже мрачен. Сью не могла дождаться,

когда они доедут, чтобы можно было свернуть ему косячок.

Шестнадцать

Крис обнаружил Маргерит в кабинете наверху, она что-то кричала в мобильник. Монитор на стене показывал прямую трансляцию из Зрачка.

Картинка, решил Крис, выглядит не лучшим образом. Качество изображения заметно упало — оно было покрыто какими-то полосами, по нему метались белые точки. Мало того, сам Субъект в это время пробивался сквозь сильнейший шквал, налетавший ржаво-красными полотнищами — это была пыльная буря такой силы, что угрожала скрыть его целиком.

— Нет! — продолжала тем временем кричать Маргерит. — Мне плевать, что думают по этому поводу в «Плазе»! Да ладно, Чарли, все ты прекрасно понимаешь! *Нет!* Я сейчас подъеду. Очень скоро. — Она увидела Криса и добавила: — Через пятнадцать минут.

Согласно картографическим съемкам UMa47/E, сделанным в самом начале с большой высоты, здесь случались сезонные пыльные бури почти марсианской мощности, хотя в основном в южном полушарии. Эта же, подумал Крис, явно

какая-то аномалия — Субъект отошел от Лангуста-Сити от силы на пару сотен километров, а город располагался значительно севернее экватора. Впрочем, не исключено, что это вполне естественное явление, просто ранние съемки не смогли запечатлеть долговременных циклов по- годы.

Субъект упорно двигался сквозь непрозрачный воздух, заметно наклонившись вперед. Вот его изображение почти скрылось, потом прояснилось, скрылось опять.

— Чарли опасается, что они могут его потерять, — объяснила Маргерит. — Я еду в Глазную Впадину.

Крис сошел вниз следом за ней. Тесс в гостиной смотрела дневную субботнюю программу телевидения Слепого Озера. Мультфильм: кролики в огромных очках выращивали морковку в средневекового вида колбах и ретортах. Голова Тесс мягко и ритмично постукивала о спинку дивана.

— Ты обещала пойти кататься на санках, — пожаловалась она.

— Радость моя, мне срочно нужно на работу. Крис с тобой посидит, ладно?

— Я вполне могу взять ее покататься, — сказал Крис. — Только идти далековато.

— Правда? — восхитилась Тесс. — Мы пойдем?

Маргерит поджала губы.

— Я бы не хотела, чтобы вы шли пешком сначала туда, а потом обратно. Миссис Коланджело предлагала, если понадобится, взять ее машину — пусть Крис у нее попросит.

Крис пообещал. Тесс это удовлетворило, и Маргерит натянула зимнюю куртку.

— Если я к ужину не вернусь, еда в морозильнике.

— Насколько все серьезно?

— Чтобы нацелить БЭК-кольца на конкретного индивида, потребовалась уйма тонкой работы. Если мы потеряем его во время бури, снова найти, возможно, уже не удастся. К тому же падает качество сигнала, и Чарли не понимает почему.

— Вам удастся им помочь?

— Инженерам — разумеется, нет. Но в «Плазе» есть деятели, которые охотно ухватятся за возможность снять наблюдение с Субъекта. Я попытаюсь этого не допустить.

— Желаю удачи.

— Спасибо на добром слове. И за то, что согласились составить компанию Тесс. Я в любом случае буду дома к тому моменту, когда ей придет пора ложиться.

И она выбежала за дверь.

Из журналистской солидарности Крис позвонил Элейн и рассказал про кризис, разворачивающийся сейчас в Глазной Впадине. Элейн пообещала, что постарается выяснить подробности.

— И вообще происходит что-то странное, — заметила она. — Такое чувство, что надвигается гроза.

Крис не мог не признать, что и сам ощущает некоторое беспокойство. Карантин длился уже почти четыре месяца. Это обстоятельство можно было пытаться игнорировать или рационализировать, однако, как ни крути, явно происходило что-то фундаментально недоброе либо снаружи, либо внутри. Недоброе, опасное, пока еще скрытое… Рано или поздно оно вырвется на свет.

Миссис Коланджело держала магазинчик одежды в торговом центре Слепого Озера и с начала осады фактически находилась в бессрочном отпуске. Она разрешила ему взять свой роскошный маленький «Маркони» цвета лайма, и Тесс загрузила на заднее сиденье старомодные деревянные санки. Дети в основном катаются на резиновых камерах или пластиковых поддонах, объяснила ему Тесс, а она обнаружила вот эти

санки (вернее, *тобогган*) на благотворительной распродаже и упросила маму их купить. Это было еще в Кроссбэнке, горки там повыше, зато здесь деревьев поменьше и не налетишь на пенек.

Тесс оставалась загадкой для Криса. Она часто (пожалуй, даже слишком часто) напоминала ему Поршу — упрямством, непредсказуемостью, перепадами настроения. Только Порша была болтушкой, особенно когда испытывала энтузиазм насчет чего-нибудь нового, а Тесс удавалось разговорить лишь эпизодически.

Первые пять минут в машине она молчала, но, очевидно, Порша тоже пришла ей на ум.

— Ваша сестра любила кататься на санках?

После случая с разбитым окном Тесс несколько раз просила его рассказать о Порри. Она была единственным ребенком, и сама идея того, что Крис кому-то старший брат — не совсем родитель, но больше, чем просто друг, — ее зачаровывала. Ей, очевидно, казалось, что Порша жила словно в сказке. Что было совсем не так. Порша лежала сейчас на кладбище в дождливом Сиэтле, жертва болезни взросления в наиболее острой форме. Разумеется, сказать этого Тесс он не мог.

— Там, где мы выросли, снега почти не было. Мы лишь раз катались с горки на камерах, когда

поехали на высокогорный курорт.

— Порше понравилось?

— Поначалу нет. Она сильно перепугалась. Но где-то к третьему разу все-таки решила, что это очень весело.

— Я думаю, ей понравилось, — сказала Тесс, — только она, наверное, замерзла.

— Верно, холод она не любила.

Элейн обвинила Криса, что он решил заняться у Маргерит «домашним хозяйством». Сейчас он пытался понять, насколько та была права. За последние недели он действительно сделался существенной частью вселенной Маргерит и Тессы Хаузер практически против своего желания. Хотя нет, неправда, вовсе не против: каждый шаг он делал вполне осознанно. Хотя завели они его не совсем туда, куда он планировал.

Они еще не были близки с Маргерит, однако все видимые ему знаки указывали — к этому идет. И речь вовсе не о чем-то несерьезном, о том, чтобы переспать разок-другой или даже завести полноценный «блокадный роман» — просто тепло в обмен на тепло, без явных или неявных обязательств. Ставки были значительно выше.

Вот только хочет ли он их принять?

Ему нравилась Маргерит, нравилось вообще

все в Маргерит. С каждой полуночной беседой — а они теперь случались все чаще и чаще — его все больше к ней тянуло. Щедрый рассказчик, она охотно говорила о своем детстве (Маргерит жила вместе с отцом-пресвитерианцем в приходском домике в небольшом спальном пригороде неподалеку от Цинциннати, дому было семьдесят лет, и у него даже имелось деревянное крыльцо), о работе, о Тесс, реже и не столь охотно — о своем замужестве. Она выросла в несколько тепличных условиях и оказалась не готова к Рэю, который клялся ей в любви, но на самом деле просто хотел иметь рядом женщину, чтобы не отличаться от остальных, а истинное наслаждение получал не от секса, а от власти над ней. Подобных мужчин на Земле полно, однако Маргерит такой попался впервые. Последующие девять лет открыли ей глаза, пусть и совершенно кошмарным об- разом.

Что же она в таком случае нашла в Крисе? Возможно, более благородную мужскую разновидность, человека, которому можно довериться, на которого можно опереться, не опасаясь об этом потом пожалеть. Она просто пока не знает, с чем столкнулась. Да, он любил свою работу, свою семью, свою сестру Поршу; тем не менее все, что

он любил, обычно рассыпалось у него прямо в руках в результате неуклюжей попытки защитить предмет своей любви.

Тесс объяснила ему, где лучше всего кататься — между невысокими холмами в полукилометре за Глазной Впадиной, дорога заканчивалась там асфальтированной площадкой. Слева показались градирные башни Ока — черные часовые на белом фоне. Тесс снова прервала молчание:

— А у Порши были проблемы в школе?

— Конечно. У всех время от времени бывают проблемы.

— Я терпеть не могу физкультуру!

— Я тоже никогда не мог залезть по канату, — согласился Крис.

— Каната у нас еще не было. Достаточно каждый раз надевать дурацкую спортивную форму!.. А у Порши были кошмары?

— Иногда.

— И что ей снилось?

— Знаешь, Тесс, она не очень любила про них рассказывать, и я ей обещал, что больше никому не скажу.

Тесс оценивающе посмотрела на него. Решает, можно ли мне доверять, подумал Крис. Доверие Тесс еще нужно заслужить. Жизнь научила ее,

что доверять можно не каждому взрослому — не самый приятный урок, зато очень важный.

Но раз уж он до сих пор хранит секреты Порши, может, он и Тесс не выдаст?

— Мама вам не рассказывала про Зеркальную Девочку?

— Нет. А кто это?

— Это то, что со мной не так. Вы ведь *знаете*, что со мной что-то не так.

— Я заметил — в тот вечер, когда пришлось ехать в клинику.

— Я ее вижу в зеркале. Поэтому ее и зовут Зеркальная Девочка. — Тесс помолчала. — Той ночью я ее в окне увидела. Она меня врасплох застала. И разозлила.

Крис почувствовал, насколько серьезно это признание. И почувствовал себя польщенным, что Тесс вообще с ним об этом заговорила. Он убрал ногу с акселератора, пытаясь выгадать еще чуть-чуть времени для разго- вора.

— Она похожа на меня, но это не я. Этого никто не хочет понять. А вы как думаете? Я свихнулась?

— Как-то не похожа ты на свихнувшуюся.

— Я про это никому не рассказываю, потому что все подумают, что я сумасшедшая. Может,

так оно и есть.

— С людьми иногда случаются непонятные вещи. Это еще не значит, что они сумасшедшие.

— Почему тогда больше никто ее не видит?

— Я не знаю. А чего она хочет?

Тесс раздраженно пожала плечами. Очевидно, этот вопрос ей задавали далеко не в первый раз.

— Она что-нибудь говорит?

— Не словами. По-моему, она требует, чтобы я на все обращала внимание. По-моему, *она* не может ни на что обратить внимание, когда *я* его не обращаю — если так бывает. Впрочем, это я просто так думаю.

— Порша иногда разговаривала с игрушками.

— Это не то! Это маленькие дети так разговаривают! — возмутилась Тесс. — Эди Герундт со своими игрушками разговаривает.

Лучше не перегибать палку. Достаточно и того, что девочка ему призналась. Крис молча довел машину до тупика, где на площадке стояло сейчас штук пять других машин. Весь крутой склон снежно-белого холма был усыпан детьми на санках и картонках, а также их терпеливыми родителями.

— Сколько сегодня самолетов, — заметила Тесс, выбираясь из машины.

Крис посмотрел на небо, но увидел лишь одну серебристую точку у самого горизонта. Одно из типичных для Тесс загадочных замечаний.

— Вы мне поможете вытащить санки? — спросила она.

— Само собой.

— Хотите со мной прокатиться?

— Если ты не против. Должен предупредить — я уже сто лет на санках не катался.

— Вы говорили, у вас не было санок. Вы только про камеры говорили!

— Я в том смысле, что с горки не катался.

— С тех пор, как Порша была маленькая?

— Точно.

— Тогда поехали, — сказала Тесс.

Все это время Тесс чувствовала настойчивое присутствие Зеркальной Девочки.

Зеркальная Девочка появлялась в каждой гладкой поверхности, словно скользящий призрак. Зеркальная Девочка плыла в окнах автомобиля, отражалась в капоте и дверцах. Зеркальная Девочка была в каждой невидимой грани падающих крупинок снега.

На самом деле Тесс чувствовала себя слегка больной. Зеркальная Девочка давила, словно тяжелый, душный туман, так что Тесс больше

почти ни о чем не могла думать. Наверное, она сказала Крису лишнего. Называть Зеркальную Девочку по имени, пожалуй, не стоило. Может быть, она не любит, когда про нее говорят.

Только она всю неделю мечтала покататься в субботу на санках и не даст какой-то Зеркальной Девочке испортить себе удовольствие.

Тесс позволила Крису поднять санки на самую вершину. Вверх по пологому склону шла длинная тропа, а дальше нужно было съезжать вниз по крутому. Тесс немного запыхалась, пока они поднялись, но вид с холма ей понравился. Смешно: холм такой невысокий, а видно с него гораздо больше, чем снизу. Там темные башни Ока, там белые квадраты «Плазы», а вокруг — магазины и дома. Дороги было видно как на карте — четкие, хорошо прорисованные. Дорога на Констанс прорезала южные ворота и уходила в заснеженную даль, словно выгравированная в белом металле.

Ветер дернул Тесс за волосы. Она вытащила лыжную шапочку из кармана куртки и натянула ее на голову почти до самых глаз. Закрыла глаза и увидела самолеты. Почему самолеты? Похоже, Зеркальную Девочку сейчас интересовали именно эти два самолета.

Маленький самолетик с пропеллерами и боль-

шой, реактивный, падающий на него сверху, будто хищная птица. Где же они? Небо было облачное и ничего не давало разглядеть. Шум в ушах, наверное, от самолета, подумала Тесс. Или ветер шуршит воротником куртки. Или кровь пуль- сирует.

Она почувствовала дрожь в пальцах, хотя телу под одеждой было тепло. Мне жарко и мне холодно, подумала она.

— Тесс? — обеспокоенно спросил Крис. — Ты в по- рядке?

Обычно люди задавали этот вопрос, если она делала что-нибудь странное. Стояла слишком неподвижно или смотрела слишком пристально. Хотя что тут такого?

Может быть, дело в том, что видела — или хотела, чтобы Тесс увидела — Зеркальная Девочка: большой самолет и маленький самолетик. Маленький был ярко-желтым, на крыльях у него стояли номера, а военных знаков не было. Чуть покрупнее тех самолетов, которые опрыскивают поля. Закрыв глаза, Тесс прекрасно его видела — и в то же время не могла толком рассмотреть, поскольку казалось, что она видит его одновременно с нескольких сторон. Получался многократный самолет, калейдоскопический,

самолет в зеркале, у которого множество граней.

Крис вручил ей веревку от санок. Тесс покрепче за нее ухватилась и попыталась сосредоточиться на том, что нужно съехать — выяснилось, что это скорее обязанность, чем забава. Снег под весом деревянных полозьев скрипел и жаловался. Где-то внизу на склоне смеялись люди. Вдруг ее снова отвлекли самолеты. Теперь в основном большой, реактивный; он все еще был далеко, но двигался за маленьким следом, как на поводке, а потом…

Тесс уронила веревку. Пустые санки заскользили вниз по склону — Крис не успел их поймать и опустился перед ней на колени:

— Тесс, что с тобой? Что случилось?

Она видела его большие обеспокоенные глаза прямо перед собой, но не могла ничего сказать. Всего за несколько мгновений большой самолет приблизился на целый километр. От него что-то отделилось — ракета, подумала Тесс — и сверкнуло между двумя самолетами как отражение в треснувшем кристалле.

Почему этого никто не видит? Почему люди на холме продолжают кататься и хохотать? Им что, не дает видеть снег, миллионы и миллионы мельчайших зеркал?

— Может, нам лучше вернуться домой? — ска-

зал Крис. Очевидно, он тоже ничего не видел.

Тесс захотела ему показать. Она протянула руку, вытянула палец, прочертила им невидимый дугообразный след ракеты, словно бесконечно тонкую карандашную линию на белой небесной бумаге.

– *Вон там…*

Взрыв услышали все.

Чарли Гроган встретил Маргерит у дверей своего кабинета.

— Едем в Центр, — сказал он коротко. — Становится только хуже.

Пока они спускались в лифте, Чарли не мог скрыть нервозности. Око находилось глубоко под землей, и у Маргерит была возможность оценить иронию этого обстоятельства. Мани падме, жемчужина в цветке лотоса, око в земле. Чтобы лучше видеть тебя, дитя мое. Сейчас почему-то было не смешно.

— Я справлюсь с любым звонком из «Плазы», — сказала ему Маргерит, — если только не позвонит лично Рэй. Когда он начнет командовать, я смогу лишь сделать вид, что телефон не работает.

— Если честно, «Плаза» сейчас меня беспокоит во вторую очередь, — ответил Чарли. — Мы вызвали инженеров из обеих смен. Они заменили

несколько интерфейсных плат. Стало только хуже. Знаю, что вас это не обрадует, но, похоже, у нас серьезная проблема с БЭК-кольцами.

Кольца. Даже Чарли, как известно, иногда отзывался о них как о «технологии-которую-лишь-бы-не-сглазить». Маргерит слабо разбиралась в квантовых вычислениях и даже не пыталась делать вид, что понимает тонкости настройки БЭК-пластин.

Соединить комплект БЭК-устройств в саморазвивающийся «органический» массив было экспериментом, на ее взгляд, обреченным на провал. Результаты его были пугающе непредсказуемы; вспомнились слова Криса (который кого-то цитировал): «Все может кончиться в любую минуту». Так оно и есть, именно так. Быть может, эта минута насту- пила.

Но господи, думала она, только не сейчас, когда они находятся на грани важнейшего открытия, а Субъект — в смертельной опасности.

Так много людей в центре управления Маргерит никогда не видела. Техники сгрудились вокруг мониторов, некоторые горячо спорили между собой. А главный экран, на который шла прямая трансляция, погас.

— Чарли, что происходит?

Он пожал плечами:

— Потеря осознаваемости сигнала. Мы думаем, временная. Не полное падение системы, а зависание в каналах ввода-вывода.

— Мы потеряли Субъекта?

— Нет, Око продолжает за ним наблюдать, проблема в нашей способности связаться с Оком.

Он снова пожал плечами, совсем чуть-чуть, что должно было означать «во всяком случае, мы надеемся, что дело именно в этом».

— Такое уже случалось?

— Такое — нет.

— Вы ведь все почините?

Чарли ответил не сразу.

— Предположительно, — сказал он наконец.

— Двадцать минут назад изображение еще было. Что он делал, когда вы его потеряли?

— Субъект? Присел за каким-то укрытием, и тут картинка пропала.

— Думаете, из-за бури?

— Маргерит, этого никто не знает. Мы не осознаем и доли того, что делают БЭК-кольца. Они способны видеть сквозь каменные стены, буря им вряд ли помеха. Однако видимость там резко упала; быть может, от Ока требуется больше усилий, чтобы удержать движущуюся цель. Пока мы

в состоянии решать лишь частные проблемы по мере их возникновения. Поддерживать температуру согласно спецификации, стабилизировать квантовые барьеры. — Он закрыл глаза и провел рукой по покрытому щетиной че- репу.

Не любим мы признавать, подумала Маргерит, что пользуемся технологией, которую не понимаем. «Диссипативные структуры» способны наращивать собственную сложность — до тех пор, пока человеческое сознание не окажется бессильно за ней угнаться. Не столько даже машина, сколько процесс *внутри* машины, эволюция в миниатюре, в известном смысле — форма жизни. Все, что мы сделали — запустили ее. Запустили и заставили служить своим целям.

И тем самым сделались единственным видом живых существ, у которых глаза устроены сложнее, чем мозги.

Лампы над головой мигнули и потускнели. Мониторы контроля напряжения заверещали на разные голоса.

— Прошу вас, Чарли, — взмолилась Маргерит, — не упустите его.

Крис повернул голову вслед за резким жестом Тесс и в этот момент услышал взрыв.

Звук был не громче, чем хлопок крышки багаж-

ника, но более увесистый, с низкими обертонами, словно удар грома. Крис выпрямился и посмотрел на небо. Как и все прочие саночники, не считая тех, кто катился сейчас вниз по склону.

Сначала он увидел расширяющееся дымное кольцо, еле заметное на фоне высоких облаков и клочков синего неба. А потом и самолет вдалеке, устремившийся по кривой навстречу земле.

Самолет падал, но не камнем. Очевидно, пилот пытался его выровнять. Маленький, частный, канареечно-желтого цвета, явно не военный. Самолет на мгновение выровнялся и летел сейчас параллельно дороге отсюда в Слепое Озеро где-то в сотне метров над землей. Он приближается, понял Крис. Быть может, пытается сесть на дорогу.

Затем самолет снова просел, резко вильнув в сторону и выпустив хвост черного дыма.

Падает, и при этом все ближе и ближе.

— Ложись! — скомандовал он Тесс. — На землю! *Быстрее!*

Девочка не шелохнулась, продолжая во все глаза следить за происходящим. Крис толкнул ее в снег и накрыл сверху собственным телом. Некоторые саночники начали вопить. Если не считать этих криков, все вокруг погрузилось в странную тишину: двигатели самолета перестали работать.

Удивительно, как мало от него шума, подумал Крис. А ведь целая куча падающего металла.

Самолет коснулся земли на северном краю парковки, в последний момент вновь выровнявшись, и врезался в ярко-красный «Форд», превратив всю кинетическую энергию в фонтан красных и желтых обломков, оставляющих в снегу борозды и воронки. Тело Тесс содрогнулось при звуке удара. Осколки ушли к востоку, в сторону от горки, и еще не перестали приглушенно барабанить по мягкому снежному покрову, когда искореженный фюзеляж окутался пла- менем.

Крис поднял Тесс и усадил на снег. Девочка сидела, словно кататоник, неподвижно прижав руки к бокам. Глаза ее были открыты.

— Послушай, Тесс, — прокричал он ей. — Я бегу на помощь, а ты оставайся здесь. Если будет холодно — застегнись, если тебе самой нужна помощь — попроси кого-нибудь из взрослых. *Дождись меня*, никуда не уходи, по- няла?

— Угу.

— Дождись меня!

— Дождаться вас, — повторила она без эмоций.

Ему не нравился ни ее вид, ни голос, однако физически она была в порядке, а в горящем самолете могли находиться люди. Крис торопливо

обнял девочку, надеясь внушить хоть какую-то уверенность, и бросился вниз по склону, стараясь не оступиться в снегу, утрамбованном и укатанном санками.

К самолету вместе с ним подбежали еще трое взрослых, двое мужчин и женщина, вероятно, пришедшие сюда вместе с детьми. Крис приблизился к огню, насколько это было возможно — от жара, остро ощущавшегося кожей лица, уже начал кипеть снег, сквозь который темными лужами стало проступать асфальтовое покрытие парковки. Ему было достаточно хорошо видно «Форд» — крышу с него сорвало, — чтобы убедиться, что в машине никого нет. Другое дело — самолет. За яростно пылающим двигателем то и дело возникал силуэт человека, бьющегося в запотевшее стекло кабины.

Сорвав матерчатую куртку, Крис намотал ее на правую руку.

Как впоследствии сказала Маргерит, он повел себя «геройски». Возможно. Сейчас он об этом не думал. Все его мысли занимало то, что необходимо было сделать. Будь огонь сильнее, оставайся в баках самолета больше горючего, он, пожалуй, и не решился бы. Однако впоследствии он не смог вспомнить, чтобы хоть как-то взвешивал риск.

Крис почувствовал на лице жар, опаляющий кожу, а сзади — шквал холодного воздуха, засасываемого пламенем. Еле различимая фигура в искореженной кабине дернулась и перестала двигаться. Дверь была горячей даже сквозь куртку. Она слегка приоткрылась, а потом ее заклинило. Крис без особого успеха подергал за ручку, отшатнулся, чтобы глотнуть не слишком раскаленного воздуха, затем ударил в измятый алюминий ногой. Раз, другой, третий, пока дверь не прогнулась достаточно, чтобы он мог ухватиться за край уже дымящейся курткой и приложить хоть какое-то усилие.

Пилот кулем вывалился на мокрый асфальт. На его лице не осталось никаких волос, оно почернело от копоти. Одно стекло летных очков вывалилось, другое треснуло. Но он дышал, его грудь высоко и волнообразно вздымалась.

Те, кто был рядом, подбежали и оттащили пилота в сторону. Крис застыл на месте в непонятном замешательстве. Все ли он сделал, что мог? От жары закружилась голова.

Он почувствовал, что его хватают за плечо, тащат в сторону от огня. Всего в нескольких шагах воздух был уже значительно прохладнее. Шатаясь, Крис отошел в сторону, сел на капот

неповрежденного автомобиля и уронил голову на грудь. Кто-то сунул ему бутылку с водой. Он осушил ее чуть ли не одним глотком, хотя от этого сделалось лишь хуже. Со стороны Слепого Озера послышалось завывание сирены «Скорой помощи».

Тесс, подумал он. Тесс ждет его на склоне. Сколько прошло времени?

Он начал ее высматривать. Все уже спустились с горки и сейчас сгрудились у края парковки на безопасном расстоянии от горящего самолета. Все, кроме Тесс. Он велел ей дожидаться, и она восприняла это буквально. Он позвал ее, но было слишком далеко, она не слышала.

Из последних сил Крис снова взобрался вверх по склону. Тесс не шевелилась, уставившись на самолет. Когда он приблизился и позвал ее, она не отреагировала. Плохо.

Крис опустился перед ней на колени, так, чтобы его лицо оказалось у нее перед глазами, положил руки на хрупкие плечи.

— Тесс? — позвал он. — Тесс, ты в порядке?

Сначала она не шелохнулась. Потом вздрогнула. Затряслась всем телом. Моргнула, беззвучно открыла рот.

— Тебе срочно нужно в тепло, — сказал он.

Она уткнулась ему в грудь и зарыдала.

В шуме и хаосе контрольного центра Маргерит совсем потеряла Чарли.

На долю секунды наступила полная темнота — отключилось электричество. Потом лампы снова зажглись, и зал заполнился гулом голосов. Маргерит нашла свободный уголок и встала там, чтобы не путаться под ногами. Помочь она ничем не могла и понимала, что следует хотя бы не мешать.

Случилось что-то по-настоящему плохое, среди инженеров вдруг вспыхнула лихорадочная активность. Большой экран на стене, предназначенный для прямой трансляции из Ока, оставался пугающе темным. Все может кончиться в любую минуту.

Зазвонил ее телефон. Маргерит не стала отвечать, наконец увидев Чарли, — тот обходил кругом весь зал, координируя общие действия. Неспособная помочь, она ощутила предчувствие потери. Потери осознаваемости сигнала. Потери ориентации. Потери изображения. Потери Субъекта, вместе с которым прошла весь путь через пустыню. Время от времени экран взрывался стохастическим каскадом цветов. Маргерит не отрывала взгляда, тщетно пытаясь рассмотреть

за ними изображение. Но сигнала не было, лишь шум. Один лишь шум.

«Загораются зеленые лампочки», — услышала она чьи-то слова. Хорошо ли это? Видимо, да. Подошел Чарли, улыбки на его лице не было, однако не было и того мрачного выражения, как… когда? Час назад?

— Потихоньку начинаем что-то принимать, — сказал он.

— Изображение?

— Возможно.

— Мы еще видим Субъекта?

— Посмотрите сами, Маргерит.

Она опять перевела взгляд на экран, который постепенно начал разгораться заново. Крошечные кусочки цифровой мозаики, собранные вместе в неизмеримой глубине БЭК-колец. Белый цвет потемнел, стал песочно-коричневым. Пустыня. *Вернулись.* По спине пробежали мурашки облегчения. Вот только где Субъект и что это за пустое пространство?

— Песок, — прошептала Маргерит. Мельчайшие кусочки оксида кремния, которые больше не носит ветром туда-сюда. Буря утихла.

Взметнув целую тучу песка, возник Субъект. Его занесло бурей, но он остался жив. Вытянув себя

наружу хватательными конечностями, он встал, пошатываясь, под лучами неожиданного сейчас солнца. Вместе с ним поднялась и виртуальная камера. Теперь Маргерит видела за ним удаляющуюся к горизонту песчаную бурю, за которой конскими хвостами тянулись черные смерчи.

Со всех сторон Субъекта окружали каменные линии и углы. Древние колонны, пирамиды, отшлифованные песком фундаменты. Руины города.

Часть третья
Восхождение невидимки

Семнадцать

Человеку на Земле больше не требовалось сражаться с ограничениями, накладываемыми атмосферой, металлами и оптикой. Огромное зеркало легло в основу телескопа, над конструкцией которого долгие годы совместно трудились десятки лучших умов, стремившихся произвести устройство небывалой точности, сложности и дальности. Оборудованный всевозможными приборами, о которых астрономы прежде могли лишь мечтать, телескоп позволил поднять знания о Вселенной на недосягаемую прежде высоту.

Дональд Уондрей. Колосс. 1934

Было начало февраля, и Маргерит, возвращавшейся из субботней поездки за рационами, казалось совершенно очевидным, что Слепое Озеро стало совсем другим.

Пусть даже на первый взгляд ничего не изменилось. После каждого снегопада из гаражей позади торгового центра по-прежнему выезжали снего-

уборочные машины, так что улицы оставались чистыми. В окнах по вечерам горел свет. Никто не голодал и не замерзал.

В то же время город начал приобретать неряшливый, затрапезный вид. Снаружи сюда больше не приезжали ремонтники, которые бы заделали появившиеся за зиму дыры в асфальте или восстановили черепицу, которую посрывало с крыш нагрянувшими после Нового года буранами. Грузовики еще собирали мусор, однако вывезти его из городка возможности не было. Коммунальщики организовали временную свалку на западном берегу озера, у самого периметра и на максимально возможном расстоянии от домов и заповедного участка болот; тем не менее ветер нес оттуда вонь, словно предвещая полное разложение, а в особо ветреные дни Маргерит доводилось видеть, как по пассажу, словно перекати-поле, несет мятую бумагу и обертки от продуктов. Никто уже не считал нужным лишний раз раскрывать рот, чтобы задать висящий в воздухе вопрос: «Когда же все это кончится?»

Поскольку все может кончиться в любую минуту.

Тесс вернулась домой после авиакатастрофы разбитая и не в себе. Маргерит завернула ее в

теплое одеяло, отпоила горячим супом и уложила спать — сама Маргерит так и не уснула, но Тесс проспала всю ночь и наутро уже опять казалась сама собой. Ключевое слово здесь — *казалась*. Между Рождеством и Новым годом Тесс практически не упоминала про Зеркальную Девочку; ничего особо подозрительного с ней тоже не случалось, однако Маргерит видела, как дочь морщит лоб от беспокойства, и подозревала за участившимися периодами молчания тяжесть на душе, а не обычную застенчивость.

Ей крайне не хотелось отправлять Тесс на неделю к Рэю, но выбора не было. Рэй почти наверняка послал бы одного из своих секьюрити в униформе, чтобы забрать девочку насильно. У Маргерит было нелегко на душе, когда она помогала Тесс собирать в рюкзачок ее любимые вещи, а потом выпустила за дверь, как только Рэй на своем темном, будто жук, автомобильчике припарковался у тротуара.

Рэй не пожелал выйти наружу и так и остался смутным силуэтом в кабине. Неясный, как ускользающее воспоминание, подумала Маргерит. Она увидела, как Тесс радостно его приветствует, и у нее кольнуло сердце: дочь научилась врать? Или же наивна до невозможности?

Единственный плюс — целую неделю будет больше времени для Криса.

Подъезжая к домику, Маргерит думала про него.

Крис. Он сразу произвел на нее сильное впечатление — взгляд как у раненого зверя, и при этом нескрываемая храбрость. Не говоря уже о том, как он к ней прикасался — словно человек, который, подойдя к горячему источнику, осторожно пробует воду, прежде чем окунуться с головой. Добрый Крис. Страшный Крис.

Страшный, потому что жить в одном доме с мужчиной — быть с ним близкой — напоминало ей о Рэе, пусть даже скорее по контрасту. Запах мужского одеколона в ванной, небрежно брошенные на полу спальни брюки, сохранившееся в складках постели тепло — с Рэем она привыкла все это ненавидеть, ощущение каждый раз было, как от пощечины. С Крисом наоборот. Вчера она не просто вызвалась постирать его одежду, но не удержалась от того, чтобы понюхать майку, еще раз вдохнуть его запах, прежде чем бросить все в стиральную машину. Детский сад, подумала Маргерит. Потеряла голову.

Впрочем, решила она, это может иметь и целебный эффект. Как если отсосать кровь из ранки

после укуса змеи.

Вокруг часто упоминали «блокадные романы». А у них — блокадный роман? Маргерит недоставало опыта, чтобы ответить. Рэй был не только ее первым мужем, но и первым мужчиной. Подобно Тесс, Маргерит не пользовалась в школе особой популярностью: да, умная, но неуклюжая, не особо привлекательная, в компаниях стеснялась даже открыть рот. Подобных ей мальчиков обзывали «гиками», но тем по крайней мере было интересно в компании таких же, как они сами. У Маргерит же никогда не было друзей ни того, ни другого пола, во всяком случае до аспирантуры. Там она нашла как минимум коллег — людей, которые уважали ее таланты, могли оценить ее идеи. Некоторые впоследствии стали ей друзьями.

Быть может, именно поэтому Рэй и произвел на нее такое впечатление, когда стал проявлять к ней недвусмысленный интерес. Рэй был старше ее на десять лет и работал на переднем крае астрофизики, когда она еще только пыталась пробиться в Кроссбэнк. Он отличался резкостью суждений, однако по отношению к Маргерит был очень мил и, очевидно, с самого начала рассматривал ее как возможную будущую жену.

Маргерит тогда не знала, что некоторые мужчины рассматривают брак как официальное разрешение сбросить маску и продемонстрировать свое истинное жуткое лицо. И это не просто идиома: его лицо и вправду изменилось, он сбросил с себя нежного и щедрого Рэя времен помолвки, точно змея кожу.

Очевидно, она ничегошеньки не понимала в людях.

Так кто все-таки для нее Крис? Партнер по блокадному роману? Потенциальный второй отец для Тесс? Или что-то посередине?

И как она вообще может задумываться о будущем, если любые перспективы для этого будущего могут кончиться в любую минуту?

Крис работал у себя в подвальном кабинете, однако заслышав на кухне Маргерит, поднялся и спросил:

— Ты сейчас не занята?

Вопрос довольно интересный. Сегодня суббота. Работать она не обязана. Впрочем, что сейчас работа, а что *не* работа? Уже не первый месяц Маргерит разрывалась между Тесс и Субъектом, а теперь еще и Крис добавился. Сегодня она планировала привести в порядок свои записи в тетрадке, посматривая при этом прямую

трансляцию. Одиссея Субъекта продолжалась, хотя кризис времен пыльной бури миновал, руины остались далеко позади. Субъект свернул с дороги; он шел сейчас через голую пустыню; перемены в его физическом состоянии вызывали беспокойство; однако ничего критического с ним не происходило, во всяком случае в данный конкретный момент.

— А что ты хотел предложить?

— Состояние пилота, которого я вытащил из кабины, стабилизировалось. Я думал его проведать.

— Он пришел в себя? — Маргерит слышала, что летчик в коме.

— Пока нет.

— Тогда какой смысл его посещать?

— Иногда просто хочется узнать, что происходит.

Итак, снова в машину, снова дорога, Крис за рулем, холодный солнечный февральский день и влекомый ветром мусор.

— Ты ведь ничего ему не должен, ты и так спас его жизнь.

— Не знаю, будет ли он благодарен.

— То есть?

— Он сильно обгорел. Когда очнется, ему будет

очень и очень больно. И не только это. Подозреваю, Рэю с дружками сразу захочется его допросить.

Правдоподобно. Никто не знал, почему самолетик появился над Слепым Озером и чего надеялся добиться пилот, вторгаясь в закрытую для полетов зону. Однако уровень тревоги в городке после этого случая поднялся сразу на несколько градусов. За последующие недели были предприняты три попытки прорвать периметр изнутри. Во всех случаях это были одиночки: сменный работник, аспирант, младший аналитик. Все трое были убиты мини-дронами, однако аналитик сумел уйти от забора на добрых полсотни метров — на нем был самодельный термокостюм, скрывающий инфракрасный след.

Тела так и остались снаружи. И будут там, подумала Маргерит, когда весной растает снег. Словно жертвы войны: обугленные, промерзшие, потом оттаявшие. Биоматериал. Пища для стервятников. А есть ли в Миннесоте стервят- ники?

Все были перепуганы, и каждый отчаянно желал знать, почему Слепое Озеро в блокаде и когда блокада наконец кончится (и, хоть это и не произносили вслух, кончится ли?). Следовательно, да, пилота станут допрашивать, возможно, с

пристрастием, и да, ему наверняка будет больно, хотя в клинике большие запасы обезболивающих. Но все это не отменяло смелого поступка Криса. Маргерит и раньше в нем это чувствовала — беспокойство за последствия достойного поступка. Быть может, таким достойным поступком, во всяком случае с точки зрения Криса, была книга о Галлиано. Попытка исправить неправое. За которую он поплатился. Обжегшись тогда на молоке, начал дуть на воду? Нет, за этим стояло что-то еще, что-то более глубокое.

Маргерит не могла взять в толк, почему такой очевидно достойный человек, как Крис Кармоди, настолько не уверен в себе, в то время как патентованные ублюдки вроде Рэя свободно кичатся своими черными добродетелями. Ей вспомнились строчки из школьного стихотворения: «У добрых сила правоты иссякла, а злые будто бы остервенились»[1].

Крис остановил машину на почти пустой парковке у клиники. Солнцестояние миновало, но был лишь февраль, водянистое солнце уже клонилось к горизонту. Пока они шли к клинике, он держал ее за руку.

---

[1] Примечания: 1

У. Б. Йейтс, «Второе пришествие», пер. Г. Кружкова (здесь и далее примечания переводчика).

За стойкой никого не было, но как только Крис нажал на кнопку звонка, появилась медсестра. «А ведь я ее знаю», — подумала Маргерит. Суетливая, полноватая женщина в белой униформе была мамой Аманды Блейлер, ее лицо она регулярно видела, высаживая Тесс у школы. Они были знакомы достаточно, чтобы махать друг другу рукой при встрече. Как же ее зовут? Роберта? Розетта?

— Маргерит! — воскликнула женщина. — А вы, наверное, Крис Кармоди? — Крис звонил в клинику, чтобы предупредить о визите.

— Розали! — откликнулась Маргерит, вспомнив имя за мгновение до того, как открыть рот. — Как дела у Аманды?

— С учетом всего — неплохо.

Она имела в виду — с учетом карантина. С учетом трупов, лежащих под снегом за оградой периметра.

Розали повернулась к Крису:

— Вы хотели взглянуть на мистера Сэндовала? Все в порядке: я спросила доктора Голдхара, и он разрешил, только вам не следует ожидать слишком многого. И, пожалуйста, недолго, не больше пары минут, хорошо?

Розали провела посетителей по лестнице на второй этаж клиники, где среди кабинетов и

больничных палат затесалось три небольших бокса с простейшим реанимационным оборудованием. Всего какой-нибудь десяток лет назад пилот бы не выжил. Розали объяснила, что у него ожоги третьей степени значительной части тела, а легкие серьезно повреждены раскаленным воздухом и дымом. Сейчас его подключили к искусственному легкому, а собственные заполнили гелем, чтобы ускорить заживление. Что касается кожи…

Да уж, подумала Маргерит, выглядит он жутковато, лежа на белой постели в белой комнате со снежно-белой искусственной кожей, налепленной на лицо, словно мокрая тряпка. В действительности это было чуть ли не самым современным на сегодня лечением. Розали сказала, что всего через месяц он будет почти такой же, как до катастрофы.

Наибольшие опасения вызывал удар по голове при столкновении — череп он не расколол, однако вызвал внутричерепное кровотечение.

— Мы сделали все, что смогли, — сказала Розали. — Доктор Голдхар просто выдающийся врач, особенно если учесть, что у нас тут все-таки не хирургическое отделение. Но прогноз пока неопределенный. Быть может, он придет в себя,

быть может, нет.

Медицинское оборудование не мешало разглядеть, что пациент на койке отнюдь не молод. Из-под простыней выпирает обширный животик. Волосы на голове — там, где они не сгорели — были с проседью.

— Вы назвали его мистер Сэндовал… — произнес Крис.

— Его имя — Адам Сэндовал.

— Он все время без сознания. Как вы узнали его имя?

— Ну… — Розали почему-то забеспокоилась. — Доктор Голдхар не велел болтать об этом направо и налево, но вы ведь ему жизнь спасли. Вы такой храбрый!

К ужасу Криса, историю рассказали по телевидению Слепого Озера. От интервью он отказался, тем не менее его репутация значительно укрепилась — Маргерит считала, что ему это совсем даже не вредно.

— Не болтать о чем? — спросил Крис.

— При нем был бумажник и остатки рюкзака. Почти все сгорело, но его имя на документах мы смогли разобрать.

— А можно взглянуть на вещи? — спросил Крис с видимой беспечностью, хотя Маргерит ощутила

нотку напряжения в его голосе.

— Ну, я не уверена… мне, наверное, следует спросить у доктора Голдхара. Это ведь в конце концов затребует полиция, как улики или что-то в этом роде…

— Я ничего с ними не сделаю. Просто взгляну.

— Я готова поручиться за Криса, — добавила Маргерит. — Он законопослушный гражданин.

— Ну… если только одним глазком. То есть вы же не террористы какие-нибудь и все такое… — Она бросила на Криса не слишком радостный взгляд. — Постарайтесь только, чтобы у меня не было неприятностей.

Крис еще немного посидел рядом с пилотом. И прошептал что-то, чего Маргерит не расслышала. Вопрос, слова извинения, молитву?

Потом они оставили Адама Сэндовала, чья грудь вздымалась и опадала вслед за дыхательным аппаратом в странно умиротворенном ритме, и Розали отвела их в небольшую комнатку в самом конце коридора. Она открыла дверь ключом с кольца у себя на поясе. Внутри хранились разнообразные медицинские припасы: коробки с шовным материалом разной толщины, пакеты с физраствором, марля и бинты, коричневые бутыли с антисептиком. На откидном столике

лежал пластиковый пакет с личными вещами Адама Сэндовала. Розали осторожно открыла пакет и велела Крису надеть одноразовые хирургические перчатки, прежде чем он прикоснется к содержимому.

— Там могут быть отпечатки и все такое.

Похоже, она уже жалела, что разрешила им все это.

Крис вытащил обугленный бумажник Сэндовала. Кредитка, оплавившаяся настолько, что ее не примет ни один банкомат. Идентификационный диск с цифровыми копиями документов — тоже обуглившийся; едва различались буквы АДАМ У. СЭНДОВАЛ. Лицензия пилота. Фотография женщины средних лет с широкой, милой улыбкой. Чек из мебельного магазина в Флинт-Крик, Колорадо. Скидочный купон на десять долларов в хозяйственном магазине, истек полгода назад. Если мистер Сэндовал и был террористом, подумала Маргерит, то каким-то совсем доморощенным.

— Осторожнее, пожалуйста, — забеспокоилась Розали, на ее щеках проступила краска.

Из рюкзака удалось спасти еще меньше. Крис быстро осмотрел остатки смартбука, почерневшую пластиковую ручку и несколько полуобугленных страниц из какого-то журнала.

— Кто-то еще все это видел? — спросил он.

— Только доктор Голдхар. Я думала позвонить Рэю Скаттеру или еще кому-нибудь из администрации и рассказать про вещи, но доктор Голдхар сказал, что не стоит. Что не нужно беспокоить Рэя из-за ерунды.

— Очень мудро, — кивнул Крис.

С каждой минутой чувствуя себя все более виноватой, Розали во второй раз выглянула в коридор и не видела — в отличие от Маргерит, — как Крис сунул одну из журнальных страниц в карман куртки.

На обратном пути Маргерит не сказала об этом ни слова. Крис за рулем тоже был не в настроении разговаривать. Вероятно, он нарушил сейчас какой-нибудь закон. Означает ли это, что она его сообщница?

Впрочем, наверняка он действовал из журналистских побуждений, не из преступных. Да и что он такого украл — кусок горелой бумаги?

Несколько раз Маргерит почти уговорила себя, что надо спросить, и каждый раз воздерживалась. Солнце село, дома они оказались почти к самому ужину. Сегодня Крис обещал что-нибудь приготовить. Он оказался энтузиастом кулинарии, пусть и не слишком талантливым. В его жарком можно

было найти как достоинства, так и недостатки, и он не переставал жаловаться, что в рационы не включают травы и пряности, однако…

— Перед дверью стоит машина, — прервал ее мысли Крис.

Она сразу же ее узнала. Машина виднелась в зимних сумерках лишь смутно, черная на фоне снега, с неясным зеленоватым отливом, но она сразу поняла — это машина Рэя.

Восемнадцать

— Оставайся за рулем, — сказала она Крису. — Я уговорю его выйти.

— Не уверен, что это удачная мысль.

— Я с ним девять лет прожила. И умею обращаться.

— Маргерит, он переступил черту. Вторгся в твой дом. Если ты сама не дала ему ключ, это взлом.

— Наверное, он воспользовался ключом Тесс. Быть может, она тоже здесь.

— Я к тому, что, когда кто-то выходит так далеко за рамки, все становится серьезным. Ты рискуешь.

— Ты просто его мало знаешь. Дай мне пару минут, хорошо? Если что, я буду кричать.

Не смешно, подумала она. Похоже, Крис тоже не оценил шутку. Она положила руку ему на колено.

— Пять минут, ладно?

— Ты хочешь, чтобы я просто сидел в машине?

— Сиди в машине, можешь выйти и пройтись в сторонке, все, что угодно. Мне будет легче от него избавиться, если ты не окажешься дополнительным раздражителем.

Не дожидаясь ответа, она выбралась из машины и решительно зашагала к двери дома. Скорее злая, чем напуганная. Говнюк ты, Рэй! Крис просто не понимает его образа действий. Он пришел вовсе не для того, чтобы ее избить. Рэй всегда предпочитал иные способы унизить.

Войдя внутрь — окна гостиной были ярко освещены, — Маргерит громко позвала дочку. Если Рэй приехал сюда вместе с ней, для этого могла существовать приемлемая причина.

Тесс не откликнулась. Рэй тоже. Кипя от ярости, Маргерит проверила кухню и гостиную. Никого. Значит, он наверху. Свет горел по всему дому.

Она нашла его в свободной спальне, которую превратила в свой кабинет. Рэй восседал в ее кресле на колесиках, положив ноги на стол и наблюдая, как Субъект под полуденным солнцем

пересекает безводную лощину. Когда она кашлянула, он небрежно обернулся.

— Ага! Вот и ты.

В неясном свете настенного экрана Рэй выглядел как Наполеон, только без подбородка, что забавным образом добавляло ему властности.

— Рэй, — сказала Маргерит, тщательно следя за голосом, — Тесс здесь?

— Разумеется, нет. Об этом-то я и собирался поговорить. Тесс мне кое-что рассказала.

— Только не начинай. Ничего не желаю слышать. Просто уходи, Рэй. Это не твой дом, и ты не имеешь права здесь находиться.

— Прежде чем говорить о правах… Ты вообще знаешь, что наша дочь провела чуть ли не час в снегу, пока твой дружок на прошлой неделе решил погеройствовать? Повезло еще, что она не обморозилась!

— Поговорим об этом в другой раз. А сейчас уходи, Рэймонд.

— Да брось уже, Маргерит, всю эту белиберду — «мой дом, мои права». Мы оба знаем, что ты систематически отказываешь Тесс в материнском внимании. И что у нее из-за этого серьезные психологические проблемы.

— Я не собираюсь это обсуждать!

— Я ни хрена не собираюсь ничего *обсуждать*ь. Я пришел, чтобы сообщить тебе о своем решении. Я не могу со спокойной совестью позволить дочери бывать у тебя, поскольку ты не желаешь должным образом о ней заботиться.

— Рэй, у нас есть соглашение…

— У нас есть досудебное соглашение, подписанное при совершенно других обстоятельствах. Если бы я мог оспорить его в суде, поверь мне, я бы так и поступил. Из-за карантина это сейчас невозможно. Поэтому я поступлю так, как считаю правильным.

— Ты не можешь просто взять и оставить ее у себя, — возразила Маргерит. Или все-таки попробует? Что, если он не отпустит Тесс домой? В Слепом Озере нет органов опеки, даже полиции, куда можно было бы обратиться, фактически нет.

— Не указывай мне, чего я могу, а чего не могу. Тесс сейчас под моей опекой, и я обязан принимать решения, которые пойдут ей на пользу.

Эта самодовольная уверенность в себе наконец взбесила Маргерит. Рэй в совершенстве овладел способностью разговаривать так, словно он единственный взрослый на свете, а все остальные — наглецы или ни на что не способные

несмышленыши. Под этой хрупкой оболочкой, разумеется, скрывался лишь инфантильный нарцисс, требующий, чтобы все было, как он хочет. Оба эти аспекта его личности были равно непривлекательны.

— Послушай, — сказала она, — это уже становится смешно. Какие бы у Тесс ни были проблемы, ты их не исправишь, заявившись сюда, чтобы меня обидеть.

— Мне как-то наплевать, что ты думаешь по этому поводу.

Маргерит, не раздумывая, сделала два шага вперед и отвесила ему пощечину. Она никого раньше не била. Ладонь обожгло болью, и даже этот краткий физический контакт (отросшая к вечеру щетина, вялая щека) вызвал острое желание поскорее вымыть руки. Зря я, подумала она, ох зря. Хотя изумление на лице Рэя даже против желания вызвало у нее прилив гордости.

Когда Маргерит была маленькой, ей доводилось играть с соседским мальчиком, у которого дома был очень добродушный и поэтому многострадальный спаниель. Мальчик (по какому-то совпадению его тоже звали Рэймонд) как-то битый час пытался заставить собаку катать его на себе, словно наездника, не обращая внимания

на визг несчастного животного. В конце концов спаниель разозлился и как следует укусил его за палец на правой руке. Мальчик в тот момент выглядел точно так же, как Рэй сейчас — пораженный до глубины души, готовый заплакать. Маргерит даже испугалась, что Рэй тоже разрыдается.

Однако на лицо Рэя вернулось знакомое выражение. Он вскочил на ноги.

Черт, черт, вот ведь черт!

Маргерит отступила в коридор. Рэй схватил ее за плечи и толкнул к стене. Настала ее очередь изумиться.

— Ты что, так и не поняла? Ты уже не в Канзасе, детка, слышала такую песенку?

Это не песенка, это фраза из фильма. Который, между прочим, Тесс очень любит. Рэй, разумеется, не в курсе.

Он ухватил ее пальцами за подбородок.

— Я что, должен тебе объяснять — мы сейчас очень далеко от добропорядочного мирка семейных консультантов и работников опеки, в котором ты, похоже, продолжаешь жить? Почему Слепое Озеро в карантине? Карантин устраивают, когда кто-то *болен*, Маргерит! Все очень просто. Болен заразной, смертельной болезнью.

Мы здесь все больны, и как долго, по-твоему, нам еще осталось протянуть?

Все может кончиться в любую минуту.

Дыхание Рэя пахло уксусом. Она попыталась отвернуться, но он ей не позволил.

— Мы все можем умереть через месяц. Или завтра. Неужели в этой ситуации я позволю тебе и дальше пренебрегать Тесс ради этого урода на стене или еще хуже — ради твоего хахаля?

— Ты о чем? — Чтобы открыть рот, пришлось преодолеть давление его пальцев. Рэй всегда очень любил знать что-нибудь такое, чего не знает Маргерит. Почти так же сильно, как он ненавидел ошибаться.

Он толкнул ее еще раз, скорее для порядка — она снова уперлась лопатками в стену, — потом отступил на шаг.

— Какая же ты наивная дура!

Рэй не видел, что в проеме коридора со стороны лестницы появился, ступая тяжело, но осторожно, Крис Кармоди. Маргерит его заметила, но тут же отвела глаза, чтобы не заметил Рэй. *Пускай.* Для своего роста и веса Крис двигался очень тихо.

Оказавшись между ними, Крис отшвырнул изумленного Рэя к противоположной стене — весьма бесцеремонно. Маргерит перепугалась

— в воздухе запахло настоящей мужской дракой, запахло совершенно буквально, словно в раздевалке спортзала, — но втайне обрадовалась тому, как злобное выражение на лице Рэя снова сменилось испуганным. Как много лет она мечтала увидеть такое на его лице. Зрелище пьянило.

— Ты чего, — забормотал Рэй, осознав наконец ситуацию, — ты чего, до меня посмел дотронуться?

— А ты чего, — спросил Крис, — вломился в чужой дом?

Или кто-нибудь уступит, подумала Маргерит, или все-таки подерутся.

Однако Рэй устроил целое шоу. Он нахохлился, словно боевой петух.

— Не лезь не в свое дело! Тебя мне еще не хватало, когда я с женой разговариваю! Ты вообще хоть знаешь, на кого напал?

— Пойдем-ка, Рэй, — спокойно сказал ему Крис. — Пойдем выйдем, заодно и поговорим.

Вот таким она Криса раньше не видела. Он был в гневе в отличие от Рэя, который сейчас лишь корчил агрессивную рожу. Крис выглядел как человек, которому вот сейчас предстоит голыми руками сделать что-то очень неприятное, но необходимое. Она схватила его за руку:

— Крис!..

Рэй, как она и ожидала, не упустил представившуюся возможность. Он отступил на шаг, развел руками и начал классическое отступление.

— Ой, *да ладно*. Будем пиписьками мериться? Я уже сказал все, что хотел.

Он развернулся и пошел к выходу. Что-то у тебя коленки трясутся, подумала Маргерит.

Когда Маргерит, выглянув в окно спальни Тесс, убедилась, что уродливая черная машина отъехала, она почувствовала не гнев, не страх, а скорее стыд. Словно Крис стал свидетелем какой-то ее позорной стороны.

— Я не хотела, чтобы ты все это видел.

— Я просто устал сидеть в машине.

— Нет, я тебе благодарна, но…

— Не нужно меня благодарить, и извиняться тоже не нужно.

Она кивнула. Сердце продолжало бешено колотиться.

— Пойдем на кухню.

Впереди была очередная долгая, бессонная, адреналиновая ночь. Быть может, это просто привычка, которую Маргерит унаследовала от отца, только где еще проводить подобные ночи, если не на кухне? Заваривать чай, поджаривать

хлеб, пытаться снова привести жизнь в хоть какой-то порядок.

Рэй сказал много тревожного. Сказанное им следовало обдумать, тем более ей не хотелось испытать еще и стыд, разрыдавшись сейчас прямо перед Крисом. Так что она отвела его на кухню, усадила и поставила чайник. Крис тоже был необычно тихим — чуть ли не скорбным. Он спросил:

— У вас всегда так было? С Рэем?

— До такого не доходило. Как правило. Тем более поначалу. — Как объяснить ему, что чувство, принятое ею поначалу за любовь, очень быстро превратилось в ненависть? Рука еще болела после пощечины. — Рэй — прекрасный актер. Когда ему нужно, он может быть само очарование.

— Думаю, напряжение и ему не пошло на пользу.

— Похоже на то, — улыбнулась Маргерит. — Ты много успел услышать?

Крис покачал головой.

— Он сказал, что не хочет возвращать Тесс.

— По-твоему, он это серьезно?

— В обычной ситуации я сказала бы — нет. Однако в обычной ситуации он не стал бы мне угрожать. В обычной ситуации он бы и прийти

не посмел. В прежней жизни Рэй старался никогда не выходить за рамки закона. Пусть даже лишь для того, чтобы не подставиться. Сейчас он производил впечатление человека, которому нечего терять. Он говорил про карантин. Что, быть может, через неделю мы все будем мертвы.

— Думаешь, он что-то знает?

— Либо знает, либо желает убедить меня, что знает. Я просто хочу сказать, что он бы ни хера не осмелился нарушить условия опеки, если бы опасался, что я подам на него в суд.

Крис на время замолчал, обдумывая сказанное. Засвистел чайник. Маргерит сосредоточилась на успокаивающем ритуале заваривания, каждому по пакетику, себе немного молока, Крису черный.

— Я не позволяю себе думать ни о чем подобном, — сказала она. — Мне хочется верить, что наступит день, желательно скоро, когда ворота откроются, связь снова заработает, к нам выйдет некто в форме, принесет глубочайшие извинения, поблагодарит всех за терпение и попросит не судиться с правительством. Но боюсь, что все может окончиться и по-другому. — Смертельно. И, разумеется, в любую минуту. — Почему с нами так поступают, Крис? Здесь же нет ничего опасно-

го. Со дня, предшествовавшего блокаде, вообще ничего не изменилось. Чего они боятся?

— Анекдота, — усмехнулся Крис безо всякого юмора в глазах.

— Какого еще анекдота?

— Была такая старая комедия — я уже забыл, как называется. Во Вторую мировую англичане придумали абсолютное оружие. Настолько смешной анекдот, что слушатели буквально умирают от смеха. Его дословно переводят на немецкий, записывают транскрипцию и начинают выкрикивать в мегафоны вдоль линии фронта. Окопы с другой стороны полны мертвых фашистов.

— Ага… ну и что?

— Это тот же самый информационный вирус. Как и идея насчет изображения, от которого люди могут сойти с ума. Мир не этого опасается?

— Идея совершенно дурацкая, ее полностью похоронили еще во время десятилетней давности слушаний в конгрессе.

— Допустим, это все-таки произошло в Кроссбэнке. Или что-то похожее.

— Кроссбэнк наблюдает за другой *планетой*! Даже если они наткнулись на что-то опасное, мы-то тут при чем?

— Ни при чем, если только проблема не свя-

зана с БЭК-кольцами. Единственное, что у нас с Кроссбэнком общего — это оборудование.

— Пусть так, но твои рассуждения до смешного голословны. Нет никаких свидетельств, что в Кроссбэнке что-то случилось.

Маргерит совсем забыла про обрывок журнальной страницы, который Крис стащил из клиники. Сейчас он достал его из кармана и положил на кухонный стол.

— Теперь есть.

Девятнадцать

Пока папы не было, Тесс смотрела телевизор. Телевидение Слепого Озера продолжало транслировать записи загруженных до блокады программ, в основном старые фильмы и сериалы. Сегодня показывали англо-индийский мюзикл со множеством танцев и разноцветных костюмов. Но Тесс его почти не видела.

Она обратила внимание, что папа ведет себя необычно, задает ей уйму вопросов про катастрофу самолета и про Криса, причем ни разу не упомянул Зеркальную Девочку. Как и Тесс: она хорошо знала, что при папе про нее лучше не говорить. В Кроссбэнке, пока родители были вместе, они часто ссорились: папа обвинял маму,

что Зеркальная Девочка приходит из-за нее. Тесс удивлялась: между мамой и Зеркальной Девочкой не было ничего общего. Но она научилась молчать; когда она пыталась вмешаться, либо она сама, либо мама только начинали плакать.

Папа не любил слушать про Зеркальную Девочку. В последнее время он также не хотел слушать ни про маму, ни про Криса. Просто проводил вечер за вечером на кухне, разговаривая сам с собой. Тесс самостоятельно отправлялась в ванную, потом ложилась в постель и читала, пока не заснет.

Сегодня вечером она осталась дома одна. Сделала себе на кухне попкорн, потом очень аккуратно прибрала за собой и пошла смотреть кино «Дорога в Бомбей». Танцы были красивые. Но Тесс чувствовала в собственном взгляде настойчивое любопытство Зеркальной Девочки. «Это же просто *танцы*!» — сказала она ей с упреком. Разговаривать вслух, когда ты дома одна, было немного страшновато. Звук эхом отражался от стен. В отсутствие папы его дом казался слишком большим и неестественно аккуратным, словно модель дома, сооруженная напоказ. Тесс принялась бродить из комнаты в комнату, включая везде свет. При свете стало легче, хотя она была

уверена — папа отругает ее за напрасную трату электричества.

Но он не отругал. Придя домой, папа только велел готовиться ко сну, а сам пошел на кухню и стал разговаривать по телефону. Наверху, уже выйдя из ванной, она продолжала слышать его голос, который все говорил, говорил, говорил. Говорил в телефон. Просто говорил. Тесс надела пижаму и легла с книгой в постель, но не смогла сосредоточиться на словах. В конце концов она выключила свет и лежала, глядя в окно.

Хотя окно ее спальни у папы дома выходило на юг, в сторону ворот и прерии, лежа, Тесс не могла видеть ничего, кроме неба. (Дверь она закрыла, чтобы свет не проник в комнату и не превратил оконное стекло в зеркало.) Небо сегодня было ясным и безлунным. На нем сияли звезды.

Мама часто разговаривала с ней про звезды. Тесс знала, что звезды, которые она видит по ночам, — это просто другие солнца очень далеко отсюда и вокруг них тоже обращаются планеты. У некоторых странные и красивые имена (например, Ригель или Сириус), у других — просто буквы и цифры, как у UMa47, будто их можно заказать на дом по каталогу. Каждой звезде невозможно дать имя, поскольку их больше, чем можно

увидеть невооруженным глазом, целые миллиарды. Планеты есть не у каждой звезды, и лишь у немногих есть планеты, похожие на Землю. Но все равно таких землеподобных планет очень и очень много.

Зеркальную Девочку эти мысли очень заинтересовали, однако Тесс не обращала внимания на ее безмолвное присутствие. Зеркальная Девочка была теперь с ней так часто, что угрожала превратиться в то, чем ее всегда считал доктор Лейнстер: в часть самой Тесс.

Пожалуй, Зеркальная Девочка все-таки неправильное имя. Она действительно сперва появлялась в зеркалах, но Тесс теперь думала, что Зеркальной Девочке просто нравилось отражение Тесс, нравилось смотреть самой и чтобы смотрящийся в зеркало смотрел на тебя. Зеркала, симметрия: там Зеркальная Девочка чувствовала себя как дома. Все отраженное, или сложенное, или просто очень сложное. Зеркальная Девочка чувствовала родство с такими вещами, она их узнавала.

Сейчас Зеркальная Девочка смотрела глазами Тесс и видела снаружи за окном холодную зимнюю ночь и звезды. Тесс думала: правильно ли называть их свет звездным? Может, на самом

деле это солнечный свет? Солнечный свет для кого-то другого?

Она заснула под отдаленное бормотание папиного голоса.

Утром папа был очень тихим. Не то чтобы он когда-либо был разговорчив до того, как выпьет кофе. Он сделал для Тесс завтрак — сварил овсянку. Коричневого сахара, чтобы посыпать овсянку, не было, только обычный белый. Она подождала, чтобы убедиться, что папа тоже поел. Но он так ничего и не съел, хотя дважды принимался шарить по кухонным шкафчикам, как будто что-то потерял.

В школу он отвез ее очень рано. Двери еще не открыли, а снаружи было ужасно холодно. Тесс заметила рядом со столбом, где на веревочке висел мяч, Эди Герундт. Эди поздоровалась с ней без особых эмоций и сообщила:

— У меня под курткой два свитера надето.

Тесс вежливо кивнула, хотя ей было все равно, сколько там на Эди Герундт свитеров. Нос Эди покраснел, а глаза блестели от жалящего ветра.

Мимо прошли двое мальчиков постарше и сказали что-то вроде: «Эди Ерунда и припадочная Тесс». Тесс их проигнорировала, а вот Эди зачем-то раскрыла рот, словно рыба; мальчики расхохо-

тались над ней и пошли дальше. Зеркальную Девочку такое поведение очень заинтересовало — она не умела отличать людей друг от друга и не понимала, что смешного в Тесс или даже в Эди, а Тесс не могла ей объяснить. Мальчишки грубые, этот факт следовало принять и иметь в виду. Тесс на их месте вела бы себя иначе. Впрочем, ее часто искушало присоединиться к другим девочкам, когда они издеваются над Эди, хотя бы для того, чтобы не обращали внимания на нее саму. (Она редко поддавалась этому искушению, и потом ей всегда было очень стыдно.)

— Ты смотрела вчера кино? — спросила Эди. Одной из странностей карантина было то, что в телевизоре остался лишь один канал и все смотрели одни и те же программы.

— Немного, — решила признать Тесс.

— А мне понравилось. Вот бы песни откуда-нибудь загрузить. — Эди уперла руки в боки и принялась вращать телом, изображая, как она полагала, индийский танец. Мальчишки вдали захихикали.

— Так хочу, чтобы у меня были на ногах браслеты! — призналась Эди Герундт.

Тесс подумала, что Эди с браслетами на ногах будет выглядеть все равно что лягушка в бальном

платье, но это была некрасивая мысль, и она не стала произносить ее вслух.

Зеркальная Девочка вновь начала приставать: хотела, чтобы Тесс посмотрела на башни Глазной Впадины вдалеке.

Только что в них интересного?

— Тесс? — сказала Эди. — Ты меня хоть слышишь?

— Ой, прости, — автоматически ответила Тесс.

— Господи, ты такая странная!

Все утро внимание Тесс было приковано к башням. Она видела их в окно классной комнаты, за пустыми заснеженными полями. В воздухе кружились вороны. Они оставались в городе даже зимой и в последнее время, похоже, размножились, хотя, наверное, птицы просто разъелись на свалке к западу от городка. На высокие, сужающиеся кверху башни вороны не садились. Башни были нужны для того, чтобы отводить тепло от Ока под ними. Некоторым частям Ока следовало быть очень холодными, почти настолько холодными, насколько это вообще возможно, «около абсолютного ноля», как однажды сказал мистер Флейшер. Тесс покрутила эту фразу в голове. Абсолютный ноль. Ей пришла в голову морозная, безветренная ночь. Одна из тех холодных и тихих

ночей, когда слышно, как ботинки скрипят в снегу. Когда абсолютный ноль, лучше видно звезды.

Зеркальной Девочке эти мысли показались крайне интересными.

Мистер Флейшер дважды ее вызывал. В первый раз Тесс смогла ответить (законы движения открыл Исаак Ньютон), но, когда он спросил ее на уроке английского, Тесс даже не слышала вопроса, только то, что он обратился к ней по имени: «Кто-нибудь хочет? Тесса?»

Они сейчас проходили «Давида Копперфильда». Тесс дочитала книгу на прошлой неделе. Она попыталась представить, что же за вопрос мог задать мистер Флейшер. В голову ничего не пришло, и Тесс просто смотрела на крышку стола в надежде, что он сейчас спросит кого-нибудь еще. Секунды нервно бежали одна за другой, и Тесс физически чувствовала, как разочарован мистер Флейшер. Она стала наматывать локон себе на палец.

Самое неприятное, что Эди Герундт изо всех сил тянула вверх руку.

— Эди, — наконец сказал мистер Флейшер.

— Промышленная революция! — триумфально объявила Эди.

— Верно, оно получило название Промышлен-

ной революции…

Внимание Тесс вернулось к окну.

Когда урок кончился, она сказала мистеру Флейшеру, что на обед пойдет домой. Он удивился.

— Пешком туда идти очень долго, ведь так?

— Меня папа на машине заберет.

Ложь от начала и до конца. Тесс сама удивилась, как легко она прозвучала.

— Сегодня какой-то особенный день?

Тесс пожала плечами.

Оказавшись снаружи в теплой куртке (пусть и без двух свитеров под ней), она поняла, что не пойдет домой и что в школу после обеда тоже не вернется. Сюда ее привела Зеркальная Девочка, а у Зеркальной Девочки сегодня были другие планы.

После кризиса во время песчаной бури Око функционировало без малейших сбоев.

От такого тоже можно занервничать, думал Чарли Гроган. Сегодня он один раз прошел через контрольный центр — и весь персонал там был расслаблен впервые с самого начала карантина. На лицах даже появились улыбки. Вольты и амперы были в норме, температура стабильна, данные предельно четкие, и даже местность, через которую продолжал ковылять Субъект,

под солнечными лучами выглядела почти дружелюбно. Субъект казался изможденным. Его кожа потускнела и покрылась впадинами, желтый гребень повис, словно истрепанный флаг. Однако он продолжал идти по бездорожью, не останавливаясь и с очевидной решимостью. На горизонте вздымались горные пики, на вершинах сверкал снег.

Субъект медленно, но верно продвигался вперед. Будто улитка на безлюдном тротуаре. Чарли, которому было скучно и впервые за долгое время нечем заняться, решил не ходить на обед и вместо этого забрел в застекленную галерею над БЭК-кольцами.

Галерея предназначалась в первую очередь для показухи. До осады сюда можно было привести прибывшего с визитом конгрессмена или главу европейского государства. Высота, отделявшая ее от колец, делала это совершенно безопасным. В отсутствие туристов здесь мало кто бывал; сам Чарли приходил сюда, если ему хотелось побыть одному.

Облокотившись на стекло в несколько сантиметров толщиной, он смотрел на БЭК-кольца в трех этажах под ним — объекты, рядом с которыми чувствуешь свою неполноценность,

объекты, проникающие мыслью в межзвездное пространство. Так не было принято говорить, но они именно *думали*, отрицать это невозможно, пусть даже ты (подобно некоторым теоретикам) пытаешься утверждать, что они «исследуют конечное, хотя и огромное квантовое фазовое пространство экспоненциально возрастающей сложности». А, ну да. БЭК-кольца видят изображения со звезд и в своем сне отображают их на пиксельную матрицу, «исследуя квантовое фазовое пространство». Набор слов, думал Чарли. Вы мне покажите антенны, которыми они это делают. Что именно они получают и откуда?

Кто такие ангелы? Те, кто пляшет на кончике иглы. А кто пляшет на кончике иглы? Разумеется, ангелы.

БЭК-кольца лишь центр огромной машины. Если рассматривать все оборудование целиком, Око занимало огромную площадь. Стоя в самой середине, Чарли вообразил, что способен чувствовать холодную ярость его мыслей. Он закрыл глаза. Пусть явится объяснение.

Увы, за опущенными веками всплыло лишь воспоминание о Субъекте, затерянном где-то в глубине материка древней высохшей планеты. Забавно — галлюцинация выглядела совсем как

живая, четкость была не хуже, чем на мониторе в кабинете, на котором идет прямая трансляция. Словно это он сам шел по пятам Субъекта. Солнечный свет, чуть более голубоватого оттенка, чем земной, казался теплым, а легкий ветерок давал жизнь миниатюрным вихрям, которые пробегали несколько метров над покрытой щелочными пятнами равниной, чтобы исчезнуть навсегда.

Странно. Чарли прислонился к стеклу и вообразил, как протягивает к Субъекту руку. Разумеется, никакие БЭК-кольца никогда не передадут настолько дистиллированного, сверхъестественно чистого изображения, как то, что ему чудилось. Если бы он захотел, он мог бы пересчитать все пупырышки на бугристой коже Субъекта. Он слышал размеренные, как удары метронома, шаги пыльных слоноподобных ног Субъекта и видел остающийся за ним след: две параллельные пунктирные линии, вычерченные в слое покрывающего пустыню мелкого гравия. Он чувствовал, как пахнет воздух, чувствовал запах горячего камня, пронизанного силикатными прожилками гранита под полуденным солнцем.

Чарли представил, что кладет руку Субъекту на плечо, вернее, на хрящеобразную округлость у него под головой, которая в первом приближении

соответствовала плечу. Какое будет ощущение? Вряд ли как от кожи, скорее это что-то жесткое, каждый бугорок чувствуется примерно как костяшка пальца, некоторые колются жесткой белой щетиной. А гребень, в котором циркулирует кровь, вероятнее всего, служит для охлаждения внутренних органов; если коснуться его, думал Чарли, он будет влажным и податливым, словно разрезанный кактус…

Субъект вдруг замер и развернулся, будто чем-то встревоженный. Чарли обнаружил, что смотрит ему прямо в лишенные выражения белые биллиардные шары глаз, и потрясенно подумал: «Вот же черт!»

Чарли резко открыл глаза и отшатнулся от стекла. Галерея БЭК-колец, дом. Он моргнул, чтобы избавиться от остатков того, что ему, безусловно, приснилось…

— С вами все в порядке?

Чарли, напуганный уже второй раз подряд, обернулся и увидел за спиной девочку в кое-как застегнутой зимней куртке. Она намотала один локон темных вьющихся волос себе на палец.

Знакомое лицо… Чарли спросил:

— Ты, часом, не дочка Маргерит Хаузер?

Девочка нахмурилась, потом кивнула.

Первым импульсом Чарли было позвонить в службу безопасности, но девочка — кажется, ее зовут Тесс — выглядела довольно робкой, пугать ее не хотелось. Вместо этого он спросил:

— Ты здесь с мамой или папой?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Нет? Кто же тебя сюда провел?

— Никто.

— У тебя есть пропуск?

— Нет.

— И охранники тебя не остановили?

— Я прошла, когда они отвернулись.

— Ловко! — В действительности это было попросту невозможно. И все же девочка явно здесь. — Ты кого-нибудь ищешь?

— Да вроде нет.

— Зачем же ты пришла, Тесс?

— Хотела посмотреть. — Она махнула рукой на массив БЭК-колец.

Лишь бы не попросила его объяснить, как они работают.

— Знаешь, — сказал Чарли, — на самом деле тебе не следует бродить здесь одной. Может, пойдем ко мне в кабинет и я позвоню твоей маме?

— Моей маме?

— Да, твоей маме.

Похоже, девочка задумалась над предложением.

— Ладно, — сказала она наконец.

Тесс сидела у него в кабинете и разглядывала глянцевые брошюры, которые Чарли второпях для нее где-то раскопал, а сам он набирал номер персонального сервера Маргерит. Она явно не ожидала от него звонка и сразу спросила о Субъекте: случилось что-то интересное?

Чарли все еще не мог изгнать из памяти свой сон о Субъекте. Глаза в глаза. Все до сих пор казалось до смешного реальным.

Но Маргерит он об этом рассказывать не стал.

— Не хотелось бы пугать вас, Маргерит… Здесь ваша дочь.

— Тесс? Здесь? Здесь — это где?

— В Оке.

— Она должна быть в школе. Что она делает в Оке?

— В данный момент ничего особенного, но она умудрилась прокрасться мимо охранников и забрести в галерею БЭК-колец.

— Вы шутите?

— Хотелось бы.

— Такое вообще возможно?

— Вот и я хотел бы знать.

— Значит, у нее теперь будут неприятности?

— Она у меня в кабинете, и я не вижу особой необходимости поднимать шум. Но вам есть смысл за ней приехать.

— Буду через десять минут, — сказала Маргерит.

Пока Чарли вел Тесс к парковке, девочка молчала. Очевидно, она не была расположена говорить и совершенно точно не расположена говорить о том, как попала в здание. Вскоре на парковку влетела машина Маргерит, и Тесс с благодарным видом залезла на заднее сиденье.

По дороге обратно в кабинет Чарли настиг срочный звонок от Табби Менковиц из секьюрити.

— Привет, — сказала она. — Как там Бумер поживает?

— Уже не молод, но вполне здоров. Что случилось, Таб?

— Моя программа распознавания лиц вдруг забила тревогу. Я смотрю на камеру и вижу, как ты выводишь из здания маленькую девочку.

— Это дочка одной из глав комитетов. Сбежала с уроков, чтобы взглянуть на Око.

— Ты ее сюда что, в рюкзаке пронес? Программа отрапортовала ее на выходе, но не на входе.

— В общем, я и сам удивился. Она сказала, что

проскочила внутрь, пока никто не смотрел.

— У нас все входы под прицелом камер, Чарли. Камеры *всегда* смотрят.

— Чудеса… Но ведь, надеюсь, не повод для паники?

— Ну, не того уровня, когда кто-то пытается выбраться за периметр, и все же я очень, очень хотела бы знать, где она нашла неохраняемый вход.

— Табби, у нас осада; может, с разбирательством подождем, пока не решены существенные проблемы?

— Это — существенная проблема! Или ты хочешь, чтобы я закрыла глаза?

— Пойми, ребенку одиннадцать лет. Расследуй на здоровье, только давай попробуем обойтись без официального дознания.

— И ты просто нашел ее в галерее?

— Она сзади подкралась.

— Это очень серьезно, Чарли. В нашей системе безопасности большая дыра.

— Да, я понимаю.

Табби ненадолго умолкла. Чарли тоже не стал ничего говорить, ожидая, пока она сделает следующий ход. Наконец она спросила:

— Ты с этой девочкой знаком?

— Я знаком с ее матерью. Хочешь еще фактов? Ее отец — Рэй Скаттер.

— А еще что-нибудь ты знаешь? Я спрашиваю потому, что ты вывел ее из здания, ничего не сообщив мне.

— Да, и готов попросить прощения, девочка застала меня врасплох. Честное слово, в остальном я знаю ровно столько же, сколько и ты.

— Хм…

— Честное слово.

— Хм. Понимаешь, я *обязана* расследовать этот случай.

— Понимаю. Само собой.

— Хотя и не обязана отправлять рапорт немедленно.

— Спасибо, Табби.

— Тебе совершенно не за что меня благодарить. Честное слово.

— Я от тебя привет Бумеру передам.

— Лучше передай ему от меня дыхательную пастилку. Прошлым летом на барбекю от него так разило!

Она положила трубку, не прощаясь.

Оставшись один, Чарли наконец смог поразмыслить над тем, что случилось сегодня днем. Как следует все обдумать. Вот только что, соб-

ственно, случилось-то? Он умудрился уснуть в галерее БЭК-колец, потом туда забрела девочка. И теперь надо обнаружить в этом какой-то смысл?

Может, позвонить Маргерит после работы?

Тем временем оставался еще один вопрос. Чарли сомневался, что хочет знать ответ, но если вопрос не задать, он так и будет сидеть в голове занозой.

Вздохнув, он набрал номер своего приятеля Муртазы из отдела видеозаписи. Тот немедленно взял трубку.

— Похоже, у Субъекта все спокойно?

— Угу, — подтвердил Муртаза.

— У тебя найдется время мне немного помочь?

— В три я ухожу на перерыв.

— Это быстро. Я просто хотел, чтобы ты просмотрел запись за последний часок-другой, особенно, — Чарли прикинул в уме, — где-то между без четверти час и ровно часом.

— И что искать?

— Любое необычное поведение.

— Боюсь, не повезло тебе. Он просто идет себе по равнине. С тем же успехом можно смотреть, как сохнет краска.

— Что-нибудь совсем небольшое. Может, просто жест.

— А точнее ты не можешь сказать?

— Извини, не могу.

— Ну, хорошо, не проблема.

Чарли подождал, пока Муртаза выделит временной отрезок и прогонит сегодняшнюю запись через распознающую программу. Сканирование заняло меньше минуты.

— Ничего, — сообщил Муртаза. — Я тебе сразу сказал.

У Чарли отлегло от сердца.

— Ты уверен?

— Субъект сегодня предсказуем, как часы, мой друг. Он даже отлить не остановился.

— Спасибо, — сказал Чарли, чувствуя себя немного идиотом.

— Вообще ничего. Разве только совсем уж ерунда без десяти час. Он вроде как замер и посмотрел через плечо — непонятно куда. И все.

— Ух…

— Погоди, так ты что, это и искал?

— Так, показалось кое-что. Прости, что побеспокоил.

— Ерунда. Может, в выходные пива выпьем?

— Обязательно.

— Только сперва выспись, Чарли. Судя по голосу, тебя что-то беспокоит.

Это точно, подумал он.

Двадцать

Большую часть ночи Крис пытался успокоить Маргерит. Кусок журнальной страницы не сказал им ничего определенного, но намекал на серьезную опасность, и разволновавшаяся Маргерит раз за разом возвращалась к теме Тесс. Тесс, которой угрожает Рэй; Тесс, которой угрожает весь мир.

В какой-то момент у него просто закончились слова.

Перед самым восходом она уснула. Крис продолжал бесцельно бродить по дому. Это чувство ему было хорошо знакомо: ужас и лихорадочная бодрость, лупящие из двух стволов с первыми лучами солнца, словно не вовремя принятая доза амфетамина. Наконец он присел на кухне: жалюзи открыты, за окном — кобальтово-синее небо и ряды домиков, похожих в свете расцветающего восхода на старые коробки из-под конфет.

Сейчас бы расслабиться!.. Принять успокоительное, каких он успел перепробовать великое множество, или какое-нибудь средство посерьезнее, дарующее покой и эйфорию, или просто выкурить старый добрый косячок. Он что, боится? И чего же?

Явно не Рэя, не БЭК-колец, похоже, даже не смерти. Он боится того, что дала ему Маргерит: ее доверия.

Бывают такие мужчины, думал Крис, которых не следует просить подержать что-то хрупкое. Мы его обязательно уроним.

Он позвонил Элейн Костер, как только солнце поднялось достаточно высоко. И все ей рассказал — про клинику, про пилота в коме, про журнальную страницу.

Она предложила встретиться в десять у Сойера. Крис произнес:

— Я позвоню Себастьяну.

— Тебе точно нужен этот шарлатан?

— Пока от него была лишь польза.

— Как хочешь, — сказала Элейн.

Прежде чем уйти, он разбудил Маргерит, сообщил ей, куда собирается, и поставил для нее кофе. Она сидела на кухне в ночной рубашке и выглядела очень грустной.

— Я все еще думаю о Тесс. По-твоему, Рэй всерьез намерен ее не отдавать?

— Я не знаю, что Рэй намерен делать и чего не намерен. По-настоящему важный вопрос — не представляет ли он для нее опасности.

— Не причинит ли он ей вреда? Нет. Во всяком

случае, непосредственного. Рэй — сложный человек и при этом прирожденный сукин сын, но он не чудовище. И любит Тесс, просто по-своему.

— Она должна вернуться в пятницу. Наверное, имеет смысл подождать, дать ему возможность остыть. Если он все еще будет настаивать на своем, придется принимать меры.

— Если со Слепым Озером что-то случится, я хотела бы, чтобы дочь была рядом.

— До этого пока не дошло. И, Маргерит, пусть даже Тесс в безопасности, но *ты-то* нет. Войдя в твой дом, Рэй нарушил закон. Он катится по наклонной. У тебя здесь достаточно умные замки?

Она пожала плечами.

— Не уверена. Хотя думаю, что могла бы сгенерировать новый код для ключей… но тогда Тесс не сможет попасть домой.

— Сгенерируй новый код и обнови ключ Тесс, даже если тебе для этого понадобится заехать в школу. И не расслабляйся. Если ты одна, дверь должна быть заперта, никому не отворяй. Твой карманный сервер всегда должен быть под рукой. Если что-то случится, звони мне, или Элейн, или даже этому из секьюрити, как его там — Шульгину. Не пытайся разрулить самостоятельно.

— Такое чувство, что ты в этом специалист.

Крис вышел, не ответив.

Он занял у Сойера отдельный от прочих столик подальше от окна. Народу в ресторане было немного. Младший повар и две официантки, как умозаключил Крис, ходили на работу скорее по привычке. Меню ограничивалось сэндвичами: с сыром, с ветчиной или и с тем и с другим.

Элейн появилась одновременно с Себастьяном Фогелем и Сью Сэмпел. Все трое, усаживаясь, выжидательно смотрели на Криса. Дождавшись, пока официантка примет заказ, он выложил на стол обугленную журнальную страницу в прозрачном пластиковом конверте.

— Ого, — присвистнула Сью. — Вы это что, лично сперли?

— Мы не пользуемся такими терминами, — поправила ее Элейн. — У Криса анонимный источник в высших эшелонах.

— Посмотрите сами, — сказал Крис. — Не торопитесь. Сделайте собственные выводы.

Разобрать буквы можно было примерно на четверти страницы. Все остальное обуглилось до полной неразличимости, и даже уцелевшая четвертушка на правом краю выцвела и сделалась коричневой.

Все еще можно было различить кусок заго-

ловка:

ОССБЭНКЕ ОСТАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ, СООБЩИЛ МИНИСТР ОБОРОНЫ

И под ним, правая часть колонки текста:

…а вечер понедельника. Местные жители продолжают…

…или комментариев. На сегодня два пехотных батальона…

…ых случаях. Согласно спутниковым снимкам…

…лжают расти. Структура, которая образовывает морскую звезду или коралл,

…Баум настаивает, что пока преждевременно

…выводам…

…ередной раз предложено не покидать дома,

…основные магистрали к востоку от Миссисипи…

…тревожное развитие событий, «паломник»…

…авляет множество тех, кто остался…

…разил надежду на духовное возрождение…

…ежную, однако от этого не менее опасную.

…преувеличивает опасность; однако некоторые…

…ать достоверно установленными. Комплекс Кросс…

…следов первоначальной конструкции, ни

…ргли сообщения об «эпидемии», Центр по кон…

…вычайно дороги сами по себе».

Итак, в то время, как ООН посылает наб…

… альный выпуск. Наши подробные отчеты о…

… по мере появления.

— А что с другой стороны? — спросила Элейн.

— Реклама автомобилей. И дата.

Элейн перевернула страничку.

— Господи, целых два месяца назад!

— Да.

— Это было с собой у пилота?

— Да.

— И он все еще не пришел в сознание?

— Утром я звонил в клинику. Нет, и не предвидится.

— И кто еще знает?

— Маргерит. Ну и вы все.

— Хорошо… давайте пока оставим все между нами.

Официантка принесла кофе. Крис накрыл страничку меню.

Заговорила Элейн.

— У тебя было время все обдумать. И к каким выводам ты пришел?

— Очевидно, в Кроссбэнке некий кризис, и он

продолжается. Хотя и трудно сказать, что именно происходит, это достаточно серьезно, чтобы потребовалось присутствие пехоты и, вероятно, перекрытие дорог — как там? — к востоку от Миссисипи. Слово «эпидемия» в кавычках; по-видимому, есть отрицательное заключение Центра по контролю и профилактике…

— Которое может означать что угодно, — перебила его Элейн.

— Имеются «сообщения о смертных случаях» — или они же отсутствуют. Что-то непонятное про кораллы, морскую звезду, паломника. Видимо, заявление Эда Баума, советника президента по науке. Событие достаточно серьезное, чтобы его освещали печатные издания и комментировали правительственные структуры, но не настолько серьезное, чтобы из журналов исчезла реклама.

— Рекламу могли оплатить еще полгода назад. Это ничего не значит.

— Себастьян? — спросил Крис. — Сью? У вас есть идеи?

Оба серьезно задумались. Себастьян наконец произнес:

— Меня интригует, что здесь использовано слово «духовное».

Элейн закатила глаза к потолку.

— Ну, еще бы!

— Продолжайте, — попросил Крис.

Себастьян нахмурился и поджал губы, которые почти исчезли под огромной бородой. В осаде он каким-то образом умудрился набрать вес, а щеки покраснели, словно нарумяненные.

— Духовное *возрождение*. Что это за катастрофа, если она подразумевает возрождение, пусть даже иллюзорное? И привлекает паломников?

— Чушь собачья! — воскликнула Элейн. — Паломников можно привлечь, просто объявив, что на грязной простыне проступил портрет Девы Марии. Люди крайне доверчивы, Себастьян. Иначе вам не удалось бы написать бестселлер.

— О, я вовсе не думаю, что речь о Втором пришествии. Тем не менее случилось нечто странное, вы не находите? Нечто неоднозначное.

— Странное и неоднозначное? Гениально!

Крис убрал журнальную страничку в карман куртки и предоставил собеседникам еще несколько минут для обсуждения. Элейн была, очевидно, крайне раздосадована, что ей дали лишь половину объяснения. Себастьян казался скорее заинтригованным, чем запуганным, а Сью, уцепившись ему за левое плечо, обиженно молчала.

— Стало быть, возможно, критики правы, — за-

ключила Элейн. — С БЭК-кольцами в Кроссбэнке что-то произошло. И нам следует подумать о том, чтобы выключить Око.

— Возможно, — сказал Крис. Ночью вместе с Маргерит они уже обсуждали этот сценарий. — Но если ребята снаружи хотели бы именно этого, они давным-давно могли бы отключить электричество. Возможно, в Кроссбэнке попытались, и вышло только хуже.

— Возможно, возможно, возможно… Все, что угодно, *возможно*! Чего нам не хватает, это информации! — И Элейн бросила на Сью многозначительный взгляд.

Сью откусила свой сэндвич с таким видом, будто ничего не заметила.

— Умница, — похвалил ее Себастьян. — Сама никогда не вызывайся.

Сью Сэмпел — и это была прекрасная демонстрация чувства собственного достоинства, подумал Крис, — доела до конца сэндвич с сыром и ветчиной, запила кофе.

— Вы хотите знать, что выяснил Рэй, взломав серверы? Прошу меня извинить, понятия не имею. Паранойя Рэя в последнее время вышла на новый уровень. Ключи сотрудников теперь запрограммированы на определенное время.

Нельзя ни прийти раньше, ни уйти позже, не согласовав это с секьюрити. В большинстве офисов установлены камеры наблюдения, и записи постоянно отсматриваются.

— Так что же вам все-таки известно?

— Только то, что случайно попадается на глаза. Дима Шульгин принес пачку каких-то распечаток, предположительно письма из Кроссбэнка, попавшие в память серверов до карантина. После этого Рэй сделался *чрезвычайно* нервным. Что касается содержимого распечаток, мне к ним и прикоснуться не удалось. Даже если Рэй действительно собирался поначалу публично объявить содержание писем, то теперь явно передумал.

Рэй стал не просто нервным, подумал Крис. Он перепуган. Тонкий слой рассудочности облупляется с него, словно старая краска с двери сарая.

— То есть мы в заднице, — резюмировала Элейн.

— Необязательно. Может, мне и удастся что-то для вас выяснить. Потребуется помощь.

Сью могла вполне убедительно изображать персону, у которой ветер в голове, подумал Крис, однако дурой она явно не была. Дураков на работу в Слепое Озеро не брали даже в качестве обслуживающего персонала. Если распечатки

еще находятся у Рэя в кабинете, сказала Сью, при определенной удаче она сможет их найти и сосканировать на свой персональный сервер. Она попробует изыскать правдоподобный предлог, чтобы зайти к Рэю в офис и открыть его стол своим ключом. Но ей понадобится как минимум полчаса гарантированного отсутствия Рэя.

— Как насчет видеонаблюдения?

— В данном случае паранойя Рэя нам на руку. В кабинетах руководства камеры устанавливаются лишь с разрешения их владельцев. Рэй свою отключил еще прошлым летом. Вероятно, не хотел, чтобы кто-то видел, как он жрет свои «Динь-Доны».

— Какие еще «Динь-Доны»?

Сью отмахнулась от вопроса.

— Секьюрити увидят, как я вхожу в кабинет и выхожу из него, но если я буду держаться подальше от открытой двери, то и все. А я так и так постоянно туда вхожу и выхожу. Рэй знает, что у кого-то есть ключ от стола, не знает только, что у меня. Если все получится, он и не заподозрит, что я отсканировала документы.

— И вы совершенно уверены, что распечатки в кабинете?

— Готова поспорить. Основная сложность в том,

чтобы мне не помешали Рэй или его дружки.

— Кажется, у вас есть план, — заметила Элейн.

Похоже, Сью это польстило.

— Рабочие дни исключаем. Я могу прийти на работу в течение дня в выходные, не вызывая особых подозрений, однако Рэй тоже нередко заходит в выходные, да и Шульгин в последнее время стал часто заглядывать. Так что я сверилась с расписанием Рэя. В эту субботу у него выступление в лектории клуба. Ари Вейнгарт организовал довольно серьезное собрание, там будет еще двое или трое выступающих. Насколько я знаю Рэя, он захочет, чтобы Шульгин тоже присутствовал в зале, плюс наверняка потащит с собой Ари и еще кого-нибудь из руководителей департаментов, кроме разве что Маргерит — на случай, если ему понадобится что-нибудь уточнить. Он очень серьезно готовится. Если бы меня спросили, я бы предположила, что он хочет настроить общественное мнение на то, чтобы отключить Око.

Крис знал о предстоящих в субботу дебатах. Маргерит планировала в них выступать. Она даже набросала тезисы, хотя ей страшно не хотелось выходить на сцену вместе с Рэем. Уговорил Ари Вейнгарт: мол, это повысит ее узнаваемость и, быть может, позволит заручиться поддержкой

в других департаментах.

— Хорошо, а мы-то тут при чем? — спросил Крис.

— По большому счету ни при чем. Я просто хочу, чтобы вы были в зале и поглядывали на сцену. Если Рэй вдруг поспешно ее покинет, вы мне позвоните.

Себастьян покачал головой:

— Опасно. У тебя будут неприятности.

— Спасибо за беспокойство, — с довольным видом улыбнулась ему Сью. — По-моему, у меня и так неприятности. У всех у нас. А вы как полагаете?

Спорить с ней никто не стал.

Сью и Себастьян ушли, Элейн ненадолго задержалась.

К обеду посетителей у Сойера немного прибавилось. Небо за окном было ярко-синим, воздух — неподвижным и морозным.

— Итак, Крис, — спросила Элейн, — ты готов?

— Не знаю, о чем ты.

— Мы завязли в дерьме по уши. И я не уверена, что выбраться отсюда живыми будет легко. Ты к этому готов?

Он пожал плечами.

— Ты сейчас думаешь о своей подруге. И ее

дочери.

— Элейн, совершенно незачем переходить на личности.

— Ладно тебе, Крис, я же не слепая. А ты вовсе не настолько скрытен и загадочен, как сам считаешь. Написав книгу про Галлиано, ты вроде как надел белую ковбойскую шляпу и вышел на борьбу со злом. За что и поплатился. Обнаружив, что положительные герои отнюдь не пользуются всеобщей любовью, даже если кругом правы. А вовсе наоборот. Тяжелый удар для мальчика из приличной семьи. Так что ты погрузился во вполне понятную жалость к самому себе — почему нет, имеешь право. Однако потом началась вся эта херня с карантином, плюс то неизвестное, что случилось в Кроссбэнке, плюс Маргерит с ее девочкой. По-моему, ты снова почувствовал потребность надеть белую шляпу. Я, собственно, хочу сказать — и отлично! Сейчас самое время. Не противься своему желанию.

Крис сложил салфетку и встал из-за стола.

— Ни хрена-то ты про меня не знаешь, — сказал он.

Двадцать один

После ухода Криса и до того момента, когда позвонил Чарли Гроган и попросил забрать Тесс, Маргерит провела все утро с Субъектом.

Несмотря на неявную опасность, нависшую над Слепым Озером, и явные угрозы Рэя, ей было особо нечем заняться, во всяком случае, в данный момент. Скоро от нее потребуется значительно больше, подумала Маргерит, вероятно, даже очень скоро. Но не сейчас. Пока она зависла где-то посередине между опасениями и неизвестностью. У нее не было никакого конкретного дела и никакого способа утихомирить бурю эмоций.

Ночью она почти не спала, но и сейчас бы точно не заснула, поэтому заварила себе большой чайник и уселась смотреть Субъекта, делая заметки для последующих запросов, которым вряд ли суждено быть отправленными. Все наше предприятие обречено, думала Маргерит, как, по всей видимости, и Субъект. Когда на бледном небе, покрытом пятнышками редких облаков, взошло солнце, стало ясно, что он очень ослаб. Он шел уже несколько недель, большую часть времени — вдали от дорог, в стороне от источников пищи и воды. Утренние выделения из его клоаки были

совсем скудными и слегка зеленоватыми.

Однако этим утром ему удалось найти и пищу, и воду. Субъект достиг подножия высокой горной гряды, и, хотя местность все еще оставалась совершенно сухой, там обнаружился оазис — текущий с горы ледяной ручей каскадом ниспадал через каменистые пороги. Вода, чистая и прозрачная, словно стекло, образовала в гранитной чаше подобие бассейна. По его краям раскинули веерообразные листья растения-суккуленты.

Прежде чем поесть, Субъект искупался: с неожиданной бодростью вбежал в воду и постоял какое-то время под самым водопадом. За время путешествия он покрылся коркой из пыли, сейчас она окрасила воду вокруг него. Когда он снова вышел из воды, жесткая кожа блестела, а цвет ее, прежде почти белый, вновь потемнел до красновато-коричневого. Он повертел головой, словно проверяя, не притаился ли рядом хищник. (А есть ли в этой части планеты хищники? Вряд ли — в таком случае для них должна водиться дичь, — но и не то чтобы совсем исключено, подумала Маргерит.) Затем, явно успокоившись, Субъект сорвал, очистил от кожуры и ополоснул несколько листьев, после чего принялся за трапезу. С челюстей сыпались к ногам влажные

крошки. Съев листья, он обнаружил на граните у самого водопада пятна мха и дочиста слизал их широким серо-голубым языком.

Потом уселся, чтобы спокойно переварить пищу, а Маргерит открыла файл, в котором вела записи для Тесс: одиссею Субъекта, изложенную в форме детской книжки.

Писательство действовало на нее успокаивающе, пусть даже записи сильно отставали от реальных событий. Она только что закончила описывать песчаную бурю и последующее пробуждение Субъекта среди руин.

Она стала писать дальше.

«Вокруг, в свете спокойного, безветренного утра вздымались столбы и курганы зданий, давным-давно заброшенных и изъеденных стихиями. Они были совсем не похожи на высокие конические башни родного города. Те, кто возводил эти здания, — быть может, его собственные предки, — строили по-другому. Они воздвигли колонны, подобно древним грекам, а на этих колоннах, вероятно, покоились огромные дома, или храмы, или деловые сооружения.

Колонны были вырублены из темного камня; ветер пустыни, несущий бесчисленные песчинки, гладко их отполировал. Некоторые еще

стояли, хотя от большинства остались лишь обрубки. Те, которые не упали, ветер отклонил к востоку. Сохранились остатки других зданий — квадратные фундаменты и даже несколько невысоких пирамид, все — округлой формы, словно галька на дне ручья.

Буря дочиста вымела пустыню, обнажив плоское основание, и сейчас руины отбрасывали в солнечном свете резкие тени. Субъект постоял, словно раздумывая. Тени двигались и укорачивались, отмеряя время. Потом — вероятно, вспомнив про свою цель, — Субъект снова двинулся в путь на запад. К полудню он покинул разрушенный город. Тот скрылся за горизонтом, вновь потерянный навсегда, а впереди простирались отдаленные голубые призраки гор и сверкающий песок…»

Она не успела закончить предложение — позвонил Чарли Гроган.

Пока они выезжали с территории Глазной Впадины, Тесс молчала.

Маргерит ехала медленно, стараясь навести порядок в мыслях. Ей предстояло принять очень важное решение.

Сначала следовало понять, что случилось. Тесс ушла из школы и пробралась в Око, чем обеспо-

коила Чарли, но зачем?

— Прости меня, — произнесла Тесс, все это время бросавшая на маму внимательные взгляды с пассажирского сиденья.

Я что, настолько страшно выгляжу, удивилась Маргерит. Похожа на судью? Она меня так воспринимает?

— Тебе не за что извиняться, — сказала она наконец. — Давай вот как поступим. Я позвоню мистеру Флейшеру и скажу ему, что ты была записана к врачу, просто забыла ему об этом сказать. Годится?

— Ладно, — осторожно протянула Тесс, прикидывая, где тут ловушка.

— Наверняка он из-за тебя беспокоится. Как и я. Почему ты не вернулась в класс после обеда?

— Не знаю. Захотелось сходить в Око.

— Правда? Я думала, тебе там не нравится. Ты жаловалась на ту экскурсию в Кроссбэнке.

— Просто захотелось.

— Так сильно, что ты сбежала из школы?

— Вроде того.

— А как ты попала внутрь? Мистер Гроган удивлен.

— Просто зашла. Никто не смотрел.

Что ж, похоже на правду. Тесс слишком невин-

на, чтобы наврать на входе или отыскать потайную дверку. По всей вероятности, она действительно просто открыла дверь и вошла: расследование Чарли обнаружит уснувшего охранника или техника, выскочившего за угол с косячком и не защелкнувшего замок.

— И ты нашла то, что искала?

— Я ничего особенно не искала.

— Ну хоть узнала что-нибудь?

Тесс пожала плечами.

— Я потому спрашиваю, что для тебя такое поведение совсем необычно. Ты раньше никогда не убегала из школы.

— Это было важно.

— Почему, Тесс?

Она не ответила, только сморщилась, словно готовясь зарыдать.

— Из-за Зеркальной Девочки?

— Да.

— Она велела тебе туда пойти?

— Она никогда ничего не велит. Просто ей туда хотелось. Я и пошла.

— А что там искала Зеркальная Девочка?

— Не знаю. Наверное, хотела посмотреть, может ли увидеть свое отражение.

— Свое отражение? Где?

— В Оке, — сказала Тесс.

— Зеркало в Оке? Там нет зеркала.

— Не в зеркале — в *Оке*.

Маргерит была растеряна. Ответы Тесс пугали. От них отдавало сумасшествием. Сумасшествие: запретное слово. Мысль, которую нельзя произносить вслух. Она ненавидела разговоры о Зеркальной Девочке — в них звучало сумасшествие, и этого было не перенести. Маргерит казалось, что она может перенести почти все — травмы, болезни; она могла представить Тесс с ногой в гипсе или с рукой на перевязи, она знала, как ее утешить, когда ей больно, — на это ее материнских способностей вполне хватало. Только бы не сумасшествие, думала она, только не кокон безумия, исключающий любую возможность для спокойствия или коммуникации. В колледже Маргерит подрабатывала в ночные смены в психиатрической лечебнице. Ей доводилось видеть неизлечимых шизофреников. Сумасшедшие жили в своей собственной виртуальной реальности, неизмеримо более одинокие, чем в одиночном заключении. Она отказывалась представить себе Тесс на их месте.

Въехали на школьную парковку.

Смерть и сумасшествие: может ли она защи-

тить дочь от того или другого?

Я ее от Рэя-то не могу защитить.

Рэй угрожал оставить Тесс у себя, сделаться ее единственным опекуном — фактически похитить у нее дочь. Будь у меня выбор, думала Маргерит, я бы забрала ее отсюда, отвезла в Констанс, а потом еще дальше и дальше, как можно дальше от блокады и от пугающей информации, добытой Крисом, от Ока и от Зеркальной Девочки.

Только это было невозможно.

Тесс придется вернуть в школу, из школы та вернется домой к Рэю — и к становящейся все более хрупкой иллюзии вменяемости. Если я оставлю ее у себя, думала Маргерит, уже я стану нарушителем буквы нашего соглашения, и Рэй отправит за Тесс своих секьюрити.

Но если я ее отпущу к Рэю и что-то случится…

— Можно я пойду? — спросила Тесс.

Маргерит глубоко вдохнула:

— Наверное, можно. Беги на урок. Больше в школьное время никаких экспедиций, договорились?

— Ладно.

— Обещаешь?

— Обещаю. — Она положила руку на дверную ручку.

— И еще одно, — сказала Маргерит. — Послушай меня. *Внимательно*. Это очень важно. Если у папы дома случится что-нибудь странное, сразу звони мне. В любое время дня и ночи. Даже не пытайся раздумывать, сразу звони. Потому что я о тебе забочусь, даже когда ты не рядом.

— Крис тоже заботится?

— Конечно, — ответила изумленная Маргерит. — Крис тоже.

— Ладно. — Тесс открыла дверь и выпрыгнула из машины. Маргерит смотрела, как дочь пересекает пустую парковку, неловко уворачиваясь от вихрей поземки, куртка, как обычно, застегнута криво, а зимняя шапочка не на голове, а зажата в рукавичках.

Я ее еще увижу, сказала себе Маргерит. Я увижу. Обязательно.

Потом Тесс исчезла за дверью школы, и вокруг стало пусто и неподвижно.

Двадцать два

С самого пробуждения Сью Сэмпел не переставала нервничать.

Утро субботы, того самого дня, когда она должна совершить небольшое хищение информации, на которое столь опрометчиво подписалась

несколькими днями раньше. Когда она чистила зубы, руки тряслись, а в зеркале отражался образцово-показательный портрет насмерть перепуганной женщины средних лет.

Сью позволила Себастьяну поспать еще часок, а себе тем временем приготовила кофе и тост. Себастьян был из тех, кто способен проспать грозу или даже землетрясение, а Сью выдернуть из сна в мутное, нежеланное пробуждение мог один-единственный крикливый воробей.

На кухонном столе лежала книга Себастьяна, и Сью немного полистала страницы, чтобы отвлечься. Она давно прочитала книгу от корки до корки, а недавно взялась перечитывать, надеясь впитать и те мысли, которые в первый раз от нее ускользнули. «Господь & квантовый вакуум». Увесистый заголовок. Словно пара борцов сумо, балансирующая на амперсанде.

Книга не была ни занудной, ни поверхностной. В процессе чтения Сью даже обнаружила, что ее университетского образования не всегда хватает для понимания. К счастью, у Себастьяна был писательский талант объяснять даже самые сложные концепции. А на случай совсем уж полного затыка у Сью под рукой имелся автор.

Книга не была откровенно религиозной, но и

безупречным научным трудом тоже не являлась. Сам Себастьян называл этот жанр «умозрительным философствованием». Однажды он отозвался о книге как об «обычной неформальной болтовне, просто переписанной, чтобы стать как можно понятнее». Но это он, решила Сью, от скром- ности.

Книга содержала множество отсылок к малоизвестным страницам истории науки, эволюционной теории и квантовой физики. Не совсем то, чего можно ожидать от университетского профессора теологии, чьи предыдущие труды имели столь интригующие названия, как, например, «Ошибки в датировках текстов из круга апостола Павла I века после Р. Х.». Основная идея заключалась в том, что человек обрел нынешний уровень сознания, получив в свое распоряжение незначительную часть вселенского разума. Иными словами, подключившись к Богу. Определение Бога, утверждал автор, может быть модифицировано, чтобы удовлетворять определениям божеств из широкого спектра религий и верований. Является ли Бог всеведущим и всемогущим? Да, поскольку Он пронизывает собой все творение. Он один или их много? И то и другое: Он вездесущ, поскольку проявляется во всех физических процессах вселенной, однако

Его сознание известно (людям) лишь в отдельных и зачастую не похожих друг на друга фрагментах. Существует ли загробная жизнь или, быть может, реинкарнация? В совершенно буквальном смысле — нет; тем не менее, поскольку наш разум был заимствован, он продолжает существовать и отдельно от тела, пусть даже в виде крошечной частицы чего-то неизмеримо боль- шего.

Сью понимала, чего хотел достичь автор. Дать людям утешение в виде религии, при этом не отягощенное догматами. К научной аргументации он относился достаточно легко, и людей наподобие Элейн Костер это бесило. Ему была нужна религия, способная дать приемлемое утешение вдовам и сиротам, но без патриархальности, нетерпимости, фундаментализма или причудливых диетических ограничений. Религия, не находящаяся в состоянии непрерывной вражды с современной космологией.

И это не столь уж плохое желание, думала Сью. Вот только где *мое* утешение? Утешение для мелкого воришки? Для нечистой на руку секретарши? Прости меня, я ведаю, что творю, и не могу решиться.

Если предполагать, что это вообще имеет какое-то значение. Что они не обречены. Прочитав

журнальный обрывок у Сойера, она пришла к своим собственным выводам.

Себастьян спустился вниз, свежий после душа и, можно сказать, при параде: в голубых джинсах и зеленом вязаном свитере.

— Сегодня иду на дело, — сообщила Сью.

— И как настроение?

— Страшновато.

— Знаешь, ты вовсе не обязана. Вызваться было очень мило с твоей стороны, но, если ты передумаешь, никто тебе и слова не скажет.

— Кроме Элейн Костер.

— Это да, Элейн может. Но я серьезно…

— Серьезно, я готова. Просто обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Когда ты будешь на собрании в клубе… То есть я знаю, что все вы будете начеку, чтобы позвонить мне, если Рэй вдруг отправится в «Плазу». Однако положиться я могу лишь на тебя.

Он кивнул важно и до комичного серьезно.

— Мне нужно минимум пять минут до того, как появится Рэй.

— Они у тебя будут, — произнес Себастьян.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Утро проскочило быстро и незаметно. Собрание в клубе начиналось в час, Сью попросила Себастьяна вести машину, чтобы он мог незаметно сбросить ее у «Хаббл-Плазы». В машине они почти не разговаривали. Когда приехали, она быстро поцеловала его, вышла на холодный воздух, открыла дверь «Плазы» своей карточкой, помахала рукой охраннику в вестибюле и, стараясь слишком уж не торопиться, прошла к лифтам. Шаги ее по плиточному полу отдавались эхом по всему вестибюлю в ритме метронома, *аллегро*, в такт сердцебиению.

Маргерит была у зала в клубе в 12.45 и, завидев поджидающего Ари Вейнгарта, повернулась к Крису и простонала:

— Господи! Как я ошиблась!

— Тебе не стоит выступать с лекцией?

— Не в выступлении дело. Ошибкой будет выйти на сцену вместе с Рэем. Придется на него смотреть, слушать его. Лучше бы я… О, Ари, здравствуйте!

Ари ухватил ее за руку.

— Вам сюда, Маргерит. Ваше выступление — первое, не помню, предупреждал ли я вас. Потом Рэй, потом Лайза Шапиро из департамента геологии и климатологии, а потом вы будете отвечать

на вопросы аудитории.

Маргерит бросила последний взгляд на Криса, тот пожал плечами и улыбнулся ей — надо полагать, в знак поддержки.

В самом деле, думала она, следуя за Ари через служебный вход в полумрак кулис, это полное безумие. Не только потому, что придется выйти с Рэем на одну сцену, а еще и потому, что обоим предстоит играть в загадки. Оба будут делать вид, что понятия не имеют о катастрофе в Кроссбэнке (в чем бы она ни заключалась). Делать вид, что не вступили в конфликт из-за Тесс. Делать вид, что не презирают друг друга. Демонстрировать если не вежливость, то хотя бы безразличие.

И знать, что все может кончиться в любую минуту.

Без скандала вряд ли обойдется, думала Маргерит. Тем более что ее «лекция» фактически состояла из записей, которые она делала для себя лично и не планировала обнародовать — из размышлений о проекте UMa47, граничащих с прямой ересью. Если кризис настолько жесткий и потенциально смертельный, стоит ли тратить время на притворство? Почему бы раз в жизни не забыть о возможных последствиях для карьеры и не высказаться начистоту?

Сидя на сцене за закрытым занавесом — стул между ней и бывшим мужем занимала Лайза Шапиро, — она старалась не встречаться с ним глазами, но не могла избавиться от клаустрофобии, вызванной его присутствием.

Входя, Маргерит успела заметить, что одет он безупречно. Костюм с белой рубашкой и галстуком, все идеально отглажено. На лице слегка недовольная улыбка, эффект от которой лишь усиливали его вислые щеки и маленький подбородок — улыбка человека, который почувствовал неприятный запах, но считает неприличным жаловаться. В руках — несколько листов бумаги.

Слева за кафедрой стоял Ари и подавал кому-то знаки, чтобы поднимали занавес. Уже? Маргерит посмотрела на часы. Во рту пересохло.

Лекторий клуба вмещал две тысячи зрителей, сказал ей Ари. Пришла примерно половина от этого числа, смесь из ученых, технического персонала и неквалифицированных работников. С начала карантина Ари организовал уже четыре такие лекции, все они собрали неплохую аудиторию и положительные отзывы. В зале был даже оператор с камерой, ведущий прямую трансляцию в телевизионную сеть Слепого Озера.

Как цивилизованно мы ведем себя в клетке, ду-

мала Маргерит. Как легко позволяем себе забыть про тела за воротами.

Вот занавес наконец поднят, сцену заливает ярким светом, зал превращается в заполненную тенями пустоту, зрителей в нем скорее ощущаешь, чем видишь. Вот Ари ее представляет. Вот после странного провала во времени, из тех, которые случаются при каждом ее публичном выступлении, она уже за кафедрой, благодарит Ари, благодарит собравшихся, ковыряется в карманном сервере, чтобы вывести тезисы.

— Вопрос…

Голос сорвался на фальцет. Она прокашлялась.

— Вопрос, которым я бы хотела задаться сегодня: не обманываем ли мы сами себя, неукоснительно следуя методу деконструкции при наблюдении за народом, населяющим UMa47/E?

Формулировка достаточно сухая, чтобы простого человека в зале начало клонить в сон, однако Маргерит сумела разглядеть, как несколько знакомых лиц, нахмурившись, словно уменьшились в размере.

— Я намеренно использовала провокационную формулировку — *народ*. С самого начала участники проектов в Кроссбэнке и Слепом Озере постарались полностью исключить антропо-

центризм — тенденцию наделять иные виды человеческими характеристиками. Это широко распространенная ошибка, заставляющая нас называть детеныша пантеры «милым», а орла — «благородным», и ошибку эту люди делают едва ли не с тех самых пор, как слезли с деревьев. Однако сегодня мы живем в просвещенном веке, мы научились видеть и ценить все живое таким, каким оно является в действительности, а не таким, каким нам хотелось бы. А вся долгая и убедительная история науки научила нас, среди прочего, внимательно наблюдать, прежде чем судить — и если уж мы судим, основывать суждения на увиденном, а не на том, во что нам хотелось бы верить.

Поэтому, говорим мы себе, предмет наших наблюдений с 47-й Большой Медведицы следует именовать «существами» или «организмами», но не «народом». Мы не должны ничего предполагать заранее. В аналитической дискуссии нет места нашим страхам и желаниям, нашим надеждам и мечтам, нашим лингвистическим предрассудкам, нашим постмодернистским теориям и нашему культурному багажу, полному воображаемых инопланетян. Персонажи кино пусть останутся на экране, а томик Герберта

Уэллса — на полке в библиотеке. Если мы видим город, не следует называть его так даже чисто условно, поскольку термин «город» подразумевает Карфаген и Рим, Берлин и Лос-Анджелес, а все это есть продукт человеческой биологии, человеческого творчества и накопленного за несколько тысячелетий человеческого знания. Мы напоминаем себе, что город, который мы видим, возможно, вовсе и не город, и гораздо более близкой аналогией для него будет муравейник, гнездо термитов или коралловый риф.

Во время пауз она слышала эхо собственных слов — басовые ноты, резонирующие от задней стены зала.

— Мы изо всех сил стараемся себя не обмануть. И в общем и целом неплохо с этим справляемся. Барьер, отделяющий нас от народа UMa47/E, до боли очевиден. Антропологи давно объяснили, что культура есть набор общих символов, а у нас и предмета наших исследований нет ничего общего. Давно сказано, что каждая культура объясняет лишь саму себя, а наши культуры так же мало смешиваются между собой, как вода и масло. Между нашим эпигенетическим поведением и их отсутствуют точки пересечения.

Неудобство здесь в том, что приходится начи-

нать с самого начала. Мы не можем, к примеру, говорить о чужой «архитектуре», поскольку сначала нам придется убрать из этого, казалось бы, совершенно невинного слова фундамент и каркас человеческих целей и человеческой эстетики, а без них само слово «архитектура» повиснет в воздухе, утратит структуру и целостность. Аналогичным образом мы не можем говорить о чужом «искусстве» или «труде», «отдыхе» или «науке». Список бесконечен, и все, что нам в результате остается — поведение как таковое. Которое следует изучить и каталогизировать во всех его мельчайших проявлениях.

Мы можем говорить, что Субъект перемещается туда-то, выполняет те или иные действия, делает это относительно медленно или относительно быстро, поворачивается налево или направо, ест то-то и то-то, — во всяком случае, если не возражать против слова «ест» как проявления ползучего антропоцентризма и не использовать взамен слова «употребляет в пищу». Означают они одно и то же, однако последнее лучше смотрится в отчетах: «Субъект употребил в пищу растительный материал». В действительности он съел растение — я это знаю, и вы знаете, но научный редактор никогда не пропустит такое

в печать.

Послышался осторожный смех. Рэй у нее за спиной громко и презрительно фыркнул.

— Мы проверяем коннотации каждого используемого слова с истинно цензорским пылом. Все это делается во имя науки и часто имеет под собой веские причины.

Вопрос — не ослепляем ли мы в то же самое время сами себя?

В наших размышлениях о народе UMa47/E отсутствует рассказ, история.

Жители UMa47/E — не люди, но мы-то люди, а человек интерпретирует окружающий мир, описывая его в форме рассказа. То обстоятельство, что эти рассказы иногда бывают наивными, или выдают желаемое за действительное, или откровенно ошибаются, вряд ли способно отменить сам процесс. Наука, в конце концов, в самой своей сердцевине основана на рассказе. Антрополог, или даже целая армия антропологов, может внимательно изучать фрагменты костей, каталогизируя их согласно десятку или даже целой сотне тривиальных на вид критериев, но неявной конечной целью всей этой деятельности является рассказ — история того, как люди возникли из других форм жизни на нашей планете, история

нашего происхождения и наших предков.

Возьмем другой пример — периодическую систему элементов. Она представляет собой каталог, список всех известных и возможных элементов, расположенных согласно определенному принципу. На первый взгляд это статичное знание, как раз того сорта, что и информация, которую мы собираем о Субъекте и его сородичах. Но даже периодическая таблица подразумевает рассказ. Она представляет собой заключительное утверждение в истории Вселенной, финал долгого рассказа о том, как после Большого взрыва появились водород и гелий, как в первых звездах сформировались тяжелые элементы, о взаимоотношениях электронов и атомных ядер, о ядрах и их распаде, о квантовом поведении субатомных частиц. Нам в этом рассказе тоже отводится место. Отчасти мы являемся предметом органической химии, и в этом, следует отметить, схожи с народом UMa47/E.

Маргерит сделала паузу. Благодарение богу, на плоской кафедре обнаружился стакан с ледяной водой. Судя по негромкому шуму, ее речь уже породила в аудитории несколько ведущихся шепотом дискуссий.

— Рассказы пересекаются и ветвятся, объеди-

няются и снова разъединяются. Чтобы понять один рассказ, возможно, потребуется написать еще один. В наиболее фундаментальном смысле рассказ есть то, как мы понимаем Вселенную, и, совершенно очевидно, то, как мы понимаем самих себя. Мы можем не понимать незнакомого путника и даже пугаться его до тех пор, пока он не поведает нам свою историю: не скажет, как его зовут, откуда он родом и куда направляется. И то же самое может оказаться верным для чужих нам обитателей UMa47/E. Я не удивлюсь, если они — в своей собственной манере — также создают рассказы и обмениваются ими. Не исключено, что у них есть собственный способ организовывать и распространять знания, однако уверяю вас: нам не удастся их понять до тех пор, пока мы не начнем рассказывать о них друг другу истории.

Она стала различать в зале все больше лиц. Увидела Криса — он сидел у центрального прохода и ободряюще ей кивал. Рядом с ним — Элейн Костер, потом — Себастьян Фогель. Вероятно, все трое сидят с серверами наготове на случай, если Рэй вдруг устремится в «Плазу».

А прямо под ней в первом ряду сидела Тесс и внимательно слушала. Наверное, Рэй ее привел. Маргерит улыбнулась дочери.

— Разумеется, мы ученые. У нас есть специальное название для пока не подтвержденного, приблизительного рассказа: мы называем его гипотезой и подвергаем проверке, наблюдая и экспериментируя. И разумеется, любая гипотеза, которую мы сформулируем о чужом нам народе, будет очень и очень приблизительной. Первое приближение, разумная догадка, в некоторых случаях — просто выстрел наугад.

Тем не менее я полагаю, что мы напрасно воздерживаемся от подобных догадок. Дело в том, что вопросы, которые нужно задать себе в процессе создания рассказа, нам крайне неприятны. Любой вид разумных существ, с которым нам придется иметь дело — а мы только что впервые в истории обрели пример для сравнения, — завязан на собственную биологию. Иными словами, часть его поведения будет соответствовать его уникальному генетическому прошлому. Однако если эти существа действительно разумны, в какой-то части поведения они будут действовать по собственному выбору, будут гибки, проявят творческий подход. Я вовсе не утверждаю, что в этом они будут безупречно рациональны. Скорее даже наоборот.

И вот здесь кроется фундаментальная пробле-

ма, которую, на мой взгляд, мы отказываемся признать. Каждый из нас имеет собственное мнение о том, что такое человек. Теолог скажет: создание, ищущее Бога. Биолог назовет нас системой взаимосвязанных физиологических функций, способной на чрезвычайно сложную деятельность. Для марксиста все мы — участники диалога между историей и экономикой. Философ выскажет мнение, что человек появился в результате того, что наша ДНК воплотила в себе математику вновь открытых характеристик частично стабильных хаотических систем. Мы склонны полагать эти определения взаимоисключающими и ревностно держимся того из них, которое выбрали.

Однако я подозреваю, что, изучая народ UMa47/E, мы придем к выводу, что этих определений недостаточно. Нам придется вывести новое определение «разумных существ», и это определение должно будет включать как нас, так и их.

Именно этого, я полагаю, мы и пытаемся избежать.

Еще один глоток воды. Не слишком ли близко микрофон? На галерке звук, наверное, такой, словно она горло полощет.

— Все, что мы скажем об этом народе, подра-

зумевает новую перспективу для взгляда на нас самих. Мы можем обнаружить, что они более или менее храбры по сравнению с нами, более или менее мягки, более или менее воинственны, более или менее страстны — в конечном итоге, возможно, более или менее *вменяемы*.

Иными словами, нам придется делать относительно них выводы, которые в то же время будут и выводами относительно нас, и нам они могут не понравиться.

Однако мы — ученые и не можем позволить себе устраниться от выводов. Как ученый, я придерживаюсь глубочайшего убеждения — можете, если хотите, назвать его верой, — что понимание лучше невежества. Невежество в отличие от жизни, в отличие от рассказа статично. Понимание же предполагает движение вперед и, как следствие, возможность перемен.

Поэтому важно продолжать наблюдение за Субъектом. — *Столь долго, сколь возможно*, добавила она про себя. — Несколько месяцев назад казалось разумным утверждать, что жизнь Субъекта представляет собой твердо установленную рутину, и мы уже выжали из нее все, что можно. Последние события доказали: это не так. Жизнь Субъекта, которую мы ошибочно считали

циклической, превратилась в рассказ, в историю, которую нам, быть может, удастся проследить до ее логического завершения и, безусловно, многое узнать в процессе.

Многое мы уже узнали. К примеру, мы видели руины в 33/28, покинутый город — если мне простительно употребить это слово, — очевидно, старше, чем город Субъекта, и отличающийся от него архитектурой. В свою очередь, это тоже подразумевает рассказ. Рассказ о том, что архитектура этого народа отличается гибкостью, что они способны накапливать знания и разнообразно их использовать, адаптируясь к меняющимся условиям.

Выражаясь вкратце, это подразумевает, если здесь еще оставалось место сомнениям, что народ UMa47/E — действительно народ, интеллектуально близкий и морально эквивалентный человечеству, и наилучший способ создать о них рассказ — использовать нас самих в качестве сравнения. Даже если это сравнение не всегда нам льстит.

Собственно, это было громкой финальной нотой ее выступления, дерзким тезисом. Проблема заключалась в том, что никто, похоже, не понял, что она закончила.

Кашлянув еще раз, Маргерит сказала:

— Благодарю за внимание.

Повернулась и пошла на свое место. Зал за спиной зааплодировал. Как минимум вежливо, хотя, пожалуй, с энтузиазмом.

Ари поблагодарил ее и объявил Рэя.

Сью Сэмпел провела двадцать минут за своим столом в предбаннике кабинета Рэя, изображая занятость для закрепленных на стене камер.

Она специально оставила кое-какую работу, чтобы оправдать свое присутствие здесь. Не то чтобы это была настоящая работа. Рэй сейчас требовал от нее заниматься откровенной херней, составляя отчеты о повседневных мелочах и банальностях, к которым приложила руку администрация Слепого Озера. Эти отчеты никуда не шли, просто скапливаясь в папке, озаглавленной «ОТЛОЖЕННЫЕ» — до каких пор, спрашивается, до конца света? Очевидно, им предстоит послужить алиби, когда Рэя спросят, чем он занимался во время карантина.

Ровно в 13.30 она устроила целый спектакль, лихорадочно роясь в бумагах и в файлах на диске, как будто потеряла что-то важное и теперь ей придется идти в кабинет Рэя, чтобы поискать там. Происходящее было до смехотворного нереально

— школьная самодеятельность, и только.

Или плохое кино. А в кино, подумала Сью, обязательно есть момент, когда героиню застигают врасплох… Скажем, Шульгин… или даже Рэй с пистолетом в руке…

— Сью?

Она прикусила язык, чтобы не заорать в голос, потом все-таки выдавила из себя что-то вроде «О-о!», надеясь, что оно сойдет за приветствие.

Господи, всего лишь Гретхен Крюгер из архивов дальше по коридору.

— Не думала застать тебя сегодня на работе, — принялась щебетать Гретхен. — Заскочила на минутку за прошлогодними астрономическими журналами, смотрю — у тебя дверь открыта. Рэй тоже здесь?

— Нет. Мне просто нужно кое-что доделать. Вот только я то одно, то другое не могу найти на месте. — Лишний раз установить алиби не помешает.

— Когда я закончу, пойду к Сойеру — мы там сегодня встречаемся с Джамалом и Карен. Не хочешь присоединиться? Будем рады.

— Спасибо, но я так вымоталась… В душ и спать!

— Со мной тоже бывает.

— Вы, Грет, там без меня не скучайте!

— Постараемся. И ты, Сью, не переусердствуй, что-то ты плохо выглядишь.

Гретхен наконец упорхнула по коридору, а Сью вновь принялась настраивать себя для набега на кабинет Рэя. Однако первым делом она закрыла дверь в коридор. Обнаружив при этом, что руки трясутся.

Теперь — в святилище Рэя, прочь от камер видеонаблюдения.

Для начала она вытащила кучу папок из шкафчика у стены — неважно, что это за папки, главное — держать в руках что-нибудь невинно выглядящее, когда она выйдет наружу. Затем подошла к столу, открыла замок своим ключом и вытянула одну за другой все пять ящиков.

Пачка распечаток оказалась в нижнем левом, где шеф прежде хранил свои «Динь-Доны». Зная его, можно предположить, что он даже крошки собрал пылесосом. У Рэя сейчас, наверное, серьезная ломка, подумала Сью. Синдром острой диньдоновой недостаточности.

Она взяла в руки первый лист.

ОТ КОГО: Бо Сянь, Национальная лаборатория «Кроссбэнк»

КОМУ: Эйвери Фишбайндер, Национальная

лаборатория «Слепое Озеро»

ТЕКСТ: Привет, Эйв! Как и обещал, вот предварительная информация к моему выступлению на конференции. Извини, что только сейчас и без подробностей (понимаю, тебе хотелось бы обойтись без сюрпризов), но нас просили молчать, пока обо всем не будет объявлено официально. Главное: мы нашли на HR8832/B следы исчезнувшей разумной культуры. Снимки я вышлю отдельно; вкратце — в северном полушарии есть подводное базальтовое плато, там очень мелко, имеются даже отдельные островки. На вид оно ничем не отличается от сотни прочих болот, однако там обнаружились структуры, носящие явные следы сложного строительства, в том числе как-то связанные, по меньшей мере архитектурно, с «коралловыми звездами», плавающим вдоль экватора. Мы пока не понимаем, как это согласуется с отсутствием высших животных: Госсар предполагает, что имело место массовое вымирание…

Черт побери, обругала себя Сью, только не надо *читать*. Она украдкой глянула на дверь. Пока она здесь одна, но это может кончиться в любой момент.

Сью достала из кармана сервер, установила

соединение с домом и включила сканирование. Сервер был в форме карандаша, шириной как раз в стандартный лист бумаги. Сью провела по документу фотосенсорной стороной и дождалась, пока сканер звякнул, подтверждая передачу. Потом — следующий лист. За ним — еще один. Листов было много. Она взглянула на часы. Почти два. А ей нужно еще минут двадцать. Нет, даже больше!

Успокойся, скомандовала себе Сью, и отсканировала следующий лист.

Сидя у самого прохода, Крис Кармоди смотрел, как Рэй встает с места и идет к кафедре.

Очень важно понять, что этот человек собой представляет. Существует тысяча различных вариантов снова вступить с Рэем Скаттером в конфронтацию. Если это случится, Крис не хотел все испортить.

Потому что существовала тысяча способов все испортить.

Рэй сегодня выглядел весьма элегантно. Улыбнувшись аудитории, он занял место за кафедрой с уверенностью, которой Маргерит явно недоставало. Налицо то самое «очарование», о котором она говорила и которое, возможно, увидела в нем при первой встрече — вполне убедительная улыбка и

хорошо поставленный голос. Рэй начал речь:

— Я буду вынужден слегка отклониться от заготовленного текста — знаю, Ари, ты просил не растягивать выступление, и я постараюсь эту просьбу выполнить, — но мне нужно ответить на некоторые заявления предыдущего оратора.

Было видно, как Маргерит заерзала на стуле. Впрочем, чего она еще ожидала?

— Ученые *не вправе* забывать о том, что видимость бывает обманчива. Мы говорим о системе БЭК-колец, словно имеем дело со сверхмощным оптическим телескопом. Я вынужден напомнить, что это не так. На фундаментальном уровне Око представляет собой квантовый компьютер, способный генерировать изображения. Мы исходим из предположения, что изображения эти в точности соответствуют событиям, происходившим в прошлом на отдаленной планете. Быть может, так оно и есть. Быть может, нет. Изображения соответствуют объективным сведениям о размере UMa47/E, ее атмосфере, расстоянии до звезды. Однако, если не считать этого, у нас нет никакого подтверждения тому, что, как предполагается, видит Око. До тех пор пока нам не удастся успешно повторить этот эффект и понять его, любые предположения, что мы наблюдаем реальные

события, следует считать недоказанными.

Соответственно, наша неуверенность в выводах происходит не от боязни. А от того, что мы не хотим оказаться обманутыми. По этой причине — а равно и множеству других — я полагаю, что наш фокус на Субъекте и его культуре ошибочен и крайне преждевременен.

В отличие от предыдущего оратора я хотел бы напомнить вам, что мы сочиняем сказки — о, прошу прощения, «создаем рассказы», — о внеземной жизни на протяжении большей части истории человечества. Свидетельствует ли это о нашей гениальности или же о нашей бестолковости — вопрос интересный. Некогда Перси Лоуэлл именем науки убедил нас, что на Марсе имеются каналы и цивилизация. Наука двадцатого столетия это заблуждение опровергла, но его место немедленно заняло оптимистичное и, как оказалось, намеренно сфальсифицированное открытие следов бактерий в марсианском метеорите. Более тщательное изучение Марса показало, что жизни там нет и никогда не было. Широко обсуждавшиеся микробы, обитающие в океане теплой слизи под корой Европы, оказались столь же иллюзорными. Похоже, наше воображение нас опережает. Оно основано на

интуиции, которой свойственно забегать вперед и видеть там то, что мы хотим увидеть. Мы вряд ли нуждаемся в очередных плодах воображения.

Рэй театрально вздохнул.

— Теперь я хотел бы перейти к более существенному вопросу, который сейчас представляет для всех жителей Слепого Озера особую важность.

Нет нужды напоминать, что карантин, который некоторые предпочитают именовать блокадой, есть событие беспрецедентное, и мы все не перестаем ломать голову над его причиной. На мой взгляд, слово «карантин» в данном случае вполне подходит. Представляется вполне очевидным, что мы заключены здесь не ради собственной безопасности, но чтобы обезопасить находящихся снаружи.

И в то же время это звучит смехотворно, даже абсурдно. Какую, собственно, угрозу Слепое Озеро и все его обитатели могут представлять собой?

Действительно, какую же? Звучали предположения, что опасность заключается в изображениях, которые мы изучаем, что они могут содержать стеганографический код или еще какое-то скрытое сообщение, способное повредить человеческому рассудку. Пока этому не было никаких подтверждений… если не считать за

таковое только что прозвучавший здесь восторженный панегирик. — Рэй косо ухмыльнулся, как человек, чрезвычайно удачно, пусть и довольно рискованно, состривший; в зале послышались неуверенные смешки. Глотнув воды из стакана, он продолжил: — Нет, я полагаю, что наши подозрения должен вызывать сам процесс, то есть механизм действия БЭК- колец.

Могут ли БЭК-кольца представлять собой угрозу? Вряд ли наших знаний хватает, чтобы дать ответ на этот вопрос. С определенностью известно лишь то, что процессоры на БЭК-кольцах есть чрезвычайно мощные квантовые компьютеры нового типа, которые исполняют саморазмножающийся и эволюционирующий код.

Одни эти слова сами по себе должны были бы вызвать тревогу. Во всех прочих случаях, когда мы пытались эксплуатировать эволюционирующие саморазмножающиеся системы, пришлось проявлять при этом крайнюю бдительность. На ум сразу же приходит катастрофа, едва не случившаяся в прошлом году в нанотехнической лаборатории Массачусетского технологического института — и мы прекрасно знаем, что там все могло быть гораздо хуже, — или многочисленные смерти от анафилактического шока в Азии в

2020-е, вызванные новыми культурами риса.

Элейн яростно строчила в блокноте. Себастьян Фогель, внимательно слушая, сидел спокойно и неподвижно, словно бородатый Будда.

— Мне могут возразить, что эти примеры относятся к «реальным» самовоспроизводящимся системам в мире, а не к компьютерному коду. Однако это лишь свидетельство нашей близорукости. Пусть виртуальная экосистема БЭК-колец и отрезана от внешнего мира, ее фактические размеры попросту чудовищны. За один-единственный день она порождает буквально миллиарды алгоритмов, которые вырастают друг из друга, а потом уступают место последующим поколениям. Время от времени мы проводим отбор на соответствие желаемым результатам, но размножаются-то они непрерывно. Мы исходим из того, что, единожды задав граничные условия, мы сохраняем над алгоритмами власть, подобно верховным божествам. Увы, это не обязательно так.

Согласен, мы еще не потеряли ни одного ученого из-за того, что на него напал взбесившийся алгоритм. — Снова смех: похоже, аудитории это нравилось, хотя обеспокоенные сотрудники департамента наблюдения и интерпретации не спешили присоединяться к веселью. — И я

вовсе не намекаю ни на что подобное. Однако имеются свидетельства — которые я не имею права обсуждать в подробностях, — что комплекс в Кроссбэнке был отключен за несколько часов до карантина в Слепом Озере, потому что там действительно произошло нечто, представляющее угрозу, причем связанную с БЭК-кольцами.

Зрители в зале буквально застыли в креслах. Крис бросил взгляд на Элейн, та пожала плечами: она не предполагала, что Рэй решится коснуться этой темы.

Быть может, не предполагал и сам Рэй. Он некоторое время перебирал бумаги, словно в замешательстве.

— Разумеется, подробности происшедшего еще расследуются…

Он отложил бумаги в сторону.

— Позвольте мне на минуту вернуться к заявлению предыдущего докладчика…

— Он импровизирует, — прошептала Элейн. — Похоже, какая-то фраза Маргерит попала в самую точку. Или он перед выходом на сцену успел опрокинуть пару стаканов.

— Если я ничего не путаю… Кажется, это Гёте сказал, что природа любит иллюзии… «Природа любит иллюзии, а тех, кто пытается их разве-

ять, она наказывает, словно жесточайший из тиранов»[2]. Мы уверенно рассуждаем о «разумных» видах, словно разум есть несложное, легко измеримое качество. Что, само собой, не так. Наше восприятие своего собственного разума пристрастно и основано на идиосинкразии. Мы противопоставляем себя прочим приматам, как если бы мы были рациональны, а они руководствовались исключительно животными импульсами. А ведь если взять, к примеру, самца шимпанзе, он практически полностью рационален: он добывает пищу, когда голоден — ест ее, когда устал — засыпает, совокупляется, когда для этого одновременно есть желание и возможность. Шимпанзе-философ вполне мог бы задаться вопросом, какой из наших видов в действительности движим рассудком.

Он мог бы спросить: «Что у нас, шимпанзе и людей, общего?» Разумеется, не то, что мы едим, пьем и испражняемся — это делают все животные. Человек проявляет свою уникальность, когда производит сложные орудия труда, создает оперы, устраивает войны из-за идеологических

[2] Примечания: 2

Приблизительная цитата из ошибочно приписываемого Гёте эссе «Природа» Георга Тоблера; известен русский перевод И. Канаева, который заметно отступает от оригинала.

разногласий или посылает роботов на Марс — на все это способны только люди. Мы воображаем себе будущее и обдумываем свое прошлое, личное или же коллективное. А шимпанзе? Способен ли шимпанзе анализировать события прошедшего дня или заглядывать в будущее, не являющееся прошлым? Ответ очевиден — да, он делает это во сне.

Крис бросил взгляд туда, где сидела Маргерит. Она была поражена не меньше всех остальных. Речь Рэя съехала на совершенно неожиданную колею, однако двигалась по ней весьма уверенно.

— Во сне. Когда шимпанзе спит. Во сне он не руководствуется рассудком, но видит сны, которые дают его рассудку пищу. Во сне шимпанзе воображает, что за кем-то гонится или сам убегает от погони, что он сыт или же голоден, что он боится или чувствует себя в безопасности. Ничего этого в действительности не происходит. Он бежит или страдает от голода в мире, который представляет собой лишь фрагментарную модель настоящего и существует только в его воображении. Как это по-человечески! Как это исчерпывающе по-человечески! Вы, люди, мог бы сказать шимпанзе-философ, — единственные

гоминиды, которые спят наяву. Вы живете не в реальном мире, а в мире, который постоянно вам снится.

Сны и мечты пропитывают все наше существование. Наши предки научились бросать копье не в бегущего зверя, а в то место, где бегущий зверь окажется одновременно с летящим по воздуху с определенной скоростью копьем. Предки использовали для этого не математику — воображение! Иными словами, сон. Мы видим во сне будущее положение животного и бросаем копье. Мы видим во сне картины из прошлого и на их основании планируем и анализируем собственное будущее. Как эволюционная стратегия, наши сны оказались чрезвычайно успешны. Если рассматривать человечество как вид, мы увидели во сне выход из тупика животных инстинктов в огромный мир еще не испробованных моделей поведения.

И мы сделали это, на мой взгляд, настолько эффективно, что сумели позабыть фундаментальную истину — мы видим сны наяву. Мы перепутали сон и рассудок. Который есть и у шимпанзе. Однако шимпанзе не снятся идеологии, терроризм, мстительные боги, рабовладение, газовые камеры, прочие убийственные решения

для призрачных проблем. На поверку сны чаще всего оказываются кошмарами.

Аудитория за ним уже не поспевала. Рэю, похоже, было все равно. Он беседовал сам с собой, ведя свою мысль сквозь лабиринт, видимый лишь ему одному.

— Это именно те сны, от которых мы, как биологический вид, не способны проснуться. Это те самые сны, которые любит природа. Это наше эпигенетическое свойство, и оно великолепно послужило нашему геному. За какие-то несколько сотен тысяч лет мы выросли из крошечного подвида гоминидов в доминирующую на всей планете расу в десять миллиардов особей. Когда мы рассуждаем в рамках своего сна наяву, природа нас вознаграждает. Рассуждая столь же просто и приземленно, как шимпанзе, мы бы никогда не превзошли их численностью.

Однако теперь мы перешли на новую стадию. Мы начали строить машины, которые видят сны. Изображения, генерируемые БЭК-кольцами, есть не что иное, как сны. Они основаны на реальном мире, убеждаем мы себя, но они не аналогичны изображениям, полученным телескопами, ни с какой точки зрения. Глядя в телескоп, мы видим нечто человеческими глазами и интерпретируем

его человеческим сознанием. Глядя на изображение от БЭК-кольца, мы наблюдаем сон, который научилась видеть машина.

Это отнюдь не означает, что изображения не имеют смысла. Всего лишь то, что их не следует принимать за чистую монету. И вот еще вопрос: если сны построенной нами машины эффективнее снов человеческих, на что еще, помимо этих изображений, она способна? Какие еще сны она видит, знаем мы о них или нет?

Быть может, организмы, которые мы изучаем, вовсе не обитают на каменистой планете, обращающейся вокруг 47-й Большой Медведицы. Быть может, эти инопланетяне и есть сами БЭК-кольца. Самое же худшее…

Рэй прервал речь, схватил стакан и осушил его до дна. Он был красным, словно только что из бани.

— Я вот о чем — как можно пробудиться от сна, который является основой твоего сознания? Умерев. Только вместе со смертью. И если БЭК-существо — давайте называть его так — представляет для нас угрозу, не следует ли его убить?

Тоненький голосок у самой сцены воскликнул:

— Нет, *нельзя*!

Детский голос. Крис увидел Тесс, которая стояла

сейчас у самого края сцены.

Рэй, явно изумленный до глубины души, уставился вниз с кафедры. И, похоже, не сразу узнал дочь. Узнав наконец, он сделал знак рукой, чтобы та садилась, и продолжил речь:

— Простите, что нас прервали… Мы не можем позволить себе сентиментальность. На чаше весов — наша жизнь. Быть может, мы как биологический вид, мы… — Он вытер рукой вспотевший лоб. Наружу пробивается истинный Рэй, подумал Крис, а это зрелище не из приятных. — Пусть даже мы сами — неуправляемые машины для сна, способные на чудовищные разрушения, это не отменяет нашей лояльности собственному геному. Благодаря своему геному мы можем превращать в относительно терпимый сон бессмысленную в безупречной точности математику окружающей нас вселенной. Что бы мы увидели, проснувшись по-настоящему? Мир, который любит смерть гораздо, гораздо больше, чем жизнь. Совершеннейший идиотизм — уступить право первородства еще одному набору чисел, другой нелинейной диссипативной системе, совершенно чуждой нашему образу жизни…

Можно улыбаться — и быть мерзавцем[3], как сказал Шекспир. Крису это было прекрасно известно. Урок, который нужно было выучить с самого начала. Выучи он его раньше, Порша осталась бы в живых…

– *Нельзя* так говорить! — завизжала Тесс.

В этот момент Рэй наконец очнулся, осознал, что странно ведет себя на публике, выставляет себя на посмешище. Лицо его из красного сделалось багровым.

— Я просто хотел сказать…

Пауза затянулась. В зале начали переговариваться.

— Я хотел…

Ари Вейнгарт сделал полшага к кафедре от левого края сцены.

— Прошу меня извинить, — пробормотал Рэй. — Прошу прощения, если я… если оговорился… Собрание…

Он взмахнул рукой, сбросив при этом с кафедры на сцену пустой стакан, который разлетелся эффектной тучей осколков.

— Собрание окончено, — прорычал Рэй прямо в микрофон. — Все свободны!

---

[3] Примечания: 3

Приблизительная цитата из «Гамлета» дана по переводу Б. Пастернака.

Он поковылял за кулисы. Себастьян Фогель принялся что-то яростно шептать в свой карманный сервер. Маргерит перелезла через край сцены и бросилась успокаивать дочь.

Сью Сэмпел как раз успела снова разложить распечатки по порядку, когда ее сервер зазвонил.

В тишине кабинета Рэя звук показался особенно громким. Сью подпрыгнула на месте, полпачки распечаток выскользнули из рук и рассыпались по полу.

— Черт! — выругалась она и снова вытащила палочку телефона из кармана. — *Ну чего?*

Это был Себастьян. Рэй ушел со сцены, сказал он. Сильно не в себе. Может податься куда угодно.

— Спасибо. Встречаемся снаружи через пять минут.

Сью собрала с пола рассыпавшиеся листы — они разлетелись широким веером, некоторые даже попали под стол, — и торопливо разложила их более или менее по порядку. На большее времени не хватало. Даже если Рэй не вломится прямо сейчас в кабинет, нервы у нее уже на пределе. Она заперла бумаги в ящик стола, выбежала из кабинета, поспешно собрала все, что разложи-

ла на собственном столе, выскочила в коридор и захлопнула за собой дверь.

Поездка на лифте заняла чуть меньше, чем вечность, однако когда она спустилась, в вестибюле никого не было, а Себастьян уже припарковался у самых дверей. Запрыгнув в машину, Сью скомандовала:

— Вперед, быстро, еще быстрее!

Ветер был сильнее, чем утром. На белое пространство между городком Слепое Озеро и охлаждающими башнями Глазной Впадины начал падать свежий снег.

Двадцать три

Рэй Скаттер вышел из клуба, не представляя толком, куда направляется, глотая широко открытым ртом порывы морозного ветра. Холод обжигал, зато понемногу возвращалась ясность рассудка.

На сцене он допустил ошибку. Хуже того, забылся. Дурацкий пассаж насчет людей и шимпанзе… Сама мысль была верной, только изложил он ее, совершенно забыв про слушателей, словно в экстазе.

Отчасти виновата Маргерит. Ее все такое из себя правильное выступление, безусловно, заслу-

живало отповеди. Однако он слишком глубоко заглотил наживку. Рэй всегда ценил свою способность управлять вниманием аудитории, и сегодняшний случай, когда он потерял над ней контроль, сильно его обеспокоил.

Стресс, переутомление, зараза безумия. Подробно изучив переписку из Кроссбэнка, Рэй пришел к однозначному диагнозу: безумие как заразная болезнь. То же самое в любую минуту может начаться и здесь, в Слепом Озере. Быть может, уже началось; называя речь Маргерит характерным симптомом, он вовсе не шутил.

По мостовой ползла снежная крупа, извиваясь под ветром. Пиджак Рэй оставил за кулисами в клубе, возвращаться за ним не хотелось. Лучше пока укрыться в кабинете, до которого меньше квартала, и там провести учет потерь, прикинуть, насколько он серьезно обделался, забывшись на сцене. В голове продолжали кружить обрывки мыслей. Сон наяву.

Рэй пересек вестибюль «Плазы» и поднялся в пустом лифте на седьмой этаж. Набившийся в волосы снег начал таять, превращаясь в капельки воды. Барабанные перепонки дрожали от непрекращающегося звона в ушах, накатила тошнота. Выставил себя на посмешище, пусть так, но разве

это что-то значит в долгосрочной перспективе, да и в краткосрочной тоже? Если из Слепого Озера никто не выйдет живым (а он серьезно допускал такую возможность), кого будет волновать его сегодняшнее выступление? Потерять лицо перед коллективом ученых — херня! Карьерным играм все равно пришел конец.

Пока шансы выжить оставались неплохими. Возможно, если все сделать правильно, его действия во время кризиса будут выглядеть в более или менее положительном свете. Но какие действия правильные? Вырубить БЭК-кольца, подумал Рэй. Организовывать этому всеобщую поддержку уже поздно, но он успел заложить определенный фундамент и, вероятно, приобрел бы сегодня первых сторонников, если бы Маргерит все не испортила. Если бы он не забрел в лабиринт второстепенных рассуждений. Если бы Тесс его не перебила.

Рэй застыл как вкопанный на пороге кабинета.

Тесс.

Он забыл про дочь. Оставил ее в зале.

Вытащив сервер из кармана рубашки, он произнес ее имя.

Тесс откликнулась сразу же.

— Папа?

— Тесс, ты где?

Она поколебалась, прежде чем ответить, наконец ска- зала:

— Я в машине.

— В машине? В *какой* машине?

— Ну, в маминой.

— К маме ты должна вернуться только в понедельник!

— Я знаю…

— Она не имела права тебя забирать! Она сделала ошибку. Фатальную ошибку!

— Но…

— Она тебя заставила, Тесс? Силой усадила тебя в машину? Ты можешь рассказать всю правду. Если она слушает, только намекни, я все пойму.

Тесс страдальчески воскликнула:

– *Нет*! Она ничего такого не делала. Ты меня *бросил*!

— Я просто вышел на несколько минут, Тесс.

— Откуда я знала?

— Ты должна была меня дождаться.

— И ты еще все время говорил, что надо ее убить!

— О чем ты? Не понимаю… Я до твоей мамы и пальцем никогда бы не дотронулся.

— Чего?! Когда ты был на сцене! Ты говорил,

что надо убить Зеркальную Девочку!

— Я ничего… — Рэй прикусил язык и попытался успокоиться. Тесс очень чувствительна и, судя по голосу, сильно напугана. — Я ничего не говорил про Зеркальную Девочку. Ты меня не так поняла.

— Ты сказал, что нам надо ее убить.

— Я говорил про компьютеры в Оке, Тесс. Дай маме трубку.

Еще одна пауза.

— Она не хочет с тобой разговаривать.

— Она должна привезти тебя ко мне. Так сказано в соглашении, которое мы подписали.

— Мы едем домой! — Казалось, Тесс сейчас расплачется. — Извини!

— Домой к маме?

— Да!

— Она не имеет права!

— Мне *все равно*! Мне *все равно*, что она не имеет права! Она хотя бы никого не хочет *убивать*!

— Тесс, я тебе уже сказал, я никого…

Сервер негромко звякнул. Тесс дала отбой.

Когда он набрал ее еще раз, телефон не ответил, сразу включился автоответчик. Он набрал Маргерит. С тем же результатом.

— Вот сучка, — прошептал Рэй. Имея в виду Маргерит. Или даже Тесс, которая его предала.

Хотя нет, это несправедливо, Тесс ввели в заблуждение. Тем, как ее мать ей во всем потакала, укрывая от правды. Которая заключалась в том, что Зеркальная Девочка была полной херней.

А Маргерит эту херню обернула против него. «Папа хочет убить Зеркальную Девочку!» Ей промыли мозги!

Рэй пришел в ярость, когда это себе представил. То, в какую ложь про него Тесс заставили поверить.

Выходит, Тесс он тоже потерял?

Нет! Нет! Это невозможно. Еще нет.

Он закрылся в кабинете, развернул кресло к окну и подумал, не позвонить ли Диме Шульгину. Может, у того будут какие-нибудь идеи?

За окном открывалась безжизненная и враждебная картина. За время блокады жители Слепого Озера научились обходиться без прогнозов погоды, однако для того, чтобы видеть сгущающиеся тучи, не надо быть метеорологом. Низкие, тяжелые от снега тучи несло с северо-запада ураганным ветром. Еще один этап бесконечной зимы.

В падающем снеге городок приобрел иллюзорность, словно на дагерротипе или на выполненном в серых тонах заднике театральной сцены.

Под порывами ветра оконное стекло выгибалось, слегка меняя форму картинки.

Когда Рэй наконец развернулся, колесико кресла скользнуло по какой-то завалявшейся под столом бумажке. Уборщики все теперь делали спустя рукава… Распечатка. Нахмурившись, он поднял листок с пола.

ОТ КОГО: Бо Сянь, Национальная лаборатория «Кроссбэнк»

КОМУ: Эйвери Фишбайндер, Национальная лаборатория «Слепое Озеро»

ТЕКСТ: По поводу твоей гипотезы хочу заметить — шансы на то, что обнаруженные структуры естественного происхождения, просто мизерные. Хотя подобная симметрия не так уж редко встречается в природе, размеры сооружения и его геометрическая точность столь велики, что подразумевают инженерную мысль, а не эволюцию. Не то чтобы они абсолютно отрицали иное объяснение, однако…

Прервав чтение, Рэй положил листок вверх текстом себе на стол.

Медленно, не торопясь и стараясь не делать поспешных выводов, он отпер стол и извлек из нижнего ящика пухлую пачку листков, прине-

сенных Шульгиным. Не спеша их перелистал.

Документы шли не по порядку.

Кто-то снова залез к нему в стол.

Рэй встал. И увидел в окне свое отражение, словно намалеванное поверх облачных фресок — человек, вмороженный в стекло.

Двадцать четыре

К тому моменту, как Крис, Маргерит и Тесс добрались домой, погода заметно ухудшилась. И хорошо, подумал Крис. Еще один барьер между Маргерит и Рэем. Если Рэй решит заявиться сюда за дочерью — или за тем, чтобы отомстить, — по крайней мере, у него уйдет какое-то время на дорогу.

После телефонного разговора Тесс расплакалась. Потом слезы сменились непрерывной икотой, Маргерит довела дочь до порога, обнимая рукой за плечи. Сбросив ботинки и куртку, девочка побежала в гостиную и бросилась там на диван, словно на спасательный плот.

Маргерит заперла дверь своей карточкой.

— Лучше и на засов, — посоветовал ей Крис.

— Думаешь, нужно?

— Думаю, разумно.

— Это уже почти паранойя. Рэй не будет…

— Мы не знаем, что может сделать Рэй. И лучше не рисковать.

Маргерит щелкнула засовом и отправилась к дочери на диван.

Крис временно занял кабинет, чтобы распечатать документы, которые Сью сбросила ему на сервер. В кабинете не было окон, но он все равно слышал, как снаружи бушует ветер, пробуя водосточные желоба, словно грабитель с тупым ножом.

Он думал о Рэе на сцене клуба. Его основной задачей было высмеять и унизить Маргерит, что он довольно ловко и сделал, полностью контролируя свой гнев. Для таких, как Рэй, контроль важнее всего. Беда в том, что мир неуправляем и напрочь лишен субординации. Твои ожидания никогда не оправдываются. Жена тебя сначала не слушается, а потом и вовсе бросает. Твои теории идут прахом.

Даже в стол тебе кто-нибудь да залезет.

Любой изъян в контроле выдает более серьезный внутренний надлом. Такие, как Рэй, очень неустойчивы эмоционально, потому-то им и удается успешно тиранить окружающих. Они живут на грани. И рано или поздно ее переступают.

Из принтера выскакивала страница за стра-

ницей, все тридцать с чем-то добытых Сью документов. Сокровище Рэя, какова бы ни была их истинная ценность. Крис сел и начал читать.

Всю вторую половину этого мрачного дня Маргерит провела с дочерью.

Попав домой, Тесс заметно успокоилась, и все же было очевидно, что она сама не своя. Девочка свернулась в клубочек в уголке дивана, завернувшись в одеяло, словно в молитвенную шаль, и не отрывала глаз от телеэкрана. Телевидение Слепого Озера передавало запись детской программы, которую Тесс последний раз смотрела, когда ей было лет шесть. Звук она включила погромче, чтобы заглушить вой ветра и барабанную дробь снежной крупы по оконному стеклу.

Маргерит было любопытно узнать подробности документов, которые Крис распечатал и уселся читать; однако странным образом это казалось сейчас не слишком важным. На несколько часов мир завис между полумраком и настоящей ночью, убаюкиваемый усиливающимся бураном, и все, что ей было нужно и хотелось — сидеть рядом с Тесс.

Вскоре после пяти она вышла на кухню, чтобы приготовить ужин. Залепленное снегом окно над раковиной потускнело, словно иллюминатор за-

тонувшего корабля, и показывало неясные тени, колышущиеся под тяжестью сгущающейся тьмы. Способен ли Рэй заявиться сейчас сюда и снова распустить руки? В такую погоду? Впрочем, решила Маргерит, если уж ты собрался совершить нечто ужасное, снегопад тебя вряд ли остановит.

Тесс вошла на кухню, уселась на стул и стала смотреть, как мама режет перчики для салата.

— С Крисом все в порядке? — спросила она.

— Конечно. Он наверху, работает. — Точнее, он что-то обсуждал по телефону с Элейн Костер, во всяком случае, когда она заглядывала в последний раз.

— Но он точно дома?

— Точно.

— Хорошо, — кивнула Тесс. Похоже, у нее отлегло от сердца. — Лучше, когда он дома.

— Я тоже так думаю.

— А он долго с нами будет?

Интересный вопрос.

— Ну, по крайней мере пока Слепое Озеро опять не откроют. Может быть, и после.

Может быть. Эта тема оставалась в стороне. Если спросить его о планах на будущее, не решит ли Крис, что она предъявляет излишние претензии или вообще лезет не в свое дело? Понравится ли

ей его ответ? И вообще, разве можно иметь планы на будущее в нынешних обстоятельствах?

Самой Маргерит казалось, что их союз достаточно прочен. Любит ли она Криса Кармоди? Да, наверное, любит; однако она опасалась этого слова, боялась его произнести и едва ли не больше боялась услышать его в ответ. Любовь — словно явление природы, обманчивое и нестабильное. Как теплые деньки в октябре, она может кончиться в любую минуту.

— Тесс? Можно задать тебе вопрос?

Ритмично покачиваясь на стуле, Тесс пожала плечами.

— Там, в зале, ты говорила, что нельзя ее убивать. Это про кого?

— Сама знаешь.

— Про Зеркальную Девочку?

— Ну вроде.

— Я не думаю, что папа говорил про Зеркальную Девочку. Он имел в виду процессоры в Глазной Впадине.

— Это одно и то же, — с явным нежеланием выговорила Тесс.

— Одно и то же? Как так может быть?

— Я не знаю, как объяснить. Она там живет. Это одно и то же.

Маргерит попыталась выспросить подробности, но Тесс перестала отвечать; в конце концов Маргерит разрешила ей вернуться на диван. В любом случае идея, что Зеркальная Девочка живет в Оке, представляла собой новый поворот сюжета. Возможно, он что-то означал, только Маргерит не могла понять, что именно. Потому-то Тесс и пробралась в Глазную Впадину на прошлой неделе? Хотела отыскать Зеркальную Девочку в ее логове?

Когда все это безумие закончится, пообещала себе Маргерит, я ее отсюда увезу. В совсем другое место. Где тепло и сухо. Маргерит давно уже планировала поездку по пустыням Юго-Запада — Юта, Аризона, каньоны Колорадо, Четыре Угла, где эти штаты граничат с Нью-Мексико, однако Рэй каждый раз эти планы отменял. Может, свозить Тесс в пустыню на каникулы?.. Только не слишком ли все будет напоминать о UMa47/E и Субъекте? Который тоже ищет спасения в пустыне.

Крис позвонил Элейн. Сервер в кабинете Маргерит подхватил аудиоканал и запустил его через динамики на стенах, звук был настолько отчетливый, что Крис слышал поверх голоса Элейн завывание ветра.

— Ты там что, у самого окна? — спросил он. — Такое чувство, что где-то собака взбесилась.

Элейн поселили в двухкомнатной дворницкой, обитатель которой уехал в Фарго, где ему должны были удалить камни из мочевого пузыря, за день до карантина. Квартирка была на первом этаже, а окна ее выходили прямо на мусорные баки на заднем дворе ресторана Сойера.

— Тут не так-то много места… Теперь лучше?

— Слегка.

— Ровно то, чего нам сейчас не хватало, еще один северо-восточник, или как тут местные фермеры называют эти долбаные бураны. Ну что, прочитал документы? И что думаешь?

Крис помедлил с ответом.

Документы представляли собой именно то, что предполагала Сью Сэмпел: электронные сообщения, застрявшие на серверах руководства, уехавшего на конференцию в Канкун. Содержащаяся в них информация до той поры хранилась в тайне, однако на конференции ее должны были объявить во всеуслышание: на поверхности HR8832/B обнаружены искусственные сооружения.

Структуры напоминали огромные полусферы, от которых в стороны расходились лучи. В одном

из сообщений их сравнивали с гигантским аденовирусом или с молекулой C_{60}. Крис попробовал вкратце резюмировать прочитанное.

— Очевидно, сооружения созданы по математическому принципу, известному как «энергетическая функция», записанному в виде выражения для объема в пространстве высших измерений — однако такое можно сказать о любом икосаэдре, само по себе оно ничего не значит. Если это искусственный артефакт, его строители куда-то делись. Согласно одному из сообщений внутреннюю структуру «совершенно невозможно вообразить», что бы это ни означало…

— И так далее, и тому подобное, — прервала его Элейн. — Сплошные научные загадки. Ты лучше скажи: тебе бросилось в глаза хоть что-нибудь, намекающее на *угрозу*? Что могло бы объяснить ту журнальную вырезку?

— Какая-то связь должна быть.

— Само собой, но вспомни, что заявил Рэй во время лекции. Он сказал, что располагает доказательствами: БЭК-кольца в Кроссбэнке стали представлять собой физическую опасность.

— К такому умозаключению вполне можно прийти.

— Да насрать на *умозаключения!* Ты хоть одно

свидетельство видел?

— В этих бумагах — нет.

— Как по-твоему, у Рэя есть что-то еще?

— Не исключено. Но Сью постоянно с ним рядом, и она так не думает.

— Верно. Знаешь, Крис, по-моему, у Рэя нет вообще никаких свидетельств. Только гипотеза. А еще у него невыносимо свербит в заднице.

— Ты хочешь сказать — он просто хочет отключить Око, а документы — всего лишь повод?

— Именно.

— И тем не менее Око может представлять собой угрозу. То, что он пристрастен, еще не означает, что он оши- бается.

— Даже если не ошибается, он поступает по меньшей мере безответственно. В документах нет ничего, чем нельзя было бы поделиться с остальными.

— Рэй не любит делиться. Ручаюсь, у него это в характеристике записано с самого детского сада. И как ты теперь предлагаешь поступить?

— Все опубликовать.

— Каким образом?

— Отправить документы на домашние серверы по всему Слепому Озеру. Кроме того, я бы снабдила их кратким резюме, наподобие сопро-

водительного письма, а в нем указала бы, что документы получены из конфиденциального источника и что информация в них содержится важная, но не дающая основания для решительных выводов.

— И Рэй уже не сможет решать единолично. Ему придется дать людям объяснения…

— И, возможно, все-таки выслушать их мнение, прежде чем повернуть рубильник.

— У Сью могут быть неприятности.

— Она действовала из самых добрых намерений, однако, Крис, боюсь, у нее и так уже неприятности. Пусть у Рэя и нет никаких доказательств, он отнюдь не идиот.

— У нас тоже могут быть неприятности.

— Что ты вообще называешь «неприятностями»? Мы заперты на неопределенный срок в правительственном комплексе, которым руководит сумасшедший. На мой взгляд, это вполне достаточная неприятность, даже сиди мы тише воды. Впрочем, если хочешь, я не стану упоминать тебя в рассылке.

— Нет, мое имя оставь, — возразил Крис. — А вот Маргерит упоминать не надо.

— Договорились. Возвращаясь к вопросу о реакции Рэя — повторяю, он отнюдь не идиот. Так

что держи двери на замке.

— Они уже на замке, — сказал Крис. — И на засове.

— Вот и хорошо. Теперь будь готов, когда нам на головы хлынет столько дерьма, что сегодняшний буран покажется летним дождичком.

За ужином Тесс мало ела и еще меньше говорила, хотя похоже было, что она чувствует себя уверенней просто оттого, что все, как обычно, собрались за столом. Хотя, наверное, подумала Маргерит, ей просто нравится, что Крис рядом. Крис — сильный и добрый мужчина, на маленькую нервную девочку такая комбинация должна действовать воодушевляюще. На нервную женщину средних лет тоже.

После ужина Тесс отправилась с книжкой в свою комнату. Маргерит стала заваривать кофе, а Крис тем временем пересказывал содержание добытых ими документов. Многие были за подписью Бо Сяня. Маргерит работала с Бо в Кроссбэнке и знала, что он не тот человек, который будет устраивать много шума из ничего.

На HR8832/B никогда не было ни малейшего намека на технологическую цивилизацию. Структура наверняка очень старая, подумала она. HR8832/B периодически проходила через

мощные всепланетные оледенения; сооружения построены как минимум до последнего из них. Сходство с экваториальными плавучими кораллами на что-то намекало, вот только на что?

Ответить на подобные вопросы было невозможно, во всяком случае сейчас. В одном Крис и Элейн были правы: ни о какой угрозе в документах речь не шла.

Они разговаривали, а буран дребезжал оконным стеклом на кухне. Мы можем получать изображения с планет, обращающихся вокруг отдаленных звезд, подумала Маргерит, а сделать окно, которое не дребезжит в плохую погоду, не в состоянии. Глубокая тьма за окном выглядела пугающе. Уличные фонари превратились в скрытые вуалью расстояния маяки, в далекие факелы. Когда-то про такую погоду писали в утренних газетах: «Сильный буран парализовал движение на автострадах, аэропорты закрыты, пассажиры не могут попасть домой…»

Обычно Тесс ложилась спать в десять, по выходным — в одиннадцать, но сегодня она пришла на кухню в девять и пожаловалась, что устала.

— У тебя был нелегкий день, — кивнула Маргерит. — Набрать ванну?

— Я утром в душ схожу. Я устала.

— Тогда иди переодевайся. Я попозже приду.

Тесс замялась.

— Что, радость моя?

— А может, Крис мне что-нибудь расскажет? — Она опустила голову, словно хотела добавить: «Знаю, я уже не маленькая, только мне все равно».

— С удовольствием, — откликнулся Крис.

Ну вот как его такого не любить, подумала Маргерит.

— Какую же тебе рассказать историю? — спросил Крис, присев на краешек кровати. Догадываясь, каким будет ответ.

— Про Порри, — ответила девочка.

— Честное слово, Тесс, по-моему, все истории про Порри я тебе уже рассказал.

— Необязательно новую.

— А какая тебе больше понравилась?

— Про головастиков, — сказала девочка, не задумываясь.

Окно спальни так и было заколочено фанеркой. Сквозь щели просачивался холодный воздух, пробирался под настенную панель отопления и расползался по полу, стараясь проникнуть в самые укромные места. Тесс натянула одеяло до самого подбородка.

— Это было в Калифорнии, — начал Крис. — Мы жили в маленьком домике, на заднем дворе у нас росло авокадо, в конце улицы был дождевой водосток, похожий на бетонную реку, а вокруг — забор, чтобы дети туда не залезали.

— Но вы все равно залезали?

— Кто из нас тут рассказывает историю?

— Я нечаянно. — Тесс и рот закрыла одеялом.

— Да, мы все равно туда залезали, все дети с нашей улицы. Нашли под забором место, где можно пролезть. Бетонные стены у водостока были очень крутые, но если осторожно, то удавалось спуститься. А весной он иногда почти пересыхал, и в лужах можно было ловить головастиков.

— Головастики — это маленькие лягушки, да?

— Да, только они совсем не похожи на лягушек. Скорее на маленьких черных рыбок с длинными хвостиками. В удачный день штук сто можно было поймать, просто один раз зачерпнув ведром. Взрослые нам постоянно говорили не играть у водостока, потому что это очень опасно. И это правда было опасно, нам вовсе не следовало туда лазить, но мы все равно лазили. Все, кроме Порри. Я ей не разрешал.

— Потому что ты был старший брат, а она была ма- ленькая.

— Мы все были маленькие. Порри было тогда шесть или семь лет, а мне, получается, одиннадцать или двенадцать. Мне уже хватало ума понять, что ей туда лазить опасно. Поэтому я всегда велел ей оставаться за забором, хотя ее это ужасно бесило. Как-то раз мы залезли в водосток с двумя друзьями и, кажется, слишком увлеклись, шлепая там по грязи. Когда мы вылезли, Порри так соскучилась и устала нас ждать, что чуть не плакала. Всю дорогу домой она со мной не разговаривала.

Дело было весной, в Южной Калифорнии в это время часто случаются грозы. Вот и в тот день тоже пошел дождь. Совсем не слабый. Мама в таких случаях говорила: «Каждая капля размером с арбуз». После ужина я пошел делать уроки, а Порри — играть к себе в спальню. Во всяком случае, она так сказала. Где-то через час мама позвала ее, Порри не ответила, и мы нигде не могли ее найти.

— Надо было спросить у домашнего сервера.

— Дома в то время были не такие умные, как сейчас.

— И ты пошел ее искать.

— Угу. Мне тоже не стоило идти, однако папа уже собрался звонить в полицию, а я… ну, в об-

щем, догадывался, куда она пошла.

— Тебе надо было рассказать все родителям!

— Я не хотел, чтобы они поняли, что я и сам прекрасно знаю, как попасть в водосток. Хотя ты права: надо было им рассказать, это было бы еще более смелым поступком.

— Но тебе было только одиннадцать.

— Мне было только одиннадцать, и не на все хватало храбрости, поэтому я потихоньку вышел из дома, побежал под дождем к дырке в заборе, протиснулся сквозь нее и стал искать Порри.

— По-моему, это тоже смелый поступок. И ты ее нашел?

— Ну ты же сама знаешь, чем все кончилось.

— Я *понарошку* спросила.

— Порри взяла ведерко и отправилась к канаве, чтобы самой наловить головастиков. Она уже наполовину поднялась обратно наверх по бетонной стенке — и вдруг перепугалась. Есть такая разновидность испуга, когда ты не можешь двигаться ни вперед, ни назад, то есть вообще уже ничего не можешь. Поэтому она просто сидела там и плакала, а вода в канаве бурлила и прибывала с каждой минутой. Еще немного, и ее бы унесло.

— Но ты ее спас.

— Ну да, я спустился, протянул ей руку и помог

выбраться. От дождя там все было очень скользкое. Мы уже почти дошли до забора, и тут она как закричит: «Мои головастики!» Мне пришлось еще раз спуститься за ведерком. А потом мы пошли домой.

— И ты про нее ничего не сказал.

— Я сказал, что она играла у соседей во дворе. Ведерко мы спрятали в гараже…

— И забыли про него!

— И забыли про него, а головастики поступили так, как им и положено — начали превращаться в лягушек. Когда папа через пару дней зашел в гараж, весь пол там был покрыт зелеными лягушками, и они начали на него прыгать. Словно *водопад* из лягушек. Он как закричит! Мы все выбежали из дома, а Порри давай хохотать…

— Но она не объяснила, почему смеется, как ее ни спрашивали.

— Не объяснила.

— И ты тоже никому не сказал.

— Никому. Только вот теперь.

Тесс удовлетворенно улыбнулась.

— Ну да. А что случилось с лягушками?

— В основном ничего плохого. Распрыгались по дворам и палисадникам по всей улице. У нас в том году было очень шумное лето, кваканье

стояло непрерывное.

— Ага. — Тесс закрыла глаза. — Спасибо, Крис.

— Не за что. Ты уже засыпаешь?

— Ага.

— Надеюсь, тебе шум ветра не слишком мешает?

— Могло быть и хуже. — Тесс впервые за весь день улыбнулась. — Если бы лягушки квакали.

Маргерит выслушала начало истории, стоя под дверью, потом отправилась в кабинет и включила настенный экран. Не для работы. Просто посмотреть.

На том участке UMa47/E, где сейчас находился Субъект, понемногу смеркалось. Субъект шел по узкому каньону прямо на заходящее солнце. Может, дело в освещении, но выглядел он совсем плохо. Он уже долгое время питался чем придется, в основном мшистой порослью, которая лепилась к камням повсюду, где имелись вода и тень. Маргерит подозревала, что мох этот не слишком питателен и что его, скорее всего, недостаточно для поддержания сил. Кожа Субъекта ввалилась и покрылась складками. Чтобы решить это уравнение, не нужно быть физиком: расход калорий слишком велик, приход слишком мал.

Небо темнело, появились первые звезды. Самая

большая была вовсе не звездой, а планетой — одним из двух газовых гигантов системы, UMa47/A, почти втрое больше Юпитера; этого размера хватало, чтобы на максимальном сближении различить планетный диск. Субъект остановился и повертел головой в разные стороны. Осматривается? Ориентируется по звездному небу?

Крис закрыл дверь спальни Тесс и, подойдя к кабинету, остановился на пороге.

— Не помешаю?

— Бери стул, я все равно не работаю.

— Темнеет, — заметил он, указав рукой на экран.

— Скоро Субъект ляжет спать. Крис, я понимаю, звучит дико, но я за него волнуюсь. Он так далеко от… да от всего. Здесь вообще нет никакой жизни, даже паразитов, чтобы сосать его по ночам.

— Это же хорошо?

— Ну, технически это вряд ли паразиты. Скорее здесь симбиоз, благоприятный для обеих сторон, иначе города бы ими не кишели.

— В Нью-Йорке полно крыс. Это не означает, что от них есть польза.

— Вопрос остается открытым. Но он явно нездоров.

— Рискует не дотянуть до Дамаска?

— До Дамаска?

— Не могу отделаться от мысли, что он вроде святого Павла по дороге в Дамаск. Ждет откровения.

— Боюсь, даже если он его получит, мы об этом не узнаем. Я надеялась на что-нибудь более заметное.

— Ну, тут я не эксперт.

— А кто эксперт? — Она отвернулась от экрана. — Спасибо, что помог уложить Тесс. Тебе еще не надоело рассказывать ей истории?

— Ничуть.

— Она эти твои… как она их называет? — истории про Порри очень любит. Я даже немного ревную. Ты так мало рассказываешь про свою семью.

— Тесс очень благодарный слушатель.

— В отличие от меня?

— Тебе уже не одиннадцать, — улыбнулся Крис.

— Тесс когда-нибудь тебя спрашивала, что стало с Поршей, когда она выросла?

— К счастью, нет.

— Отчего она умерла? — спросила Маргерит. И тут же поспешно добавила: — Прости, Крис. Знаю, что ты не хочешь об этом говорить. И это

совсем не мое дело!

Крис молчал. Господи, подумала Маргерит, я сделала ему больно.

Потом он произнес:

— Порша всегда была слишком своевольной. Университет она бросила, переехала на съемную квартиру, соседи были без постоянной работы, покуривали…

— Наркотики, — кивнула Маргерит.

— Не в наркотиках дело. С наркотиками она как раз справлялась, наверное, ее к ним не так уж и тянуло. А вот в людях разбиралась плохо. Порша переехала под Сиэтл, поселилась там в трейлере с каким-то парнем, у нас с ней почти не было связи. Она говорила, что его любит, но так ни разу и не согласилась дать ему трубку.

— Дурной знак.

— Все случилось, когда вышла моя книга про Галлиано. Я проезжал через Сиэтл в рамках турне по ее продвижению, позвонил Порри и договорился о встрече. Не там, где она живет — от этого она наотрез отказалась. Предложила где-нибудь в городе. Одна, без бойфренда. Сначала вообще отказывалась, а потом сама выбрала ресторан, и мы встретились. Приехала одетой в какое-то тряпье и в больших солнцезащитных очках. Как

раз таких, чтобы скрыть синяки.

— О нет!

— В конце концов Порри признала, что с дружком у них все не слишком-то хорошо. Зато она нашла работу и уже копит деньги, чтобы съехать. Сказала, чтобы я не беспокоился, что она сама во всем разберется.

— Он что, ее бил?

— Очевидно. Хотя она и упрашивала меня не вмешиваться: «Давай без этой херни, мол, я старший брат». Но я был всерьез занят тем, чтобы сделать мир лучше. Раз уж я сумел вывести на чистую воду самого Теда Галлиано, я что, буду терпеть подобные штучки от какого-то ковбоя в задрипанном трейлере? Я нашел адрес Порри в телефонном справочнике и отправился туда, пока она была на работе. Этот тип, конечно же, оказался дома. И вовсе не выглядел опасным. Рост метр семьдесят пять, на тощей правой руке роза вытатуирована. Вид такой, словно весь день хлестал пиво, а в перерывах пытался масло в машине поменять. Попытался было выступать, однако я просто прижал его к трейлеру, локтем под подбородок, и заявил, что, если он еще раз тронет Поршу хоть пальцем, будет иметь дело со мной. Тогда он стал извиняться, даже расплакал-

ся. Сказал, что не виноват, просто был выпивши, братан, сам знаешь, как оно бывает. Обещал за собой следить. Я развернулся и ушел, полагая, что сделал еще одно доброе дело. Когда уезжал, заехал в контору, где Порри работала, и оставил ей чек, чтобы было на что жить первое время, когда съедет. Через два дня мне позвонили из Сиэтла, из реанимации. Ее сильно избили, открылось внутричерепное кровотечение. Она умерла той же ночью. Бойфренд поджег свой трейлер и куда-то укатил на краденом мотоцикле. Насколько знаю, он до сих пор в розыске.

— Господи, Крис!.. Прости меня!

— Это ты меня прости. Не самая лучшая история перед сном. — Он легонько коснулся руки Маргерит. — У нее даже морали нет никакой, разве что «от херни никто не застрахован». И если тебе когда-то казалось, что я не слишком спешу встревать между тобой и Рэем…

— Я понимаю. И всегда ценила все, что ты делаешь. Только знаешь, Крис, с Рэем я как-нибудь справлюсь. С твоей помощью или без нее. Лучше, конечно, с твоей, но… Понимаешь?

— Ты хочешь сказать мне, что ты — не Порша.

В комнате было темно, если не считать вечерней зари на UMa47/E. Субъект уже улегся на

ночь. Над стенами каньона сияли созвездия, не имеющие названий. Во всяком случае, на земных языках.

— Я хочу сказать, что я — не Порша. И что предлагаю выпить чаю. Ты будешь?

Она взяла его за руку и отвела в кухню, где стекла были залеплены снегом, а чайник пел песню контрапунктом к завыванию ветра.

Двадцать пять

Когда в дверь позвонили, Сью Сэмпел еще не легла, хотя было почти три.

С учетом того, что снаружи бушевал буран, а внутри — запас нервной энергии, накопившейся за время налета на кабинет Рэя, о сне не могло быть и речи. Себастьян, слава богу, отправился наверх сразу после полуночи и сразу крепко-накрепко заснул. Сью взяла его книгу и свернулась калачиком. Книгу, да еще полный бокал персикового бренди.

Однако при повторном прочтении книга уже не казалась ей столь убедительной. Да, она написана отличным слогом и полна блестящих мыслей, однако стали заметней дыры и логические неувязки. Наверное, решила она, Элейн Костер именно это и оттолкнуло — жизнера-

достная страсть Себастьяна к самым дерзким гипотезам.

К примеру, Себастьян в своей книге объяснял: так называемый космический вакуум вовсе не то же самое, что отсутствие материи, а сложное месиво виртуальных частиц, появляющихся и исчезающих слишком быстро, чтобы успевать взаимодействовать с обычным веществом. Что-то подобное Сью помнила из лекций по физике на первом курсе. В своих утверждениях о том, что локальные неоднородности квантового вакуума отвечают за «темную материю» Вселенной, автор, как подозревала Сью, уже несколько отдалился от общепринятых научных воззрений. А его основную идею — что темная материя представляет собой призрачную нейронную сеть, обитающую в квантовом вакууме, — всерьез не принимал уже вообще никто, не считая самого Себастьяна.

Однако Себастьян не был физиком и никогда не объявлял себя таковым. Припертый к стенке, он признавал, что его идеи представляют собой «заготовки» или «предположения» и что их не следует трактовать буквально. Сью это понимала, однако ей бы очень хотелось, чтобы было по-другому: чтобы теории Себастьяна были прочными, как дома, прочными настолько, чтобы служить

убе- жищем.

Правда, сегодня не казался прочным даже собственный дом. Ветер положительно сошел с ума, а снег валил так, что пейзаж за окном больше походил на картинку, которую БЭК-кольца передают с планеты, совершенно непригодной для жизни. Сью еще глубже зарылась в подушки дивана, глотнула бренди и прочитала: «Жизнь развивается, проникая в уже существующие ареалы и используя уже существующие силы природы. Законы аэродинамики оставались латентны во вселенной до тех пор, пока их не «открыли» птицы и насекомые. Аналогичным образом и человеческое сознание не развилось «с нуля», а явилось результатом того, что биология оказалась готова воспринять скрытые законы универсальной математики…»

Эта мысль нравилась Сью больше всего: люди есть часть чего-то большего, часть чего-то такого, что вот здесь проявилось в форме Сью Сэмпел, а вон там — в форме Себастьяна Фогеля, и каждый из них по-своему уникален, но при этом соединяется с другим, подобно двум горным пикам, вырастающим из одной и той же планеты. А иначе, думала она, кто мы такие — просто заблудившиеся животные? Изгнанные из материнской

утробы, ничего не понимающие, обреченные на смерть.

Звонок в дверь заставил ее подпрыгнуть. Домашний сервер догадался приглушить звук, однако на вопрос, кто пришел, отозвался: «Неизвестный посетитель». Сью почувствовала холод в желудке. Гость не значился в ее списке регулярных визитеров.

Рэй Скаттер, подумала она. Да и кто еще? Элейн ее предупреждала, что подобное может произойти. Рэй всегда был импульсивен, а с начала карантина сделался импульсивней прежнего, быть может, даже настолько, чтобы пробиться сквозь буран и заносы к ее дверям в три часа ночи. Он уже должен был видеть массовую рассылку от Элейн. И знал (хотя и не факт, что смог бы доказать), что это Сью обманом скопировала документы из его стола. Рэй, наверное, в гневе. Хуже того, в ярости. И поэтому опасен.

Не стоило ей столько пить, подумала она. Хотела ведь просто уснуть поскорее, тем более что запасы травы кончились еще месяц назад. С точки зрения Сью, наркотики и алкоголь можно было сравнить с мужчинами, и самое приятное — свидание с каннабисом. Элегантный кокаин любил стильно одеваться и не хотел сидеть дома,

однако тот же кокс мог или демонстративно бросить ее посреди вечеринки, или своей назойливостью не дать уснуть до самого утра. Алкоголь обещал веселье, которое на поверку оказывалось разочарованием; это назойливый парень в кричаще-яркой рубашке, у которого пахнет изо рта. А вот каннабис… он мягко обнимал и предлагал заняться любовью. Каннабис обожал мороженое и телевизор. Она по нему скучала.

В дверь позвонили еще раз. Сью выглянула в окно — разумеется, внизу между сугробов стояла темно-синяя машинка Рэя, и, похоже, у нее прекрасный двигатель, иначе ей было бы не пробиться сквозь снег.

Звонки продолжались, хотя сервер практически убрал звук.

Разумеется, можно было не обращать внимания. Но чего ей бояться? Что он может ей сделать? Наорать? Вообще-то я уже не ребенок, подумала она. Как-нибудь справлюсь. Лучше уж побыстрей от него отделаться.

Сью прикинула, не разбудить ли Себастьяна, и решила, что не стоит. При всех своих достоинствах бойцом Себастьян не был. Она и сама справится.

И все же она зашла на кухню и взяла с полки

нож — так, на всякий случай. Почувствовав себя полной идиоткой — нож ей был нужен скорее в качестве эмоциональной поддержки, чтобы казаться смелой, — Сью убрала его за спину. И открыла дверь — в конце концов, здесь Слепое Озеро, безопаснейшее место на поверхности Земли, пусть даже твой начальник сильно на тебя злится.

Рэй в длинной черной куртке стоял перед ней в желтом свете лампы. Ветер взъерошил ему волосы и украсил их снежинками. Губы его были плотно сжаты, глаза сверкали. Сью встала посреди дверного проема, готовая отскочить назад и захлопнуть дверь, если возникнет необходимость. Холодный ветер ворвался в дом. Она сказала:

— Рэй…

— Ты уволена, — объявил он.

Сью недоуменно моргнула.

— Что?

Его голос был ровным и бесстрастным, губы словно застыли в усмешке.

— Я знаю, что ты сделала. И пришел сообщить, что ты уволена.

— Я уволена? И вы приехали сюда сейчас, чтобы сказать мне, что я *уволена*?

Перебор!.. Нервное напряжение накопилось в ней, подобно электрическому заряду, а развязка всего этого была столь смехотворной — Рэй увольняет ее с работы, которая давным-давно стала бессмысленной и никому не нужной, — что Сью едва удержала на лице серьезный вид.

А дальше? Он ее что, из Слепого Озера выгонит?

И вдруг она почувствовала, что охватившее ее веселье сейчас совершенно необходимо удержать при себе.

— Послушайте, Рэй, прошу меня извинить, сейчас слишком поздно…

— Да заткнись ты уже! Ты — обычная воровка! Я все знаю про документы, которые ты украла. И про то, другое, тоже!

— То, другое?

— Тебе что, картинку нарисовать? Пирожное!

«Динь-Дон».

Это оказалось последней каплей. Не в силах больше сдерживаться, Сью рассмеялась — сначала сдавленно хихикнула, но тут же расхохоталась во весь голос. Господи, «Динь-Дон» — эрзац-тортик на день рождения Себастьяну… Какой-то сраный «Динь-Дон»!

Она все еще хохотала, когда Рэй вцепился ей

в глотку.

Себастьян никогда не жаловался на сон.

Он всегда быстро засыпал и никогда не торопился просыпаться. За всю его преподавательскую карьеру ничего не было хуже утренних лекций. Да, монах из него вышел бы никудышный. Неспособный хранить безбрачие и постоянно опаздывающий к заутрене.

Его не разбудил ни дверной звонок далеко внизу, ни последовавший за этим шум. Он проснулся, услышав, как кто-то шепчет его имя.

Или это просто ветер? Завернутый в кокон из одеял, Себастьян открыл глаза в кромешной тьме, прислушался, но не услышал ничего, кроме рыдания ветра в водосточных трубах. Потянувшись рукой туда, где должна была спать Сью, он обнаружил, что с той стороны кровати холодно и пусто. Обычное дело: Сью часто страдала бессонницей. Он снова закрыл глаза и вздохнул.

– *Себастьян!*

Голос Сью. Она в комнате и, похоже, чем-то напугана.

Он стряхнул с себя остатки сна, как мокрая собака стряхивает воду. Потянулся к ночнику и чуть его не уронил. Вспыхнул свет.

В дверях спальни стояла Сью. Она держалась

одной рукой за низ живота и была вся бледная и в поту.

— Сью! Что случилось?

— Он меня ранил, — ответила Сью и подняла руку, чтобы он мог увидеть кровь на ночной рубашке, кровь, уже образовавшую лужу у нее под ногами.

Двадцать шесть

В те часы, когда он не присматривал за Оком, Чарли Гроган жил в небольшой квартирке с единственной спальней в двух кварталах к северу от «Плазы».

Сам Чарли ночевал в спальне, а его старый пес Бумер — на куче простыней в углу кухни. Звонок разбудил обоих, но первым на ноги вскочил Бумер.

Чарли вынырнул из глубин какого-то странного сна — ему снился Субъект, — взял карманный сервер и установил связь с домофоном.

— Кто там?

— Рэй Скаттер. Прошу меня извинить, я знаю, что уже поздно. Не хотел вас тревожить… У меня срочное дело.

Рэй Скаттер, внизу в вестибюле, а за окном — самый страшный буран за всю зиму. И среди ночи.

Чарли покачал головой. Мыслить трезво он сейчас не был готов. Поэтому просто сказал:

— Ладно, заходите.

И дал команду открыть замок.

К тому моменту, как Рэй поднялся наверх, он успел натянуть футболку, штаны и носки. Бумера эта вспышка ночной активности сильно возбудила, и Чарли пришлось дать ему команду утихомириться. Обнюхав колени гостя, Бумер неохотно поплелся прочь.

Чарли знал главу администрации в лицо, но до сегодняшней ночи ни разу не беседовал с ним с глазу на глаз. Вчерашнего выступления Рэя в клубе он тоже не видел, хотя и слышал, что оно оказалось крайне неудачным. Хотя Чарли не стал бы за такое судить: он и сам терпеть не мог публичных выступлений и отлично знал, насколько легко бывает впасть в ступор за кафедрой.

— Вешайте куртку в шкаф, — предложил Чарли. — И присаживайтесь.

Рэй не сделал ни того, ни другого.

— Я ненадолго, — сказал он. — И надеюсь, что вы тоже отправитесь со мной.

— Это почему?

— Понимаю, как странно все звучит. Мистер Гроган… вас же зовут Чарли, верно?

— Так меня и называйте.

— Чарли, я пришел, чтобы попросить вас о помощи.

Что-то в голосе Рэя встревожило Бумера, с кухни донесся жалобный взвизг. Чарли был больше обеспокоен внешним видом шефа: костюм измят, волосы взъерошены, на лице, похоже, свежие царапины.

Про Рэя Скаттера ходили самые разные слухи, которые в сухом остатке сводились к тому, что он никудышный менеджер и к тому же редкостный мудак. Впрочем, Чарли подобным слухам не доверял, пока сам не удостоверится. И потом, начальство есть начальство.

— Чем я могу вам помочь, мистер Скаттер?

— У вас, насколько я понимаю, абсолютный допуск ко всем объектам в Глазной Впадине?

— Да, только какое…

— Я хотел бы совершить экскурсию.

— Прошу прощения?

— Понимаю, что просьба необычная. И что сейчас четыре утра. Но мне нужно принять определенное решение, Чарли, и я не могу этого сделать, лично не проинспектировав комплекс.

— Сэр, — возразил Чарли, — я вам ни к чему. Там сейчас дежурит ночная смена. Я просто по-

звоню Энн Кос- тиган…

— Не надо никому звонить. Я не хочу, чтобы кто-то знал, что я туда направляюсь. Поедем только вы и я, незаметно пройдем по комплексу и увидим то, что увидим. Если кто-нибудь пожалуется — если Энн Костиган пожалуется, — ответственность я беру на себя.

Ну хоть так, подумал Чарли, поскольку ответственность за такое *действительно* была на Рэе. Он неохотно снял с крючка в коридоре зимнюю куртку.

Бумера такой оборот событий не слишком обрадовал. Он опять заскулил и побрел в спальню — вероятно, погреться в постели Чарли. Если уж Бумеру выдавался случай, то он его не упускал.

Поехали в машине Рэя, маленьком приземистом автомобильчике, недурно оснащенном на случай плохой погоды. Он вполне справлялся с заносами, поскольку микропроцессоры управляли каждым колесом по отдельности, находя сцепление с дорогой даже там, где его не было в принципе. И тем не менее продвигались медленно. Снег валил сплошной стеной, дворники едва успевали очищать лобовое стекло. В непрозрачном пространстве-времени единственными ориентирами служили уличные фонари — свечи,

проносящиеся мимо в темноте с регулярностью метро- нома.

В закрытой кабине от Рэя довольно сильно пахло. От его пота отдавало уксусом, в неприятном смысле, а поверх этого чувствовалась странная медная нотка, запах той разновидности, которую ощущаешь зубами. Чарли всю дорогу прикидывал, есть ли вариант приоткрыть окно посреди бурана, но так, чтобы Рэй не обиделся.

По пути Рэй делал отдельные замечания. Назвать это беседой было нелегко, поскольку Чарли-то сказать было нечего. В какой-то момент он предложил:

— Мистер Скаттер, если вы мне расскажете, что именно хотите найти в Глазной Впадине, я бы, наверное, облегчил вашу задачу.

Рэй лишь покачал головой.

— Я вам доверяю, — сказал он, — и понимаю, чем вызвано ваше любопытство, но сказать больше сейчас не имею права.

Поскольку с начала карантина Рэй был более или менее начальником всего Слепого Озера, Чарли подумал, что уж говорить-то он имеет право все, что захочет. Однако настаивать не стал. Он понял, что побаивается Рэя Скаттера, и вовсе не потому, что тот — глава администрации.

Просто от его поведения становилось не по себе.

Пятна на его куртке и брюках, подумал Чарли, напоминают засохшую кровь.

— Вы давно работаете с БЭК-кольцами? — спросил его Рэй.

— Да, сэр. Со времен «Дженкорпа». Собственно, я был знаком с доктором Гуптой еще по Беркли.

— Вы когда-нибудь задумывались, Чарли, о том, что именно мы разбудили, построив Око?

— Прошу прощения?

— Ну, когда мы создали это долбаное огромное математическое фазовое пространство и населили его саморазмножающимся кодом?

— Можно, конечно, и так назвать…

— В природе нет ни одного явления, которое нельзя было бы описать математически. Все вокруг — уравнения, Чарли, включая вас и меня. Мы просто скромные индивидуальные цепочки вычислений, вода и минералы, исполняющие код, которому миллионы лет.

— Как-то вы мрачно смотрите на вещи.

— Сказала обезьянка, почувствовав, что дело плохо.

— Прошу прощения?

— Нет, ничего. Это я прошу прощения. Немного не выспался.

— Прекрасно вас понимаю, — согласился Чарли, хотя сна у него сейчас не осталось ни в одном глазу.

Каким-то образом Рэю удавалось держаться на дороге. Чарли испытал сильное облегчение, когда слева наконец появилась будка охранника. Интересно, кому не повезло схлопотать дежурство в такую ужасную ночь — вернее, было уже утро. Оказалось, что Нэнси Саид. Просканировав пропуск Чарли, она с видимым удивлением обнаружила в машине Рэя Скаттера. Нэнси раньше служила в морской пехоте; увидев начальника, она чуть было ему не отсалютовала.

Через несколько секунд Рэй припарковал машину у самого входа. Хорошо приходить на работу пораньше — парковка свободна.

Чарли провел Рэя в свой кабинет, где они сняли куртки. Ему довелось устроить уже достаточно экскурсий для высокопоставленных гостей, чтобы выработать соответствующую процедуру. Сначала подготовка и инструктаж в кабинете, потом собственно прогулка. Однако сегодняшняя экскурсия отличалась от обычного цирка. И очень серьезно.

— Я как-то встретил здесь вашу дочь, — заметил Чарли.

Рэй наклонил голову, словно охотничий пес, почуявший запах дичи:

— Тесса была здесь?

— Ну… она заглянула, чтобы посмотреть, как все работает.

— Одна?

— Мама потом ее забрала.

Рэй скривился.

— Хотел бы я сейчас сказать, Чарли, что горжусь своей дочерью. Увы, не могу. Во многих отношениях она — дитя своей матери. Когда играешь в генетическую рулетку, есть риск проиграть. У вас дети есть?

— Нет, — ответил Чарли.

— И правильно. Хромосомами делиться не следует. Занятие для неудачников.

— Сэр, — выговорил Чарли, изо всех сил пытаясь не вытаращить глаза.

— Что ей было нужно, Чарли?

— Вашей дочери? Просто посмотреть.

— У Тесс имеются эмоциональные проблемы. Безумие бывает заразительно.

Тогда тебе самому давно пора провериться, подумал Чарли.

— Чего только не случается, — сказал он вслух, стараясь не сбиться с дружеского тона. — Снимай-

те пока обувь и надевайте вот эту, одноразовую. Я сейчас вернусь.

— Куда вы?

— В туалет, — ответил Чарли.

Он отошел по коридору подальше, чтобы не вызвать подозрений. Свернув за угол, сразу же ткнул пальцем в карманный сервер и попросил его вызвать Табби Менковиц из секьюрити. Она почти мгновенно взяла трубку.

— Чарли? До восхода еще час — что ты здесь делаешь?

— Похоже, Таб, у нас проблемы.

— У нас множество проблем — какую выбрал ты?

— Рэй Скаттер у меня в кабинете и хочет выйти на экскурсию по объекту.

— Издеваешься?

— Хотелось бы, чтобы так.

— Скажи, что мы назначим ему время. Сейчас мы слишком заняты.

— Таб, как это я ему заявлю… — До него наконец дошло. — Чем заняты?

— Ты не знаешь? Спроси у Энн. Может, и хорошо, что ты здесь. Насколько я в курсе, БЭК-кольца выдают какие-то необычные числа, а департамент наблюдения отчего-то в полном восторге…

я, сам понимаешь, не по этой части. Все, что я знаю: народ слишком занят для того, чтобы играть сейчас в политику с администрацией. Так что пускай мистер Скаттер обождет.

— По-моему, он не в том настроении, чтобы ждать. Он…

— Чарли! Я тоже занята, понимаешь? Попробуй сам справиться.

Чарли поспешил обратно в кабинет. С БЭК-кольцами происходит что-то необычное, и ему срочно надо вниз, чтобы разобраться самому. Однако проблемы следует решать в порядке возникновения.

В кабинете никого не оказалось.

Рэя не было. Не было и его собственного пропуска, который кто-то снял с лацкана куртки, висящей на крючке.

— Черт, — пробормотал Чарли.

Он опять вызвал Табби Менковиц, но на этот раз дозвониться не смог. И вообще с карманным сервером что-то было не так.

Чарли все еще ковырялся в сервере, когда пол под ногами дрогнул.

Двадцать семь

Крис вынырнул из черного сна без сновидений, когда зачирикал его карманный сервер — тот лежал на прикроватной тумбочке и сейчас светился, словно люминесцентный карандаш. Прежде чем нажать на кнопку ответа, Крис бросил взгляд на встроенные часы. Четыре утра. Поспать удалось всего около часа. Снаружи буран еще продолжал глодать шкуру дома.

Звонила Элейн Костер. Она сказала, что находится в клинике Слепого Озера вместе со Сью Сэмпел и Себастьяном Фогелем. Сью ударили ножом. Ударил Рэй Скаттер.

— Вам всем тоже стоит сюда приехать — если, конечно, получится добраться в такую погоду. Я не в том смысле, что все ужасно — Сью будет жить; между прочим, она как раз про вас спрашивает, — только мне кажется, что нам лучше какое-то время держаться вместе.

Маргерит беспокойно заворочалась под одеялом.

— Постараемся приехать как можно быстрее.

Он разбудил Маргерит и сообщил ей, что случилось.

За рулем сидел Крис. Маргерит уселась сзади

рядом с Тесс, которая проснулась очень неохотно и еще не знала, что сделал ее отец. Маргерит и не собиралась ей говорить, во всяком случае сейчас. Тесс и так хватает стресса.

Всю дорогу, пока голова Тесс покоилась у нее на коленях, пока снег лип и лип к стеклам машины, она думала про Рэя.

Она его недооценила.

Ей и в голову не приходило, что Рэй позволит себе опуститься до физического насилия. Даже сейчас воображение отказывало. Рэй с ножом в руках. Крис сказал про нож. Рэй с ножом в руках наносит удар. Вонзает нож в тело Сью Сэмпел.

— Знаешь, — сказала Маргерит Крису, — я только раз в жизни падала в обморок. Из-за змеи.

Крис изо всех сил выкрутил руль — они поворачивали за угол рядом с пассажем. Машину занесло, микропроцессоры замигали огоньками, сигнализируя о потере сцепления с дорогой, потом она выровнялась.

— Мне было семь лет, — продолжала Маргерит. — Выхожу летним утром из дома, а на ступеньках крыльца греется на солнце змея. Большая, яркая и блестящая на фоне деревянных ступенек. Слишком большая и слишком блестящая. Я и подумала, что она искусственная

— кто-то из соседских детей подкинул, чтобы меня разыграть. Так что я через нее перепрыгнула. Три раза. На случай, если кто-нибудь смотрит — мол, меня так просто не одурачишь. Змея ни разу не шевельнулась, и я пошла себе в библиотеку, ни о чем таком не задумываясь. А когда вернулась домой, папа сказал, что утром убил на крыльце гремучую змею. Что она заползла на ступеньки и ему пришлось разрубить ее пополам лопатой. Он сказал, что змея оказалась сонная, потому что было еще прохладно, но вообще такая змея нападает стремительно, словно молния, а яда у нее достаточно, чтобы убить лошадь. — Она взглянула на Криса. — Вот тогда я и упала в обморок.

Через двадцать минут они добрались до клиники. Крис припарковал машину под бетонным козырьком у входа, заехав двумя колесами на тротуар. Элейн Костер встретила их в приемной. Себастьян Фогель находился там же — он скрючился в кресле, охватив руками голову.

Элейн строго посмотрела на Маргерит.

— Сью хочет вас видеть.

– *Меня?*

— Рана более или менее поверхностная. Сью зашили и дали успокаивающее. Медсестра сказала, что она должна была сразу уснуть, но пять минут

назад Сью еще бодрствовала. Когда я упомянула, что вы вот-вот подъедете, она сказала: «Я хочу поговорить с Маргерит».

Господи, подумала Маргерит.

— Я вас провожу.

Крис пообещал присмотреть за Тесс, которая проявила сонный интерес к игрушкам в приемном покое.

— Заходите, дорогая, — сказала Сью. — Я сейчас слишком слабая, чтобы кусаться.

Маргерит бочком прошла в комнату.

Палата Сью была всего на одну дверь дальше бокса, где лежал в коме Адам Сэндовал — пилот упавшего на Слепое Озеро сбитого самолета. Сью была очень бледна и выглядела сейчас гораздо старше своих сорока с чем-то лет. Однако смогла улыбнуться.

— Честное слово, все не так плохо, как кажется. Я потеряла немного крови, но нож не задел ничего важного, только то, что доктор Голдхар обозвал «жировой тканью». Похоже, любовь к десертам меня спасла. Как того персонажа в кино, который получил бы пулю прямо в сердце, не носи он Библию в нагрудном кармане. Тут рядом с койкой есть стул. Не хотите присесть? Мне тяжело смотреть на вас снизу вверх.

Маргерит торопливо села.

— Вам, наверное, очень больно?

— Уже нет. Меня по уши накачали морфием. Или чем-то вроде того. Сестра сказала, что люди от этого хотят спать, но у меня «нехарактерная реакция». В том смысле, что мне хочется сидеть и болтать. Как по-вашему, наркоманы чувствуют то же самое? Я имею в виду — когда под кайфом?

— Поначалу, быть может.

— То есть это ненадолго? Скорее всего, вы правы. Ощущение такое, как от карточного домика — что вечно он не простоит. Эйфория, за которую придется расплачиваться… По крайней мере, можно наслаждаться, пока она не кончилась.

«Все может кончиться в любую минуту», — подумала Маргерит.

— У меня не хватает слов, чтобы сказать, как я за вас переживаю.

— Спасибо, но переживать тут нечего. На самом деле это я вам благодарна, что вы все сюда добрались в такую погоду.

— Когда я узнала, что Рэй… что он вас ранил…

— И что с того?

— Я хочу попросить у вас прощения.

— Этого я и боялась. И именно поэтому хотела с вами поговорить.

Сью нахмурилась, и ее лицо сделалось еще бледнее.

— Я не очень хорошо вас знаю, Маргерит, но мы ведь с вами вроде никогда не ссорились?

— По-моему, нет.

— В таком случае могу я позволить себе небольшую фамильярность? — Ответа она дожидаться не стала. — Такое чувство, что с мужчинами у меня опыта побольше, чем у вас. Не в том смысле, что мой опыт чем-то лучше, просто его больше. И не в том, что я потаскуха, а вы девственница, просто мы по разные стороны нормального распределения, если вы меня понимаете… Ох, извините, голова кружится… Сейчас уже перейду к делу. Один из уроков, который я извлекла из своего опыта, заключается в том, что вам не следует принимать на себя ответственность за мужские поступки. Тем более если вы уже прогнали его, потому что он козел. Поэтому пожалуйста, *пожалуйста*, не нужно просить прощения. Рэй не питбуль, которого вам следовало держать на коротком поводке. Он полностью отвечает за свое поведение. И целиком и полностью — *вот за это*.

Она указала на повязку, выпирающую из-под тонкого покрывала.

— Хотела бы, чтобы у меня была возможность его остановить, — сказала Маргерит.

— И я хотела бы. Но такой возможности у вас не было.

— Я думаю…

— Нет, Маргерит. Нет. В самом деле. У вас *не было* возможности.

Пожалуй. И тем не менее она систематически недооценивала, насколько Рэй безумен. Она перепрыгнула через змею сотню раз, тысячу, и хранила ее все это время лишь дурацкая наивность.

Он мог ее убить. Сью вот чуть не убил.

— Хорошо… тогда я просто скажу, что очень за вас переживаю.

— Да, и спасибо вам за это. Я и с Крисом хотела поговорить, только, знаете, кажется, я в самом деле начинаю засыпать. — Ее веки наполовину закрылись. — Я чувствую тепло и… как бы выразиться… пророческость.

— Пророческость?

— Когда хочется пророчествовать. Вроде дельфийского Оракула. И сейчас вам всего напредсказываю, если только на полпути не засну. Я чувствую, как меня наполняет мудрость и что вроде как все будет в порядке — в конце концов.

Это, наверное, из-за морфия. Крис — он хороший. И у вас с ним все получится. Потому что он всегда очень старается, даже когда этого не видно. Ему нужно лишь поднять самооценку. Нужно, чтобы вы ему доверяли, и нужно, чтобы он это доверие оправдал…

Маргерит смотрела на нее, не в силах вымолвить ни слова.

— А теперь, — объявила Сью, совершенно белая на фоне слегка сероватых простыней, — мне и правда пора спать.

Она закрыла глаза.

Маргерит сидела неподвижно, пока дыхание Сью не сделалось ритмичным. Потом на цыпочках вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

Сью сегодня ее поразила. Как и Рэй — только он в гораздо худшую сторону. Если уж я даже в людях настолько не разбираюсь, думала Маргерит, как я могу претендовать на то, что понимаю Субъекта? Быть может, Рэй прав и ее выступление про рассказы было абсурдом, чушью, детским садом?

В кармане задребезжал сервер — сообщение из Ока с пометкой «срочно». Маргерит нажала на кнопку, ожидая очередную порцию плохих новостей.

Пришло текстовое оповещение из отдела ви-

деозаписи. Оно гласило: «Немедленно к экрану!»

— Насколько я понимаю, — сказал Крису Себастьян Фогель, — рана не такая серьезная, как мне сперва показалось. Честное слово, сначала я думал, что Сью сейчас умрет. Но по дороге в клинику она вообще не закрывала рта.

Себастьян сегодня выглядел особенно хрупким, его округлое тело с трудом вписывалось между ручками узковатого больничного кресла. Элейн Костер с мрачным видом сидела с противоположной стороны приемного покоя, а Тесс без особого энтузиазма возилась с игрушками, предназначенными для детишек значительно младше ее. Девочка двигала целый паровозик из цветных бусинок по изогнутому стержню. Когда бусинки скатывались с горки в яму, они негромко постукивали друг о дружку.

— Сью хотела обсудить мою книгу, — продолжал Себастьян. — Можете себе представить? Хотя ей было очень больно.

— Очень мило с ее стороны, — едко заметила Элейн. — Вероятно, вы чувствовали себя польщенным.

Похоже, Себастьяна это задело всерьез.

— Я был вне себя от ужаса!

— Тогда к чему вы это сейчас рассказываете?

— Элейн, мы не знали, выживет ли она. Она спрашивала меня, действительно ли бог существует, тот бог, о котором я писал в своей книге. «Из которого происходит наше сознание, и к которому оно возвращается». Она меня *цитировала*!

— И что вы ей ответили?

— Наверное, мне следовало солгать. Но я сказал, что не знаю.

— Как она отреагировала?

— Она мне не поверила. Решила, что я скромничаю. — Он посмотрел на Элейн, перевел взгляд на Криса. — Да черт бы побрал эту сраную книгу! Этот кусок дерьма! Естественно, я ее написал ради денег. Да и денег тех было не так уж и много. Третьесортное издательство предложило скромный аванс. Никто не ожидал, что книга так выстрелит. Мне и в голову не могло прийти, что люди ее воспримут как символ веры. В лучшем случае это научная фантастика с теологическим уклоном. Игра ума.

— Иными словами, ложь, — кивнула Элейн.

— Да, да — вот только ложь ли это на самом деле? В последнее время…

— Что — в последнее время?

— Как объяснить… Мне стало казаться, что мной руководило вдохновение. Знаете ли вы ис-

торию слова «вдохновение»? Пневма, священное дыхание, дыхание жизни, божественное дыхание? Дыхание бога? Быть может, что-то говорило *посредством* меня?

— По-моему, у вас совсем крыша поехала, — сказала Элейн, однако, как заметил Крис, тише и не столь презрительно.

Себастьян покачал головой.

— Элейн, вы хоть знаете, почему ваш цинизм меня не ранит? Потому что я его разделяю. Если я когда-то и верил в существование бога, то перестал вскоре после того, как избавился от прыщей. Назовите мою книгу херней собачьей, я и слова против не скажу. Помните, вы предсказали, что я напишу продолжение? В точку! Я подписал договор за неделю до того, как отправиться в Кроссбэнк. «Мудрость & квантовый вакуум». Вам смешно, да? Но, господи, вы бы знали, какие мне предложили деньги! Просто за то, чтобы записать наукообразным языком несколько безвредных афоризмов. Кому от этого хуже? Да никому! И мне в первую очередь. Моя академическая карьера окончена: какой бы то ни было авторитет, который был у меня как у исследователя, смыло в унитаз одновременно с выходом первого тома. Оставалось доить ту корову, которая есть.

Однако…

Себастьян замолчал. Элейн пересекла зал и села напротив него.

Крис смотрел, как Тесс играет с грубо выпиленным из дерева автомобилем. Вряд ли девочка слушала.

— Однако? — напомнила Элейн.

— Однако… как я уже сказал, я почему-то начал задумываться… начал *верить* в это, просыпаясь по утрам. Верить всем сердцем, так же сильно, как верю в собственное существование.

— Верить во что? В то, что вы пророк?

— Да какой я пророк? Нет, я просыпаюсь и думаю, что набрел на истину. Сам того не желая. На фундаментальную истину.

— Какую еще истину, Себастьян?

— Что внутри происходящих во Вселенной физических процессов что-то живет. Необязательно то, что создало Вселенную. Может быть, оно ее изменяет. Но главным образом просто живет. Пожирая прошлое, испражняясь будущим.

Тесс с любопытством на него посмотрела, потом откатила машинку чуть подальше.

— Знаете ли, — кашлянула Элейн, — примерно то же самое происходит на последней стадии шизофрении. Когда начинаешь всерьез обращать

внимание на голоса в собственной голове.

— Может, я и сошел с ума, Элейн, однако я не идиот. И в состоянии отличить явь от галлюцинации. Поэтому я и спросил себя: вдруг Рэй Скаттер прав и Слепое Озеро действительно поражено заразным безумием? Это многое объяснило бы, не так ли? Это объяснило бы карантин. Объяснило бы и поведение самого Рэя. Объяснило бы, почему Сью сейчас в больничной палате с ножевым ранением в живот.

И Зеркальную Девочку тоже, подумал Крис.

Он поискал глазами Тесс, обеспокоенный, что она расслышала последнюю реплику про своего отца, но оказалось, что Тесс бросила деревянную машину рядом с дверью, на которой красовалась надпись: «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», и скрылась в коридоре.

Он вскочил на ноги и позвал ее по имени. Ответа не было.

Когда Тесс открыла дверь в комнату, где спал мужчина, она надеялась найти там маму.

Сначала она подумала, что в комнате никого нет. Свет внутри не горел, но, стоя в открытой двери, можно было различить кровать, окно, беззвучно мигающую огоньками медицинскую аппаратуру, скелетообразную стойку капель-

ницы. Тесс уже хотела выйти, когда спящий мужчина произнес:

— Эй! Не уходи.

Она заколебалась.

Спящий мужчина неподвижно лежал на кровати, но, получается, не спал. Голос его звучал дружелюбно. Хотя голос бывает обманчив.

— Не бойся, — сказал мужчина.

У него небольшой акцент, заметила Тесс. Каким-то образом это означало, что он не такой уж и страшный.

Она сделала шажок внутрь.

— Вы — человек из самолета?

— Точно. Из самолета. Меня зовут Адам. Рифмуется с «мадам». — Голос у него был как у старика, медленный и хриплый, и еще немного сонный. — Пятнадцать лет пилотского стажа; летал в основном по выходным. У меня свой хозяйственный магазин в Лавленде, штат Колорадо. Адам Сэндовал. Человек из самолета. Это я. А тебя как зовут?

— Тесса.

— И мы в Слепом Озере?

— Да.

— Судя по звуку, снаружи холодно?

— Снег идет. Это вы слышите, как ветер в окно

снегом бьет.

— Видимость низкая, — задумчиво протянул Адам Сэндовал, словно разгоняя самолет по воображаемой взлетной полосе.

— Вы сильно поранились? — спросила Тесс.

— Не знаю. Ничего не болит. Я даже не уверен, что очнулся. Ты мне, часом, не снишься, Тесса?

— По-моему, нет.

Она подумала о том, что этот человек сделал. Буквально свалился на них с неба. Как Дороти. Ураган принес его в Слепое Озеро.

— Как оно там, снаружи?

— Ты сама сказала, что снег идет. И, похоже, ночь.

— Нет, снаружи Слепого Озера.

Пилот умолк. Чувство было такое, что он копается сейчас в ящике, полном воспоминаний, и совсем не уверен, что найдет внутри.

— Взлететь в тот день было очень сложно. Аэропорты заняла Национальная гвардия, даже местные. Все были обеспокоены морскими звездами. — Он умолк. — Звезда в Кроссбэнке забрала мою жену. Или, может быть, правильнее — моя жена туда забралась.

У Карен — моей жены — шесть лет назад диагностировали рак шейки матки. Который нельзя

было вылечить из-за отклонения в иммунной системе. Лекарство убило бы ее еще быстрее болезни. Так что ее прооперировали, и ей нужно было каждые четыре часа пить горсть таблеток, чтобы подавить метастазы. Тогда спокойно живи еще хоть двадцать лет. Подумаешь, глотай время от времени то одни, то другие капсулы, тоже мне проблема. Но Карен говорила, что от таблеток ее тошнит — это правда, она постоянно в туалет бегала, даже из дома толком выйти не могла, — а после операции ее силы покинули, и она стала чувствовать себя старухой, и, наверное, плюс ко всему еще и клиническая депрессия, она ведь скорее себя печальной чувствовала, чем больной, все время печальной.

— Мне ее очень жалко, — сказала Тесс.

— Она постоянно смотрела видеопанель, когда оставалась дома одна. Поэтому когда в Кроссбэнке появилась морская звезда, она про нее узнала прямо из телевизора. А потом еще велела мне распечатать журналы.

— Я была в Кроссбэнке, — объявила Тесс. — Год назад. Там не было никакой звезды.

— Это уже потом. Поначалу и фотографий-то почти не было. Их не разрешали публиковать. Но одно любительское видео все равно разошлось по

сети, а потом появилась еще звезда, в Джорджии, и весь мир узнал: что-то происходит. Хотя никто и не знал, что именно. Нашлись умники в конгрессе, предложили, не медля ни минуты, сбросить на них атомные бомбы. Карен от этой мысли в ужас пришла. Спаси Господи, ей-то казалось, что они прекрасны!

— Кто прекрасны?

— Морские звезды. Особенно та, которая в Кроссбэнке. Взять только размер — это ведь самая большая и самая совершенная вещь, которую ты когда-либо видел, и сделана вроде как из перламутра: гребни, арки радугой переливаются. Любому было ясно: штука совсем необычная. Причем некоторые решили, что вещь святая, а остальные — что это одновременно 666 и четыре всадника. Карен была из первых, я — из вторых. Наверное, если у тебя депрессия, такая штука может вселить надежду на спасение. Но если тебе ничего не нужно, только бы живым остаться и вернуть прежнюю жизнь, то это, само собой, лишь угроза и помеха.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Это просто надо видеть. Особенно большую звезду, которая в Кроссбэнке выросла, где раньше телескоп был. Карен все сильнее и сильнее

возбуждалась, когда смотрела все это по сетям: кругом солдаты, дороги перекрыты, и разные страны требуют сообщить, что мы там за чертовщину у себя учинили, опасная она или нет. А никто, само собой, и понятия не имеет. Знаешь, что меня больше всего в Карен удивило? Энергия, которая у нее вдруг появилась — у женщины, которая полгода с дивана не слезала. Она уже и вес успела набрать, несмотря на тошноту и таблетки, а тут вдруг мгновенно оживилась. Даже и не знаю — может, она до того свои таблетки просто выбрасывала? Ей, похоже, было все равно, останется она жить или умрет, обычное в таких случаях дело. Внешне она — ни сном ни духом, а сама прямо на уши встала, когда правительству пришлось признать, что потеряло несколько человек и полную жопу, извини за выражение, роботов в той звезде в Кроссбэнке. Туда можно самому зайти, а можно отправить что-нибудь с дистанционным управлением и камерой, только камеры всякий раз вырубаются, а люди, если зайдут слишком далеко, обратно уже не выходят.

Тесс на удивление ясно представила себе «морскую звезду», о которой говорил мистер Сэндовал. Крытый лабиринт, подумала она, вроде снежинки, развернутой в трех измерениях. Она почти

что увидела его в мутном стекле окна. И поспешно отвела взгляд.

— А что случилось с миссис Сэндовал?

— Просто села в наш старый «Форд» и уехала. Ни объяснений, ни записки, ничего. Разумеется, я места себе не находил. Несколько раз обращался в полицию, но, похоже, им по горло хватало проблем с беженцами, которые ломанулись на запад, пока в Миссисипи не поставили кордоны. В конце концов мне сообщили, что ее арестовали вместе с кучкой так называемых паломников, пытавшихся проникнуть в запретную зону вокруг Кроссбэнка. Потом из полиции перезвонили и уточнили, что нет, ее не арестовали, хотя она и была среди паломников; что она оказалась в той группе, человек из десяти, которая прорвалась через блокаду по старому туристическому маршруту через плато Озарк. Представить дико: Карен карабкается по камням, продирается через лес и пьет из ручья. Господи, она барбекю-то во дворе с трудом переносила! На комаров все время жаловалась. Клянусь, не понимаю, как ее могло в лес занести!

— И она вошла в звезду?

— Мне так сказали. Сам не видел, подтвердить не могу.

— А обратно не вышла?

— Не вышла. — Голос мистера Сэндовала сделался глухим.

Тесс призадумалась.

— Она умерла?

— Она не вышла обратно. Это все, что я знаю.

Тесс испытывала смутное беспокойство, потому что он так ни разу и не шевельнулся.

— Мистер Сэндовал, если вы не можете двигаться, хотите, я схожу за доктором?

— Двигаться я не могу. Я ж говорю, я даже не уверен, очнулся или нет. Но доктор мне точно не нужен.

— Честное слово?

— Честное слово.

— А зачем вы отправились в Слепое Озеро?

— Чтобы убить ту штуку, которая здесь растет.

Тесс это поразило. «Как папа». Мистер Сэндовал тоже хочет убить Зеркальную Девочку.

Она даже отступила на шаг.

— Честно говоря, теперь мне это кажется чистым безумием, — сказал он. — После того, как я тут немного полежал и поразмыслил. Что только не придет в голову, если кого-то потерял и не знаешь, где искать виноватых. Понятно, что с Кроссбэнком было уже ничего не поделать, но

в новостях рассказывали про Слепое Озеро, что его взяли в карантин на тот случай, если здесь произойдет то же самое. Вот тут-то я и взбесился. Тут все разбомбить надо, думал я. Пока еще есть возможность. Стереть с лица Земли. А они просто карантин объявили! Совсем, думаю, обосрались. Извини, вырвалось.

— Ничего страшного. Только если бы нас разбомбили, мы бы все умерли?

Произнося эти слова, Тесс тут же подумала: а так ли это? Может быть, Зеркальная Девочка остановила бы бомбы? А она что, может?

Сейчас казалось, что Зеркальная Девочка совсем близко. «Не смотри в окно», — приказала себе Тесс. Однако ветер стучался в стекло, словно пытаясь привлечь ее внимание, словно повторяя: «Посмотри на меня! Посмотри!»

— Ну, теперь я это вроде как понимаю, — сказал мистер Сэндовал. — А тогда вроде как с катушек съехал. Думал, сяду в самолет, объявлю маршрут через Фарго в Манитобу, в нужном месте чуть-чуть уйду в сторону… Хотел направить самолет прямо в ваш телескоп, причинить ему побольше разрушений — ну и сам бы погиб, конечно.

Это правда, поняла Тесс. Обрывки прежнего гнева мистера Сэндовала плавали сейчас над

его кроватью, словно снежинки. Все это было очень взрослым — и в то же время совершенно детским. Подобный план вполне мог бы прийти в голову Эди Герундт. Но гнев и скорбь были взрослыми. Если бы эмоции мистера Сэндовала пахли, подумала Тесс, запах был бы как от чего-то электрического и разбитого. Как от перегретой проводки и обуглившегося пластика.

— Конечно, — сказал мистер Сэндовал, — теперь уже все равно поздно.

— Да. Ваш самолет сбили.

— Нет. Я хочу сказать, здесь уже тоже началось. Разве ты не чувствуешь?

Боюсь, что чувствую, подумала Тесс.

Клиника была почти пуста. Доктор Голдхар, наложив швы и убедившись, что Сью вне опасности, ушел домой; дежурство несли Розали Блейлер и двое фельдшеров, не считая охраны и уборщиков. Маргерит проверяла дверь за дверью, пока не нашла пустой конференц-зал. Оказавшись внутри, она прикрыла за собой дверь — ей было не слишком уютно, хотя она ничего дурного и не делала, — и подключила карманный сервер к большому настенному экрану.

Прямая трансляция из Ока появилась на нем почти мгновенно и очень четко.

Было похоже, что на UMa47/E скоро вечер. Порывы ветра поднимали в воздух клубы пыли, окрашивая небо перламутрово-белым цветом. Субъект продолжал свою загадочную одиссею, следуя чередой неглубоких выветренных каньонов, как и вчера, как и за день до того. И что тут особенного? Почему вдруг такой переполох?

Быть может, дело в необычной четкости изображения? Вероятно, в клинике только что установили новый дисплей — такой яркой картинки Маргерит не приходилось наблюдать даже на мониторах в самом Оке. Словно в окно смотришь. Маргерит видела пыль, налипшую на гребень Субъекта, каждую крупинку по отдельности. И почти ощущала кожей лица иссушающий бриз.

Следуя извивам древнего русла, Субъект сделал очередной поворот, и внезапно Маргерит разглядела то, что ранее привлекло внимание наблюдателей — нечто столь неожиданное, что она рефлекторно шагнула назад, чуть не опрокинув стул.

Нечто чрезвычайно странное. Нечто искусственное. Быть может, место назначения Субъекта, цель его путешествия.

Теперь ясно, почему сооружение осталось незамеченным при высотной съемке. Оно было

большим, но не безумно большим, а его колонны покрывала пыль, которую никто не тревожил годами, если не столетиями.

Что же это было за сооружение — огромное, как собор, столь явно древнее и столь же явно заброшенное? Что заставило Субъекта пуститься в дальний путь, чтобы его достичь?

Умоляю, думала Маргерит, хватит уже загадок, хватит действий, которые все равно невозможно понять…

Субъект миновал первую из огромных арок и оказался в мягкой тени.

— Что тебе здесь нужно? — громко спросила Маргерит.

Субъект резко повернулся и уставился на нее. У него были огромные, серьезные, жемчужно-белые глаза.

Легкий ветерок спутал выбившиеся из прически Маргерит волосы. От изумления она опустилась на колени, попыталась удержать равновесие, ухватившись за стол, ухватившись хоть за что-нибудь. Но под ладонью оказался только песок, вековая пыль, иссохшая поверхность UMa47/E.

Двадцать восемь

Когда под ногами задрожал пол и взревели сирены, объявляя эвакуацию здания, Рэй встревожился, но не удивился. Этого следовало ожидать. Что-то пробуждалось, и тому, что пробуждается, не по нраву действия Рэя.

Однако он был готов к подобной конфронтации. Рэй не особенно верил в судьбу, но в данном случае эта концепция очень многое объясняла. Всевозможные жизненные события, ранее казавшиеся загадочными — долгие годы противодействия научных оппонентов, его глубокий скепсис по отношению к Оку, посвящение в ритуалы смерти, случившееся давным-давно, — все теперь обретало смысл. Даже смехотворная женитьба на Маргерит, ее упрямое нежелание идти на компромисс ни в чем для него важном. Ее сентиментальные идеи насчет жителей UMa47/E. Все это были лишь камни, и Рэя заточило об них, словно острый нож.

Мысль о ноже некстати напомнила ему о происшедшем в доме Сью Сэмпел. Все получилось рефлекторно, он вовсе не собирался причинять ей физического вреда. Просто она взбесила его своим наглым, визгливым смехом; он ее толкнул,

увидел нож, его пришлось отобрать, а потом, после секундного провала в памяти, все вокруг оказалось в крови. Черт побери, как он ненавидит кровь! Но даже в подобных невыносимых моментах заключается спасительная польза, подумал Рэй. Теперь он знает, что в решительный момент способен храбро переступить через любые барьеры.

Рэй достаточно хорошо представлял себе внутреннее устройство Ока, чтобы найти центральную лифтовую шахту. Два пустых лифта застыли на этаже, открывая и закрывая двери, словно хлопали веками в нервном при- падке.

Вибрация, сотрясавшая пол, утихла. Землетрясения в этих краях случались крайне редко. Да и вряд ли толчки были вызваны землетрясением. В самом низу, в глубинах Ока, что-то происходило.

Очевидно, ночную смену неплохо натренировали на случай возможной эвакуации. Сотрудники появлялись с лестниц по двое, встревоженные, но без особой суеты, видимо, успокаивая себя тем, что толчки прекратились и эвакуация теперь не более чем формальность. Какая-то востроглазая женщина заметила стоящего у лифтов Рэя, подошла к нему и сказала:

— Сейчас следует направляться прямиком к

выходу, а не спешить на рабочие места. И уж точно не следует пользоваться лифтом.

Черт бы побрал этих ответственных за эвакуацию, подумал Рэй. Взмахнув перед носом женщины краденым пропуском, он скомандовал:

— Немедленно покиньте здание!

— Мы обязаны…

— Если не хотите потерять работу — бегом наружу! Или назовите свое имя и номер пропуска.

Командный голос!.. Женщина поморщилась и с недовольным видом поспешила прочь. Рэй вошел в ближайший лифт и нажал кнопку пятого подземного этажа, ближе всего к галерее БЭК-колец. Определенный запас времени у него есть. Когда гражданский персонал покинет здание, Шульгин направит внутрь своих инспекторов, но из-за бурана они попадут сюда не слишком быстро.

Звуки сирен отражались от стен колодцев, по которым вверх и вниз скользили лифты. Рэй был уже на четыре этажа ниже миннесотской прерии, когда сирены смолкли, лифт застыл в шахте, а лампы, мигнув, погасли.

Электричество отключилось. Через несколько секунд включатся резервные генераторы.

Ну а тем временем, подумал Рэй, должно же быть аварийное освещение?

Похоже, что нет. Тьма была непроницаемой.

Он вытащил из кармана сервер, но даже это устройство не желало светиться. Может, он ослеп?

Рэй никогда не любил темных замкнутых пространств. Он вытянул руки, пытаясь сориентироваться. Отступил в угол лифтовой кабины, нащупал справа и слева стены, смыкающиеся за спиной. Полированные алюминиевые поверхности казались холодными и безжизненными.

Это ненадолго, сказал он себе. А если электричество не включится, для БЭК-колец это плохая новость. Остановятся насосы, жидкий гелий перестанет циркулировать, температура в пластинах поднимется выше критических минус двухсот шестидесяти восьми градусов. Однако еще один голос глубоко внутри хихикнул: «Ты теперь во власти этой хрени!»

Подожди, не торопись, сказал себе Рэй. Он прибыл в Око преисполненный уверенности и с ощущением собственного могущества. Сюда его привела цепочка необратимых событий, питаемых убеждением, что БЭК-кольца — источник всего, что в Слепом Озере пошло наперекосяк.

Однако здание сумело вмешаться. Он заперт в металлической коробке, а его уверенность капля за каплей растворяется во тьме.

Я здесь не ради себя, подумал Рэй. Оказавшиеся под его опекой доверчивые дети затеяли игру с опасной машиной, игру, которую он намерен остановить, нравится им это или нет. По существу, это акт самопожертвования. Более того — искупительный. В доме Сью Сэмпел Рэй совершил ошибку и готов это признать. Он даже чувствовал некую гордость оттого, что способен реалистично взглянуть на проблему. Возможно, остальные дали себя ослепить алчности, невежеству или страху. Но не Рэй. Находящееся в здании устройство превратилось в угрозу, и он был готов ей противостоять. Сейчас он совершит поступок, моральная необходимость в котором столь значительна, что все совершенные им на пути ошибки утратят значение.

Если только он не опоздал. Лифт не двигался, но Рэю казалось, что он слышит, как здание вокруг него скрипит и стонет, деформируясь во мраке. Что бы мы такое ни разбудили, думал Рэй, мощь его велика; оно полно сил — и постепенно ощущает в себе эти силы.

Он начал не спеша закатывать штанину. Из

дома Сью Рэй убежал, сжимая в руке окровавленный нож. Он не хотел его ни выбрасывать, ни оставить на месте. Нож и то, что он его использовал в качестве оружия, сделали все последующее как возможным, так и необходимым. Тогда-то и возник план проникнуть в Око, пользуясь пропуском Чарли Грогана. Когда он поехал к Чарли, нож лежал на пассажирском сиденье — неприкасаемый предмет, украшенный ленточками крови Сью Сэмпел. Потом он остановился у обочины, вытер нож одноразовой салфеткой и аккуратно приклеил его к левой лодыжке с помощью скотча, рулон которого лежал в бардачке. В тот момент он счел это отличной идеей.

Сейчас ему хотелось, чтобы нож был в руках и готов к использованию. Мало того, его не оставляла мысль, что он плохо протер лезвие; одна лишь мысль, что кровь Сью Сэмпел окажется у него на коже, проникнет в поры, казалась нелепой и невыносимой. Однако в абсолютной темноте застрявшего лифта он никак не мог нащупать конец ленты. Замотал себя, словно мумию какую-то!

Кроме того, он не подумал о чисто физиологической стороне проблемы — ему предстояло сорвать скотч с волосатой ноги. Наверняка от-

дерется вместе с кожей. Рэй принялся глубоко, взахлеб дышать — Маргерит училась такому дыханию на курсах по методике Ламаза, которые они вместе посещали перед рождением Тесс. К тому моменту, как он дошел до последнего слоя ленты, в глазах стояли слезы, а когда он его сорвал, лента потянула за собой нож, и лезвие срезало кусок кожи у щиколотки.

Рэй заорал от боли и бессилия, потом изо всех сил вытаращил глаза, пытаясь хоть что-то рассмотреть — он слышал, что человеческий глаз способен регистрировать даже одиночные фотоны, — но вокруг ничего не было, только резко воняло его собственным потом.

«Я могу здесь умереть», — подумал Рэй. Или еще хуже: что, если насчет Ока он ошибался, что, если Шульгин найдет его здесь, когда кризис окончится — в полубезумном состоянии и с изобличающим оружием в руке? Нож, долбаный нож! Его и у себя оставить нельзя, и не избавишься!

А если стены сейчас сомкнутся, словно челюсти?

Интересно, случись такая необходимость, сумеет ли он убить себя этим ножом? Подобно самураю, бросающемуся на меч. Насколько глубокие раны можно нанести себе пятнадцати-

сантиметровым лезвием? И что лучше — вскрыть вены на руках или пырнуть себя в живот? Или попробовать глотку себе перерезать?

На что это похоже — покинуть окровавленное тело и погружаться все глубже и глубже, в неподвижное, пустое прошлое?

Ему показалось, что он слышит голос Маргерит, что она шепчет ему на ухо непонятные слова:

невежество

любопытство

боль

любовь

Очередное доказательство, что БЭК-кольца и его заразили…

Мигнув, включился свет.

— Господи! Зараза! — еле выговорил полуослепший Рэй.

Лифт, зажужжав, ожил и продолжил спуск.

Рэй обнаружил, что прокусил язык. Во рту было полно крови. Рэй выплюнул ее на зеленый кафельный пол, опустил штанину поверх кровоточащей лодыжки и стал ждать, пока откроется дверь.

Двадцать девять

— Может, она пошла искать маму? — предположила Элейн.

Крис еще раз позвал Тесс, и она опять не откликнулась, а ярко освещенный коридор первого этажа клиники был, насколько можно видеть, пуст.

Крис вытащил карманный сервер и снова назвал имя Тесс. Ответа не последовало. Он попытался вызвать Маргерит. С тем же успехом.

— Вот это и вправду странно, — сказала Элейн.

Крис чувствовал себя словно в кошмарном сне, когда что-то совершенно необходимое испаряется прямо из рук.

— В какой палате Сью?

— Двести одиннадцать, — без промедления откликнулась Элейн. — Второй этаж.

— Вызови дежурную сестру и попроси ее разыскать Тесс. Я иду за Маргерит.

Элейн смотрела вслед Крису, рванувшему вверх по ступенькам. Сама она не особо встревожилась. Девочка наверняка забрела в буфет или катается на медицинской те- лежке.

— Настоящий отец семейства, — сказала она

Фогелю. — И это — наш Крис!

— Не стоит осуждать его за то, что он здесь нашел, — пробормотал Фогель. — Все может кончиться в любую минуту.

Сью дремала в полутемной палате.

— Маргерит уже ушла, — пробормотала она. — Крис? Это вы, Крис? Маргерит что-то забыла?

— Не могу дозвониться до ее сервера… Ничего, не беспокойтесь.

Сью зевнула.

— Не порите чушь. Вы-то сами беспокоитесь.

— Поспите, Сью.

— Наверное, я так и сделаю. Наверное, мне нужно поспать. Но я все равно вижу, что вы мне врете. Постарайтесь не заблудиться в темноте.

— Постараюсь, — пообещал он. Что бы она такое ни имела в виду.

Крис прошел весь коридор из конца в конец, открывая дверь за дверью. Если не считать бокса, где неподвижно лежал в коме Адам Сэндовал, он видел лишь пустые кладовки, запертые шкафы с лекарствами, безлюдные конференц-залы и темные кабинеты.

Зажужжал сервер. Крис достал его из кармана и переговорил с Элейн. Та сообщила, что дежурная сестра позвонила в секьюрити и ночной персо-

нал начинает осматривать каждое помещение.

— В Глазной Впадине сейчас тоже что-то происходит. Я дозвонилась до Ари Вейнгарта; он говорит, что там идет эвакуация.

Крис смотрел на зажатый в руке сервер: связь работает, почему же не удается дозвониться до Тесс и Маргерит?

Если они пропали одновременно, значит ли это, что они куда-то отправились вместе? И если их нет в здании, то где они?

Он вернулся в приемный покой, подошел к тяжелым стеклянным дверям. Если Маргерит покинула клинику, то она уехала на машине. В такую погоду других вариантов попросту нет.

Однако небольшой строгий автомобильчик Маргерит стоял там, где его и оставили: колеса на тротуаре, сверху — слой свежевыпавшего снега. Крис распахнул дверь, и в вестибюль вместе с дерзким порывом ветра ворвалась метель. На кафельном полу снежинки быстро превращались в алмазные капельки.

Элейн подошла сзади и положила руку ему на плечо.

— Хотя все это очень странно, ты должен успокоиться.

— По-твоему, это как-то связано с Рэем?

— Я тоже сперва так подумала. Но Ари говорил с Шульгиным, а тот — с Чарли Гроганом. Рэй сейчас где-то в Глазной Впадине.

Крис оставил дверь чуть приоткрытой, чтобы ледяной ветер обдувал ему лицо.

— Она была *прямо вот здесь!* Играла с этим долбаным грузовиком. Люди не исчезают просто так!

Исчезают, подумал он. Могут просочиться сквозь пальцы, словно вода.

— Мистер Кармоди? — подошла Розали Блейлер, дежурная сестра. — Не могли бы вы закрыть дверь? Элмо — то есть Элмер Фиск, наш охранник — зовет вас к заднему входу.

— Он нашел Тесс?

— Нет, сэр, но он нашел на снегу детские следы.

Тесс не была одета для улицы.

— Он по ним *прошел*?

Она кивнула.

— Метров на пятьдесят, в сторону парковки. В том-то и дело. Он говорит, что следы никуда не ведут. Просто обрываются, и все.

Тридцать

На сегодняшний день насчитывалось уже семь серьезных попыток прорваться наружу через ограждение Слепого Озера. Троим беглецам удалось проникнуть через забор в запретную зону, где они были убиты мини-дронами. Остальные четыре попытки были остановлены секьюрити Слепого Озера внутри периметра. Последнюю совершил страдающий агорафобией официант, который попытался в одиночку перелезть забор, но на полпути через него запаниковал. К тому моменту, когда секьюрити его обнаружили и уговорили слезть, он успел обморозить себе пальцы на руках.

Херб Данн, пятидесятидвухлетний флотский ветеран, работал в секьюрити с того самого момента, как его уволили по сокращению из курьерской службы в Фарго десять лет назад. Карантин в Слепом Озере начисто отрезал Херба от его кредиторов (включая двух бывших жен), о чем он совершенно не жалел. Правда, ему не хватало новых фильмов и интернет-эротики, но что уж тут поделаешь. Когда Херб осознал, что подхватить какую-нибудь чуму ему не грозит, карантин вообще из недостатка превратился в

достоинство.

Если не считать нынешней недели, поскольку его назначили в так называемый «Рассветный патруль», а этих дежурств никто терпеть не мог. Замысел «Рассветного патруля» заключался в том, что патрульный на внедорожнике должен объезжать периметр изнутри, по идее, для того, чтобы спасать нарушителей от последствий их бестолковых попыток к бегству. Ни единого нарушителя «Рассветный патруль» до сих пор так и не встретил, хотя, полагал Херб, кое-кого мог и отпугнуть. Сегодня, принимая во внимание охренительный буран, обрушившийся ночью на Слепое Озеро, Шульгин приказал ему двигаться по сокращенному маршруту: до главных ворот и сразу обратно. Только и это оказалось нелегким делом.

Когда он выехал из гаража, снегопад начал стихать, однако резкий ветер с северо-востока все еще существенно осложнял дело. Внедорожники у секьюрити были вполне приличные, «хонды» с автопилотом и изменяемым рисунком протектора; впрочем, подумал Херб, снегоход был бы лучше.

Основную дорогу в центре городка расчищали всю ночь — до жилого массива к югу. Оттуда и

до самого забора все было покрыто снегом, который ветер переносил с места на место. Сугробы не совсем скрывали из виду дорогу, однако даже «Хонда» сквозь заносы еле ползла. Немного утешало, что в поездке не было ни малейшей срочности, да и необходимости. Поэтому медлительность не слишком раздражала. Откинувшись на сиденье в теплой, словно баня, кабине, Херб попытался представить свою любимую на данный момент актрису без ненужных предметов туалета. (Дома у него для этой цели имелись специальные программы на видеосервере.)

Когда он наконец добрался до ворот, рассвет давным-давно миновал. Света хватало, чтобы рассмотреть все, что только можно было рассмотреть: завивающийся вокруг кабины «Хонды» метельный кокон и еле видимые сквозь него тяжелые тучи, клубящиеся, словно мутная река.

Херб достиг площадки у самых ворот, не обнаружив в процессе никаких дерзких попыток побега, и остановил машину, не выключая мотор. Потянуло закрыть глаза и хоть как-то скомпенсировать недосып: до полуночи он смотрел уже сто раз пересмотренные фильмы, а в три тридцать пришлось собираться в бессмысленную экспедицию. Вот только если поймают спящим, торчать

ему в «Рассветном патруле» до скончания дней. К тому же кофе, выпитый перед поездкой, уже провалился, и срочно требовалось расписаться на свежем снегу.

Херб уже выбрался из кабины в утренний холод, когда тучи вдруг ненадолго разошлись, и он увидел, как за воротами что-то движется. Что-то большое. Сначала он решил, что это автоматический грузовик из тех, которые доставляют продукты, но потом ветер дунул в другую сторону, и Херб увидел, что неясных форм за воротами несколько. Огромные машины. Прямо за забором.

Переваливаясь, он сделал несколько шагов к забору через глубокий снег. Просто посмотреть, сказал он сам себе. Когда оказался у самых ворот — дальше он все равно не собирался, — они вдруг без какого-либо предупреждения начали открываться. Ветер снова на секунду утих, наступило почти сверхъестественное спокойствие, и Херб понял, что машины за воротами — бронетранспортеры и танки «Пауэлл». Десятки танков, вытянувшихся вдоль пери- метра.

Он развернулся и сделал несколько неуклюжих шагов обратно к «Хонде», но не успел добраться до кабины, как его окружили солдаты в снежном

камуфляже и респираторах. На них были очки дополненной реальности, а в руках — сверхзвуковые винтовки.

Херб Данн тоже служил. И знал, что в таких случаях делают.

Он поднял руки вверх, стараясь выглядеть как можно более мирно.

— Я просто тут работаю, — сказал он.

Тридцать один

Ошеломленная настолько, что ей было уже не до страха, Маргерит заставила себя сосредоточиться на дыхании. Она не обращала внимания на песчаную почву под своими коленями и ладонями, на сухую жару и вообще закрыла глаза, чтобы не видеть Субъекта. Дыши. Сейчас важно дышать. Важно дышать, потому что… потому что…

Потому что если она сейчас действительно на UMa47/E, то дышать было бы невозможно.

В атмосфере UMa47/E меньше кислорода, чем на Земле, давление здесь тоже значительно меньше. Если бы ее действительно перенесло сюда из Слепого Озера, у нее бы лопнули барабанные перепонки.

Однако задыхалась она сейчас от ужаса, не

от недостатка кислорода. И с ушами все было в порядке.

Поэтому, думала Маргерит — все еще на коленях с закрытыми глазами, — поэтому, поэтому я сейчас не там. Поэтому непосредственной опасности нет.

(Но если я не там, почему я чувствую песчинки у себя под ногтями? Откуда ветер?)

В то лето, когда Маргерит исполнилось одиннадцать, ее родители решили провести отпуск на Аляске. Отец заказал полет над ледниками национального парка Глейшер-Бэй на небольшом одномоторном самолетике. Над горами оказались сложные воздушные потоки, самолетик то проваливался в ямы, то опять взмывал. Маргерит перепугалась так, что ее стало тошнить, ей даже в голову не приходило хоть на секунду выглянуть в иллюминатор.

Тогда отец обнял ее и сказал тем голосом, которым произносил лишь самые важные проповеди: «Все в порядке, Марджи. Ты в полной безопасности».

Маргерит повторяла про себя эти успокоительные слова до самого конца полета. Словно мантру. «Ты в полной безопасности». Сейчас она снова их вспомнила.

«Ты в полной безопасности».

(«Нет! Я не знаю, где я, я беспомощна, не понимаю, что происходит, я не могу вернуться домой!..»)

В полной безопасности. Вопиющая ложь.

Маргерит открыла глаза и заставила себя встать.

Поблизости, буквально в метре от нее, стоял Субъект. Из наблюдений она знала, что, застыв на месте, он обычно еще какое-то время остается в неподвижности. (Она вспомнила замечание Криса — «не слишком на этой планете весело» — и с трудом удержалась, чтобы совершенно неуместно не хихикнуть.) Непроницаемые белые глаза смотрели прямо на нее или, во всяком случае, в ее направлении, и у Маргерит возник соблазн поиграть с ним в гляделки. Однако начать следует с другого. Ты же ученый. («Ты же ученый». «Ты в полной безопасности». Не одна ложь во спасение, а две.)

Следует оценить окружающую обстановку.

Итак, перед ней граница структуры, куда недавно вошел Субъект. Посмотрев сквозь арки назад, Маргерит увидела в шокирующей от себя близости пустыню, которую тут же инстинктивно поместила в контекст географии UMa47/

Е: центральное плато крупнейшей континентальной платформы, на значительном удалении от мелких, соленых морей планеты, вблизи от экваториальной границы умеренной климатической зоны. Увы, классификация меркла перед реальностью. Здесь было небо, белое и сверкающее, словно новенький фарфор; была гряда выветренных базальтовых холмов, постепенно исчезающая вдали; были лучи чужого солнца низко над горизонтом и тени, которые удлинялись прямо на глазах. Был порывистый ветер, пахнущий известью и пылью. Не изображение, а место: осязаемое, измеримое, прорисованное до мельчайших де- талей.

Если я не здесь, подумала Маргерит, то где я тогда?

Потолок структуры не пропускал внутрь прямой солнечный свет. Структура, подумала Маргерит, одно из псевдонейтральных слов, столь обожаемых учеными; однако можно ли на самом деле назвать это «зданием»?

Стен как таковых не было, только ряды колонн, жемчужно-белых и кораллово-розовых, образующих арки разной ширины, что сходились вверху, словно крыша. Дальше тени сгущались до полной неразличимости. Вместо пола — слой

принесенного ветром песка. В Лангуста-Сити ничего подобного не было. Возможно, эта структура просто выросла здесь в течение столетий.

Маргерит коснулась ближайшей колонны. Та оказалась прохладной и чуть переливалась, словно перламутр.

Ладонь чуть кольнуло, и она убрала руку.

Разумеется, все это было совершенно невозможно, и не только потому, что она могла нормально дышать на поверхности чужой планеты. Изображения с UMa47/E, получаемые БЭК-кольцами, проходили путь в пятьдесят один световой год. Мониторы показывали почти в буквальном смысле древнюю историю. Ни о какой одновременности и речи быть не могло, разве что БЭК-кольца научились игнорировать фундаментальные законы миро- здания.

Наверное, правильнее воспринимать происходящее как виртуальную реальность. Наблюдение методом глубокого погружения. Яркий сон.

Весьма хрупкая, эта подпорка дала Маргерит достаточно смелости, чтобы перевести взгляд на Субъекта.

Он был в полтора раза выше Маргерит. Никакие наблюдения не смогли подготовить ее к тому, насколько это огромная туша. Она испы-

тала похожее чувство, когда в восьмом классе впервые попала в зоопарк, где животных разрешалось гладить. Выяснилось, что столь невинно выглядевшие по телевизору существа в действительности крупнее, грязнее, пахучее, а главное — значительно непредсказуемее, чем она ожидала. Они были сами собой, и ее *представления* были им безразличны.

Субъект тоже был самим собой. Если не считать того, что он был двуногим прямоходящим, ничто в нем не напоминало человека. А равно насекомое или ракообразное, даже несмотря на прилепленный к нему дурацкий ярлык «лангуст».

Ступни широкие, плоские, кожистые, лишенные пальцев. Предназначенные, чтобы стоять, а не для ходьбы. От долгого путешествия они покрылись грязью и пылью, местами бугристая шкура стерлась настолько, что казалась тонкой и гладкой. Не болят ли они, подумала Мар- герит.

Ноги не длиннее, чем ее собственные, хотя и вдвое толще. Источая мускульную силу, они напоминали скорее древесные стволы, обтянутые кирпично-красной корой, и сходились в паху, но там, где у человека расположены всевозможные причиндалы, связанные с его половой принад-

лежностью, было лишь гладкое место. Может, и неудивительно: для размещения гениталий на теле наверняка найдется местечко получше, не говоря уже о том, что до сих пор не было доказано, что Субъект и его сородичи вообще располагают гениталиями в традиционном смысле этого слова.

Туловище кверху расширялось и имело форму толстого диска, к которому крепятся руки. Хватательные конечности, тонкие и гибкие, оканчивались почти человеческой на вид кистью — три пальца и противостоящий им большой, — хотя расположение суставов было вполне нечеловеческим. Коротенькие питательные конечности, едва достававшие от плеча до рта, выглядели еще более необычно, нечто среднее между дополнительными руками и далеко вынесенными челюстями; конечности завершались костяными структурами, напоминающими столовые приборы, чтобы резать и перетирать растительную пищу.

Голова Субъекта представляла собой подвижный купол, а там, где человеческая анатомия подразумевала шею, переплетались дряблые мышцы. Рот — вертикальная розовая щель, внутри которой скрывался длинный, бугристый,

почти что змеиный язык. Широко расставленные глаза, как обнаружила Маргерит, оказались не чисто белыми, а чуть желтоватыми, словно клавиши старого пианино. Внутренняя структура глаз оставалась неразличимой — ни зрачка, ни роговицы; возможно, они представляли собой неструктурированный пучок светочувствительных клеток, или же структура скрывалась под полупрозрачной поверхностью, служащей чем-то вроде постоянно опущенного века.

Цель, которой служил оранжевый гребень над головой, пока не удалось определить никому.

Самой примечательной — или же самой странной — частью тела Субъекта была вертикальная щель, идущая через все туловище. Считалось общепризнанным, что это дыхательный орган. Щель периодически открывалась и закрывалась, словно хватающий воздух безгубый рот. (Рэй, который не всегда помнил о приличиях, как-то сказал Маргерит, что она напоминает «больную вагину»). Когда щель открывалась, внутри можно было видеть ткань, структурой напоминающую соты, влажную и желтую. Щель окружали мелкие серебристо-серые реснички.

«Я в полной безопасности». Сказать по правде, Субъект ее пугал. Пугала его видимая тяжесть,

массивность, скрытая в нем животная сила. Пугал даже его запах, легкий органический аромат, одновременно тошнотворно сладкий и резко неприятный, словно запах сильно заплесневевшей цитрусовой кожуры.

Ну ладно, подумала Маргерит, а что дальше? Будем делать вид, что мы действительно встретились? Попробуем поговорить?

Во рту от страха все пересохло. Онемевший язык ощущался в нем комком ваты.

— Меня зовут Маргерит, — прошептала она. — Знаю, ты не поймешь.

Возможно, ему непонятна даже сама концепция устной речи. Возможно, само его молчание говорит о многом. Возможно, его язык — это язык неподвижности.

Только он не был совершенно неподвижен.

Дыхательная щель открылась шире, оттуда вырвался почти неслышный свист. Это речь? Больше похоже на то, что он задыхается.

Обхохочешься, подумала Маргерит, попасть сюда — что бы это ни было за место и как бы именно она сюда ни попала — только для того, чтобы в очередной раз столкнуться с невозможностью коммуникации. Я даже не знаю, он со мной разговаривает или вот-вот умрет.

Субъект закончил свою речь, если это была речь, резко выдохнув пахнущий кислым молоком воздух.

Помимо этого, он так и не пошевелился.

Если это был наш шанс, подумала Маргерит, а не просто галлюцинация, то он пропал зря. Она даже скривилась от разочарования. Оказаться к нему так невероятно, так невозможно близко. И при этом так же далеко, как и раньше. Остаться такой же немой, такой же глухой.

Тени снаружи удлинились, наступал вечер. Небесная бледность приобрела более темный, голубоватый оттенок.

— Я не понимаю, что ты говоришь, — призналась Маргерит. — Даже не понимаю, говоришь ли.

Субъект выдохнул, его реснички задрожали.

«Конечно, он говорит», — произнес голос.

Голос принадлежал не Субъекту. Он звучал сразу отовсюду. Из перламутровых арок, из глубоких теней.

Но самое странное было не это.

Он как две капли воды напоминал голос Тесс.

Тридцать два

Элейн Костер перехватила Криса в дверях клиники.

— Обожди! — воскликнула она. — Куда это ты со- брался?

Она знала, что он места себе не находит из-за исчезновения Маргерит и Тесс. Дежурная сестра рассказала про следы девочки, которые исчезли в снегу. Элейн даже думать не хотела о том, каково сейчас приходится Тесс, которая показалась ей очень милой девочкой, снаружи. Но уже светает, скоро ее найдут, лишь бы Крис проявил хоть немного терпения. Что касается Маргерит…

— Я в Око, — ответил Крис.

— В Око? Извини, на хера? Ари сказал, что они сейчас эвакуируются.

— Не могу объяснить.

Она схватила его за руку прежде, чем он успел открыть дверь.

— Послушай, Крис, ты ведь не думаешь, что Тесс и Маргерит *в Оке*? Как такое вообще возможно?

— Тесс не просто брела куда глаза глядят. Ее след прямой, словно его провели по линейке, и направлен прямо на Око.

— Но он обрывается?

— Да.

— Так, может, она вернулась в клинику? Знаешь, вот так, ступая след в след.

— Спиной вперед сквозь снегопад? В темноте?

— Хорошо, а по-твоему что? Как она попадет в Око? Выпустит крылья? Или телепортируется? Переместится в астральном теле?

— Я не говорю, что знаю как. Но когда она в прошлый раз пропала из школы, она нашлась именно там.

— По-твоему, она могла уйти так далеко — в эту по- году?

— Я не знаю насчет уйти. Но я думаю, что она там, что она в беде и что Маргерит хотела бы, чтобы я ее нашел.

— Ты еще и мысли читаешь? Ари, Шульгин и еще куча народу уже ищут Тесс и Маргерит. Не мешай им заниматься своим делом, они это умеют лучше тебя. Послушай, Крис, *послушай*! Мне позвонил информатор из секьюрити. У ворот только что объявился целый армейский батальон вместе с техникой, и сейчас они втягиваются внутрь. Ты понимаешь, что это значит? Блокада окончена! По всей вероятности, к вечеру Слепое Озеро уже эвакуируют — меня, тебя, Тесс, Маргерит, *всех*! Я отправляюсь к главным воротам и хочу, чтобы

ты отправился со мной. Мы журналисты! У нас будет фантастический ре- портаж!

Он улыбнулся, и эта улыбка, грустная и понимающая, Элейн совсем не понравилась. Ненавижу всех этих рослых молодых людей с собачьими глазами, подумала она.

— Поезжай сама, — сказал Крис. — Это твой репортаж. Ты обо всем и расскажешь.

Элейн смотрела, как он садится за руль маленькой машинки, как срывается с места и на опасной скорости исчезает в продолжающемся снегопаде.

Себастьян Фогель, втиснутый в кресло приемного покоя, словно угодивший в экономкласс Будда, вдруг заявил:

— Кажется, я понял.

Элейн устало опустилась в соседнее кресло.

— Пожалуйста, хватит уже вашей дерьмовой метафи- зики.

Предстояло многое сделать. Упаковать сервер и записки и никуда от себя не отпускать, даже если их попытаются конфисковать вооруженные бюрократы. Подготовиться к встрече с внешним миром, во что он там превратился — паломники, падающие самолеты, блокпосты к востоку от Миссисипи…

— С самого Кроссбэнка, — сказал Себастьян, — я

не переставал удивляться, зачем вы вообще за это взялись. Ветеран научной журналистики подписывает контракт, прямо скажем, со второсортным журнальчиком из Нью-Йорка, чтобы сделать репортаж на изъезженную вдоль и поперек тему рука об руку с чудаком-теологом и опозорившимся скандалистом. Я себе всю голову сломал. А теперь, кажется, понял. Это из-за Криса, да?

— Идите на хер, Себастьян.

— Вы читали его книгу, знаете в подробностях всю историю, присутствовали, когда он давал показания в конгрессе. Возможно, к выходу книги вы и сами уже кое-что знали о проблемах Галлиано. Вы видели, как Криса выставляют на всеобщий позор, и при этом знали, что он прав, что бы там про него ни писали и как бы его ни поносили. Вы заинтересовались. Возможно, он напомнил вам себя в молодости. Вы взялись за эту работу, чтобы с ним познакомиться.

Ей было бы легче, будь оно неправдой. Элейн призвала на помощь самый яростный из своих а-не-пошел-бы-ты взглядов.

— Он вас разочаровал? — спросил Себастьян. — Я имею в виду — как проект?

Сейчас не до того, думала Элейн. От недосыпа кружилась голова. Может, просто остаться здесь

и ждать, пока не появятся солдаты? В конце концов, вся самая важная работа при ней, на карманном сервере, а сервер они смогут забрать только через ее труп.

— Когда я познакомилась с Крисом, то боялась, что они уже победили. Он был откровенно несчастен, прекратил писать, злоупотреблял препаратами и тащил на себе такой груз вины, который явно не мог вынести.

— Неужели только из-за Галлиано?

— Может быть, и нет. Но я подумала…

— Вы захотели ему помочь, — кивнул Себастьян.

— Ну да. Я вообще, черт побери, святая. Ладно, заткнитесь уже.

— Вы хотели поделиться с ним собственным цинизмом.

— Не принимай он все близко к сердцу, из него вышел бы прекрасный журналист.

— Но необязательно прекрасный человек.

— Давайте хотя бы без этого.

— То, в чем он нуждался, Элейн, и я ни на что такое сейчас не намекаю, однако то, в чем он нуждался… Дать ему это было не в ваших силах.

— Поскольку так утверждает гуру. — Она прикусила язык. — И что, по-вашему, он это нашел?

То самое, в чем так нуждался?

— По-моему, ищет прямо сейчас, — ответил Себастьян.

По дороге к Оку Крис столкнулся с целым потоком встречного транспорта. Ночная смена покидает комплекс, подумал он, поскольку прошел слух об окончании бло- кады.

Дорога оставалась предательски опасной даже в тусклом утреннем свете. Крис насчитал не одну машину, увязшую в заносах; их пассажиры в плотных зимних куртках махали сейчас рукой коллегам, чтобы те их подвезли.

Он миновал пустую будку охранника и подъехал к самому входу в Око, где обнаружил Чарли Грогана, который выгонял подзадержавшихся сотрудников из вестибюля на утренний холод. Завывание сирен не могло заглушить яростного воя ветра.

— Совершенно исключено, — отрезал Чарли, когда Крис объяснил ему, чего хочет. — Рано утром здание подверглось толчкам неизвестной природы, после чего возникли разнообразные проблемы с электричеством и связью. На подобные случаи у нас строжайшие инструкции. Я не могу никого пропустить внутрь, пока не объявят, что нет угрозы обрушения. Даже когда инспекто-

ры закончат, нам еще потребуется обезопасить криогенное оборудование. — Он резко помрачнел. — БЭК-кольца, вероятно, уже мертвы.

— Там внутри Тесс!

— Если верить вашим словам, — а я, признаться, сильно сомневаюсь, мистер Кармоди. Мы очень четко провели эвакуацию, все помещения проверены. И вообще, что ей здесь делать в пять утра?

Искать Зеркальную Девочку, подумал Крис.

— Ей уже доводилось проникать внутрь, оставаясь при этом незамеченной.

— У вас действительно серьезные основания полагать, что Тесс в здании?

— Да.

— Не хотите ими поделиться?

— Прошу прощения, вам придется поверить мне на слово.

— В таком случае и я прошу прощения. Послушайте, сюда уже выехали секьюрити из Слепого Озера. Обратитесь лучше к ним.

— Чарли, ваша информация устарела. Я слышал, что людей Шульгина развернули к южным воротам.

— Что? Из-за военных?

— Позвоните Шульгину. Спросите, когда вам

ожидать здесь секьюрити.

Чарли лишь вздохнул.

— Давайте я позвоню Табби Менковиц и узнаю, не найдется ли в нашей собственной охране добровольца, готового обойти здание.

— Если Тесс увидит незнакомого, она спрячется. В таком большом здании одиннадцатилетнего ребенка так просто не поймать.

— А к вам она выйдет?

— Надеюсь, такой шанс есть.

— И что вы собираетесь делать — обходить комнату за комнатой?

— В прошлый раз вы ее нашли в галерее БЭК-колец, правильно?

— Да, но…

— Вот БЭК-кольца ее и интересуют.

— Меня с работы выгонят, — попытался возразить Чарли.

— Думаете, в данный момент это проблема?

— Черт возьми, Крис!.. Когда из-под обломков вытащат ваш труп, что я скажу?

— Скажете, что вообще меня не видели.

— Если бы!.. — В кармане у Чарли зазвонил сервер. Он не стал отвечать. — Вот что, держите. — Чарли протянул Крису свою желтую каску. — В нее встроен передатчик. В чрезвычай-

ной ситуации он дает право прохода в любые помещения — если, конечно, охранные системы еще работают. Надевайте. А потом, когда закончите поиски, сразу же проваливайте оттуда на хрен, договори- лись?

— Спасибо!

— Каску потом не забудьте вернуть, — пробурчал Чарли.

Тридцать три

Как только Маргерит узнала голос Тесс, из-за ближайшего переливчатого столба (или даже, непонятным образом, *из* него) вышла сама Тесс.

Но это не Тесс, мгновенно поняла Маргерит. Это было точное изображение Тесс, вплоть до джинсового комбинезончика и желтой блузки, в которые Маргерит торопливо одела дочь, когда они выехали в клинику. Однако Тесс никогда не выглядела столь сюрреалистически безупречно, никогда так не светилась изнутри, не смотрела столь чистым, немигающим взглядом.

— Вам нечего бояться, — сказала Зеркальная Девочка.

Да нет, подумала Маргерит, мне есть, очень даже есть чего бояться.

— Ты — Зеркальная Девочка, — выдавила она

наконец.

— Так меня называет Тесс.

— А кто ты на самом деле?

— Одним словом не ответить.

— Это ты меня сюда перенесла?

— Да.

— Почему?

— Потому что вы этого хотели.

— Что тебе нужно от моей дочери?

— Она меня многому научила.

— Ты ей что-то сделала?

— Я не делаю людям ничего плохого.

Это существо, это нечто не просто позаимствовало у Тесс ее облик, оно освоило ее дикцию и ее манеру уклончиво отвечать на вопросы.

— Тесс сказала, что ты живешь в Оке. В БЭК-кольцах.

— У меня есть сестра в Кроссбэнке, — гордо сказала Зеркальная Девочка. — И сестры на звездах. Их почти невозможно перечесть. Здесь у меня тоже сестра. Мы с ней разговариваем.

Нет, разговор слишком странный для того, чтобы происходить в действительности, подумала Маргерит. Он уверенно движется по характерной для сна траектории, и, как и любой сон, его придется досмотреть до конца.

47-я Большой Медведицы коснулась горизонта, внутрь лабиринта арок протянулись длинные причудливые тени.

— Эта планета находится очень, очень далеко от Земли, — сказала Маргерит, думая о времени, о его течении, его парадоксах. — Я не могу быть здесь.

— Вы ведь не *там,* — сказало изображение Тесс, махнув рукой в сторону пустыни. — Вы именно *здесь*. А здесь все по-другому. И чем глубже зайдешь, тем более по-другому. Верно: если вы выйдете наружу, вы умрете. Ваше тело не сможет там жить, а если вы будете отсчитывать здесь часы, это будут не те же самые часы, что в Слепом Озере.

— Откуда ты узнала про Слепое Озеро?

— Я там родилась.

— Почему ты так похожа на Тесс?

— Я объясняла: она меня многому научила.

— Но почему именно Тесс?

Зеркальная Девочка пожала плечами — совсем, совсем как Тесс.

— Она познакомилась с моей сестрой в Кроссбэнке еще до того, как я родилась. Мог быть кто-то другой. Но *кто-то* должен был быть.

Как Субъект, подумала Маргерит. Мы могли

выбрать для наблюдения кого угодно. Так получилось, что выбрали его.

Субъект безразлично созерцал их беседу — если, конечно, его неподвижность означала безразличие.

— Продолжайте, — сказала Зеркальная Девочка, — говорите с ним. Вы ведь этого хотели.

По большому счету — да, всегда, хотя об этом можно было лишь мечтать.

— Привет! — сказала она срывающимся голосом, чувствуя себя полной идиоткой.

Ответа не было.

Она снова беспомощно взглянула на Зеркальную Девочку.

— Не так. Расскажите ему историю, — посоветовала та.

— Что ему рассказать?

— Расскажите о себе.

Какой-то абсурд, подумала Маргерит. Нельзя же вот так ни с того ни с сего что-то рассказать. Какая-то детская идея в духе Тесс. И вообще, она тут уже слишком долго. Она же не Субъект, чтобы бесконечно стоять на одном месте. Она обычный смертный.

И тут Маргерит захлестнула теплая волна. Такое чувство она испытывала, укладывая Тесс

спать, читая ей на ночь (пока Тесс не выросла из этого возраста) что-нибудь из тех старых детских книжек, которые ей так нравились: «Страна Оз», «Хоббит», «Гарри Поттер». Усталость куда-то делась (возможно, ее прогнала Зеркальная Девочка), она закрыла глаза и задумалась, что могла бы рассказать Субъекту про Землю: не про историю с географией, а про собственную жизнь на планете. Вне всякого сомнения, рассказ этот покажется ему пугающе странным. Рассказ о ней самой: родилась так, как обычно рождаются человеческие дети у человеческих родителей; первые смутные воспоминания, какие-то кроватки и пеленки; осознание своего имени (первые двенадцать лет ее звали «Марджи»); погружение в скуку, ужасы и редкие радости школы (мисс Марметт, мистер Фоусек, миссис Бланд, строгие божества соответственно первого, второго и третьего классов); смена времен года, названия месяцев, сентябрь — пора в школу, ноябрь и первые по-настоящему холодные деньки, темный, иногда обжигающий январь, таяние снегов и дождливые месяцы вплоть до июня, сам июнь, жаркий и многообещающий, свобода, которая заканчивается вместе с августом; детские драмы: аппендицит и операция, грипп, пневмония; дружба, которая

начинается и продолжается или же вдруг оканчивается; растущее понимание того, что родители — это два отдельных от нее человека, у которых есть в жизни и другие дела, не только забота о ней; мать готовит еду и убирает в доме, читает толстые книги, рисует углем (абстрактные деревушки, предполагается, что испанские, залитые по-больничному ярким солнцем); отец, далекий и тоже много читающий пресвитерианский священник, зычный властелин воскресных служб и очень тихий дома (Маргерит он часто кажется одиноким, одиноким перед богом, перед сложной архитектурой космоса, перед костылями скрытых смыслов, которые вынужден воображать, когда читает синоптические Евангелия, и в которые, как он однажды признался, так и не сумел поверить); ее собственное постепенно разгорающееся любопытство по отношению к окружающему миру, к ее собственному месту в природе, совершенно научное любопытство, по крайней мере насколько она поняла, что такое «наука», из книг и телепередач: как приятно знать все то, что в целом известно о планетах, их спутниках, звездах, галактиках, о том, как они рождаются и как в конце концов умирают, какое удовольствие доставляют даже те вопросы, на

которые пока нет ответов, и все же их пытаются найти, и в этом отличие от хрупкой отцовской религиозности, которую он и обсуждать-то не желает, поскольку вера, похоже, это что-то вроде старинного фарфорового сервиза, прекрасного на вид, но чая в него лучше не наливать; понимание того, как отец гордится ее все растущим списком достижений («отлично» по всем предметам, кроме музыки и физкультуры, где подводит неуклюжесть; призы по математике и по физике; именные стипендии); внезапные подростковые неприятности, изучение собственного тела, которое вдруг стало преподносить разнообразные сюрпризы, понимание связи между пятнами крови на белье и репродуктивной системой, яйца, семена, тычинки, пестики, цепочка телесных актов, связывающая ее с прародителями всего живого на Земле; первые эротические опыты (с мальчиком по имени Джереми в подвальном этаже дома, пока его мама принимает гостей наверху; с мальчиком постарше по имени Эллиот в его спальне зимним вечером, пока муссон не дает его родителям вылететь из Таиланда); восторг, который у нее вызвали первые БЭК-изображения с HR8832/B, океанские пейзажи, словно сошедшие с цветных викторианских ил-

люстраций к Мелвиллу («Тайпи», «Ому»), восторг, который привел ее в астробиологию; именная стипендия в Принстоне (на выпускном в школе ее мать разрыдалась от гордости, и в ту же ночь с ней случился первый из серии ишемических приступов, закончившихся инсультом, который свел ее в могилу всего через полгода); рядом с отцом на похоронах: она заставляет себя стоять прямо, хотя ей хочется упасть и чтобы окружающий мир исчез; ее первый настоящий бойфренд в университете по имени Майк Окуда, тоже одержимый БЭК-кольцами, однажды, когда они занимались любовью, он признался, что в своих фантазиях представляет, как за ним наблюдают с другой планеты; боль расставания, когда Майк получил работу по проектировке двигателей на эффекте Холла где-то на Западном побережье, и последовавшее за ней осознание, что в любовь нужно не бросаться с головой, а строить ее из важнейших отдельных элементов при деятельной помощи партнера; стажировка в Кроссбэнке, где она разрабатывала предварительные системы классификации местных растений на основе данных тамошнего департамента наблюдения (четырехдольный внутренний стебель, бледный корешок, вырванный во время шторма); первое

знакомство с Рэем, когда она ошибочно приняла свое к нему уважение за возможную любовь, и их первая физическая близость, их постепенно распадающийся брак (его неутихающая ревность и подозрительность, неодобрение ее визитов к друзьям, даже если те больны, его холодность во время ее беременности) и все то, что помогло ей пережить это трудное время (работа, долгие прогулки подальше от дома, торжественность зимних закатов); воды отошли, начинаются схватки, роды, она в палате, вымотанная и под действием лекарств, а Рэй в коридоре снаружи громко ругается с санитаркой; Тесса, чудо и очарование, проблеск божественного (сказал бы отец) в перемене ролей, дочь становится матерью, становится свидетелем того, что сама когда-то испытала; ее нарастающее разочарование, когда в Слепом Озере начали получать изображения нового, обитаемого мира, а она продолжала каталогизировать водоросли и мелководные цветы; развод, тяжелый спор из-за опеки, нарастающий физический страх перед Рэем, который она относила на счет паранойи (и напрасно, змея была настоящая); перевод в Слепое Озеро, радость от работы и одиночество, карантин, Крис…

Как все это описать словами? Рассказ представ-

лял собой фрактал, каждая история содержала в себе другие истории, потянешь за одну ниточку, вытянешь десять, то, что внизу, аналогично тому, что вверху, прямо по Трисмегисту… А главное, Субъект все равно ничего не поймет.

— Нет, — сказала Зеркальная Девочка.

— Что — нет?

— Он понимает. По крайней мере частично.

— Но я ничего не сказала.

— Нет, вы сказали. А мы для него перевели.

Интересно, откуда это королевское «мы»… Зеркальная Девочка и ее звездные сестры?

Однако Субъект оставался неподвижен.

— Нет, — сказала Зеркальная Девочка голосом Тесс. — Он говорит.

В самом деле? Его дыхательная щель изгибалась, реснички колыхались, словно пшеница на ветру. В воздухе вдруг запахло горячим дегтем, лакрицей, скисшим мо- локом.

— Может, и говорит. Но я его не понимаю.

— Закройте глаза и слушайте.

— Я ничего не слышу!

– *Слушайте.*

Зеркальная Девочка взяла ее за руку, и внутрь хлынуло знание: целое цунами информации, слишком много, чтобы понять и разобраться.

(«Это рассказ, — прошептала Зеркальная Девочка. — Просто рассказ».)

Рассказ, но как его потом пересказать, если она не понимает?.. В ее сознании сейчас бушевал шторм. Идеи, впечатления, слова, неуловимые, точно сны; если сразу не запечатлеть их в памяти, они исчезнут. В отчаянии она подумала о Тесс: если это рассказ, какими словами я ей его перескажу?

Мысль помогла. Она представила себе, как рассказывает Тесс на ночь историю про Субъекта. «Субъект родился…» Нет, это не самое подходящее слово, лучше сказать «ожил». «Субъект ожил…» Нет.

Попробуем сначала.

«Субъект…»

«Инопланетянин, которого мы зовем Субъектом…»

Инопланетянин, которого мы зовем Субъектом, был жив (представляла себе Маргерит свой рассказ) задолго до того, как он стал таким, каким стал, задолго до того, как обрел способность думать и помнить. В стенах огромных каменных пирамид Города, в скрытых внутри них лабиринтах живут небольшие создания — «ты должна их помнить, Тесс». Маленькие животные, размером

меньше котенка, их там великое множество, их гнезда словно крошечные города внутри огромного Города. Эти животные рождаются голыми и беззащитными, подобно млекопитающим или сумчатым; по ночам они выбираются из своих жилищ, чтобы питаться кровью Субъекта и его сородичей, а перед восходом возвращаются к себе в стены. Там они живут, умирают и размножаются среди себе подобных. Обычно. Однако каждые тринадцать лет, по счету UMa47/E, в телах народа Субъекта зарождается что-то вроде генетического вируса, некоторые из животных, питаясь кровью, заражаются этим вирусом, и зараженные животные начинают резко меняться. Так и начинается жизнь представителей народа, к которому принадлежит Субъект: с вирусной инфекции. (Это не буквально инфекция, а скорее симбиоз — «ты ведь знаешь это слово, Тесс?» — начавшийся миллионы лет назад, или же дошедший до крайности половой диморфизм; народ Субъекта много спорит по этому поводу, но к однозначному выводу они не пришли.) Так началась и жизнь Субъекта. Одно из многих тысяч годовалых созданий вдруг выросло и стало слишком неловким, чтобы спрятаться в стену; его поймали и обучали, пока оно не обрело разум, в лицее глубоко под Городом,

в месте, о котором у Субъекта остались самые приятные воспоминания: тепло и влажность от просачивающейся сверху воды, сладкое изобилие обеденных колодцев; тело меняется, становится новым, большим и сильным; знание, прорастающее в мозгу само по себе, и знание, которое туда вкладывают учителя, словно каждое утро в сознании открывается новая комната. Потом он постепенно врастал в повседневную жизнь Города, заменяя жителей, которые умирали или теряли работоспособность. Начал понимать, что Город — это гигантский механизм и что как он сам работает на благо Города, так и Город неустанно работает на его благо.

Он начал понимать и то, какое место Город занимает в истории его вида и в истории мира. Помимо его Города, имелось много других Городов, но двух одинаковых среди них не было. Некоторые Города занимались добычей ископаемых, некоторые — производством; были и такие, куда удалялись пожилые и немощные, чтобы провести остаток дней в блаженной праздности. Некоторые Города располагались на континентах далеко за мелкими морями; башни там напоминали огромные каменные параллелепипеды, их строили из кирпича или вырубали прямо в

скалах. Субъект часто мечтал о том, чтобы увидеть их своими глазами. К концу второго цикла размножения он успел несколько раз выбраться из родного Города Небес и совершить путешествия к его торговым партнерам на севере, Городу Выбора из красного гранита и дымчато-черному Городу Совершенства, и знал, что дальше этих городов ему уже не побывать, если только не случится чего-то чрезвычайного. Он понял, что любит путешествовать. Ему нравилось то, что он чувствовал, просыпаясь холодным утром посреди равнины. И нравились тени от скал на закате.

Циклы размножения мало что для него значили. Ему удастся сделать вклад в генетическое разнообразие Города, когда его вирусные гаметы рекомбинируют с чьими-то еще в теле ночного создания и сделаются морфологически активны, лишь однажды или дважды. И тем не менее в некотором абстрактном смысле Субъекту было приятно сознавать, что он бросает саму свою сущность в вероятностный океан, откуда она, может статься, выплывет, неведомо для него самого, новым жителем города со своими уникальными мыслями и запахами. Это наводило на другие мысли — о долгой истории Города, о которой он узнал в лицее. Город был очень древним, а

история его народа — очень долгой и состояла из подъемов и спадов.

За тысячелетия природа пробудила в жителях UMa47/E медлительную любознательность и способность делать разное при помощи пальцев. Они познали камни и почву, ветер и дождь, бесконечно большие и бесконечно малые числа, планеты и звезды. Где-то на ближайшем спутнике UMa47/E находились руины Города, который его предки возвели — на пике одного из особенно творческих подъемов, — а потом забросили, сочтя неэкономичным и противоестественным. Они проникли вглубь атомов. Они построили телескопы на самом пределе ограничений, накладываемых атмосферой, металлами и оптикой. Они слушали звезды в поисках сигналов — но ничего не услы- шали.

И уже давным-давно (Маргерит представила себе, как широко откроются от удивления глаза Тесс) они построили прецизионные и почти бесконечно сложные квантовые вычислители, чтобы исследовать ближайшие обитаемые миры («совсем как мы в Кроссбэнке, — обрадовалась бы Тесс, — совсем как мы в Слепом Озере!»). И узнали то, что мы узнаем сейчас: разумные технологии способны порождать совершенно новые формы

жизни. Они обнаружили миры более древние, чем их собственный, и миры более юные. Миры, где произошло то же, что и у них. Урок был очевиден.

Сны машин, которые они построили, проникли глубоко в ткань реальности, и там, во сне, они нашли таких же, как они сами.

Этот жизненный цикл, полагал Субъект, был значительно медленнее, чем тот, через который проходили его сородичи, но по существу столь же неизбежный: драма творения, трансформации и усложнения, растянувшаяся на миллионы лет.

Субъект часто об этом думал: дни славы Городов-Звездочетов, их квантовые телескопы, а потом структуры, которые родились и выросли, словно прочерченные по поверхности планеты пунктирные линии, структуры, совершенно не похожие на то, что строили или помышляли строить его сородичи, структуры, похожие на гигантские ребристые кристаллы или огромные белковые молекулы, структуры, куда можно войти, но откуда нелегко выйти, структуры, служившие для связи с живой материей Вселенной, структуры, которые и сами в каком-то смысле были жи- выми.

(Как вот эта структура, осознала Маргерит.)

Однако Субъект и не подозревал, что увидит одну из них своими глазами. Уже не первое столетие никто не пытался возводить рядом с ними Города. Субъект и его сородичи научились их избегать, игнорировать их, поскольку они были вратами в нечто за пределами пони- мания.

И все-таки Субъект нередко задумывался о структурах. Мысль о том, что он и его сородичи лишь промежуточное звено между лишенными разума ночными животными и теми, кто способен путешествовать между звездами, беспокоила, но и интриговала.

Если не считать подобных мыслей, жизнь его представляла собой здоровую одинаковость, циклическую рутину, безукоризненную, совершенную и дающую должное удовлетворение. Субъект заменил умирающего сборщика на крупной мануфактуре и достойно служил своему Городу. Его часы были по-хорошему похожи один на другой. В конце каждого дня он создавал идеограмму, чтобы запечатлеть все, что он чувствовал, думал, видел и обонял за рабочий цикл. Идеограммы были почти одинаковыми, как и его дни, однако, как и его дни, ни одна не повторяла другую. Когда он целиком покрыл стены своего бункера идеограммами, он запомнил

их последовательность, а потом смыл все со стен, чтобы начать заново. За свою жизнь он запомнил двадцать таких последователь- ностей.

Если ты сочтешь такую жизнь скучной (Маргерит представила, как она говорит это Тесс), то ты ошибешься. Субъект, как и все его сородичи, нередко надолго застывал в неподвижности, но это не значило, что он ничего не делает. Неподвижность была полна аппетитнейших стимулов: запахи восхода и заката, текстура камня, мельчайшие отличия между временами года, то, как память постепенно наполняет тишину, пока тишина наконец не переполнится. Иногда он чувствовал странную меланхолию, которую некоторые полагали атавистическим пережитком его прежней жизни как безмозглого животного, а мы бы назвали *одиночеством*; он ощущал меланхолию, глядя с башни, в которой жил, поверх множества других башен на зеленые и влажные возделанные поля, на сухие равнины, где ветер вздымает пыльные вихри в белое небо. Чувство было похоже на «я хочу! хочу!», на желание без объекта. Оно быстро проходило, оставляя за собой печаль, странную и возбуждающую.

Затем настал день, когда нахлынуло новое чувство.

Цивилизации, которые порождают звездообразные структуры, никогда не одинаковы. («Да, это и к нам относится; не знаю, Тесс, насколько мы теперь изменимся, но совершенно точно, что уже никогда не станем такими же, как прежде».) Когда мы впервые посмотрели на UMa47/E, звездообразные структуры про нас узнали. Они почувствовали Слепое Озеро, наши БЭК-кольца, почувствовали новое, еще детское сознание («может, они назвали ее Зеркальной Девочкой?»); они поняли, что мы наблюдаем за Субъектом, а вскоре это понял и сам Субъект. («Вам уже объясняли в школе принцип неопределенности, Тесс? Иногда вещи меняются просто оттого, что на них смотришь. Нельзя посмотреть на то, на что никто не смотрел, увидеть никем не виденное. Понимаешь?»)

Поначалу Субъект продолжал жить обычной жизнью, хотя и знал, что за ним наблюдают. Мы были отделены от него пространством и временем; для Города Небес мы не значили ничего. В его ежедневных идеограммах мы были лишь легкой рябью, словно отдаленный незнакомый запах.

А потом мы встали между ним и тем, что он любил больше всего.

Из-за странного происхождения своего вида

сородичи Субъекта никогда не вступали в брак, не чувствовали потребности в соседстве, не влюблялись друг в друга. Основную эпигенетическую лояльность они испытывали к городу, в котором родились. Субъект любил Город абстрактно — как продукт многовековых совместных усилий его сородичей; но он также любил его таким, какой он есть: его пыльные улочки и коридоры с высокими потолками, его залитые солнцем башни и полутемные обеденные колодцы, сливающийся в единый гул звук шагов днем и успокаивающую ночную тишину. Иногда Город казался ему даже более реальным, чем те, кто его населяет. Город кормил и защищал. Он любил свой Город и чувствовал ответную любовь.

(«Но мы отделили его от остальных, Тесс. Мы сделали его другим, и его сородичи без труда ощутили эту разницу. Поскольку мы за ним наблюдали и поскольку он это знал, его отношения с Городом Небес вдруг изменились; он почувствовал отчуждение, свою отдельность, одиночество, которого раньше никогда не испытывал. Да, именно так: одиночество оттого, что с ним были мы! Он будто бы взглянул на Город другими глазами, и сам Город и его сородичи тоже увидели его по-другому».)

Он сделался несчастным. И стал все чаще задумываться о звездообразных структурах.

Для него они были чуть ли не легендой, сочиненной кем-то историей. Теперь он понял, что они действительно существуют, что звезды непрерывно беседуют между собой и что случай сделал его сейчас полномочным представителем своего вида. Он начал задумываться о том, чтобы отправиться к ближайшей структуре, которая, впрочем, находилась на значительном расстоянии в западной пустыне.

Обычно в его возрасте подобное паломничество не совершали. Было принято считать, что вошедший в звездообразную структуру паломник вливается в неизмеримо больший интеллект — молодежь подобная участь не привлекала, хотя иные старики и решались отправиться в путь. Субъект начал чувствовать, что его судьба теперь неразрывно связана со структурами, и принялся планировать путешествие — сначала в общих чертах, потом, когда его инаковость привела к остракизму, когда его стали игнорировать в обеденных собраниях и перестали замечать на работе, и более серьезно. А что оставалось делать? Город его разлюбил.

Но он все равно продолжал любить Город, и

ему было очень больно с ним прощаться. Он провел целую ночь в одиночестве на высоком балконе, наслаждаясь уникальной для своего Города комбинацией света с тьмой и легкими тенями, которые отбрасывала на улицы быстрая луна. Ему казалось, что он любит здесь сразу все, каждый каменный блок и каждый булыжник, цистерну и колодец, покрытую сажей дымовую трубу и пахнущее свежестью зеленое поле. Единственным утешением ему было, что Город справится. Когда он уйдет, его кем-то заменят, и Город в своей безмерной доброте забудет о том, что он вообще когда-то существовал.

Отыскать звездообразную структуру оказалось не слишком сложно. Эволюция наделила Субъекта и его сородичей способностью ощущать мельчайшие изменения магнитного поля планеты; север, юг, восток и запад были для него столь же очевидными направлениями, как для нас верх и низ. В названии, которое дали структуре, содержались четыре похожих на долгие вздохи гласные, которые определяли ее координаты не хуже GPS. Однако сам путь будет долгим и тяжелым. Субъект старался есть как можно больше, запасая влагу и питательные вещества в тканях тела, проходил каждый день разумное

расстояние, видел много такого, что пробуждало в нем любопытство и восхищение, включая окруженные дюнами руины древнего Города, не сохранившего даже имени, Города, покинутого, когда до его рождения оставалась еще не одна эпоха. Он часто отдыхал. И тем не менее к концу путешествия сильно ослаб, чувствовал обезвоживание, утратил ясность мысли и очень горевал по Городу.

(«Кажется, Тесс, он сильно жалел меня за то, что я никогда не любила Город, так же как и мне хотелось пожалеть, что он никогда не любил себе подобных».)

Звездообразная структура, когда Субъект наконец ее достиг, несколько его разочаровала: странный на вид, весь покрытый пылью конгломерат ребер и арок, в центре которого некогда стоял квантовый процессор, машина, созданная его предками в зените своей премудрости. Неужели это и было его судьбой?

Он понял больше, когда ступил внутрь.

(«Я не все смогу объяснить, Тесс. Я не знаю, каким образом звездообразные структуры делают то, что делают. Не уверена, что в точности имела в виду Зеркальная Девочка, когда говорила про своих сестер на других звездах, одной из которых

и была эта структура. Боюсь, с такими вещами человеческий разум не очень справляется».)

Субъект осознал, что ожидающее его в глубине структуры является своего рода апофеозом, что оно означает его физическую смерть, но вовсе не конец его существо- вания.

Но перед этим ему захотелось удовлетворить свое любопытство относительно нас, любопытство, наверное, столь же сильное, как и наше относительно его.

Тогда-то Зеркальная Девочка и взяла меня к нему. Поздороваться. Рассказать историю. Попрощаться.

(«Почти такую же историю, как и вот эта. Надеюсь, Тесс, я тебя не слишком запутала. Мне и самой хотелось бы, чтобы у нее оказался счастливый конец. И прости, если в ней было много непонятных слов».)

На западные равнины почти опустилась ночь. Небо за арками было оттенка синего шелка с черными переливами; тьма, словно живая, заполняла каньоны, росла с восточной стороны скальных террас. Как ни странно, Маргерит клонило в сон, как будто шок выжал из нее всю энергию.

Субъект закончил свой рассказ; теперь он хотел

закончить и свое путешествие. Хотел отправиться в сердце звездообразной структуры и обрести то, что его там ожидает. Но Маргерит вдруг не захотелось его отпус- кать.

— Можно его потрогать? — спросила она Зеркальную Девочку.

Пауза.

— Он говорит, что можно.

Она вытянула руку и шагнула вперед. Субъект не шелохнулся. На фоне его грубой кожи ее рука выглядела очень бледной. Маргерит коснулась пальцами его тела над дыхательной щелью. Кожа на ощупь напоминала податливую, нагретую солнцем древесную кору. Субъект горой возвышался над ней и ужасно пах. Сделав над собой усилие, она заглянула в его ничего не выражающие белые глаза. Которые все видели. Ничего не видели.

— Спасибо, — прошептала Маргерит. И добавила: — Прости.

Субъект развернулся, медленно, важно, его большие ступни прошуршали по песку, словно по палой листве.

Когда он исчез среди теней внутри структуры, Маргерит, чувствуя, что ее время тоже на исходе, опустилась на колени рядом с Зеркальной

Девочкой.

Как странно, думала она, видеть это существо, эту *сущность*, в форме Тесс. Как это вводит в заблуждение.

— Сколько еще разумных видов вам известно — тебе и твоим сестрам?

Зеркальная Девочка склонила голову набок — еще один жест, позаимствованный у Тесс.

— Тысячи и тысячи видов-прародителей. За миллионы и миллионы лет.

— Вы их всех помните?

— Да.

Тысячи разумных видов на планетах, обращающихся вокруг тысяч звезд. Разнообразие жизни, подумала Маргерит, почти бесконечно. Все они похожи друг на друга. Все разные.

— Между ними есть что-то общее?

— В физическом смысле? Нет.

— То есть это что-то такое, что нельзя измерить?

— Разум нельзя измерить.

— А помимо разума?

Похоже, Зеркальная Девочка задумалась. Быть может, консультировалась с «сестрами».

— Да, — ответила она наконец. Глаза ее сверкали, совсем не как у Тесс. Лицо было торжествен-

ным. — Невежество. Любопытство. Боль. Любовь.

Маргерит кивнула.

— Спасибо.

— А теперь, — сказала Зеркальная Девочка, — думаю, вам пора на помощь дочери.

Тридцать четыре

Двери лифта открылись, впереди возникла темная, мигающая огоньками галерея БЭК-колец, и Рэй с изумлением обнаружил, что там его ждет Тесс.

Девочка смотрела на отца широко открытыми, вопрошающими глазами. Он опустил нож, но поборол искушение спрятать его за спину.

— Ты весь вспотел, — сказала она.

Воздух на этаже был темным, свет — тусклым. БЭК-кольца находились за поворотом коридора, однако Рэю казалось, что он физически ощущает их присутствие — как давление на барабанные перепонки, как головную боль. Зачем он пришел сюда? Чтобы уничтожить то, что подточило его власть, разрушило его брак, завладело разумом его дочери. Он исходил из того, что БЭК-устройства все еще уязвимы — у него, помимо голых рук, был лишь нож, однако он может отключить рубильник, перерезать провода или шланги. БЭК-

кольца существуют лишь с согласия человека, и он намерен это согласие ото- звать.

Или БЭК-кольца успели изобрести способ защиты?

— Зачем ты хочешь это сделать? — спросила Тесс, словно он озвучил свое намерение.

Рэй с сомнением уставился на дочь.

— Тебе не следует здесь находиться.

Тесс взяла его за руку. Ее пальчики оказались теплее воздуха.

— Пойдем, я тебе покажу, — сказала она. — Пошли.

Он прошел вслед за ней через несколько покинутых постов охраны к галерее, к платформе со стеклянной стеной, под которой находились сами БЭК-кольца. И там Рэй понял, что его план по отключению машин невыполним и что нужно искать другой вариант.

Внутри БЭК-колец, в почти бесконечном фазовом пространстве обитали квазибиологические нейронные сети, связанные с окружающим миром (поначалу) телеметрией, идущей от интерферометров «Галилея», выполняющие над ней преобразования Фурье, чтобы отделить от шума все более угасающий сигнал, а затем (загадочным образом) научившиеся извлекать этот сигнал

из ниоткуда посредством того, что теоретики называли «иными способами». Они обратились к Вселенной, подумал Рэй, и Вселенная отозвалась. Массив БЭК-колец знал такие вещи, о которых люди могли лишь догадываться. А теперь его взаимодействие с физическим миром перешло на новый уровень.

Помещение БЭК-колец в трех этажах представляло собой «чистую комнату», соответствующую стандартам НАСА. Там ничего не должно было жить (если не считать самих БЭК-колец). Но сейчас, как привиделось Рэю в полутьме, помещение чем-то заросло — если и не живым, то во всяком случае самовоспроизводящимся. Прозрачная поросль частично заполнила собой зал с БЭК-кольцами и ползла вверх по стенам, словно изморозь на стеклах. Сам пол зала в десяти метрах под ними был залит густой хрустального вида жидкостью, которая тускло отблескивала и колыхалась, словно морская пена на пляже.

— Это чтобы БЭК-кольца могли работать без электричества, — объяснила Тесс. — Корни уходят далеко вниз. К источнику тепла.

Как глубоко нужно уйти вниз, чтобы достать до «источника тепла» посреди снежной прерии? Полкилометра, километр? До самой расплав-

ленной магмы? Неудивительно, что здание затрясло.

А Тесс откуда все это знает?

Очевидно, она как-то научилась чувствовать БЭК-кольца. Заразное безумие, подумал Рэй. Тесс всегда была не слишком эмоционально устойчива. Возможно, БЭК-кольца обернули это в свою пользу.

Он бессилен: и до пластин ему не добраться, и дочь искалечена самым безнадежным образом. Осознание ударило Рэя в лоб все равно что физически. Он привалился к стене и сполз по ней на пол, едва не выпустив нож из ослабевшей правой руки.

Тесс опустилась на колени рядом и заглянула ему в глаза.

— Ты устал, — сказала она.

Это верно. Он устал, как никогда в жизни.

— Знаешь, — сказала Тесс, — она ведь была не виновата. И ты тоже.

Кто и в чем не был виноват? Рэй в недоумении посмотрел на дочь.

— Что ты успел выйти из машины, — объяснила Тесс. — Что остался в живых. Ты ведь был просто ребенок.

Она говорила о том, как погибла его мать. Хотя

Рэй никогда Тесс про это не рассказывал. И Маргерит не рассказывал, и вообще никому за всю свою взрослую жизнь. Мать Рэя (ее звали Бетани, но Рэй всю жизнь называл ее только «мамой») привезла его в школу на большом семейном «Форде», таких машин уже давно не делают, она работала на комбинации биодизеля и аккумуляторных батарей, что после саудовского конфликта стало обычным делом — патриотический автомобиль, которым он очень гордился. Машина была ярко-красной, Рэй это хорошо запомнил. Ярко-красная, словно дорогая игрушка, гладкая, будто тефлоновая, и сверкала эмалью. Рэю было десять лет, и он обращал особое внимание на цвета и текстуры. Мать довезла его до школы, мальчик бодро выскочил из машины и был уже почти у ворот (мгновенное фото: академия «Бэйден», частная средняя школа в зеленом районе Чикаго, фешенебельно-старинное здание из желтого кирпича, мирно дремлющее в свете теплого сентябрьского утра), когда обернулся, чтобы помахать ей рукой (ладонь в воздухе, гул детских голосов и высоковольтный стрекот цикад), как раз вовремя, чтобы увидеть, как фургон «Мобильной службы здравоохранения «Модесто и Фукс» — угнанный, как выяснилось впоследствии, наркоманом, рас-

считывавшим пополнить запасы из аптечного отсека, — вылетает с Дюшейн-стрит по встречной полосе прямо в бок красному «Форду».

Патриотический автомобиль выдержал удар, но, к несчастью, мать Рэя заметила приближающийся фургон и приняла ошибочное решение выскочить из машины. «Модесто и Фукс» ударил в полуоткрытую дверь и швырнул Бетани Скаттер на асфальт, распоров ее живот, словно открытую посередине красно-синюю книгу.

Рэй, видевший все с олимпийской перспективы накатывающего шока, успел сделать определенные наблюдения относительно человеческой природы, оставшиеся с ним на долгие годы. Люди, как и их обещания, хрупки и ненадежны. Люди представляют собой надутые жидкостью и газом мешки в маскарадных костюмах (Мать, Отец, Учитель, Психотерапевт, Жена), но готовы в любой момент вернуться в естественное состояние. А естественное состояние для биологической материи — быть раскатанной по асфальту.

Рэй пропустил год занятий в академии «Бэйден», получая все это время благодаря отцу всевозможные фармацевтические и метафизические средства от депрессии, предлагаемые лучшими клиниками. Так что он быстро восста-

новился. Он и раньше был предрасположен к математике, а теперь с головой ушел в науки, не имеющие дело с органикой, — особенно в астрономию, а потом и в астрофизику, поскольку пространственно-временные масштабы давали ему наиболее благоприятную перспективу. Рэй был втайне рад, когда ни на Марсе, ни на Европе не обнаружилось жизни: было бы куда неприятнее, если бы эти миры оказались пронизанными биологией, прогнившими насквозь, словно ящик заплесневелых апельсинов, забытых в подвале на Рождество.

Каскады серебристо-серых льдинок побежали вверх по стеклу галереи, выстраиваясь в формы, напоминающие колонны и арки, сделалось темнее. Не стоило Тесс об этом рассказывать, подумал Рэй. Только разве он ей рассказывал?.. Что-то он совсем запутался.

— Ты ошибся, — сказала Тесс. — Она умерла не для того, чтобы ты ее ненавидел.

Напуганный и разгневанный тем, во что превратилась его дочь, Рэй снова сжал в руке нож.

Тридцать пять

Крис бежал вниз по пожарной лестнице к галерее БЭК-колец, охваченный боязнью опоздать,

которую сам себе не мог объяснить. Стук его каблуков отдавался в бетонном колодце лестницы, словно перестрелка.

Она должна быть здесь. Знание было неотвязным, как мигрень. Исчезающие в снегу следы Тесс были в лучшем случае неоднозначным намеком. Но он знал, что Тесс в галерее БЭК-колец с той же самой уверенностью, с какой знал, куда подевалась Порри в День головастиков. Это было больше, чем интуиция: информацию будто впрыснули ему непосредственно в вену.

Может, так оно и было. Раз уж Тесс смогла исчезнуть с занесенной следом парковки, нельзя исключать никаких чудес. Здесь, по-видимому, происходило то же самое, что и в Кроссбэнке, нечто огромное, явно катастрофическое, возможно, заразное и в любом случае чрезвычайно необычное.

А Тесс находилась сейчас в самом центре событий, да и он совсем неподалеку. Крис оказался у двери с надписью: «ПРОХОД К ГАЛЕРЕЕ, ПРИГОТОВИТЬ ПРОПУСК». Когда он коснулся двери, она щелкнула и открылась — спасибо Чарли и его передатчику.

Глазная Впадина стонала, продолжая проседать после утренних толчков, подвергших ее

неизвестной пока нагрузке. Крис знал, что здание может обвалиться, однако тревога за Тесс была сильней страха за собственную жизнь.

Хотя делать здесь ему было решительно нечего. Смерть Порри научила его, что благие намерения могут быть смертельнее, чем дикая злоба, что любовь неуклюжа и ненадежна. Во всяком случае, к такому выводу он пришел. И все же прибежал сюда, нырнув в дерьмо по самые уши в отчаянной попытке защитить дочь женщины, которая была ему дорога. (И которая тоже исчезла; однако его тревога за Тесс каким-то образом не распространялась на Маргерит. Он не сомневался, что Маргерит в безопасности, хотя знание это было столь же беспочвенным, как и тре- вога.)

Здание снова застонало. Сирены поперхнулись и стихли, и в обрушившейся тишине он услышал в галерее голоса: детский, вероятно, Тесс, и мужской, вероятно, Рэя.

Вселенная — это рассказ, объяснила Зеркальная Де- вочка.

Тесс пряталась за массивной тележкой на колесах, на которую был водружен пустой белый баллон из-под гелия размером в две Тесс. Зеркальной Девочки рядом не было, но Тесс слышала ее голос. Зеркальная Девочка отвечала на вопросы,

которые Тесс еще толком и не начала зада- вать.

Вселенная — это такой же рассказ, как и любой другой рассказ, сказала Зеркальная Девочка. Героиню этого рассказа зовут «сложность». Сложность родилась на самой первой странице, флуктуация в первичной симметрии. Подробности внутриутробного развития (синтез кварков, их конденсация в материю, рождение фотонов, появление водорода и гелия) не так важны, как общая схема: какая-то вещь превращается в две, две — во множество, а множество объединяется в принципиально непредсказуемые комби- нации.

Как с ребенком, подумала Тесс; ей это в школе объяснили. Оплодотворенная клетка делится на две, потом — на четыре, на восемь… из клеток образуются сердце, легкие, мозг, человек. Это и есть «сложность»?

Да, ее существенная часть, сказала Зеркальная Девочка. Часть длинной, очень длинной цепочки рождений. В охлаждающейся и расширяющейся Вселенной образовались звезды; ядра древних звезд обогатили облака галактик кальцием, азотом, кислородом, металлами; новые звезды сконденсировали эти элементы в виде каменных планет; на планетах, подвергшихся бомбардировке льдом из аккреционных дисков звезд,

появились океаны; возникла жизнь, и начался еще один рассказ: одиночные клетки объединялись в странные коллективы, появились многоклеточные создания, а следом — мыслящие существа, достаточно сложные, чтобы история Вселенной поместилась внутри их кальцинированных черепов…

«Рассказ на этом заканчивается?» — подумала Тесс.

Ничего подобного, возразила Зеркальная Девочка. До конца еще далеко. Мыслящие создания стали строить машины, сказала Зеркальная Девочка, все сложнее и сложнее, и в конце концов они построили машины, которые тоже мыслят и даже более того: способны встроить свою сложность в структуру потенциальных квантовых состояний. Культуры мыслящих организмов создают подобные узлы чрезвычайно уплотненной сложности с той же неизбежностью, с какой сверхтяжелые звезды схлопываются в сингулярность.

Тесс спросила: это как раз то, что сейчас происходит в полутемных коридорах Ока?

«Да».

— А что будет потом?

«Человеку не понять».

— И какой у рассказа конец?

«Никто не знает».

— Это что, папин голос?

Голос доносился из галереи БЭК-колец.

«Да».

— Что он там делает?

«Хочет умереть», — сказала Зеркальная Девочка.

Галерея БЭК-колец была круглой, словно хирургический театр. На противоположной стороне Крис видел мутные силуэты Рэя и Тесс, искаженные стеклянными панелями. Стекло должно было быть прозрачным, однако его закрывало нечто, похожее на морозные узоры в виде колонн. Внизу, где находились пластины, явно происходило что-то катастрофически странное.

Крис пригнулся и начал медленно продвигаться вдоль периметра галереи, прислушиваясь к монотонному голосу Рэя.

— Я ее не ненавижу. Какой смысл? Она преподала мне урок, который мало кто усваивает. Мы живем во сне. Нам снятся поверхности. Но она не более чем рассказ.

Голос Тесс был неестественно спокоен:

— А чем еще ей быть?

Стараясь не выдать себя движением, Крис по-

добрался ближе.

Рэй сидел на полу, раскинув ноги. Тесс сидела у него на колене. Она заметила Криса и улыбнулась ему. Ее глаза сияли.

В правой руке Рэй держал нож. У самого горла Тесс.

Разумеется, это была *не Тесс*.

Рэй чувствовал себя так, словно сорвался с обрыва и летит, ударяясь о камни, одна неисцелимая травма за другой, однако это был последний удар, с лета в землю, ярчайшее осознание: то, что он принял за Тесс, — не его дочь, а симптом ее болезни. Быть может, симптом поразившей их всех болезни.

— Ты пришел меня убить, — сказала Зеркальная Де- вочка.

Рэй держал нож у ее горла. У Зеркальной Девочки было тело Тесс, голос Тесс, но ее выдавали глаза. Глаза и то подробнейшее знание всего о себе самом, которое он в них читал.

— Ты думаешь, что все, кроме боли, ложь, — прошептала она. — Но ты ошибаешься.

Это было уже слишком. Он прижал нож к впадинке в ее горле — невозможная казнь первобытной стихии, что приняла форму его единственного ребенка — и с усилием провел

лезвием по бледной коже.

Ожидая, что хлынет кровь.

Крови не было. Лезвие не встретило сопротивления.

Девочка просто исчезла, как лопнувший мыльный пузырь.

Глубоко под землей снова что-то дрогнуло, и полупрозрачные стеклянные стены галереи посыпались дождем осколков.

Это не Тесс, подумал Крис. И тут же услышал позади себя торопливый перестук шагов, тонкий испуганный голосок… Нет, *вот* Тесс, и она бежит к отцу.

Он успел обернуться как раз вовремя, чтобы схватить ее за плечи и поднять в воздух.

Она стала пинаться и извиваться.

— Пусти!

Стеклянные стены осыпались, открыв вид из галереи на зал БЭК-колец. Струйки вещества, напоминающего перламутр, потекли по полу, образуя симметричные кружевные структуры. Резко запахло озоном.

Рэй с трудом встал, моргая, словно человек, пробудившийся от кошмара — или провалившийся в кошмар. И сделал шаг в сторону зала БЭК-колец, разверзшегося перед ними ямой. Свет люминес-

центных ламп над головой стал тускнеть.

— Рэй, — сказал Крис. — Послушай-ка, приятель. Мы в опасности. Надо выбираться. Вывести Тесс наверх.

Девочка у него в руках перестала биться, ожидая, что ответит отец. Крис по-прежнему держал ее за плечи.

Рэй Скаттер уставился в бездну у своих ног. Зал БЭК-колец был сейчас окутанным хрустальной порослью колодцем в три этажа глубиной, бочкой, полной битого стекла.

— Само собой, мы в опасности. В этом-то *все и дело*.

— Может, ты и прав. Я не собираюсь спорить. Нужно вывести Тесс наружу. Нужно спасать твою дочь, Рэй.

Похоже, Рэй призадумался над этим предложением, а потом окинул их обоих долгим утомленным взглядом. Крис еще никогда в жизни не видел на человеческом лице подобной усталости.

Потом лицевые мускулы Рэя расслабились, словно ему удалось наконец разрешить беспокоившую его сложную загадку. Он улыбнулся и сказал:

— Вот ты и спасешь.

И шагнул через край.

Тесс вырвалась у Криса из рук и бросилась туда, где только что стоял ее отец.

Тридцать шесть

Субъект исчез, исчезли величественные арки из переливающегося камня, исчезло сухое плоскогорье UMa47/E. Маргерит моргала, пытаясь сориентироваться во внезапно наступившей темноте. Постепенно проступали очертания конференц-зала без окон на втором этаже клиники Слепого Озера. Колени подломились, и она ухватилась за стул. Прямоугольный экран на стене мигал бессмысленным шумом. Потеря осознаваемости, подумала Маргерит.

Как долго она отсутствовала? Если вообще отсутствовала… Скорее всего, она не покидала этой комнаты, хотя каждая клеточка тела вопила, что она побывала на UMa47/E, что она коснулась пальцами грубой кожи Субъекта.

Пустая комната, клиника, метельное утро в Слепом Озере, Рэй сошел с ума… Как ей снова вставить себя в этот рассказ? Тесс сейчас внизу, в приемном покое, с Крисом, Элейн и Себастьяном. Маргерит сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и шагнула в коридор.

Который оказался полон людей в белых защитных костюмах, людей с оружием в руках. Маргерит остолбенело смотрела на них, пока двое не подошли и не взяли ее за руки.

— Моя дочь внизу, — наконец сумела выговорить она.

— Мэм, мы эвакуируем это здание, как и все остальные здания комплекса. — Голос был женский, твердый, но невраждебный. — Следуйте за нами.

Маргерит пришлось подчиниться. Ее отвели в вестибюль и разрешили взять висящее на спинке кресла пальто, затем вывели на обжигающе-морозный утренний воздух. Снаружи уже кучкой собрался персонал клиники. Ни Тесс, ни Криса не было.

Она заметила Элейн Костер и Себастьяна Фогеля, которых вместе с еще десятком человек загоняли в бронетранспортер. Маргерит закричала им, пытаясь привлечь внимание, выкрикнула имя Тесс, однако солдат в каске уже затолкнул Элейн внутрь, а Себастьян только успел махнуть рукой куда-то на запад — в сторону Ока.

Маргерит повернулась — и у нее перехватило ды- хание.

Бетонные градирни исчезли. Нет, не исчезли

— скрылись под оболочкой из узловатых серебристых ребер, хрустальных минаретов и арочных контрфорсов. Структура продолжала расти прямо у нее на глазах, выпуская лучи подобно гигантской морской звезде.

Тесс, подумала она, доченька. Только не трогайте мою девочку.

Тридцать семь

Тесс стояла на краю обрыва. Прежде внизу были БЭК-кольца, теперь же — просто яма, где бушевала поросль стеклянистых кораллов. На какую-то долю секунды внимание Криса задержалось на крайней неуместности этого зрелища: неподвижная Тесс в испачканном комбинезончике и ярко-желтой блузке, а вокруг нее — меняющая очертания галерея; Тесс смотрит в расщелину, где только что исчез ее отец.

И, очевидно, думает, не последовать ли за ним.

Крис сделал несколько шагов вперед, но она повернула голову и кинула на него предупреждающий взгляд, в значении которого сомневаться не приходилось.

— Тесс…

— Он прыгнул, — сказала она.

В зале теперь было шумно от стеклянного звя-

канья и скрежета. Крису пришлось напрячься, чтобы ее услышать. Да, Рэй прыгнул. Что, надо это подтверждать?

Еще десять шагов. Десять шагов, и он окажется достаточно близко, чтобы подхватить девочку и унести отсюда. Но десять шагов — это очень много.

Носки ее ботинок нависли над бездной.

— Он умер? — спросила Тесс.

Что-то подсказало ему, что простое утешение ей не требуется. Тесс хотела знать правду.

Вот правда:

— Я не знаю, Тесс. Я его не вижу.

— Подойди, — сказала она. Еще один шаг. — Нет, не ко мне! *К краю!*

Крис двигался медленно, бочком, стараясь незаметно сократить расстояние между ними. Оказавшись у самого края, посмотрел вниз.

Бледные кристаллы продолжали ползти вверх по стенам, однако сами БЭК-кольца уже скрылись в жемчужной дымке. Никаких следов Рэя.

— Она защищается, — сказала Тесс.

— Она?

— Зеркальная Девочка. Или как ты хочешь ее называть? Она больше не может рассчитывать, что в машинах ей безопасно. И строит себе за-

щиту.

Речь о БЭК-кольцах? Которые решили самостоятельно регулировать свое состояние, не полагаясь более на людей?

— Я его не вижу, — печально пожаловалась Тесс. — А ты?

— Нет.

— Он умер?

Тесс не плакала, но ее голос был пронизан горем. Одно неверное слово может подлить масла в костер ее отчаяния, и она бросится вниз. Явная ложь приведет к тому же результату.

— Не знаю, — ответил Крис. — Я тоже его не вижу.

Это было правдой по крайней мере отчасти, но также и попыткой уйти от ответа, и Тесс посмотрела на него с осуждением.

— Я думаю, что умер.

— Ну, — произнес Крис через силу, — мне тоже так кажется.

Тесс торжественно кивнула, покачнувшись.

Крис сделал еще один маленький шажок. Сколько всего таких последовательных приближений потребуется, прежде чем он сможет ее схватить и оттащить от края? Шесть? Семь?

— Ему не понравился рассказ, в котором он

жил. — Тесс заметила, что Крис сделал движение, и бросила на него еще один предупреждающий взгляд. — Я не Порри. Меня не надо спасать.

— Тогда сама отойди от края, — сказал Крис.

— Я еще не решила. Может быть, если умереть здесь, на самом деле не умрешь. Тут теперь особое место. Это больше не Око.

Нет, подумал Крис, не Око.

— Зеркальная Девочка меня поймает, — сказала Тесс. — И заберет к себе.

— Даже если так, обратно будет уже не вернуться.

— Да… не вернуться.

— Порри не прыгнула бы, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все.

— Порри *умерла*, — сказала Тесс.

— Она не… — Крис собрался все отрицать, однако успел прикусить язык. Тесс внимательно наблюдала за его лицом. — Откуда ты знаешь?

— Я слышала, как ты рассказывал маме. — Последнюю историю про Порри. — Как она умерла?

Правда. В чем бы она ни заключалась. Где же ее отыскать, эту «правду»? Почему она так притягательна и так неуловима?

— Я не люблю про это рассказывать.

Тесс демонстративно переступила с ноги на ногу.

— Это был несчастный случай?

— Нет.

Она снова заглянула в яму.

— По твоей вине?

Еще один крошечный шажок в ее сторону.

— Она… Я все сделал не лучшим образом. Я мог бы ее спасти.

— Но это ты *виноват*?

Картины из самых мрачных закоулков памяти. Бойфренд Порри, убийца. Бойфренд Порри рыдает. «Богом клянусь, я ее больше пальцем не трону. Просто я выпивши тогда был, братан». Бойфренд Порри в последний день ее жизни, воняет перегаром и потом, обещает испра- виться.

И я этому сукину сыну поверил. Значит, виноват?

Как теперь снова разобрать воздвигнутый монумент боли, в котором каждая нанесенная им самому себе рана оплакивает Порри?

Тесс хочет знать правду.

— Нет, — сказал он. — Я не виноват в смерти Порри.

— Но у этого рассказа конец плохой?

Шаг. Еще шаг.

— Бывают и такие рассказы.

Ее глаза заблестели.

— Я бы хотела, чтобы она не умерла, Крис.

— Я тоже.

— А у рассказа про меня хороший конец?

— Не знаю. И никто не знает. Но я постараюсь, чтобы он был хороший.

Из глаз Тесс покатились слезы.

— А пообещать, что будет, ты не можешь?

— Обещаю, что постараюсь.

— Правда?

— Правда, — сказал Крис. — Теперь дай мне руку.

Он подхватил ее на руки и ринулся прочь из галереи, к пожарной лестнице, стараясь опередить бешеные удары собственного сердца, и бежал до тех пор, пока не ощутил дыхание зимы и не увидел хоть немного солнца.

Часть четвертая
Осознаваемость

Тридцать восемь

Не удивляйся, дорогой! Если тебе и кажется, что я говорю о предметах слишком возвышенных и заоблачных, то дело лишь в том, что я составляю приблизительный подсчет пути, пройденного в последнее путешествие[4].

Лукиан из Самосаты. Икароменипп. Ок. 150 от Р. Х.

Границу Огайо пересекли уже к самому концу длинного августовского дня.

На последнем участке пути машину вел Крис, Маргерит слушала музыку, а Тесс прикорнула на заднем сиденье. В конечном итоге они направлялись в Нью-Йорк, где у Криса были запланированы переговоры с издателем, но Маргерит высказалась за то, чтобы на выходные остановиться в доме ее отца — пара деньков мягкой декомпрессии, прежде чем снова нырнуть в мир.

То, как мало переменилась эта часть страны со времен прошлогодних событий, думал Крис,

---

[4] Примечания: 4
Перевод С. Лукьянова.

внушает оптимизм. На границе с Индианой обнаружился брошенный блокпост Национальной гвардии, немое свидетельство как кризиса, так и того, что он закончился; в основном же им попадались коровы и комбайны, стоянки грузовиков и границы округов. Многие дороги так и не автоматизировали, и какое же это было удовольствие — часами вести машину, поворачивая руль своими собственными руками, никаких тебе сообщений об опасном сближении, перехватов управления и следования протоколам, позволяющим избежать пробок. Просто человек и его машина, как и задумано господом.

У границы нужного округа он слегка подтолкнул Маргерит. Она сняла наушники и стала следить за дорогой. Слишком давно здесь не была, пожаловалась она Крису; выросшие вдоль старого шоссе, словно грибы, захудалые магазинчики, наркобары и дворцы свиданий ее обеспокоили. Однако центр городка оказался в точности таким, как она и описывала: столетнее здание полицейского участка, усаженные каштанами парки, о современности напоминают лишь трехлопастные ветряки на вершине отдаленного холма. Несколько церквей, включая пресвитерианскую, которой некогда руководил ее отец.

Теперь он вышел на пенсию и из домика священника переселился в более современный, на Баттернат-стрит к югу от центра. Крис доехал туда, следуя указаниям Маргерит, и припарковался у края тротуара.

— Тесс, просыпайся, — сказала ей мать. — Мы приехали.

Тесс выбралась из машины и сонно улыбнулась счастливому дедушке, встречавшему их на ступенях крыльца.

Маргерит опасалась за то, как пройдет знакомство Криса с отцом. Опасения оказались беспочвенными. Она с легким удивлением наблюдала, как отец сердечно жмет Крису руку и предлагает ему зайти.

За три года, прошедшие с ее последнего приезда, Чак Хаузер почти не изменился. Он был из тех мужчин, которые достигают вершины стабильной формы к среднему возрасту, а оттуда соскальзывают к семидесяти годам, уже толком не меняясь — все те же бородка с проседью, короткий ежик прически, почти незаметное брюшко. Носит все те же однотонные хлопчатобумажные рубашки, неважно, вышли они из моды или опять вернулись. Все те же голубые глаза, несмотря на недавнюю операцию на радужке.

На ужин он приготовил мясной рулет с горохом, кукурузой и картофельным пюре и подал его на большом обеденном столе, за которым (сообщил он Тесс) Маргерит готовила уроки, когда была маленькой. Еще в домике священника на Глендэвид-авеню. Каждый вечер после ужина она решала задачки по математике при свете большой лампы «под Тиффани», свет от которой, как ей сейчас вспомнилось, был маслянисто-желтым и чуть ли не теплым на вкус.

Разговор, который отец завел за ужином, никак не касался Кроссбэнка, Слепого Озера, Рэя Скаттера и прошлогодних событий. Он просил Криса называть его Чаком и пускался в долгие воспоминания вместе с Маргерит; когда Тесс все это явно наскучило, он разрешил ей взять десерт в гостиную, где она включила старую видеопанель и принялась искать мультики.

Чак вернулся к столу с кофейником и тремя чашками.

— Пока ты не позвонила мне в феврале из Прово, я даже не знал, живы ли вы.

Население Слепого Озера после окончания блокады держали в Прово, штат Юта — еще шесть месяцев медицинского и психологического карантина на бывшей авиабазе Континентальной

обороны. Шесть месяцев ожидания, пока тебя признают вменяемым, чистым и не опасным для прочего населения.

— Наверное, это было ужасно — ничего не знать, — сказала Маргерит.

— Вряд ли мне было ужаснее, чем вам. И я всегда был уверен, что с вами все хорошо.

Небо за окном потемнело. Крис допил кофе и вызвался составить компанию Тесс. Чак включил торшер, и свет лампы упал на дубовый книжный шкаф рядом со столом. В детстве Маргерит, росшую книжным ребенком, эти полки одновременно привлекали и отталкивали: там было множество интригующих томов в кожаных или желтоватых картонных переплетах, но на поверку они каждый раз оказывались совершенно неинтересными — религиозными или «воспитательными» трудами (хотя «просто сказки» Киплинга она проглотила взахлеб). Маргерит обратила внимание на несколько книг, которых раньше не было — труды по астрономии и космологии, большей частью опубликованные за последние два года. Среди них обнаружился даже «кирпич» Себастьяна Фогеля.

Чак подвинул стул поближе к Маргерит.

— Как Тесс пережила смерть отца?

— Сравнительно неплохо с учетом того, что ей двенадцать. Впрочем, она настаивает, что он не умер.

— Он исчез внутри морской звезды.

Услышав общепринятое название для структур, порожденных БЭК-кольцами, Маргерит поморщилась. Поскольку оно, как и «лангусты», совершенно не подходило к описываемому. Откуда вообще эта традиция сравнивать все незнакомое с тем, что море может вынести на пляж?

— И не он один?

— Ты про так называемых паломников в Кроссбэнке? Никто из них так и не вернулся.

— Да, — согласилась Маргерит. — Не вернулся.

— Тесс про это знает?

— Да.

И, скорее всего, не только про это.

— Было время, — сказал Чак Хаузер, — когда я просто ненавидел его за то, как он с тобой поступал. Когда ты с ним развелась, я обрадовался даже больше, чем дал тебе понять. И все же, думаю, Тесс он любил по-настоящему, настолько, насколько был вообще способен любить.

— Да, — сказала Маргерит. — Полагаю, ты прав.

Чак кивнул. Затем прокашлялся — булькающим кашлем, напомнившим ей, насколько отец стар.

— Похоже, ночь будет безоблачной.

— Безоблачной и прохладной. Даже не верится, что сейчас август.

Он улыбнулся.

— Пойдем во двор, Маргерит. Я хочу тебе кое-что показать.

Тесс уже успела найти на видеопанели кое-что интересное: один из тех черно-белых фильмов двадцатого века, которые она так обожала. Комедию. Шутки, на взгляд Криса, были или какие-то странные или вообще непонятные, но Тесс добросовестно смеялась, пусть даже всего лишь над выражением лиц актеров.

Крис принялся листать подшивку журналов, которую отец Маргерит держал на полке рядом с диваном. В них в сжатом виде содержалась история прошедшего года. Серия убийств в Бербанке, армейское отступление в Лесото, девальвация континентального доллара, панарабский альянс, и, разумеется, поверх всего этого — кричащие заголовки о событиях в Кроссбэнке и Слепом Озере.

Все, что он пропустил, когда началась блокада,

история, какой она виделась снаружи.

«ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИНЯЛО НЕОБЪЯСНИМОЕ РЕШЕНИЕ ЗАКРЫТЬ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ»

Подробностей очень мало, зато много голословных рассуждений насчет БЭК-колец. Имелась даже врезка, объясняющая, чем именно процессоры Кроссбэнка отличаются от традиционных квантовых компьютеров: «Кубиты, экситоны и саморазмножающийся код».

Следующий выпуск, неделей позже.

«МОРСКАЯ ЗВЕЗДА НАПОМИНАЕТ ПОСЛЕДНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ТЕЛЕСКОПОМ В КРОСС- БЭНКЕ»

Кроссбэнк обнаружил явно искусственную структуру на поверхности водного мира HR8832/B. Процессоры Кроссбэнка немедленно построили вокруг себя аналогичную структуру, словно комплект шипастой брони.

Заражение — или рождение? Инфекция — или воспроизводство?

Как в Кроссбэнке, так и в Слепом Озере немедленно объявили карантин.

«ЗАГАДОЧНЫЕ СОБЫТИЯ В КРОССБЭНКЕ: ИСТОЧНИКИ
УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ВНУТРИ СТРУКТУРЫ НАЧАЛИ

ПРОПАДАТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛИ»

Автоматические зонды сообщили, что лабиринтоподобные внутренние помещения «морской звезды» Кроссбэнка представляют собой очень странное место. Добровольцы вынуждены отступить, а роботы исчезают внутри, телеметрия быстро становилась неразборчивой.

«ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ФОТО АНОМАЛИИ В КРОССБЭНКЕ»

Уже хорошо знакомые изображения. С воздуха: шесть лучей; с земли: переливающиеся арки и похожая на губку система пещер. В тексте имеется указание, что материал, из которого построена аномалия, «инвариантен масштабу: любой осколок под микроскопом выглядит так же, как весь объект целиком».

Крис перелистнул еще несколько страниц.

«В СОТНЯХ КИЛОМЕТРОВ ОТ КРОССБЭНКА ПОЯВИЛАСЬ ВТОРАЯ МОРСКАЯ ЗВЕЗДА. ВСПЫШКА ПАНИКИ»

Вторая структура выросла за одну ночь на соевом поле к югу от Мейкона, штат Джорджия. Если не считать нескольких акров пара, она ничего не повредила и никого не убила, хотя в ней бесследно исчез работник фермы, забредший туда из любопытства, прежде чем местные власти успе-

ли установить кордоны. Тем не менее окрестные жители покинули свои дома, полностью нарушив транспортное сообщение на Юго-Востоке.

(С того момента в безлюдных местностях по всему земному шару возникло еще пять «морских звезд», следуя, насколько можно судить, силовым линиям магнитного поля. Опасности для тех, кому хватало осторожности не заходить внутрь, ни одна из них не представ- ляла.)

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРИЗЫВАЮТ К СПОКОЙСТВИЮ, ССЫЛАЯСЬ НА ОТСУТСТВИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ВРАЖДЕБНОСТИ»

На эти недели пришелся пик паники. Апокалиптические пророчества, моментально возникающие и исчезающие культы, «ястребы» и паломники, блокпосты на дорогах.

«НАД ЗАПРЕТНОЙ ЗОНОЙ СЛЕПОГО ОЗЕРА СБИТ ЧАСТНЫЙ САМОЛЕТ»

Первое упоминание об Адаме Сэндовале — шестьдесят пять лет, владелец хозяйственного магазина в Лавленде, штат Колорадо, признавшем впоследствии, что планировал направить самолет непосредственно в комплекс БЭК-колец Слепого Озера (также известный как Око), чтобы предотвратить появление еще одной структуры,

подобной той, что забрала у него жену. (Жена Сэндовала была среди паломников, которые исчезли после успешного группового прорыва к артефакту в Кроссбэнке и с тех пор считались погибшими.)

Сэндовал вышел из комы и восстановился после ожогов, хотя его новая кожа отпугивала неестественно розовым цветом. В неудачной попытке самоубийства он теперь раскаивался, однако прощать исчезновение жены вовсе не собирался. Когда его однажды попытались познакомить с Себастьяном Фогелем в очереди за едой в Прово, Сэндовал отказался пожать ему руку. «Моя жена читала вашу книгу, — сказал он, — незадолго до того, как сбежать в поисках трансцендентности, что бы это идиотское слово ни означало. Вы вообще хоть на минутку задумались о людях, которым впаривали свое дерьмо?»

Неделю назад Себастьян и Сью покинули Прово, чтобы поселиться в Кармеле, где знакомый предложил Сью место в агентстве по недвижимости. Себастьян отказался давать интервью и объявил, что продолжения книги «Господь & квантовый вакуум» не будет.

«СОБЫТИЯ В СЛЕПОМ ОЗЕРЕ ПОТРЕБОВАЛИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВОЕННЫХ И СПАСАТЕЛЬНОЙ

ОПЕРАЦИИ; НАСЕЛЕНИЕ ЭВАКУИРОВАНО В НЕНАЗВАННОЕ ПОКА МЕСТО ДЛЯ КАРАНТИНА И ОПРОСА»

«Спасательная операция» представляла собой массовый насильственный вывоз, начавшийся в тот же самый момент, когда Око в Слепом Озере стало превращаться в уже знакомую многолучевую структуру. «Карантин» — последовавшие за этим еще шесть месяцев изоляции в соответствии с поспешно принятым Протоколом об общественной безопасности. «Опрос» означал длительные беседы с хорошо одетыми и благонамеренными правительственными чиновниками, которые записывали за тобой каждое слово и часто повторяли свои вопросы.

В последнем, самом свежем выпуске журнала из подшивки Чака Хаузера не было кричащих заголовков, зато ближе к концу имелась статья приглашенного обозревателя.

«ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО И ЧТО НЕИЗВЕСТНО: ЗАМЕТКИ ПЕРЕЖИВШЕЙ БЛОКАДУ

…По мере того, как страхи начинают утихать, можно приступить к подведению итогов того, что мы узнали и что нам еще только предстоит понять.

Случилось нечто чрезвычайно важное, однако

до сих пор невозможно осознать и объяснить простыми словами, что же именно. Утверждается, что мы, посредством созданных нами сложнейших компьютеров, фактически породили новую форму жизни — или же помогли возникнуть новому поколению древнейшей формы жизни, которая, быть может, старше, чем наша Земля. Ныне несуществующие комплексы в Кроссбэнке и Слепом Озере успели предоставить нам доказательства, что то же самое произошло ранее на двух других пригодных для жизни планетах в относительной близости от нас и, вполне вероятно, происходило по всей Галактике.

Однако «морские звезды» — спрашивается, неужели мы не могли дать более элегантное имя этим по-своему прекрасным структурам? — не проявляют особого интереса к контакту. В случае UMa47/E у нас есть пример разумной расы, сосуществовавшей с морскими звездами, вероятно, в течение столетий без какого-либо осмысленного с ними взаимодействия.

Это дает основания утверждать, что морские звезды представляют собой не только совершенно новую форму жизни, но также и совершенно новую форму разума, не имеющего с нашим почти ничего общего. Иными словами, заглянув

в глубины небес, мы наконец достигли предела осознаваемого.

Однако у нас имеется и противоположный пример HR8832/B, с лица которой те, кто создал там квантовые зародыши для морских звезд, бесследно исчезли. Возможно, естественным путем в результате природной катастрофы. Или нет. Возможно, мы стоим сейчас перед выбором. Возможно, раса, которая попытается по-настоящему осознать природу морских звезд, сумеет достичь желаемого, лишь видоизменившись. Возможно, чтобы понять природу загадки, нам предстоит самим в нее превратиться. Ведь еще Гейзенберг обнаружил, что между наблюдателем и наблюдаемым существует неразрывная связь…»

Вдумчивая, тщательно аргументированная, прекрасно написанная статья. Автором ее значилась Элейн Костер, «признанный авторитет научной журналистики, лишь недавно покинувшая карантинный лагерь в Юте».

Крис покосился на Тесс, которая сейчас зевала, раскинувшись на подушках дивана в доме своего деда.

Тесс на допросах ни разу не упомянула Зеркальную Девочку. Как и Маргерит. Как и сам Крис.

При этом они не условились между собой о

заговоре молчания. Каждый принял решение самостоятельно, исходя, по крайней мере в случае Криса, из нежелания рассказывать о том, что все равно будет понято неправильно.

История, которую невозможно рассказать. Может ли журналист в такое поверить? Впрочем, опасался он вовсе не того, что над ним посмеются. Некоторые моменты этой истории он и сам себе толком не мог объяснить. Кричащих заголовков из них уж точно не сделаешь.

Тесс, не отрывая глаз от видеопанели, пробормотала:

— Я чего-то устала.

— Тебе скоро пора ложиться, — ответил Крис.

Он отвел девочку в небольшую спальню, которую дед для нее приготовил. Тесс сказала, что немного почитает, пока Маргерит не придет пожелать ей спокойной ночи. Читай на здоровье, ответил ей Крис.

Тесс растянулась поперек одеяла.

— Я в этой спальне уже в прошлый раз останавливалась, — сказала она. — Когда мы приезжали три года назад. Вместе с папой.

Крис кивнул.

Окно было чуть приоткрыто, впуская в комнату ароматы позднего лета. Тесс не стала его

закрывать, но опустила пожелтевшие жалюзи до самого низа, чтобы спрятать за ними стекло.

— Ты ее с тех пор не видела? — спросил Крис.

Ее. Зеркальную Девочку.

— Нет, — ответила Тесс.

— А она еще здесь?

Тесс пожала плечами.

— Ты часто про нее вспоминаешь? Ты когда-нибудь задумывалась, кто она была такая на самом деле?

— Я знаю, кто она была такая. Она… — Тесс запнулась, будто слова ей не давались, и нахмурилась.

В Слепом Озере Тесс говорила, что Зеркальная Девочка находится в БЭК-кольцах. Как если бы кольца, когда в них начало зарождаться сознание, стали искать окошко, чтобы заглянуть в человеческий мир.

И они оба раза выбрали Тесс — и в Слепом Озере, и ранее, в Кроссбэнке. Почему Тесс? Быть может, думал Крис, ответа на этот вопрос попросту не существует, так же как ученые не способны ответить, почему они выбрали из бесчисленного множества похожих друг на друга аборигенов именно Субъекта. На ее месте мог оказаться любой. Но кто-то должен был оказаться.

Тесс наконец смогла найти нужные слова.

— Она была Око, — задумчиво произнесла Тесс. — А я была телескоп.

Маргерит вышла вслед за отцом в прохладу летней ночи, на задний двор дома на Баттернат-стрит. Горели только тусклые садовые фонарики, расставленные среди бегоний, и она остановилась, чтобы дать глазам привыкнуть к полумраку.

— Полагаю, ты знаешь, что это такое, — сказал Чак Хаузер и отступил в сторону.

У Маргерит перехватило дыхание.

— Телескоп! Господи, какой красивый! Где ты его раздобыл?

Любительские оптические телескопы давным-давно прекратили выпускать. В наше время, чтобы взглянуть на ночное небо, следовало просто подключить линзу с фотоумножителем к домашнему серверу; еще проще было пойти на публичный астрономический сайт. За старые добсоновские телескопы вроде этого антиквары просили немалые деньги.

Действительно старинный, поняла Маргерит, приглядевшись: в отличном состоянии, но наверняка двадцатый век. Никакого оборудования для цифрового отслеживания объектов, только

ручная монтировка с тщательно смазанными червячными передачами.

— Все механизмы восстановлены, — сказал отец. — Линзы тоже новые, сделаны на заказ по оригинальным чертежам. Остальное — истинный антиквариат.

— Он ведь стоит целое состояние!

— Не такое уж и состояние, — грустновато улыбнулся отец. — Не целое.

— С каких это пор ты увлекся астрономией?

— Ну что ты как глупенькая, Марджи. Я же не себе его купил. Это подарок. Тебе нравится?

Еще как, подумала Маргерит. Она изо всех сил обняла отца. Откуда у него такие деньги? Наверное, перезаложил дом.

— Когда ты была маленькой, — сказал Чак Хаузер, — я всего этого не понимал.

— Чего — этого?

— Того самого. Звезд и планет. Всего того, чем ты была очарована. Как я теперь понимаю, мне тогда стоило сделать усилие и тоже присмотреться. Этим подарком я хочу сказать, как восхищаюсь тем, чего ты добилась. По-моему, я даже начинаю понимать, чего именно. Полагаешь, получится нам его упаковать так, чтобы он влез в твою миниатюрную машинку?

— Что-нибудь придумаем.

— Кстати, мне бросилось в глаза, что ты отнесла свой чемодан в одну комнату с Крисом.

Маргерит покраснела.

— Правда? Я как-то автоматически… просто привычка…

Оправдалась, называется.

Он улыбнулся.

— Да будет тебе! Я все-таки не какой-нибудь твердолобый баптист. Судя по тому, что ты рассказала и что я сам увидел, Крис — добрый малый. И ясно, что вы друг друга любите. О свадьбе вы еще не говорили?

Маргерит покраснела еще больше, надеясь, что в сумраке это незаметно.

— В ближайшие дни не планируем. Но если что — не удивляйся.

— К Тесс он хорошо относится?

— Замечательно!

— А ей он нравится?

— Даже лучше — с ним она чувствует себя в безопасности.

— Тогда я рад за вас. Теперь скажи: как по-твоему, этот подарок дает мне право приложить к нему небольшой совет?

— В любой момент!

— Не стану расспрашивать, что вам троим довелось пережить в Слепом Озере, но я точно знаю, что Тесс было тяжелее всего. Раньше она не отличалась разговорчивостью. Похоже, ничего не изменилось?

— Нет.

— Видишь ли, Маргерит, ты сама была точно такой же. Если это не касалось твоих интересов, тебя было ничем не прошибить. Разговаривать с тобой каждый раз было сущим мучением.

— Прости, папа.

— Тебе не за что извиняться. Я все это к тому, что очень легко начать принимать это как должное. Люди становятся друг для друга почти невидимками. Я тебя люблю и знаю, что мама тебя тоже любила, но я не уверен, что мы всегда тебя *видели*, если ты понимаешь, о чем я сейчас.

— Я понимаю.

— Постарайся, чтобы с Тесс так не случилось.

Маргерит кивнула.

— Ну а теперь, — сказал отец, — пока мы еще не упаковали эту штуку, покажешь мне, как она работает?

Маргерит нашла для него 47-ю Большой Медведицы. Ничем не примечательная звездочка, светлая точка среди множества таких же точек,

мельче, чем любой из светлячков, подмигивающих в кустах.

— Вот эта?

— Да.

— Ты теперь, наверное, так хорошо ее знаешь, что тебе кажется, будто ты там побывала собственной персоной.

— Именно так мне и кажется, — подтвердила Маргерит. — Я люблю тебя, папа.

— Спасибо, Маргерит. Не пора укладывать дочку?

— Крис уложит. Я бы лучше посидела здесь с тобой еще немного и поболтала.

— Для августа сейчас довольно прохладно.

— Ну и пусть.

Когда она наконец вернулась в дом, Крис сидел на кухне — что-то негромко бормотал в карманный сервер, делая заметки для будущей книги. Он работал над ней уже не первый месяц, иногда окунаясь в книгу с головой.

— Тесс уже легла?

— Она в спальне, читает.

Маргерит поднялась наверх, чтобы проверить.

Самое тревожное во всем, что случилось в Слепом Озере, думала Маргерит, то, что эти события подразумевают связь непонятной природы че-

рез огромные расстояния, связь, посредством которой она смогла прикоснуться (взаимно) к Субъекту, который каким-то образом все это время знал, что за ним наблюдают.

Наблюдение изменяет наблюдаемое. Была ли Тесс подобным объектом наблюдения? А сама Маргерит? В таком случае не приведет ли их это, в конце некоего невообразимого паломничества, в одну из загадочных структур, связанных со звездами, чтобы вместо смерти нырнуть там в бесконечность?

Еще рано, подумала Маргерит. Быть может, и никогда не приведет. Но сейчас однозначно еще рано.

Тесс, полностью одетая, спала поверх одеяла. Маргерит тихонько ее разбудила и помогла переодеться.

К тому моменту, как Тесс должным образом оказалась под одеялом, она уже совсем проснулась.

— Ты что-нибудь хочешь? Принести воды? — спросила Маргерит.

— Расскажи мне историю, — не задумываясь, откликнулась девочка.

— Боюсь, я знаю не слишком много историй.

— Про *него*, — сказала Тесс.

Про кого? Криса, Рэя, дедушку?

— Про Субъекта, — пояснила Тесс. — Про все, что с ним случилось.

Маргерит оторопела. Тесс проявила интерес к Субъекту впервые за все время.

— Ты правда хочешь про него послушать?

Тесс кивнула. Потом откинулась на подушку и стала слегка постукивать об нее головой, примерно один удар в секунду, совсем тихонько. Летний ветерок возил жалюзи по деревянному подоконнику.

Ну ладно… Маргерит попыталась вспомнить те заметки, которые она писала, думая о Тесс. И никому не показывала. Нерассказанные истории.

Сейчас заметки были не нужны.

— Во-первых, — начала Маргерит, — ты должна понять, что он был личностью. Не совсем такой же, как ты или я, но и не сильно другой. Он жил в городе, который очень любил, на сухой равнине под пыльным небом, на планете чуть поменьше нашей…

Давным-давно. Далеко-далеко.